ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS

Slavica

XXXIII.

EDITIONEM CURANTE
ZHIVKA KOLEVA-ZLATEVA

ADIUVANTE
LÁSZLÓ KÁLMÁN NAGY

REDIGUNT
KLÁRA AGYAGÁSI
ZOLTÁN HAJNÁDY
ISTVÁN D. MOLNÁR

KOSSUTH EGYETEMI KIADÓ
DEBRECENI EGYETEM

DEBRECEN
2004

SLAVICA XXXIII

A kötetet lektorálták:

DSc Agyagási Klára
DSc Bereczki Gábor
DSc Fedoszov Viktor
DSc Gadányi Károly
DSc Hajnády Zoltán
DSc Hunyadi László
DSc Pete István
Dr. habil. Bibok Károly
Dr. habil. Lepahin Valerij
Dr. habil. Zoltán András
PhD Komarov Valerij

ISSN 0583-5356

Debreceni Egyetem
Felelős kiadó: NAGY János rektor
Szedés: DE BTK Szlavisztikai Intézet
Nyomás: DE Reprográfiai Osztály

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS

Slavica

XXXIII

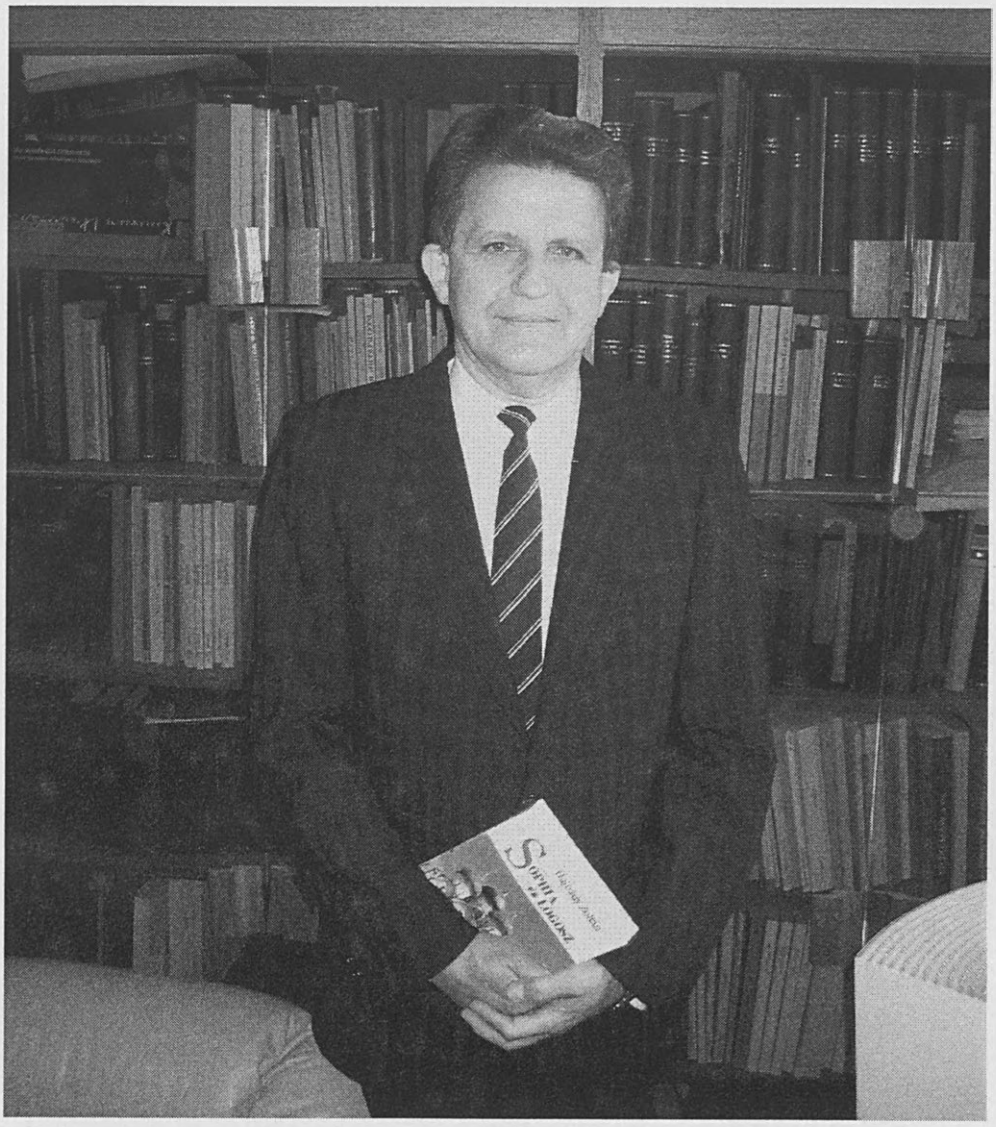
EDITIONEM CURANTE
ZHIVKA KOLEVA-ZLATEVA

ADIUVANTE
LÁSZLÓ KÁLMÁN NAGY

REDIGUNT
KLÁRA AGYAGÁSI
ZOLTÁN HAJNÁDY
ISTVÁN D. MOLNÁR

DEBRECEN
2004

Suomen eläimet

Сотрудники нашего тома

К. Адягаши
доктор наук
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
agyagasi@delfin.unideb.hu

Л. Балло
PhD-студент
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
lballo@delfin.unideb.hu

Т. Бароти
кандидат наук
Сегедский университет
Венгрия, 6722 Сегед
tiborbaroti@rambler.ru

И. Божук
PhD-студент
Институт им. Бержени
Венгрия, 9700 Сомбатхей
bozsuk@fsd.bdtf.hu

М. Доша
PhD
Университет им. Л. Этвеша
Венгрия, 1088 Будапешт
dosama@freemail.hu

Т. Ивашкевич
PhD-студент
Киевский национальный университет
им.Т. Шевченко
Украина, 01033 Киев
tanja@delfin.unideb.hu

К. К. Ковач
PhD-студент
Мишкольцский университет
Венгрия, 3515 Мишкольц
kisskovkri@freemail.hu

Ж. Колева-Златева
хабил. PhD
Велико-Тырновский университет
им. Кирилла и Мефодия
Болгария, 5000 В. Търново
jivka@yahoo.com

К. Кроо
хабил. кандидат наук
Университет им. Л. Этвеша
Венгрия, 1088 Будапешт
krookatalin@freemail.hu

В. И. Литвинова
кандидат наук
Хакасский гос. университет
им. Н. Ф. Катанова
Россия, Абакан

А. Й. Мати
старший преподаватель
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен

М. Мезёши
PhD постдоктор
Университет им. Л. Этвеша
Венгрия, 1088 Будапешт
miklos.mezosi@campester.axelero.net

И. Д. Молнар
доктор наук
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
dmolnari@puma.unideb.hu

И. Регеци
кандидат наук
Мишкольцский университет
Венгрия, 3515 Мишкольц
iregeci@axelero.hu

И. Удвари
доктор наук
Институт им. Д. Бешенеи
Венгрия, 4400 Ниредьхаза
udvarii@zeus.nyf.hu

Е. Урбанец
PhD-студент
Ягелонский университет
Польша, 31-110 Краков
e.urbaniec@interia.pl

В. А. Федосов
доктор наук
Институт им. Д. Бешенеи
Венгрия, 4400 Ниредьхаза

М. Фодор
PhD-студент
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
maja@freemail.hu

М. Фоналка
PhD
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
fonalkam@delfin.unideb.hu

Е. Фориан
PhD-студент
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
eforian@wp.pl

З. Хайнади
доктор наук
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
hajnadyz@delfin.unideb.hu

А. Цёвек
PhD-студент
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебрецен
agi.cz@freemail.hu

М. Церяк
PhD-студент
Сегедский университет
Венгрия, 6722 Сегед
nehamat@freemail.hu

Св. Шешунова
кандидат наук
Международный университет "Дубна"
Россия, Дубна
fotiny@dubna.net.ru

В. Шмидт
старший преподаватель
Университет Регенсбург
Германия, Регенсбург
wolodjaschmidt@gmx.de

Л. Ягустин
кандидат наук
Дебреценский университет
Венгрия, 4010 Дебреце

Our contributors

K. Agyagási
DSc
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
agyagasi@delfin.unideb.hu

L. Balló
PhD student
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
lballo@delfin.unideb.hu

T. Baróti
CSc
University of Szeged
6722 Szeged, Hungary
tiborbaroti@rambler.ru

I. Bozsuk
PhD student
Berzsenyi Teachers Training School
9700 Szombathely
bozsuk@fsd.bdtf.hu

M. Czerják
PhD student
University of Szeged
6722 Szeged, Hungary
nehamat@freemail.hu

Á. Czövek
PhD student
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
agi.cz@freemail.hu

M. Dósa
PhD
Eötvös Loránd University
1088 Budapest, Hungary
dosama@freemail.hu

V. A. Fedosov
DSc
Bessenyei Teachers Training School
4400 Nyiregyháza, Hungary

M. Fodor
PhD student
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
maja@freemail.hu

M. Fonalka
PhD
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
fonalkam@delfin.unideb.hu

É. Fórián
PhD student
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
eforian@wp.pl

Z. Hajnády
DSc
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
hajnadyz@delfin.unideb.hu

T. Ivashkevich
PhD student
National T. Shevchenko University of Kyiv
01033 Kyiv, Ukraine
tanja@delfin.unideb.hu

L. Jagusztin
CSc
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary

Zh. Koleva-Zlateva
PhD
St. Cyril and St. Methodius University
of Veliko Turnovo
Bulgaria, 5000 Veliko Turnovo
jivka@yahoo.com

K. K. Kovács
PhD student
3515 Miskolc, Hungary
iregeci@axelero.hu
kisskovkri@freemail.hu

K. Kroó
CSc
Eötvös Loránd University
1088 Budapest, Hungary
krookatalin@freemail.hu

V. I. Litvinova
CSc
Hakassian University
Russia, Abakan

A. J. Matyi
Lecturer
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary

M. Mezősi
Post-doctoral Research Fellow
Eötvös Loránd University
1088 Budapest, Hungary
miklos.mezosi@campester.axelero.net

I. D. Molnár
DSc
University of Debrecen
4010 Debrecen, Hungary
dmolnari@puma.unideb.hu

I. Regéczi
CSc
University of Miskolc
3515 Miskolc, Hungary
iregeci@axelero.hu

W. Schmidt
Lecturer
University of Regensburg
Regensburg, Germany
wolodjaschmidt@gmx.de

Sv. Sheshunova
CSc
Dubna International University
Dubna, Russia
fotiny@dubna.net.ru

M. Stefanova
CSc
Episkop K. Preslavsky University
Shumen, Bulgaria

I. Udvari
DSc
Bessenyi Gy. Teacher Training School
4400 Nyíregyháza, Hungary
udvarii@zeus.nyf.hu

E. Urbaniec
PhD student
Jagellonian University
31-110 Krakow, Poland
e.urbaniec@interia.pl

Содержание

JAGUSZTIN László: Золтану Хайнади 60 лет 11
Публикации Золтана Хайнади 15

Лингвистика

Живка КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА: О типологических критериях распознавания слов звукосимволического происхождения в этимологических исследованиях 23
AGYAGÁSI Klára: Отражение северно-великорусской диалектной особенности «ёканье» в русских заимствованиях марийского языка 43
FONALKA Mária: Диалоги и прямая речь в летописании юго-западной Руси XIII столетия 55
В. А. ФЕДОСОВ: Проблемы описания русского сленга (в «Русско-венгерском и венгерско-русском словаре сленга» И. Феньвеши. Будапешт, 2001) 71
FÓRIÁN Éva: Об активизации суффикса *-изац/j/-* в русской лексике 89
K. KOVÁCS Krisztina: Некоторые типы пресуппозиций в русских печатных рекламных текстах 105

Культурология

Ewa URBANIEC: The Popularity of Outdoor Advertising in Poland. The Speed of Perception and the Aesthetics of Interference 131
UDVARI István: Кириллические письма мункачского епископа Иоанна Брадача (1732 1767 1772) 143

Литературоведение

MEZŐSI Miklós: 'It Was from Love He Blabbed to Me!'Re-Constructing Puškin's Romantic Tragedy: The Poetics and Poesis of Provocation. The pre-texts within the text of Boris Godunov 153
CZERJÁK Milána: Проблемы неполноты бытия в повести Гоголя 161
BARÓTI Tibor: Об осмыслении предназначения *пророка* в творчестве Тараса Шевченко и Пантелеймона Кулиша 171
KROÓ Katalin: Literary Formulations of the Problem of *Sayability, Intelligibility* and *Undecidability* in 19th c. Russian Novel and Short Story (Dostoevsky, Turgenev and an Ovidian intertext from the *Metamorphoses*) 185
В. И. ЛИТВИНОВА: Торжество земледельца 195
HAJNÁDY Zoltán: *Сад* как архетипический топос у Чехова 217
REGÉCZI Ildikó: Москва как метафорическое пространство и «Три сестры» 231

Светлана ШЕШУНОВА: Функции иконы в романах И. С. Шмелева 239
Waldemar SCHMIDT: Д. Андреев: поэт, филосов, мифотворец 247
CZÖVEK Ágnes: Мотив Иерусалима в трех стихотворениях (Ёжефа Кишша, Осипа Мандельштама и Алиции Иваньской) 259
Тетяна ІВАШКЕВИЧ: Сергій Єфремов як дослідник творчості Тараса Шевченка 285
DÓSA Márta: Le problème de l' identité dans les drames de MROŻEK concernant 291

РЕЦЕНЗИИ

JAGUSZTIN László: Hajnády Zoltán. Sophia és Logosz. Az orosz kultúra paradigmatikus-szintagmatikus rendszere, bináris oppozíciói, leküzdésük alternatívái. [София и Логос. Парадигматическо-синтагматическая система русской культуры (бинарные оппозиции, альтернативы их преодолений)]. Debrecen, 2002. 299
D. MOLNÁR István: Hajnády Zoltán: Sophia és Logosz. Az orosz kultúra paradigmatikus-szintagmatikus rendszere. [Sofia i Logos. Paradygmatyczno-syntagmatyczny system kultury rosyjskiej]. Debrecen, 2002. 307
FODOR Mária: Károly Gadányi, Ljudmila Mojszejenko, Viktor Mojszejenko. Слово и цвет в славянских языках. Melbourne. Academia Press 2000; Свет и цвет в славянских языках. Ed. by Károly Gadányi. Melbourne, 2004. 310
J. MATYI Anna: „Hamlet mi vagyunk". Tanulmányok Hamlet európai recepciójának történetéből. Szerk.: Hetesi István. [«Гамлет – это мы». Очерки по истории европейской рецепции «Гамлета». Ред.: Иштван Хетеши]. Budapest, 2004. 318
BOZSUK Izabella: Матьяш, король Русинув. Матеріал убрав, ушорив, застачив властныма статями, коментаріями и словником Ігор Керча. Спредслово написав и общу редакцію мав Іштван Удварі (Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia 8). Нїредьгаза 2001 321
В. А. ФЕДОСОВ: Székely Gábor. A lexikai fokozás. [Степени сравнения в лексике]. Budapest, 2001 324
Марияна СТЕФАНОВА: Анастасия Петрова, Езиковата метафора и балканската картина на света. Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий". Велико Търново, 2003. 331
BALLÓ Larisza: Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник (Под. ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева), М.: Флинта: Наука, 2003 335

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

ЗОЛТАНУ ХАЙНАДИ 60 ЛЕТ

Золтан Хайнади родился в 1944 году в городе Коложвар в Трансильвании. Диплом филолога и степень университетского доктора получил в Сегедском университете им. Атиллы Йожефа. С 1968 по 1978 год преподавал в Печском пединституте. В 1978 1981 гг. проходил обучение в заочной аспирантуре Московского государственного университета им. Ломоносова. В настоящее время является заведующим кафедрой русского языка и литературы Дебреценского университета и ответственным редактором международного научного журнала *Slavica* (основан в 1960 г.). В 1997 году осуществил *хабилитацию*. С 1999 по 2002 год был профессорским стипендиатом фонда им. Сечени. В 2004 году защитил академическую докторскую диссертацию (DSc). Главные направления его исследовательской работы – русская литература и культура в контексте восточноевропейских и западноевропейских взаимоотношений. Он является автором ряда монографий, посвященных творчеству Льва Толстого, поэтике русского романа и развитию культуры: *Lev Tolsztoj. Tragikum, halál, katarzis* [*Лев Толстой. Трагическое, смерть, катарсис*]. Akadémiai Kiadó, Bp. 1985.; *Lev Tolsztoj világa* [*Мир Льва Толстого*]. Európa Kiadó, Bp. 1987.; *Az orosz regény* (*Русский роман*). Tankönyvkiadó, Bp. 1991. (на русском языке: Дебрецен 1992.); *A kultúra mint emlékezet* (*Культура как память*). Nemzeti Tankönyvkiadó Bp. 1995. (на русском языке: Будапешт, 1998.); *Sophia és Logosz (az orosz kultúra paradigmatikus-szintagmatikus rendszere, bináris oppozíciói, leküzdésük alternatívái).* [*София и Логос. Парадигматическо-синтагматическая система русской культуры, бинарные оппозиции, альтернативы их преодолений*]. Kossuth Egyetemi Kiadó, Debrecen, 2002.

Его литературоведческая карьера началась двумя книгами о Льве Толстом. Первая из них, *Трагическое, смерть, катарсис*. В ней рассматривается дух Толстого в тройной проекции: эстетической, онтологической и этико-психологической. Двумя годами позже появилась книга *Мир Толстого*. На смену подробному анализу выступил показ мира писателя в форме гармонично настроенных друг на друга цитат, в зеркале произведений и критики. Внутренняя и внешняя жизнь Толстого была настолько богатой событиями, что она буквально нуждалась в подобной книге. Жанр ее оправдывает сам себя, потому что жизнь писателя сама по себе является жизнетворчеством.

Круг интересов Хайнади позднее был расширен. В 1991 году появилась монография *Русский роман*. В книге анализируются особенности поэтики жанра русского романа. Анализу подвергнуты произведения, поднявшие русский роман до мирового уровня. В ходе анализа соединяются историко-философские и поэтические точки зрения. Историко-философский аспект

заложен в построении монографии, поскольку в центре внимания поставлена личность, упорядочивающая процесс анализа. Поэтический подход присутствует в отдельных анализах, построенных на нарративных взаимоотношениях героя, рассказчика и автора, а также на ракурсе фабулы и сюжета. Русским вариантом книги располагают многие библиотеки и институты славистики во всем мире. Рецензии на монографию появились в Мельбурне, Мадриде, Париже, Канаде, Кракове и в Москве. Хайнади хорошо знает, что филолог в наши дни не может обрести себя на языковую изолированность. Современная филология является многоязычным, интердисциплинарным пространством, и диалог в нем должен располагать соответственными письменными и устными формами. Поэтому свои монографии и научные статьи автор переводит на иностранные языки, тем самым результаты его работы вливаются в кровообращение международных исследований.

Научной работе профессора Хайнади присущи постоянство и преемственность. Его следующая книга, *Культура как память*, сформировалась на аксиологической точке зрения, с помошью которой показаны и рассмотрены ставшие вечными ценности в произведениях материальной и духовной культуры, создававшиеся на протяжении многих веков, и нашедшие отражение не только в филологии, но и философии. Монография следует традициям выдающихся русских исследовательских направлений, в том числе теоретическим традициям петербургской и московско-тартусской семиотической и культурологической «школ», ставшими такими же значительными факторами русской культуры, как и религиозно-философские исследования.

В его главной работе *София и Логос* осуществлено синтетическое обобщение русской культуры, и заново рассмотрена бинарная модель культуры «Восток–Запад». В книге рассмотрены модификации двух существенных канонообразующих парадигм русской визуальной и вербальной памяти, София и Логос в эпоху средневековья, просвещения и авангарда. Два типа знака, *слово* и *образ*, беспрерывно переходят друг в друга. Слово по своей организации синтагматично в отличие от целостности и одновременности иконического (образного) знака, который парадигматичен. Автор ищет точки соприкосновения, которые делают возможной комплементарность двух различных направлений изучения русской культуры, культурно-философского (герменевтического) и культурологического (семиотического) методов, и дают возможность наведения перемычек между их противоречиями. В отдельных главах прекрасно освещаются обладающие тысячелетней христианской традицией русская культура и ментальность, с которыми у нас венгров было, есть и будет много общего. Изучая отношения России и Европы, мы приходим к пониманию не только восточно-западной проблематики, но и приближаемся к решению судьбоносного вопроса – венгерского поиска пути. Новизной исследования является то, что различные феномены культуры проанализированы не только в последовательности одно за другим и одно рядом

с другим, но и в том своеобразном их отношении, которое связывает особенное с универсальным, национальный канон с мировым наследством. Хотя научное изыскание и остается внутри рамок русской культуры, автор стремится к тому, чтобы его выводы были применимы и по отношению к другим национальным культурам. Цель такого методологического подхода заключается в том, чтобы соединить специфичность русского пути развития с универсальным духовным силовым полем нашего времени.

Профессор Золтан Хайнади относится к тем немногим венгерским русистам, которые в профессиональных кругах распространяют широкие знания как в Венгрии, так и за ее пределами. Это стало возможным, благодаря его семи книгам, две из которых изданы на русском языке, и почти 90 научным статьям, увидевшим свет на русском, немецком, английском и французском языках. Международной известности способствовала и его работа в качестве редактора журнала *Slavica*, которая предполагает тесную связь со многими славистами и русистами мира. Но наибольшим профессиональным признанием является то, что официально признанный ВАК-ом московский еженедельник *Литература* регулярно публикует его исследования (до сих пор появилось 13 научных статей), с которыми можно познакомиться и в интернете (lit@1september.ru).

Золтан Хайнади является исследователем широкого мышления в том смысле, что в результате проведенного им анализа произведений, фактов и тенденций мы получаем четкие и сжатые понятия, теоретического характера выводы. Он дает концепции и знания, побуждающие к дальнейшему их осмыслению. В этом проявилось его стремление и как преподавателя: дать своим студентам и докторантам методический пример мышления и навык обращения со знанием. Расширение проводимых под его руководством теоретических исследований системы восточно-европейских и западно-европейских отношений обещают не только новые результаты, но и возможность формирования дебреценской школы русистики, которая станет местом продуктивного обновления литературоведческого мышления.

Наказанием за успех, как он шутливо говорит, стала филологическая болезнь (глаукома), которая в последнее время усложняет его работу. Но положение обязывает (*nobless oblige*): используя достигнутые результаты и собственный духовный потенциал, вести вперед дебреценскую литературоведческую школу, ведь он уже дебреценец, хоть и родился не в этом городе. Пусть этот том будет не только подведением итогов и юбилейным приветствием, но и обещанием продолжения.

JAGUSZTIN László

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

Публикации Золтана Хайнади

Книги

1. Lev Tolsztoj. Tragikum, halál, katarzis. [Лев Толстой. Трагическое, смерть, катарсис] Akadémiai Kiadó, Budapest, 1985. 211.

   Lieber László: Hajnády Zoltán, Lev Tolsztoj // Alföld, 36. évf. 1985/12, 92 93.
   Jagusztin László: A műelemzés értéke. Hajnády Zoltán, Lev Tolsztoj. Tragikum, halál, katarzis. // Napjaink. XXV. évf. 1986/4, 31 32.
   Cs.Varga István: Tolsztoj – a felelősségmorál géniusza // Tiszatáj, 40. évf. 1986/4, 76 78.
   Gereben Ágnes: Tragikum, halál, katarzis. Hajnády Zoltán Lev Tolsztoj monográfiája // Nagyvilág. XXXI. évf. 1986/10, 1572 1573.
   Bakcsi György: Hajnády Zoltán, Lev Tolsztoj. Tragikum, halál, katarzis. Monográfia. Akadémiai Kiadó. 1985 // Szovjet irodalom, 1987/3, 172 174.

2. Lev Tolsztoj világa. [Мир Толстого] Európa Könyvkiadó. Budapest, 1987, 316.

   Imre László: Tolsztoj világa (Hajnády Zoltán könyve) // Nagyvilág. XXXIII. évf. 1988/4, 616 617.

3. Az orosz regény. [Русский роман] Tankönyvkiadó. Budapest, 1991, 158.

   Boda István: Az orosz regény // Hajdú-Bihari Napló, 1991. IX/6, 8.
   Kovács Albert: A műelemzés útvesztői (Hajnády Zoltán: Az orosz regény) // Nagyvilág. XXXVII. évf. 1992/4, 583 585.

4. Русский роман. Дебрецен, 1992, 257.

   V.M. Markovics: Hajnády Zoltán, Az orosz regény (Русский роман) // Slavica. XXV. 1991, 279 281.
   Lila Zarnowski: Hajnády Zoltán, Русский роман. Review // Australian Slavonic and East European Studies. Melbourne, 1992/1, 139 142.
   Leszek Mikrut: Hajnády Zoltán, Русский роман. Дебрецен, 1992 // Slavia Orientalis. Krakow, 1993/3, 464 465.
   Eduard Vlasov: Hajnády Zoltán, Russki roman. Debrecen. Kossuth University. 1992 // Canadian Slavonic Papers. Vol. XXXV. Nos. 3 4. 1993, 407 408.
   М. Де Лос Льянос: Hajnády Zoltán, Русский роман. Дебрецен, 1992 // Rusística Española. Madrid, 1994/4, 76 80.
   Roger Comtet: Hajnády Zoltán, Русский роман. Debrecen, Department of Slavic Languages and Literatures. Kossuth University, 1992, 257 pages // La revue Russe. La culture populaire slave. Paris, 1995. № 8, 116 119.
   Ю. Гусев: Русская литература в Венгрии // Вопросы литературы. Москва, 1995. Вып. IV, 369 372.

5. A kultúra mint emlékezet. Fejezetek az orosz kultúra történetéből. [Культура как память. Главы из истории русской культуры] Nemzeti Tankönyvkiadó. Budapest, 1995, 138.

Иштван Хетеши: Hajnády Zoltán, Культура как память. (Главы из истории русской культуры). Nemzeti Tankönyvkiadó. Budapest, 1995, 138 // Slavica. XXVIII, 1997, 229 234.

Hetesi István: Hajnády Zoltán, A kultúra mint emlékezet (Fejezetek az orosz kultúra történetéből). Nemzeti Tankönyvkiadó. Budapest, 1995, 138 // Filológiai Közlöny. Budapest, 1997/3-4, 124 128.

6. Культура как память. Главы из истории русской культуры. Nemzeti Tankönyvkiadó. Budapest, 1998, 253.

7. Sophia és Logosz. Az orosz kultúra paradigmatikus-szintagmatikus rendszere, bináris oppozíciói, leküzdésük alternatívái. [София и Логос. Парадигматическо-синтагматическая система русской культуры, бинарные оппозиции, альтернативы их преодолений] Kossuth Könyvkiadó, Debrecen. 2002. 326.

Kasza Éva: Hajnády Zoltán, Sophia és Logosz. Az orosz kultúra paradigmatikus-szintagmatikus rendszere, bináris oppozíciói, leküzdésük alternatívái. Kossuth Könyvkiadó, Debrecen. 2002. 326 // Helikon. Irodalomtudományi Szemle. Budapest, 2003/1 2, 126 127.

Madarász Imre: Az orosz kultúra keresztmetszete // Köznevelés. 60. évfolyam 17. szám. 2004. április 30, 24.

Jagusztin László: A kultúra mint kiegyenlítő erő. Hajnády Zoltán. Sophia és Logosz. Az orosz kultúra paradigmatikus-szintagmatikus rendszere (bináris oppozíciói, leküzdésük alternatívái) // Disputa, Debrecen, 2004, 90 93.

D. Molnár István: Hajnády Zoltán, Sophia és Logosz. Az orosz kultúra paradigmatikus-szintagmatikus rendszere. (Sofia i logos. Paradygmatyczno-syntagmatyczny system kultury rosyjskiej). Debrecen, 2002, 326 // Slavica XXXIII. Debrecen, 2005. 299 307.

Jagusztin László: Hajnády Zoltán, София и Логос. Парадигматическо-синтагматическая система русской культуры, бинарные оппозиции, альтернативы их преодолений. Kossuth Könyvkiadó. Debrecen. 2002, 326 // Slavica. XXXIII. Debrecen, 2005. 307 310.

Учебники

Az orosz irodalom története. A XIX. század második fele. [История русской литературы. Вторая половина 19 в.] (Hajnády Zoltán – Diósi Rezsőné – Csőzik Istvánné). Tankönyvkiadó, Budapest, 1976, 361.

Orosz irodalmi szöveggyűjtemény II. 1 2. köt. [Хрестоматия] (Hajnády Zoltán – Diósi Rezsőné – Csőzik Istvánné). Tankönyvkiadó, Budapest, 1976, 708.

Az orosz irodalom története I. Útmutató orosz szakos levelező hallgatók számára. [История русской литературы. Пособие для заочных студентов.] Pécs, 1976, 167.

Az orosz irodalom története II. Útmutató orosz szakos levelező hallgatók számára. [История русской литературы. Пособие для заочных студентов.] (Hajnády Zoltán – Diósi Natália) Pécs, 1977, 151.

A mai soknemzetiségű szovjet irodalom (1955-1975). [Современная многонациональная советская литература] (Rumpler Nyina – Vilor Nyinelj – Hajnády Zoltán). Tankönyvkiadó. Budapest, 1978, 400.

Научные статьи, опубликованные зарубежом

Ivan Il'ič und das „Sein zum Tode" (Lev Tolstoj und Martin Heidegger) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Band 36/1990, 23–35.

Странник и скиталец в европейской и русской литературах // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Band 39/1993, 17–22.

Фауст contra Обломов. Sophrosyne и ataraxia // Australian Slavonic and East European Studies. 1995. Volume 9. № 2, 47–60.

Pays-passeur ou pays-passerelle? La littérature russe classique vue par la critique Hongroise // Slavica Occitania 5. Toulouse, 1997, 155 175.

Пушкин – homo universalis // Издательский дом «Первое сентября». Литература. Москва, 2000, № 2, 14–15. (www.lseptember.ru)

Странник и скиталец // Rossica Lublinensia. Literatura mit sacrum kultura. Vol. 1. Lublin, 2000, 65–74.

Фауст и Обломов: противостояние // Литература. Москва, 2000. № 4, 14 15. (www.lseptember.ru)

Иван Ильич или помни о смерти. Лев Толстой и Мартин Хайдеггер // Литература. Москва, 2000. № 33, 5–7. (www.lseptember.ru)

Бессмертие через творчество // Литература. Москва, 2000. № 39, 14–15. (www.lseptember.ru)

Потерянный рай // Литература. Москва, 2002. № 16. 9 10. (www.lseptember.ru)

Художественная деталь // Литература. Москва, 2002. № 30, 8 10. (www.lseptember.ru)

Беспримесная сатира // Литература. Москва, 2002. № 33, 19 20. (www.lseptember.ru)

Dusan Makovicky passeur de la culture hongroise à Iasnaïa Poliana. Slavica Occitania 14. Toulouse, 2002. 157 171.

Герой нашего времени // Литература. Москва, 2003. № 16. 5 6, 15. (www.lseptember.ru)

Странник и скиталец в европейской и русской литературах. Литература. Москва, 2003. № 31, 2 3. (www.lseptember.ru)

Подтекст Три сестры Чехова // Литература. Москва, 2004. № 11, 25 28. (www.lseptember.ru)

Архетипический топос // Литература. Москва, 2004. № 29, 7 13. (www.lseptember.ru)

Поэтический переворот Льва Толстого // Литература. Москва, 2005. № 17. (www.lseptember.ru). (в печати)

Научные статьи, опубликованные в Венгрии

Tragikum és katarzis az Anna Kareninában. Miért nem fejezte be Tolsztoj a regényt Anna halálával? // A Pécsi Tanárképző Főiskola közleményei (PTF Acta) 13. Pécs, 1969, 69–85.

A szatirikus fantasztikum tradíciói Majakovszkij két drámájában // PTF Acta 14. Pécs, 1970, 60–73.

A korszerű idegen nyelvű irodalomtanítás problémái // Felsőoktatási Szemle. XXI. Budapest, 1972/7 8, 494 498.

A Dosztojevszkij és a Tolsztoj művek befejezetlenségének háttere // PTF Acta 16. Pécs, 1972, 29–36.

A szovjet-magyar irodalmi kapcsolatok 50 éve // 50 éves a Szovjetunió. Pécs, 1972, 67–70.

Dialektikus kapcsolatok Tolsztoj Anna Karenina című regényében // PTF Acta 17. Pécs, 1973, 109 118.

Некоторые вопросы преподавания русской и советской литературы в пединститутах // Főiskolai Russzisztikai Napok. Szeged, 1973, 62 64.

A „véletlen családok" tragikuma. Az Anna Karenina, a Galavljov-család és A Karamazov testvérek tragikum és katarzis koncepciójának összevetése // PTF Acta 19. Pécs, 1975, 5 15.

L. N. Tolsztoj Anna Karenina című regényének magyar nyelvű fordításairól és fogadtatásáról // MAPRJAL Baranya megyei emlékülés anyaga. Szerk.: HAJNÁDY Zoltán és Dr. HAJZER Lajos. Pécs, 1975, 54 63.

Az esztétikum és etikum összefüggései Tolsztoj és Csehov „családi boldogság" témájára írott műveiben // PTF Acta 20. Pécs, 1976, 3 18.

A halál ábrázolása Lev Tolsztoj műveiben // Filológiai Közlöny XXIII. 1977/2 3, 199–210.

Мотив смерти в творчестве Льва Толстого. Функция изображения смерти в трагическом и катарсисе в произведениях Льва Толстого // Studia Slavica Hungarica XXIV. 1978, 19–38.

Kikerüli vagy legyőzi Tolsztoj a tragédiát? // Filológiai Közlöny XXVI. 1980/2, 169–181.

О природе трагического и катарсиса эпических произведений Льва Толстого. – Slavica XVII. Debrecen, 1981. 111 127.

О „всеобщности" трагедии Анна Каренина // Acta Litteraria XXIV. 1982/1–2, 191–201.

Поиски путей преодоления трагического (И. Тургенев и Л. Толстой) // Hungaro-Slavica. 1983, 87 96.

Мотив „воскресения" в творчестве Льва Толстого 70-х и 90-х годов // Slavica. XIX. Debrecen, 1983, 73–83.

Ivan Iljics és a halálhoz-mért-lét. Lev Tolsztoj és Martin Heidegger // Világosság. XXIV. 1983/7, 432–439.

„Szerszámunk a toll, termőföldünk a lélek" // Napjaink. XXIII. 1984/4, 34–36.

Ivan Ilych and Existence Compared to Death. Lev Tolstoy and Martin Heidegger // Acta Litteraria. XXVII. 1985/1 2, 3 15.

„The Starry Heavens Above and the Moral Law Within." Tolstoy's Moral Philosophy // Acta Litteraria. XXVII. 1985/3–4, 261–293.

„Звездное небо надо мной и нравственный закон во мне." О нравственной философии Толстого // Studia Slavica. XXXI. 1985, 137–148.

Lukács György és az orosz regény // Lukács György irodalomelmélete. Pécs, 1985, 123–137.

Художественная деталь – целостность миросозерцания // Slavica. XXII. Debrecen, 1986, 107 118.

С глазу на глаз со смертью. (Рассказ Л. Н. Толстого „Смерть Ивана Ильича") // Навстречу VI. Конгрессу МАПРЯЛ. Вопросы изучения и преподавания языка и литературы в ВНР. Сб. статей. Часть II. Русская и советская литература. Будапешт, 1986, 19 31.

Művészi részlet – egyetemes világkép (A. P. Csehov: A kutyás hölgy) // Filológiai Közlöny. XXXV. 1988/4, 215 221.

Старые и новые люди (Обломов и Отцы и дети) // Slavica. XXIV. Debrecen, 1990, 125 145.

Роман об ответственности человека (люди избранники) // Slavica. XXV. Debrecen, 1991, 133 166.

О литературной аргументации // Slavica. XXVI. Debrecen, 1993, 131–141.

Бесы (роман о битве идей) // Studia Russica. XIV-XV. Budapest, 1990 1994, 328 349.
Русская философия жизни // Slavica. XXVII. Debrecen, 1995, 103 107.
Идея русского универсализма // Slavica. XXVIII. Debrecen, 1997, 7 21.
Теургическое искусство // Studia Russica. XVI. Budapest, 1997, 239 246.
Память слова // Nyelv, stílus, irodalom. Köszöntő Péter Mihály 70. születésnapjára. Szerk.: Zoltán András. Budapest, 1998, 155 175.
Запечатленная память. (Об Андрее Тарковском) // Dolce Filologia. Irodalomtörténeti, kultúrtörténeti és nyelvészeti tanulmányok. Zöldhelyi Zsuzsa c. egyetemi tanár, az MTA doktora 70. születésnapja tiszteletére. Szerk.: Hetényi Zsuzsa. Budapest, 1988, 323 333.
Пушкин – uomo universale // Slavica. XXIX. Debrecen, 1999, 109–118.
Fjodorov kozmikus univerzalizmusa // Papp Ferenc akadémikus 70. születésnapjára. Debrecen, 2000, 33 37.
Культура как память // Slavica. XXX. Debrecen, 2000, 73 91.
Tolsztoj az új évezred küszöbén // Debreceni Szemle. VIII. évf. 4. Debrecen, 2000, 578 583.
София и логос // Slavica. XXXI. Debrecen, 2002, 65 93.
Душан Маковицкий посредник венгерской культуры в Ясной Поляне // Cirill és Metód példáját követve. H. Tóth Imre 70. születésnapjára. Szerk.: Bibok Károly, Ferincz István, Kocsis Mihály. Szeged, 2002, 179–190.
Евразийская культурно-историческая парадигма // Miscellanea Corviniana. Köszöntő könyv Hollós Attila 70. Születésnapjára. Szerk.: Abonyi Réka, Janurik Szabolcs, Zoltán András. Budapest. 2003, 96–105. (htpp://www.geocities.com./corviniana/ Corvina doc. Hollós Attila – Festschrift)
Апология и деконструкция соборности как идеи русского универсализма // Slavica XXXII. Debrecen, 2003, 135 152.
A Pétervár-mítosz az orosz irodalomban // Modern Filológiai Közlemények. Miskolc, 2004. VI. évf. 11, 62 74.
Эрос и Логос // A szó élete. Tanulmányok a hatvanéves Kovács Árpád tiszteletére. Szerk. bizottság: Jerży Faryno, Thomka Beáta, Ivan Verč. Szerk.: Szitár Katalin. Argumentum, Bp., 2004, 353 365.
A Három nővér szubtextusa // Modern Filológiai Közlemények. Miskolc, 2004. VI. évf. 12, 57 64.
A kert mint archetipikus toposz Csehovnál // Debreceni Szemle. XII. évf. Debrecen, 2005. (в печати)

Статьи в книгах и энциклопедиях

McCullough, Colleen // Világirodalmi Lexikon IV. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1982, 502.
Lev Tolsztoj: Bál után. Kisregények és elbeszélések (utószó) // A világirodalom remekei. Európa Könyvkiadó. Budapest, 1984, 369 375.
„Hosszú elbeszélések lánca". Lermontov: Korunk hőse (előszó) // Orosz-szovjet filológiai tanulmányok. (Szerk.: Iglói Endre – Jagusztin László), Tankönyvkiadó. Budapest, 1988, 269 277.
Szaltikov-Scsedrin: A Galavljov család // Huszonöt fontos orosz regény. Szerk.: Hetényi Zsuzsa. Budapest, 1996, 101 115.

A Pétervár-mítosz az orosz irodalomban // Pétervár szemiotikája az orosz irodalomban. – Orosz Posztmodern 3. Szerk.: Fonalka Mária. Kossuth Könyvkiadó. Debrecen. 2004, 5 26.

Az orosz irodalom // 21. századi enciklopédia. Világirodalom. Sorozatszerkesztő Szvák Gyula, szerkesztő Madarász Imre. Pannonica Kiadó. Budapest, 2004, 208 241. Klasszikus arcképek: Bulgakov 260 261, Csehov 270 271, Dosztojevszkij 279 280, Gogol 288 290, Gorkij 291 292, Puskin 340 341, Tolsztoj, Turgenyev 369 372.

Puskin Mozart és Salieri c. kistragédiájának paradoxonjai // Orosz Posztmodern 4. Szerk.: Fonalka Mária. Kossuth Könyvkiadó. Debrecen. 2005. (в печати)

Рецензии

Első ének. Fiatal költők versei. Szerk.: Mezei András // Tiszatáj. 22. évf. 1968/6, 566.

Abody Béla: Saulus vagy Paulus // Jelenkor. 11. évf. 1968/11, 1068 1069.

Che Guevara az Új Írásban // Jelenkor. 12. évf. 1969/1, 94.

Balla László: Meddőfelhők // Tiszatáj. 24. évf. 1970/3, 270.

Egy mai ausztrál saga. (Collen McCullough. The Thorn Birds) // Nagyvilág. XXVI. 1981/11, 1735 1736.

Seidel M.: Satiric Inheritance, Rabelais to Sterne // Helikon. XXVII. 1981/2–3, 328–330.

Autobiography. Essays Theoretical and Critical. Ed. By: James Olney // Helikon. XXVI. 1981/4, 463–464.

Основин В. В. Русская драматургия второй половины XIX. века // Helikon. XXVII. 1981/4, 450–451.

Olney, James. Metaphors of Self. The Meaning of Autobiography // Helikon. XXVIII. 1982, 608 609.

Основин В. В. Драматургия Л. Н. Толстого // Helikon. XXIX. 1983/1, 100 101.

A középkorúak válságának megértése. Peter O'Connor: Understanding the Mid-Life Crisis // Helikon. XXIX. 1983/3, 113 114.

Юрий Борев. Эстетика // Helikon. XXX. 1984/2 4, 378 379.

William Elford Rogers. The Three Genres and the Interpretation of Lyric // Helikon. XXX. 1984/1, 88 89.

A szenvedély megszállottjai. Collen McCullough: An Indecent Obsession // Nagyvilág. XXIX. 1984/3, 457 458.

Jeszenyin világa. Cs. Varga István könyve // Nagyvilág. XXXII. 1987/11, 1736–1737.

A gyilkos varjak. Robert Drewe: The Savage Crows // Nagyvilág. XXXIII. 1988/6, 939 940.

Bakcsi György: Gogol világa. Európa Könyvkiadó, 1986 // Szovjet irodalom. 1988/5. 160 162.

Jelzőtűz az éjszakában. XX. századi ausztrál elbeszélők // Nagyvilág. XXXIII. 1988/8, 1250–1251.

A Pulszkyak sorsa – ausztrál szemmel. Thomas Shapcott: Száműzött fehér szarvas (White Stag of Exile) // Nagyvilág. XXXIII. 1988/8, 1251 1253.

Emlékek a „megváltó szenvedés" írójáról. Anna Dosztojevszkaja: Emlékeim // Nagyvilág. XXXV. 1990/7, 1098 1099.

Ruzsa György: A régi orosz festészet kapcsolatai a kezdetektől a XVI. század végéig. Budapest 1998 // Slavica. 1999. XXIX, 272 273.

Лингвистика

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ РАСПОЗНАВАНИЯ СЛОВ ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ)

Живка КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА

Всеобщая диалектическая закономерность стремления содержания и формы к взаимосоответствию среди языковых знаков наилучшее проявление находит в фонетически мотивированных словах, словах с примарной связью между формой и значением (ЖУРАВЛЕВ 1974: 6). Этим объясняется их универсальность и древность. Фонетически мотивированные слова есть во всех языках. Это доказывают исследования на материале языков разных групп[1], хотя они не в одинаковой степени привлекали внимание ученых относительно ономатопеи. Ономатопоэтические слова преобладают и на ранней стадии развития речи ребенка, для которого особенно важно взаимосоответствие между формой и значением[2]. Этот факт свидетельствует о большей примитивности фонетического способа мотивации по сравнению с морфологическим и семантическим, а также о его универсальности и древности. Позицию о большей древности фонетического способа мотивации слов отстаивают и сторонники теории иконического происхождения языка, которые подкрепляют ее аргументами из психолингвистики, нейролингвистики, неврологии, лингвистической типологии, философии языка (ВОРОНИН 1982: 129–145; VORONIN 2000; ALLOTT 1989; BURLING 1999; ROLFE 2000; KOCH 2001).

Среди фонетически мотивированной лексики особый интерес представляют слова звукосимволического (образоподражательного) происхождения. Это слова, чья звуковая форма создает представление о незвуковом образе, воспринимаемом зрением, обонянием, вкусовым анализатором, осязанием. Психологической основой звукосимволизма является синестезия, т. е. взаимодействие между ощущениями разных модальностей (ВОРОНИН 1982: 77). Для звукосимволических слов примарная связь между формой и значением не так очевидна, как для звукоподражательных. Обычно носители языка не осознают способ образования даже новых звукосимволических слов.

[1] См. перечень таких работ в (ВОРОНИН 1982: 13 17), а также в опубликованной в Интернете обширной библиографии по звуковому символизму Маргарет Магнус (MAGNUS).

[2] См., например, (ШАХНАРОВИЧ 1979; НЕГНЕВИЦКАЯ, ШАХНАРОВИЧ 1981: 22 23; REICH 1986: 37).

И хотя уже никто не оспаривает их существования, в этимологических исследованиях очень редко выдвигаются гипотезы о звуксимволическом происхождении слов. Если судить по большинству этимологических словарей, особенно индоевропейских языков, звукосимволических слов в языках якобы нет (или почти нет). В целом, для этимологов характерно скептическое отношение к звуковой символике. Главная причина – догматическое отношение к постулату Соссюра об арбитрарности языкового знака. Конечно, и трудности, связанные с распознаванием слов звукосимволического происхождения являются своеобразной помехой, хотя и не главной. Поэтому в этимологических словарях многие слова получают неадекватное объяснение или указываются неясными. Не без основания, Абаев отмечает, что недостаточный учет роли звуковой символики снижает ценность многих этимологических словарей (1986: 37).

Что касается арбитрарности языкового знака, веские аргументы против абсолютизирования этого его свойства приводит Воронин в исследовании, посвященном иконической теории происхождения языка. Автор ссылается на мысль Э. Сепира, утверждающего, что «постоянное упрямство абсолютизирования» – это «то, что сковывает мысль и парализует дух», и подчеркивает, что игнорирование и даже «ненависть» лингвистов к звуковой символике в языке покоится на трех мифах: об ее ограниченных возможностях, ограниченном охвате и ограниченном количестве. Воронин подчеркивает, что современные исследования доказывают (1) способность иконических слов развивать самые абстрактные значения и образовать новые слова, (2) их широкий охват (они вторгаются даже в область терминологии!) и (3) большую численность (Voronin 2000: 149).

Следовательно многие современные слова, являющиеся арбитрарными знаками, могут быть наследниками неарбитрарных, иконических знаков, какими являются образоподражательные слова. В соответствии с тенденцией к произвольности, немотивированности языкового знака, которая является важным условием для свободы его развития (Журавлев 1976: 20–25), фонетически мотивированные слова в своей эволюции, как и все другие слова, стремятся избавиться от изначальной мотивированности и превратиться в обычные конвенциональные обозначения. В таких словах, как отмечает Журавлев, «сильное и четкое лексическое значение делает ненужным о с о з н а н н о е обращение к символике звучания и она приобретает латентный характер, скрываясь от внимания не только носителя языка, но и исследователя» (Журавлев 1974: 142). Процесс деэтимологизации фонетически мотивированного слова и превращения в арбитрарное название можно наблюдать и в детской речи, что свидетельствует об его универсальности (Колева-Златева 2000: 83).

Следует отметить, что в теоретическом плане относительно звуковой символики уже сделано многое. В последние два-три десятилетия собран и

систематизирован огромный практический материал из современных языков разных групп. На его основании исследованы и систематизированы признаки звукосимволических слов. Именно они и должны быть ведущими критериями при идентификации и исследовании слов звукосимволического происхождения в этимологии. Такую идею в самом общем виде высказывает ВОРОНИН (1990) в статье, посвященной этимологическому исследованию звукосимволических слов. Особое внимание следует уделять также звукосимволическим новообразованиям, так как на их примере можно лучше всего понять механизм образования и специфику функционирования звукосимволических слов. В этимологических исследованиях необходимо учитывать и возможность формальных и семантических изменений во времени, которые затрудняют распознавание этих слов.

Признаки звукосимволических слов

В своем фундаментальном исследовании «Основы фоносемантики», обобщая результаты ряда исследований, ВОРОНИН подразделяет признаки звукосимволических слов на: семантические, грамматические, словообразовательные, структурно-фонематические, функциональные, интерлингвистические (1982: 87 90).

К *семантическим* признакам автор относит: эмоциональность и экспрессивность, образность, конкретность семантики, обозначение простейших элементов психофизиологического универсума человека.

Наблюдения над новообразованными звукосимволическими словами говорят о том, что в период рождения для них характерна диффузность, размытость семантики. Разные члены социума употребляют еще не утвердившееся звукосимволическое слово с разными оттенками значения. Поэтому точная экспликация значения слова при помощи толкования невозможна. Например, болгарское звукосимволическое слово *льолъо*, которое не регистрировано в Словаре болгарского языка (РБЕ), употребляется для негативной характеристики мужчины, акцентируя то на его глупость, то на рассеянность, неповоротливость, отсутствие мужественности, возможность быть легко обманутым. Тоже сравнительно новое болгарское звукосимволическое слово *джаджа*, не регистрированное в РБЕ, употребляется с довольно расплывчатым значением ‘часть чего-нибудь, обычно небольших размеров, чаще всего связанная с техникой; часть, имени которой не знаю’. Ср. тоже не регистрированное в РБЕ слово *джиджи-биджи*, которое обозначает ‘забава, танцы; несерьезный флирт’ и чье употребление сильно ситуативно обусловлено.

Грамматическим признаком звукосимволических слов Воронин считает их морфологическую гипераномальность. Обычно такие слова не содержат специальных аффиксов, которые относили бы их к существующим грамматическим разрядам. Конечно, с течением времени в результате адаптации к грамматической системе языка они приобретают такие аффиксы.

Словообразовательным критерием для идентификации звукосимволических слов, по мнению Воронина, является редупликация. Исследуя звукосимволическую лексику японского языка, Поливанов тоже отмечает, что главной характерной чертой ономатопоэтических слов является их форма, а формальный признак, который больше всего бросается в глаза – это именно редупликация (1968: 301–302). В Лингвистическом энциклопедическом словаре тоже отмечено, что «редупликация широко используется при образовании идеофонов и звукоподражательных слов» (ЛЭС 1990: 408). Вряд ли можно согласиться, однако, с Крючковой, утверждающей, что редупликация в подражательных и изобразительных словах используется в качестве «изобразительного средства» и что эта ее функция является «семантической» универсалией (2000: 71). Скорее всего, в этих словах редупликация является словообразовательным способом, а ее использование для их образования – словообразовательной универсалией.

Редупликация характерна и для ранней детской речи. Как отмечает Шахнарович, двойные слова – это первые конвенциональные обозначения в речи ребенка, потому что используется продуктивная словообразовательная модель (Шахнарович 1979: 175 176, 191). Это свидетельствует о ее примитивности. Поэтому не случайно то, что самый примитивный способ мотивации – фонетический, сочетается с самым примитивным словообразовательным способом – редупликацией, при образовании фонетически мотивированных слов.

Относительно характера редупликанта в фонетически мотивированных словах следует отметить, что в момент создания звукоподражательного или образоподражательного слова он не корень и не часть уже существующего корня[3], а звуковой комплекс, не являющийся знаковой единицей. Иначе был бы в силу сформулированный Лейкоф и Джонсоном принцип: «Больше формы означает больше содержания» (More of form is more of content), что для существительных означает выражение множественности, собирательности, для глаголов – продолжительности, законченности действия, для прилагательных – интенсивности, высокой степени признака (Lakoff–Johnson 1980: 127–128). Также и в ранних детских словах, образованных при помощи редупликации, редупликант сам по себе не является морфемой, а ничего не обозначающим звуковым комплексом. Только целое ономатопоэтическое слово, образованное при помощи редупликации, становится знаковой единицей.

К *структурно-фонематическим* признакам звукосимволических слов в цитированном исследовании Воронин относит: фонетическую гипераномальность (использование специфических фонем), относительное единообра-

[3] Такую возможность единственно допускает дефиниция редупликации, данная Крючковой в обобщающей статье, посвященной типологии редупликации: «Редупликация – это способ слово- и формообразования, состоящий в удвоении корня или его элементов (звуков, слогов), аффиксов или целых слов, переходящих на положение морфем» (Крючкова 1980: 81 82).

зие формы, фонетическую гипервариативность (чередование гласных, чередование глухого со звонким, твердого с мягким, смычного со щелевым согласным, метатеза).

Например, в японских ономатопоэтических словах ПОЛИВАНОВ отмечает наличие звука *n*, отсутствующего в обычных словах (кроме заимствованных), и нетипичное отсутствие диссимиляционных изменений редуплицируемого начального консонанта (1968: 302). Относительно ономатопоэтических слов шведского языка Åsa Abelin отмечает использование групп согласных в начале и в конце слова, которое не характерно для обычных слов (ABELIN). Относительно венгерских ономатопоэтических слов Вертеш тоже отмечает нетипичное для обычных слов использование групп согласных в начале слова (VÉRTES 1965: 161).

Форма цитированных выше сравнительно новых болгарских ономатопэтических слов тоже иллюстрирует эту особенность: *джаджа*, *джиджибиджи* содержат нетипичную для болгарского языка фонему *дж*, которая встречается обычно в заимствованных словах. А звукосимволическое слово *льольо* иллюстрирует нетипичное для обычных слов употребление мягкого согласного *л'* в позиции перед *о* в начале или внутри корня. В такой позиции согласный *л'* употребляется в заимствованных или экспрессивных словах.

Функциональным критерием звукосимволических слов Воронин считает их стилистическую ограниченность. ХУСАИНОВ тоже отмечает, что «в современных языках звукоизобразительные слова функционально отличаются достаточно четкой стилистической маркированностью: они более характерны для разговорной речи, чем для художественных произведений, и гораздо реже или же вовсе не встречаются в публицистике, официальных документах и научном тексте; они более свойственны речи детей и молодежи, чем взрослых людей» (1990: 160).

Интерлингвистическим признаком звукосимволических слов является их типологическое сходство в разных языках. Оно проявляется при сопоставлении слов с одним и тем же значением или значением, выводимым из одного и того же первоначального значения, у которых наблюдается и формальное сходство – содержат редуплицированные звуковые комплексы и характеризуются вариативностью.

Следует отметить, что данные критерии приложимы к еще не деэтимологизованным звукосимволическим словам. И только их комплексное приложение, вместе с методами этимологического анализа, может служить для распознавания звукосимволических по происхождению слов, прошедших длинный путь эволюции.

Примеры

Рассмотрим на примерах слов из разных индоевропейских языков проявление рассмотренных признаков, которое дает основание для предпо-

ложения звукосимволического происхождения их этимонов. В этимологических словарях они указываются неясными или не получают удовлетворительного объяснения.

Например, многие индоевропейские названия шишки (плод хвойного дерева) характеризуются поразительным структурным сходством. Они содержат редуплицированные звуковые комплексы. В большинстве из них возможно усмотреть полную редупликацию типа CR̥-CR̥ или CVR-CVR или неполную (усеченную) редупликацию типа CV-CR̥, CV-CVR или CR̥-C-, CVR-C- с осуществленными диссимиляционными изменениями. Ср., например, такие названия, как: болг. *ши-шàр-ка*[4], *шù-къл-къ* (Стойчев 1965: 305), *кар-кал-èга*, *ка-кал-ѝшка*, *ко-кор-àда*, *ко-кор-ѝга*, (цит. по: БЕР, II: 248, 150, 538, 539), др.-гр. κό-κκαλ-ος (цит. по: Frisk 1960 1972, I: 895, где этимология названия представлена как неясная), лит. *bur-buol-ė*, *gur-g-ùtis*, *kan-kór-ežis*, *kìr-k-užė*, *kur-k-užė* (LKŽ, I: 1181; III: 748, V: 216, 840; VI: 959). Данный формально-семантический параллелизм вряд ли случаен. Можно предположить, что этимоны этих слов звукосимволические названия, чья звуковая форма создает представление о чем-нибудь маленьком, незначительном, овальной формы.

Ту же самую особенность можно наблюдать и при названиях кукурузы или початка кукурузы, как: русск. *ку-кур-уз*, чешск. *ku-kuř-ice*, болг. диал. *ко-чàн* ‘початок кукурузы с зернами или без зерен’ (цит. по: БЕР, II: 687, где отмечено, что у слова невыясненная этимология), *чò-кън* ‘початок кукурузы’ (Петков 1974: 168), *бò-бул-и* ‘кукуруза’, *дỳ-дул* ‘початок кукурузы с зернами’, *ду-дỳл-ец* ‘початок кукурузы без зерен’ (цит. по: БЕР, I: 60, 443), *шу-шỳл-ка* ‘початок кукурузы с зернами’ (Бояджиев 1971: 105), *шу-шур-àга* ‘початок кукурузы’ (Геров, V: 591), *ма-мỳлъ* ‘кукуруза; початок кукурузы без зерен’, *мо-мор-òзъ* ‘кукуруза, початок кукурузы’, *мỳ-мур-узъ* ‘кукуруза’ (Геров, III: 48, 80, 91), *па-пỳръ* ‘кукуруза’ (Геров, IV: 11), *ка-кал-àшка* ‘початок кукурузы без зерен; початок кукурузы с зернами’, *ко-кал-àшка* ‘початок кукурузы, очищенный от листьев’ (цит. по: БЕР, II: 150, 532), *ку-кур-àда* ‘початок кукурузы’ (цит. по: БЕР, III: 106), лит. *kan-kór-ežis* ‘початок кукурузы (LKŽ, V: 216) и др.

Этот ряд названий можно продолжить еще многими названиями маленьких овальных предметов, содержащими редуплицированные звуковые комплексы, как др.-гр. κρό-κ-η, κρο-κάλ-η ‘овальный гладкий камешек на берегу моря или реки’, санскр. *çar-kar-aḥ* ‘камень’ (цит. по: Boisacq 1916: 519), пракр. *ka-kkar-a-* ‘камень, камешек’ (Turner 1966: 143), гр. диал. κορ-κάρ ‘лук-севок’ (цит. по: Соболев 2001: 85), гр. κο-κάρ-ι, κου-κάρ-ι ‘лук-севок’, лат. *cal-cul-us* ‘камешек’, лит. диал. *kar-kól-as* ‘шарик; колобок’, (LKŽ, V: 295), *kan-kór-ežis* ‘надпочечная железа’ (LKŽ, V: 216), ятвяжск. *ke-ker-is* ‘го-

[4] Для большей ясности редуплицированные звуковые комплексы в словах выделены дефисом.

рох' (PASHKA 1994), болг. диал. *кар-кал-я̀шка* 'экскремент козы или овцы; комок из хлеба' (цит. по: БЕР, II: 247, где название неубедительно выводится из незасвидетельствованного глагола **къркъм* '(о животном) издавать особый звук при выделении экскрементов'), рум. *co-con* 'кокон' (цит. по: DELR: 192, где этимология слова указывается неясной), болг. диал. *бар-бо̀л-ки* 'маленькие комочки, которые появляются на одежде после ношения; комочки в креме), *бар-бо̀н-ка* 'плод шелковицы; экскремент мелкого рогатого скота или зайца', *бо-бо̀н-ка* тоже (цит. по: БЕР, I: 33), *бър-бо̀н-ка* 'пузырек' (СТОЙЧЕВ 1965: 132), *бу̀м-балъ* 'волокняные комочки по швам ношенной одежды' (ГЕРОВ, VI: 38), лит. диал. *bur-bul-as* 'шарик, кусок; что-то маловажное', *bambol-ikas* 'предмет овальной формы, колобок' (LKŽ, I: 635), *kur-kul-as*, *gargal-as*, *gur-gól-as*, *gùr-g-a*, *pum-pur-as* 'узел или неровность в пряже' (LKŽ, VI: 958; III: 126, 745, 744; X: 910), рум. *go-gol-oi* 'маленький шарообразный предмет' (цит. по: DELR: 428, где этимология слова указывается неясной), гр. γά-γγλι-ον 'опухоль под кожей; гланда' (цит. по: BOISACQ 1916: 138, где этимология слова указывается неясной), польск. *go-gół-ka* 'завязь плода после выпадения цветов' (SŁAWSKI I: 310), русск. диал. *го-го̀л-ья* 'комья муки в овсяном растворе для блинов или в самих блинах' (СРНГ, VI: 264), болг. диал. *га-га̀л-ка* 'грязь под хвостом овцы в виде комьев; белая сыпь во рту у детей', *га-га̀ль-кя* 'утолщение на нитке', чешск. диал. *ga-gal-ka* 'недоразвитый плод груши' (цит. по: БЕР, I: 222, где названия не получили объяснения), *гугу̀л-явъ* 'мелкий, скорчившийся, мохнатый (о плодах айвы)' (ГЕРОВ, VI: 82), алб. *go-gël-ë* 'шарик, чернильный орешек', гр. βρά-βυλ-ον 'плод терновника, дикая слива' (цит. по: BOISACQ 1916: 130), болг. диал. *пѐн-пур* 'пузырь' (цит. по: БЕР, V: 155, где название указывается неясным), *гъ̀н-гал* 'водяные пузыри' (цит. по: БЕР, I: 302, где название указывается неясным), *бър-бо̀н-ка* 'пузырек' (СТОЙЧЕВ 1965: 132), *чъ-ка̀л-къ* 'вид сливы' (ПЕТКОВ 1974: 170), *чакъл* 'гравий', *трѐ-т-ка* 'сосок' (ГЕРОВ, V: 365), 'куриная гузка' и др.

Ср. также с такими названиями букашек, мелких насекомых, червячков, как: болг. *бу-бол-ечка* 'букашка', *гъ-гр-ица* 'долгоносик, насекомое Bruchos pisi (которое ест фасоль, чечевицу, пшеницу)', диал. *гър-гър-ица* 'то же' (МЛАДЕНОВ 1969: 220), *крѐ-кл-ица* 'то же', *кѐр-кл-ица* 'вошь' (тайный говор каменщиков), *кѐр-к-а* 'то же', *мо̀р-мул-ец* 'маленькое насекомое' (цит. по: БЕР, III: 44, 202, 205; IV: 245), лат. *cur-cul-io* 'насекомое, вредитель зерновых культур', лит. диал. *kar-kãl-ė* 'вошь' (LKŽ, V: 290), русск. *хо̀-холь* 'червячки, которые заводятся в муке' (цит. по: ЭССЯ, VIII: 55 56, в котором отмечено, что «происхождение слова затемнено, возможно, по причине экспрессивности формы»), русск. *тру-тень*, болг. *трѐ-тѣй*, *трѐ-толъ*, *трѐ-тъ* 'трутень' (ГЕРОВ, V: 365), русск. *тыр-тыр* 'вредная гусеница на виноградной лозе', арм. *t'r-t'ur* 'то же' (цит. по: ФАСМЕР 1976–1977, IV: 132), гр. κό-κκος 'coccus, червец, дающий багряную краску', (насекомое, водящееся на дубе (quercus coccifera), которое древние принимали за ягоду', πορ-φύρ-α 'улитка, дающая

багряницу' (Вейсман 1991: 718, 1037), лат. *pur-pur-a* 'пурпурная улитка, багрянка' (Дворецкий 1986).

Можно предположить, что этимоны всех цитированных выше слов употреблялись со значением 'что-то маленькое, незначительное, ненужное, обычно овальной формы'. От этого, первоначально диффузного значения и развились впоследствии регистрированные конкретные значения. (Более подробно гипотеза о звукосимволическом происхождении болгарских названий маленьких предметов шарообразной формы представлена в: (Колева-Златева 2002а).)

Вряд ли является случайностью и структурное сходство (формы с полной или неполной редупликацией) в словах, называющих:

сосульку, как: русск. *со-суль-ка*, болг. *чур-чо̀н-е*, *ши-ша̀р-ка*, *шу-шу̀лкъ* (Геров, V: 328, 583, 591), *джу̀н-джур* (цит. по: БЕР, I: 371) и др.

человека маленького роста; иногда полного, как: болг. *джу-джѐ* 'человек маленького роста' (которое, возможно, заимствовано из тур. cüce 'то же' (БЕР, I: 369), болг. диал. *пу̀м-пал* 'человек маленького роста' (цит. по: БЕР, V: 852, который ссылается на гипотезу Ст. Младенова о звукоподражательном (?) происхождении слова), *пу̀-пл-як* 'человек маленького роста' (цит. по: БЕР, V: 856), *гър-го̀н-я* 'сгорбившийся человек' (цит. по: БЕР, I: 302, где название представлено как неясное), *ма-му̀ль-ке* 'человек маленького роста' (цит. по: БЕР, III: 634), лит. *bam-bal-as* 'карлик, толстый человек маленького роста' (цит. по: Boisacq 1916: 118), *pum-pùr-ė* 'полная женщина или девочка небольшого роста' (LKŽ, X: 911), болг. диал. *ца̀-цар-ка* 'маленький полный ребенок' (Хитов 1979: 336), болг. *тръ̀-тл-ест* прилагательное 'о человеке маленького роста, полного', алб. *xhuxh* = *xhuxhmaxhuxh* 'человек маленького роста, карлик' (FSSS 1981: 2202) и др.;

что-либо кривое, кривую линию или признак 'кривой', как: болг. диал. *дзер-дз-ѐ* 'сучковатая палка' (цит. по: БЕР, I: 376, где слово представлено как неясное), *кър-кол-ица* 'кривая линия' (цит. по: БЕР, III: 206), *кур-к-а*, *кур-кул-укъ* 'кривая палка' (Геров, VI: 183-184), русск. *кара-кул-и* 'неразборчивые, неумело или небрежно написанные буквы', русск. диал. *кара-кул* 'кривое дерево', *кара-куль* 'сук', *кара-куль-ка* 'суковатое кривое дерево; сельскохозяйственное орудие – длинная рукоятка, оканчивающаяся двумя или более загнутыми зубьями', *кара-куль-ский* 'суковатый (дуб)', *кара-кул-я* 'кривое дерево; сучковатая вершина сосны', *кара-кал-ястый* 'суковатый (о дереве)' (СРНГ, XIII: 71), польск. диал. *kar-kul-ica* 'палка с загнутой рукояткой', словин. *kar-kul-eca* 'палка, загнутая с одного конца' (цит. по: ЭССЯ, XIII: 217), лит. *kar-kõn-as* 'палка, клюка', *kir-kal-is* 'ходуль, костыль', *kre-kl-as*, *kro-kl-is* 'стропило' (LKŽ, V:295, 836; VI:518, 679), лит. *gùn-g-a*, *gùn-gar-a*, *gun-gur-ys* 'кривизна' (LKŽ, III:731, 733), нем. *Zick-zack* 'зигзаг';

горение, блеск, мерцание, как: гр. μα-μάιρ-ω 'блестеть' (цит. Boisacq 1916: 611), хет. wari-war-ant- 'блестящий, пылающий', лув. *pal-p-adyi* 'пы-

лать' (цит. по: OETTINGER 1998: 454), болг. диал. *бу-бу̀л-кам* 'пылать, гореть большим пламенем' (ГОРОВ 1962: 69), *бум-бул* 'пламень', *бу-бу̀л-я* 'огни во время масленицы' (ГЕРОВ, VI: 38, 36), *пла-по̀л-им* 'пылать, сверкать', словацк. *plá-pol* 'яркий свет, пламя', цсл. пла-пол-ати '(об огне) гореть, пылать' (цит. по: БЕР, V: 308), болг. *пъ̀р-п-ам* 'пылать (об огне)' (ГЕРОВ VI: 275);

борохло, тряпье, старье, как: гр. γέλ-γ-η pl. 'старье, изношенная одежда' (цит. по: BOISACQ 1916: 143, где этимология слова указана неясной), русск. диал. *хор-хо̀р-ы* 'нечистые отрепья, висящие в поношенном платье', *хоро-хор-ки* 'тряпье' (цит. по: ВАРБОТ 1981: 39), *ха-хо̀р-ой* 'изношенный, старый', *шу-шу̀ль-ки*, *шу̀-шер-а* 'старое тряпье' (цит. по: ФАСМЕР 1976–1977, IV: 227, 493 494, где этимология слов указывается неясной), болг. *пар-ца̀л*, диал. *пар-та̀л*, *пар-пал-а̀к* 'тряпки' (цит. по: БЕР, V: 73, 74), *хо̀-хал* 'оборванный человек' (СТОЙЧЕВ 1965: 132), русск. диал. *хо-хо̀л-ье* 'тряпки' (цит. по: ЭССЯ VIII: 55 56, в котором отмечено, что «происхождение слова затемнено, возможно, по причине экспрессивности формы»), лит. *mar-mal-ai* pl. 'оборванная старая одежда, тряпье' (LKŽ, VII: 869), ятвяжск. *ke-kul-as* 'полотенце' (возможно, от 'тряпка' – Ж. К.-З.) (PASHKA 1994);

невкусную пищу или напитки, как: болг. диал. *мър-ма̀л-я* 'каша из кукурузной муки' (цит. по: БЕР, IV: 415, где название представлено как неясное), *жижи-бижи* 'малеби' (цит по БЕР, I: 544), *кър-к-у̀шь* 'каша из кукурузной муки, разбавленная водой' (ГЕРОВ II: 445), лит. диал. *bir-bal-as* 'плохое пиво', *bir-bal-ė* 'домашняя водка', *kar-kl-ìnė* 'домашняя водка', *kur-kal-ynė* 'простая каша', *mar-mal-as* 'плохое блюдо, бурда', *gur-gõl-ė* 'плохая водка' (LKŽ, I: 836; V: 293; VII:869; III: 745), англ. *wishy-washy* 'бурда';

что-либо твердое, черствое; холодное или действие 'черстветь; мерзнуть', как: санскр. *kar-kar-aḥ* 'твердый' (цит. по: ERNOUT–MEILLET 1951: 91), санскр. *çi-çir-aḥ* 'холодный' (цит. по: МЕЙЕ 1938: 189), пали *ka-kkhal-a-* 'твердый', ашкун *ka-ker-ä-* 'твердый' (TURNER 1966: 127 128), русск. *ко-ков-ъть* 'остывать и твердеть, черстветь, мерзнуть, промерзать' (ДАЛЬ 1955, II: 134), болг. диал. *кер-к-у̀да* 'затвердевший предмет' (цит. по: БЕР, II: 338, где название указано неясным'), *в-гра-гор-я̀ се* 'окаменеть', *в-гла-го̀р-а се* 'очерстветь от холода', *гу̀-гр-я се* 'сжиматься от холода' (цит. по: БЕР I: 270, 292);

что-либо страшное, вызывающее, как: гр. γορ-γ-ός 'ужасный, дикий' (BOISACQ: 154), Гор-γ-ώ 'Горгона', др.-болг. гро-ꙁ-а 'ужас', гро-ꙁ-ьнъ 'страшный' (цит. по: БЕР, I : 283), русск. *чу-чел-о*, болг. *кор-кул-ук* 'чучело' (ГЕРОВ, II: 399), болг. диал. *бъ-бур-а̀к* 'злой дух, вампир' (СТОЙЧЕВ 1965: 132), *ба̀-бур-ци* 'ряженые, которые во время празника Водици ходят по селам и смешат людей', *джан-гол-о̀з* 'страшилище вроде вампира, но не такое свирепое и кровожадное' (ГЕРОВ VI: 19, 91), *го-гош* 'вампир' (цит. по: БЕР, I: 259), болг. *ку-кер* 'ряженый, который ходит по домам во время весеннего праздника Сирни заговезни (Масленица) или на Новый год' (слово без общепри-

нятой этимологии, которому посвящено множество исследований), *пам-пȕр-ь* ‘то же’ (цит. по: БЕР, V: 35, где слово указано неясным).

Редупликацию можно открыть также в словах со значениями:

‘вихрь; водоворот’, как: алб. *vór-bull-ë* ‘водоворот, вихрь’ (цит. по: Калужская 2001: 50), гр. βέμ-β-ιξ ‘водоворот’ (цит. по: Boisacq 1916: 118) и др.;

‘дрожь’, ‘дрожать, трепетать’, как: болг. *тре-пер-я* ‘дрожать’, болг. диал. *пен-пѐр-е* (цит. по: БЕР V: 155, где слово указано неясным), лит. *tir-t-ėti* ‘дрожать’, лат. *pal-p-ito* ‘трепетать’;

‘таращить глаза; пристально смотреть’, как: англ. to *go-ggl-e* ‘таращить глаза’, болг. *ко-кȍр-я се* ‘открывать широко глаза; всматриваться во что-либо пристально’, болг. диал. *ко-кȍл-а се* ‘открывать широко глаза’, *кѐ-кер* ‘человек с выпуклыми глазами’ (цит. по: БЕР, II:539, 536, 318), *ко-кил-а̀т* ‘с выпуклыми глазами’, *ко-кил-я се* ‘кривляться, таращить глаза’ (Геров, VI: 169), *о-чо-чȍр-вам се* ‘прояснять взгляд’ (цит. по: БЕР, IV: 989, где название неубедительно представлено как образованное от *око* ‘глаз’), болг. *цѐ-кл-я се* ‘таращить глаза’, болг. диал. *че-чѐр-я се* (район Велико Тырново), *ше-шѐр-я се* ‘таращить глаза’ (Геров, VI: 330);

‘распускать перья (о птицах), важничать, чваниться (о человеке)’, как: болг. диал. *ко-кȍр-я се* ‘(о птице) распускать перья’, ‘(о человеке) гордиться, надуваться, важничать’, (цит. по: БЕР, II: 539), гр. κο-κ(κ)ορ-εύομαι ‘гордиться’, κό-κ(κ)ορ-ας ‘петух’ (цит. по: БЕР, II: 538), болг. диал. *ко-кош-ѝня се* ‘(о птице) распускать перья, ежиться от холода’, ‘(о человеке) важничать’ (цит. по: БЕР, II: 541), укр. диал. *ко-кȍш-итися* ‘распускать перья, вести себя вызывающе’, польск. *ko-kos-ić się* ‘гордиться’, чешск. *ko-koš-iti se* ‘гордиться’ (цит. по: БЕР, II: 541), лит. *šiáu-š-ti* ‘(о животном) ежиться; (о человеке) чваниться’, русск. *хоро-хȍр-иться* ‘важничать, ломаться’, диал. *хор-хȍр-а* ‘взъерошенная курица’ (цит по: Фасмер 1976 1977, IV: 269), др.-русск. хоро-ш-аниѥ ‘величание’ и хоро-ш-авъıи ‘щеголь’ (Срезневский, III: 1387), русск. *хоро-ш* (< **xor-x-*) ‘хахаль, любовник’ (Даль IV: 562), белорусск. *хараш-ьіцца* ‘хвастаться, чваниться’, русск. диал. *хà-халь* ‘франт, мошенник, любовник, лжец’, *хỳ-хр-ик* ‘франт, лодырь’, *ху-хл-я̀к* ‘ряженый (на святках и под новый год)’, *хо-хȍн-я* ‘щеголь’, (цит. по: Фасмер 1976–1977, IV: 226, 278, 287,), *хо-хȍл* ‘торчащий клок перьев на голове у птицы; название украинца, первоначально уничижительное, затем шутливое, фамильярное’, *хȍ-хл-иться* ‘(о птицах) сжавшись, взъерошивать перья и втягивать голову от холода, страха; (о человеке) быть в мрачном настроении, хмуриться, дуться’, *хȍ-хр-иться* ‘(о человеке) быть в мрачном настроении, хмуриться, дуться’ (ССРЛЯ, XVII: 422, 427, 431), болг. *ше-шѐр-я се* ‘дуться’, *пу-пȕл-ъ* ‘торчащие перья ня голове у птицы’, *чу-чȕл-ъ*, *фу-фулъ* ‘то же’ (Геров, VI: 330; IV: 398; V:568; VI: 317), русск. *че-чѐн-иться* ‘гордиться, чваниться’, *че-чѐн-я* ‘щеголь’ (цит. по: Фасмер 1976–1977, IV: 355) и др.

Ср. также такие слова для экспрессивной характеристики человека, его внешнего вида, характера, действий, поступков, как болг. диал. *хъ̀-хур* ‘старый человек’ (ГОРОВ 1962: 154), *хо̀-хал* ‘оборванец’ (СТОЙЧЕВ 1965: 246), *пу̀м-пал* ‘очень молчаливый человек’ (ГОРОВ 1962: 132), *бу-бдл-як* ‘человек, у которого все валится из рук’ (цит. по: БЕР, I: 85), *га̀й-гур* ‘слабый, хилый человек’, *цу̀-ца* ‘дурак, болван’ (ГЕРОВ, VI: 69, 323), *цин-ца̀р-ин*, *цѝн-ца̀р* ‘скупой человек’ (ХИТОВ 1979: 337), *ко-ка̀р-ко* ‘сильный, выносливый человек’, *ко-кѐл-ив* ‘худой, хилый’ (цит. по: БЕР, II: 533), русск. *шу-шуль-каться* ‘мешкать’ (цит. по: ФАСМЕР 1976 1977, IV: 494, где слово указано неясным), лит. *gun-goras* ‘очень высокий человек’ (LKŽ, III: 731) и др.

Наблюдаемый формально-семантический параллелизм, а именно: выражение одних и тех же значений или значений, выводимых из одного и того же первоначального значения, словами, содержащими редуплицированные звуковые комплексы, вероятно, является знаком звукосимволического происхождения их этимонов. Конечно, такую гипотезу относительно каждого отдельного случая нужно проверить при помощи методов этимологического анализа.

Эволюционные изменения, затрудняющие распознавание и исследование звукосимволических слов в этимологических исследованиях

1. Во-первых, как уже было отмечено выше, в своей эволюции образоподражательные слова в соответствии с тенденцией к произвольности, немотивированности языкового знака деэтимологизируются и превращаются в обыкновенные слова с четким лексическим значением, лишенным диффузности, образности, эмотивности. Эту закономерность иллюстрирует и представленный выше перечень слов, для которых на основании регистрированного формально-семантического параллелизма возможно выдвинуть гипотезу об их фонетической мотивированности. Иначе нельзя и объяснить выражение одной и той же лексемой или диахронно тождественными лексемами таких значений, как:

‘плод шелковицы’ и ‘экскремент мелкого рогатого скота или зайца’ (болг. диал. *барбо̀нка*, *бобо̀нка*);

‘грязь под хвостом овцы в виде комьев’, ‘белая сыпь во рту у детей’, ‘утолщение на нитке’ и ‘недоразвитый плод груши’ (болг. диал. *гага̀лка*, *гага̀лькя*, чешск. диал. *gagalka*);

‘шишка (плод хвойного дерева)’ и ‘сосулька’ (болг. *шиша̀рка*);

‘сосок’ и ‘куриная гузка’ (болг. *трътка*);

‘надпочечная железа’, ‘шишка (плод хвойного дерева)’ и ‘початок кукурузы’ (лит. *kankórežis*) или

‘неразборчивые, неумело или небрежно написанные буквы’ и ‘кривое дерево’ (русск. *каракули*, диал. *каракул*).

Данные слова развили эти значения из более общих, характеризующихся диффузностью, образностью и эмотивностью значений, типа: ‘что-то маленькое, незначительное, ненужное, обычно овальной формы’ (для первых четырех примеров) или ‘что-то кривое’(для последнего). А для слов с такими образными и экспрессивными значениями предположение об их фонетической мотивированности уже выглядит более приемлемым.

Также и для русского прилагательного *хороший* идея о звукосимволическом происхождении с семантической точки зрения, на первый взгляд, выглядит неприемлемой. Однако сопоставление с такими восточнославянскими словами, как русск. *хорохòриться* ‘важничать, ломаться’, русск. диал. *хорхòра* ‘взъерошенная курица’, др.-рус. хорошаниие ‘величание’ и хорошавъıи ‘щеголь’, русск. *хорош* ‘хахаль, любовник’, белорусск. *харашы̀ца* ‘хвастаться, чваниться’ и с фразеологизмом *хорош гусь*, употребляемым в качестве возгласа в чей-нибудь адрес при неодобрении его поведения, дает основание для предположения семантического развития ‘торчащие перья/птица с взъерощенным оперением’ > ‘птица с характерным заносчивым поведением’ > ‘заносчивый, чванливый человек’ > ‘красивый’ > ‘вполне удовлетворяющий по внутренним качествам, т. е. хороший’. Для этимона со значением ‘торчащие перья’ или ‘птица с взъерощенным оперением’ предположение о фонетической мотивированности уже приемлемо, поскольку существует множество типологических параллелей, доказывающих эту возможность (ср. с болг. *шешѐря се* ‘дуться’, *пупу̀лъ* ‘торчащие перья на голове у птицы’, *чучу̀лъ*, *фуфулъ* ‘то же’, русск. *хохòл* ‘торчащий клок перьев на голове у птицы’, *хòхлиться* ‘(о птицах) сжавшись, взъерошивать перья и втягивать голову от холода, страха’)[5]. Данный формально-семантический параллелизм можно объяснить только звукосимволическим происхождением этимонов слов.

Длительное семантическое развитие, связанное с метафорическими и метонимическими переносами может так замаскировать звукосимволическую природу слова, что только углубленный этимологический анализ с приведением обширного материала может доказать ее. Например, для греческого названия кости κόκκαλο(ν), являющегося наследником древнегреческого κόκκαλος ‘шишка еловая; семя шишки’ (цит. по Frisk 1960 1972, I: 895), в форме которого можно усмотреть неполную (усеченную) редупликацию, гипотеза об образоподражательном происхождении на первый взгляд встречает семантические трудности. Однако на основании возможности семантического развития: ‘маленький предмет овальной формы’ > ‘игральная кость’ > ‘щиколотка’ > ‘кость’, которое доказывается на примере др.-норв. *knykill* ‘узелок’, англ. *knuckles* pl. ‘игра в шарики’, англ. *knuckle* ‘косточка пальца’,

[5] Более подробно представленной гипотезу о звукосимволическом происхождении русского прилагательного *хороший* см. в (Колева-Златева 2002б).

нем. *Knocken* ‘кость’ и др., такую гипотезу можно принять (более подробно см. (КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2005)).

2. Другая причина нераспознавания слов звукосимволического происхождения в этимологических исследованиях – это фонетические изменения: закономерные и незакономерные, которые как бы «маскируют» редупликацию в форме слова. Редуплицированные звуки, попадая в разное окружение, подчиняются действию разных фонетических законов, в соответствии с которыми эволюируют по-разному. Например, в русском прилагательном *хороший* согласные *х* и *ш* являются наследниками одного и того же согласного, но в разной позиции (**хor-х-ъ-jъ*).

Незакономерные фонетические изменения в звукосимволических словах с редупликацией осуществляются по трем причинам.

Во-первых, с целью облегчения артикуляционного аппарата в таких словах часто происходят диссимиляционные фонетические изменения, затрагивающие как повторяющиеся гласные, так и согласные. Как отмечает Мейе, повторение сонанта в корнях, где он имеется, приводит к неудобству, которое преодолевается диссимиляционными изменениями. Поэтому в словах с редупликацией **r* или **l* иногда заменяются сонантами **n* или **i* (МЕЙЕ 1938: 197). Такие изменения произошли, например, в болг. *барбо̀нка* ‘плод шелковицы; экскремент мелкого рогатого скота или зайца’ (ср. с болг. *барбо̀лки* ‘маленькие комочки, которые появляются на одежде после ношения; комочки в креме), болг. *трѣ̀тѣй* ‘трутень’ (ср. с *трѣ̀толъ* ‘то же’).

Во-вторых, звукосимволические слова подвергаются незакономерным фонетическим изменениям также из-за их экспрессивного характера. Известно, что экспрессивность в словах постигается не только семантическими средствами (метафорическим переносом), но и формальными средствами, в том числе и нерегулярными фонетическими изменениями. В своих исследованиях экспрессивные фонетические изменения в словах отмечают Махек, Копечни, Полак, Москов, Трубачев и др. (MACHEK 1952: 319 320, 1956: 33 40; KOPEČNÝ 1952: 323; POLÁK 1980: 324–330; МОСКОВ 1964: 149, ЭССЯ, III: 54).

Например, форма болгарского глагола *цѐкля се* ‘таращить глаза’, в которой, на первый взгляд, нет редупликации, может быть наследником **kъ-kъlją sę* – формы с явной редупликацией типа CV-CR̥ (неполная (усеченная) редупликация с опущением сонанта в первой части). Согласный **k* переходит в **c*, так как изменение осуществилось в связи с незакономерной, экспрессивной палатализацией начального *k* во время, когда происходила вторая палатализация велярных согласных. Другого объяснения начальный согласный *ц* в *цѐкля се* не мог бы и получить. Также и глагол *очочо̀рвам се* ‘таращить глаза’ можно рассматривать как наследник этимона с корнем с редупликацией **ko-kor-*, где согласный *k* палатализировался для выражения экспрессивности. Как было сказано выше, современные звукосимволические слова иллюстрируют употребление фонем в нетипичной позиции.

Также и болгарское слово *шѝкълкъ* 'шишка (плод хвойного дерева)' выводимо из ие. **kV-kR̥-*, изменившегося в ие.**k'V-kR̥-* по экспрессивным причинам, где *k'>s*, для которого вследствие йотации возможно изменение в *š*. В болг. диал. *чъкàлкъ* 'вид сливы' консонант *ч* может быть наследником палатализированного по экспрессивным причинам консонанта *к*.

Кроме того, звукосимволические слова подвергаются незакономерным фонетическим изменениям и из-за примарной связи между их формой и значением. Как известно, немотивированность языкового знака является необходимым условием для свободы его развития – семантического и формального, в то время как мотивированность, в данном случае фонетическая, ограничивает ее. Поэтому в период, пока иконичность и образность звукосимволических слов осознаются носителями языка, они не подчиняются эволюционным закономерностям обычных слов.

Достижения нейрофизиологии и нейролингвистики могут дать и физиологическое объяснение причин незакономерного фонетического развития фонетически мотивированных слов. Экспериментально доказано, что слова с примарной связью между формой и значением имеют иной нейролингвистический статус, нежели слова с непрямой связью между формой и значением. Они управляются разными участками мозга. При норме первые управляются правым полушарием, чьи функции более примитивные, более древние, в отличие от вторых, управляемых левым полушарием (Якобсон 1985). Поэтому вполне естественно то, что эти слова ведут себя по-разному в языковой эволюции.

3. При исследовании названий с редупликацией, для которых возможно звукосимволическое происхождение, этимолог обычно сталкивается и с трудностью определения этимологического гнезда исследуемого слова и разграничения древних омонимов. Как было уже сказано выше, наблюдения над современными звукосимволическими названиям свидетельствуют об их вариативности, выражающейся в чередовании согласных по глухости/звонкости, твердости/мягкости, смычности/фрикативности. Наблюдаются чередования и при гласных.

Данные нейрофизиологии и нейролингвистики говорят о том, что при временной инактивации левой гемисферы мозга в результате унилатеральной электрошоковой терапии, применяемой для лечения шизофрении, наблюдается размытость фонемных границ, диффузность звуковой формы лексических единиц (Баллонов, Деглин 1976: 161). Воронин отмечает, что из этого следует, что размытость фонемных границ есть черта эволюционно-древняя, архаическая и что это приводит также к выводу об эволюционной древности размытости, диффузности звукового облика звукосимволических слов (1982: 143). Этим тоже можно объяснить их формальную вариативность и нерегулярные формальные соответствия между этимологически связанными из них. Они являются наследниками этимона, существовавшего в разных фонетиче-

ских вариантах. Поэтому, когда исследуются названия, для которых предполагается ономатопоэтическое происхождение, необходимо учитывать возможность их формальной вариативности еще на древней основе.

Таким образом цитированные выше болгарские глаголы со значениями ‘таращить глаза’, ‘человек с выпуклыми глазами’: *кокòря се*, *кокòла се*, *кокиля се*, *кѐкер*, *очочòрвам се*, *цѐкля се*, *чечѐря се*, *шешѐря се* выводимы из одного и того же этимона, существовавшего в разных фонетических вариантах, с чередованием согласных по смычности/фрикативности **kV-kVR-* / **xV-xVR-* и последующим экспрессивным развитием согласных палатализацией.

Ряд цитированных выше русских названий: *каракульский* ‘суковатый (дуб)’, *каракуля* ‘кривое дерево; сучковатая вершина сосны’, *каракалястый* ‘суковатый (о дереве)’ можно продолжить такими диалектными названиями, как: *короколятый* ‘суко́ватый’, *краколь* ‘сук, сучок дерева’, *кракалестый*, *кракалястый*, *краколистый* ‘суковатый’, *крековистый* ‘сучковатый, ветвистый, кряжистый (о дубе)’, *крыковястый* ‘эпитет дуба: крепкий, кряжистый’, *кряковастый* ‘кряжистый, крепкий (о дубе)’ (СРНГ, XIV: 334; XV: 165, 209, 365 367). Очевидно, между ними существует этимологическая связь, а незакономерные формальные отношения можно объяснить звукосимволическим происхождением их этимона. Не следовало бы прибегать к идее о древней апофонии в данном ряде слов[6], так как не обнаруживаются словообразовательные и словоизменительные значения, которые при этом должны были бы выражаться. Также и идею о тюркском происхождении русск. *каракули* ‘неразборчивые, неумело или небрежно написанные буквы; кривое дерево’ (< тюрск. *karakul* буквально «черная рука»)[7] трудно принять, так как при этом невозможно объяснить происхождение остальных русских близкозвучащих слов с тождественной семантикой.

Также и для русск. *хорохòриться* ‘важничать, ломаться’, диал. *хорхòра* ‘взъерошенная курица’ возможно происхождение от одного и того же этимона с вариативностью за счет чередования гласных: **xor-xor-* и **хър-хър-*.

Возможно, что вариативность звукосимволических слов способствуется и стремлением к дифференциации лексикосемантических вариантов, развившихся из первоначально слишком общих значений.

Следует отметить, что иногда формы с полной и неполной редупликацией выражают одно и то же лексическое значение или лексические значения, выводимые из одного и того же первоначального значения. Ср., например, формально-семантические отношения между следующими названиями:

болг. диал. *кар-кал-ѐга* : *ка-кал-я̀шка* ‘шишка’;

болг. диал. *гър-гър-ица* : *гъ-гр-ица* ‘долгоносик, насекомое Bruchos pisi (которое ест фасоль, чечевицу, пшеницу)’;

---

[6] См. аналогичный подход в: (Козлова 1985).

[7] См. об этом, например, в: (Фасмер 1976 1977, II: 192; Шанский, II: 63 64).

болг. *в-гра-гор-я̀ се* ‘окаменеть’, *в-гла-гдр-а се* ‘очерстветь от холода’ : *гу̀-гр-я се* ‘сжиматься от холода’;

гр. диал. κορ-κάρ : κο-κάρ-ι ‘лук-севок’;

санскр. *çar-kar-ah* : пракр. *ka-kkar-a-* ‘камень, камешек’;

русск. *хор-хо̀р-а* ‘взъерошенная курица’ : *хо̀-хр-иться* ‘(о человеке) быть в мрачном настроении, хмуриться, дуться’

или

др.-гр. κρο-κάλ-η : κρό-κ-η ‘овальный гладкий камешек на берегу моря или реки’;

лит. *gar-gal-as*, *gur-gól-as* : *gùr-g-a* ‘узел или неровность в пряже’;

болг. диал. *кър-кл-ица* : *кър-к-а* ‘вошь’;

русск. *хорохо̀риться* : блр. *ха́рашыцца* ‘важничать, ломаться; хвастаться, чваниться’;

лит. *gùn-gar-a*, *gun-gur-ys* : *gùn-g-a* ‘кривизна’.

Данные параллельные формы с полной и неполной (усеченной) редупликацией вряд ли возникли независимо. Форму с полной редупликацией следовало бы считать исходной. В первой группе примеров наблюдается диссимиляционное исчезновение сонанта. Во второй группе концовка формы с полной редупликацией, по всей вероятности, переосмыслена как суффикс. В принципе переосмысление в качестве морфемы данного часто встречающегося сегмента в словах с близкими значениями вполне возможно. По всей вероятности, таково именно происхождение индоевропейских деминутивных суффиксов с детерминативом l.

Выводы

Итак, если констатируется выражение одних и тех же значений или значений, выводимых из одного и того же первоначального значения, названиями, чьи формы выводимы из форм, содержащих редуплицированные звуковые комплексы, то, по всей вероятности, это слова ономатопоэтического происхождения. Наследники звукосимволического этимона могут приобретать лишенные образности и экспрессивности лексические значения. В результате закономерных и незакономерных фонетических изменений редупликация в них может «замаскироваться». К одному и тому же этимологическому гнезду могут относиться наследники звукосимволического этимона, чье родство недоказуемо при помощи фонетических законов. Также возможно и независимое происхождение близких по форме и значению звукосимволических слов в разных языках и диалектах. Поэтому с большей степенью вероятности можно определять звукосимволическое происхождение данного слова и с гораздо меньшей – его этимологическое гнездо.

Сокращения названий языков:

алб.	–	албанский	польск.	–	польский
англ.	–	английский	пракр	–	пракрит
арм.	–	армянский	рум.	–	румынский
белорусск.	–	белорусский	русск.	–	русский
болг.	–	болгарский	санскр.	–	санскрит
гр.	–	греческий	сербскохорв.	–	сербскохорватский
др.-болг.	–	древнеболгарский	словацк.	–	словацкий
др.-гр.	–	древнегреческий	словин.	–	словинский
др.-норв.	–	древненорвежский	тур.	–	турецкий
др.-русск.	–	древнерусский	укр.	–	украинский
лит.	–	литовский	хет.	–	хетский
лув.	–	лувийский	чешск.	–	чешский
нем.	–	немецкий	ятвяжск.	–	ятвяжский

Литература

Абаев 1986: Абаев В. И., Paregga 2. Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук // Вопросы языкознания. № 2, 27–39.

Баллонов, Деглин 1976: Баллонов Л. Я., Деглин В. Л., Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Ленинград.

БЕР: Български етимологичен речник. София, 1971

Бояджиев 1971: Бояджиев., Т., Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско // Българска диалектология. Проучвания и материали. VI. София, 5 135.

Варбот 1981: Варбот Ж. Ж, Славянские этимологии // Этимология 1979. Москва, 28 41.

Вейсман 1991: Вейсман А. Д., Греческо-русский словарь. Москва.

Воронин 1982: Воронин С. В., Основы фоносемантики. Ленинград.

Воронин 1990: Воронин С. В., Этимология и фоносемантика // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 62 70.

Геров: Геров., Н., Речник на българския език. София 1975 1978.

Горов 1962: Горов, Г., Странджанският говор. Българска диалектология. Проучвания и материали. I. София, 13 164.

Даль 1989: Даль Вл., Толковый словарь живого великорусского языка. Москва.

Дворецкий 1976: Дворецкий И. Х., Латинско-русский словарь. Москва.

Журавлев 1974: Журавлев А. П., Фонетическое значение. Ленинград.

Журавлев 1976: Журавлев А. П., Типы значений слова и их мотивированность // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 20 25.

Калужская 2001: Калужская А. П., Палеобалканские реликты в современных балканских языках. Москва, 2001.

Козлова 1985: Козлова Р. М., Образования с корнем *(s)kork-/*(s)korč- в славянских языках // Этимология 1982. Москва, 47 54.

Колева-Златева 2000: Колева-Златева, Ж., Лексикалната диахрония на езика през призмата на детската реч. В. Търново.

Колева-Златева 2002а: За произхода на някои български названия на малки предмети // Трудове на Великотърновския университет "Св. св. Кирил и Методий". Книга 2 – Езикознание. Т. 33. В. Търново, 121 133.

Колева-Златева 2002б: Колева-Златева, Ж., К этимологии рус. *хороший* // МАПРЯЛ 2002. Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI века. Доклады и сообщения. В. Търново, 262 265.

Колева-Златева 2005: Колева-Златева, Ж., Към етимологията на гр. κόκκαλο(ν), бълг. *кокал* // Проглас 2000 2004. Велико Търново, 69 81.

Крючкова 2000: Крючкова, Д. Ю., Редупликациия в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. №4, 68 84.

ЛЭС 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой.

Мейе 1938: Мейе, А., Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва – Ленинград.

Младенов 1969: Младенов, М., Говорът на Ново село, Видинско, принос към проблема за смесените говори // Трудове по българска диалектология. VI. София.

Москов 1964: Москов, М., Взаимоотношението между група славянски думи с оглед на произхода им // Известия на Института за български език. XI. София, 137 149.

Негневицкая, Шахнарович 1981: Негневицкая Е. И., Шахнарович А. М., Язык и дети. Москва.

Петков 1974: Петков, П, Еленски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. VII. София, 3 175.

Поливанов 1968: Поливанов С. Д., По поводу «звуковых жестов» японского языка // Статьи по общему языкознанию. Москва, 295–305.

РБЕ: Речник на българския език. София, 1977

Соболев 2001: Соболев А. Н., Балканская лексика в ареальном и ареально-типологическом освещении // Вопросы языкознания. № 2, 59–93.

Срезневский: Срезневский И. И., Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Москва, 1989.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. Т. 1 38 (ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов), Ленинград, 1965 2004.

ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР, Москва–Ленинград, 1948–1965.

Стойчев 1965: Стойчев, Т., Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. II. София, 119 314.

Фасмер 1976 1977: Фасмер М., Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Москва.

Фролова 1988: Фролова О. А., Ономатопоэтические слова японского языка в функции экспрессивной характеристики человека и их системные связи // Системные отношения на разных уровнях языка. Новосибирск, 65–70.

Хитов 1979: Хитов, Хр., Речник на говора на с. Радовене, Врачанско // Българска диалектология. Проучвания и материали. IX. София, 223–342.

Хусаинов 1990: Хусаинов К. Ш., О причинах количественного различия звукоизобразительных слов в разносистемных языках // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 158–163.

Шанский: Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н. М. Шанского. Москва. 1963

ШАХНАРОВИЧ 1979: Шахнарович А. М., Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М., Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. Москва.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974

ЯКОБСОН 1985: Якобсон Р., Избранные работы. Москва.

ABELIN: Abelin, Å., Studies in Sound Symbolism. Online. Available: http://www. conknet.com/~mmagnus/SSArticles/abel1.htm. 18 November 2004

ALLOTT 1989: Allott, R., The Motor Theory of Language Origin. Lewes, Sussex: Book Guild.

BOISACQ 1916. Boisacq, É., Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes. Heidelberg–Paris.

BURLING: Burling, R., Motivation, Conventionalization, and Arbitrariness in the Origin of Language. Online. Available: http://www-personal.umich.edu/ ~rburling/SantaFe.html. 18 November 2004.

DELR: Dicţionarul explicativ al limbii române. Bucureşti, 1998.

ERNOUT–MEILLET 1951: Ernout, A., Meillet, A., Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris.

FRISK 1960–1972: Frisk, H., Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bde. I–III. Heidelberg: Winter.

FSSS 1981: Fjalor së sotme shqipe, N – ZH, Prishtinë, 1981.

KOCH 2001: Koch, W., Consciousness, Communication, Speech. A Condensed View of the Origins of Language. Online. Available: http://www.trismegistos.com/ IconicityInLanguage/Articles/Koch/Koch.htm #anchor958746. 16 November 2004.

KOPEČNÝ 1952: Kopečný, F., Poznámka k etymologické metode // Slavia XXII, 322 323.

LAKOFF–JOHNSON 1980: Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. Chicago, London.

LKŽ: Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, t. I – 1968, t. II – 1969, t. III – 1956

MACHEK 1952: Machek, V., O potřebě a problematice slovanského etymologického slovníku // Slavia. XXII, 314 321.

MACHEK 1956: Machek, V., Expressive Vokaldehnung in einigen slawischen Nomina // Zeitschrift für Slawistik. B. I, H. 4, 33–40.

MAGNUS: Magnus, M., Bibliography of Phonosemantics, Copyright 2000. Online. Available: http://www.conknet.com/~mmagnus/Bibliography.html. 16 November 2004.

OETTINGER 1998: Oettinger, N., Skizze zur Funktion der Reduplikation im Hethitischen // Acts of the 3rd International Congress of Hittitology, September 16–22, 1996. Ankara, 451 455.

PASHKA 1994: Pashka, J., Sudovian-English Dictionary. Online. Available: http://www.geocities.com/Athens/Ithaca/6623/. 14 December 2004.

POLÁK 1980: Polák., V., Metodologie etymologického rozboru v slovanských jazycích // Slavia. R. 49, 321 337.

REICH 1986: Reich, P. A., Language Development. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.

ROLFE 2000: Rolfe, L., Phonestemes as primary word forms // Bichakjian, B. H., Chernigovskaya, T., Kendon, A., Möller, A. (eds.), Becoming Loquens: More Studies in Language Origin. Frankfurt/M.: Lang, 123 148.

SŁAWSKI: Sławski, Fr., Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków. 1952

Turner 1966: Turner, R. L., A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, New York, Toronto, 1966.

Vértes 1965: Vértes E. Hangfestés és szószármaztatás // Magyar Nyelvőr. 89/2, 157 164.

Voronin 2000: Voronin, S., Approaching the iconic theory of language origin. Pertinent laws and tendencies from phonosemantics // Bichakjian, B. H., Chernigovskaya, T., Kendon, A., Möller, A. (eds.), Becoming Loquens: More Studies in Language Origin. Frankfurt/M.: Lang, 149 166.

Abstract

On the Typological Criteria for the Recognition of Words of Sound Symbolic Origin in Etymological Research (On the Basis of Indo-European Languages)

The recognition of the words of sound symbolic origin is a weak point in etymology. According to etymological dictionaries of Indo-European languages there should not be any words of sound symbolic origin in these languages or their amount should be very small. This fact, however, contradicts the typological assumption of primitiveness and universality of onomatopoetic words.

The article examines the application of the typological criteria that can be taken into consideration in the etymological research for the recognition of the words which have a sound symbolic origin. The most reliable of these criteria is the reduplication. If a series of words which convey the same meaning or meanings originating from the same one contains reduplicated clusters of sounds, they could be continuants of sound symbolic etymons. In the article a lot of examples with the same or related meanings are given. These can be considered as forms with full reduplication according to the model: CR̥-CR̥ and CVR-CVR or partial reduplication according to the model: CV-CR̥, CV-CVR or CR̥-C-, CVR-C-.

The etymologist has to take into consideration the fact that reduplication in sound symbolic words could have been obscured by regular and irregular changes. As a result of semantic changes the words of sound symbolic origin can develop meanings that usually are not expressed by the onomatopoetic words. Usually the relationship between the continuants of the same onomatopoetic etymon cannot be established by the phonetic laws or the continuants of the different onomatopoeic origin in the different languages, and dialects can have the same or similar phonetic forms, too. Therefore, in etymological research, the sound symbolic origin of the words can be established with more confidence than their relationship.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

ОТРАЖЕНИЕ СЕВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОСОБЕННОСТИ «ЁКАНЬЕ» В РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

AGYAGÁSI Klára

I. Исследование русских заимствований в марийском языке[1] берет свое начало в 1927-ом году с выходом в свет исследования А. М. СЕЛИЩЕВА «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис». В этом самом первом, эскизном рассмотрении темы уже указывается основная особенность заимствования русских слов марийскими диалектами: часть этих слов попала в марийский язык непосредственно из русского, но значительное количество русских заимствований вошло в марийский язык через посредство чувашского языка. Чувашское посредство при заимствовании некоторых русских слов подчеркивается и Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВЫМ (1957: 229), а также в монографии Л. П. ГРУЗОВА (1964: 108), касающейся происхождения гласных звуков марийского языка. Хронологические вопросы прямых заимствований из русского в марийский язык были впервые подняты в статье Г. БЕРЕЦКИ (1968) в связи с изменением *s* > *š* в большинстве марийских наречий.

После перечисленных предварительных исследований по теме в 1969 г. была опубликована монография А. А. САВАТКОВОЙ «Русские заимствования в марийском языке». Саваткова делит прямые русские заимствования на ранние (дореволюционные) и поздние (появившиеся в марийском языке после Октябрьской революции). Для определения хронологии ранних заимствований А. А. Саваткова (ук. соч. с. 4) приводит русские исторические события, которые могут указывать на непосредственные русско-марийские исторические контакты, и, таким образом, они могут служить хронологическими опорными пунктами для разных фаз русско-марийских непосредственных языковых контактов. (Такими событиями автор отмечает основание в XII в. Андреем Боголюбским городца Радилов недалеко от устья р. Оки; основание Нижнего Новгорода русскими в 1221 г.; существование в ближайшем соседстве горных и ветлужских мари Владимирского, Суздальского и Нижегородского княжеств до начала XIV в.; формирование московского государства, военные походы русских в сторону Вятских и Ветлужских земель; и наконец, присоединение марийского края к русскому государству в 1552 г.)

[1] Настоящая статья открывает ряд публикаций по теме русских заимствований в марийском языке при поддержке фонда ОТКА (Т 048805).

Среди ранних русских заимствований, появившихся в марийской лексике предположительно на протяжении 9 веков дореволюционных русско-марийских языковых контактов, Саваткова определяет 4 группы:

1) «Наиболее ранние заимствования, содержащие звук *ц* на месте русского этимологического *ч*»;

2) «Слова, в которых русский согласный *с* передавался через согласный *ш* марийского языка, заимствованные задолго до присоединения марийских земель к русскому государству»;

3) «Русские слова, вошедшие приблизительно в одно и то же время[2] в марийский и чувашский язык»

а) слова, заимствованные из русского языка марийским и чувашским языками самостоятельно;

б) слова, вошедшие в марийский из русского через посредство чувашского языка;

4) «Русские слова, проникшие в марийский язык через посредство татарского языка до и после присоединения марийского края к русскому государству» (ук. соч. с. 9 12).

К каждой группе приведены примеры, марийские слова в сопоставлении со своими русскими соответствиями – без анализа исторического развития русских слов до времени заимствования и без указания их системных изменений после заимствования. (В группах опосредствованных заимствований приводятся и современные чувашские, и татарские формы русских слов для подтверждения факта посредничества.) К 4 слоям ранних русских заимствований отнесено всего 80 русских слов, а остальные из ок. 1100 собранных лексических элементов трактуются как поздние заимствования.

Так как в монографии САВАТКОВОЙ (1969) целью исследования не было поставлено использование ранних русских заимствований в качестве источников истории марийской и русской диалектологии, после появления книги остался нерешенным целый ряд вопросов исторического характера. Самыми важными из них являются следующие:

Определение верхнего хронологического предела русских заимствований на основании фонетических критериев. Соответствует ли периодизация русских заимствований, основанная на исторических событиях, периодизации, основанной на языковых критериях?

Определение русских и марийских диалектов, участвующих в прямых языковых контактах в ранние периоды истории марийского языка, а также характеристика их фонетической и фонологической системы.

В 90-ые годы XX века продолжались исследования с целью решения первого вопроса. Были опубликованы исследования Г. БЕРЕЦКИ (1994: 54–55) и АДЯГАШИ (1994а, 1994б, 1994в, 1999а), которые с разных позиций освеща-

[2] Видимо, здесь нужно понимать период после присоединения марийского и чувашского края к русскому государству.

ли хронологические вопросы некоторых русских заимствований. Но до сих пор не подошло время для окончательного ответа на первый вопрос, учитывая все детали, потому что новые факты этнической истории марийцев (см. АДЯГАШИ 1999б, 2003) требуют рассмотрения этой проблемы на фоне ареальной лингвистики.

Ответы на второй вопрос на основании языковых фактов стали возможными только в последнее время, параллельно с тем, как появились в печати основные лексикографические труды по марийской (БЕКЕ 1997 2001) и русской диалектологии (СРНГ; СлРЯ XI–XVII вв.), а также по новому системному описанию марийских диалектов (БЕРЕЦКИ 1992, 1994).

В нижеследующем исследовании изучаются 4 русских заимствования марийского языка, имеющие этимологический *е* в первом предударном слоге русской формы после мягкого, перед твердым согласным (в структуре С'еС), реализованные в конкретных примерах как *о*. 3 из 4 представлены в монографии Саватковой следующим образом:

русск. *пшено́* > мар. л. *шо́на*; г. *пышо́на* (ук. соч. 112)
русск. *село́* > мар. л. *со́ла*, *села́*; в. *сола́*; г. *со́ла* (ук. соч. 115)
русск. *черта́* > мар. в. *чорта́* (ук. соч. 123)

Все они отнесены к поздним заимствованиям из русского, а наличие в них гласного *о* на месте этимологического безударного *е* объясняется автором «особенностью окающего северно-великорусского говора» (ук. соч. 18), из которого они были заимствованы. Такая аргументация уже в свое время являлась неполной и даже неправильной. Данное явление в русской диалектологии отождествляется ёканьем, которое не распространяется на все окающие говоры русского языка (см. АВАНЕСОВ–БРОМЛЕЙ 1986: 94 96), а слова, имеющие эту особенность – как на это будет указано ниже – могли заимствоваться в разные исторические периоды из разных говоров русского языка.

II. Явление «ёканье», (фонетическая реализация безударного *е* в виде *о* после мягких, перед твердыми согласными) исторически тесно связано с изменением *е* > *о* в восточнославянских языках. Его исследование началось в конце XIX века, и на протяжении более ста лет появилось в печати множество публикаций с анализом материалов, относительно причины, фонетических условий и хронологии этого перехода. Привести их все невозможно, достаточно только сослаться на описание явления по русской исторической грамматике В. КИПАРСКОГО (1963: 107 114) и на обзор научного исследования данного фонетического явления истории русского языка Ф. П. ФИЛИНА (1972: 184–202). Филин, рассматривая историю изучения изменения *е* > *о* приходит к следующему выводу: первоначально *е* > *о* развилось после шипящих, *ц* и *j*. Произношение *о* вместо *е* после шипящих, *ц* и *j* возникло на юго-западной территории восточного славянства в XI в. А на основе изменения *е*

не в абсолютном начале слова, древнерусский язык в XII–XIII вв. распался на ряд диалектных зон:

1. южную (*е* > *о* после шипящих, *ц* и *j* независимо от ударения);
2. западную (*е* > *о* после всех мягких и смягченных согласных только под ударением);
3. северную (новгородскую) и северо-восточную (ростово-суздальскую), где *е* > *о* после всех мягких и смягченных согласных под ударением и частично в неударяемых слогах;
4. верхнеокскую-верхнедонскую (отсутствие *é* > *ó*);
5. прикарпатскую (сохранение *е* как под ударением, так и в неударяемых слогах).

Тенденция перехода *е* > *о* прекращает свое действие в XV веке, когда в большинстве говоров русского языка происходит отвердение шипящих.

Как это видно, русские ёкающие формы могли возникнуть между XI и XV веком в южной, северной (новгородской) и северо-восточной (ростово-суздальской) диалектной зоне древнерусского языка. Заимствование таких форм стало возможным для марийского языка после заселения русскими Волго-Камья, что было связано со взятием Казани (1552 г.). Как на это было указано Л. П. СМОЛЯКОВОЙ (1977: 5–7), русская колонизация шла с северо-запада на юго-восток, и в формировании русских говоров Волго-Камья участвовали представители разных диалектных групп. Из этого положения вытекает, что анализируемые слова, отражающие ёканье в своей исходной форме, следует рассматривать как единичные случаи заимствования, содержащие дальнейшие специфичные критерии для более точного определения времени заимствования. Реконструкция фонетических и структурных деталей заимствованных слов опирается на письменные источники и современные диалектальные данные русского языка. Среди письменных источников особое значение имеют памятники устного языка северной диалектной группы (берестяные грамоты древненовгородского диалекта, цитированные по ЗАЛИЗНЯК 1995), а также договорные грамоты, писцовые и переписные книги из северо-восточной диалектной зоны древне- и старорусского языка (цитированные по СлРЯ XI–XVII вв.).

мар. **šona-šürakš** 'просо (БЕКЕ 7: 2443)

Русск. ист.: (Берест. гр. № 108 – 60-х гг.XII-10-гг. XIII вв.) ПЬШЬНО (ЗАЛИЗНЯК 1995: 370); (Там. кн. I, 115. 1634 г.) ПШЕНО (СлРЯ XI–XVII ВВ. 21: 80); (Псков. разгов. I, 122. 1607 г.) ПШОНА 'рис'(СлРЯ XI–XVII ВВ. 21: 80);

Русск. диал.: (С.в./Перм.) *пшенȯ* 'белоярое пшено; пшеница' (СРНГ 33: 185); (С.в./Перм.) *пшёнка* 'пшеница' (СРНГ 33: 184)

< ПС **рьšепо* (ЧЕРНЫХ 2: 86).

Русское слово *pšona* (→ мар. *šona*) является первым компонентом марийского сложносочиненного слова-полукальки. Диалектный вариант [*pšoná*]

восходит к древнерусской форме *рьšепо*, в которой гласный *е* содержится в первом предударном слоге после исконно мягкого шипящего *š* и перед твердым *n*, что позволяет отнести появление гласного *о* вместо *е* в данном случае к самому раннему, южному типу перехода *е* > *о*: др. р. *рьšепо* > [*pš'ono*]. Этот тип перехода распространился на север и северо-восток после того, как *о* вместо *е* утвердился и после парных смягченных согласных. В новгородских берестяных грамотах XI–XIII вв. переход *е* > *о* совсем не встречается, но в грамотах XIV–XV вв. *е* > *о* после шипящих и *ц* и парных смягченных согласных часто бывает, см. ФИЛИН 1972: 190 192, ЗАЛИЗНЯК 1995: 56. Таким образом, существование формы [*pš'onó*] с конца XIV века в северном диалекте древнерусского языка не вызывает сомнения. Но требует дальнейшего объяснения наличие гласного *-а* в конце марийской формы русского слова, ведь данное существительное этимологически имеет окончание *-о* и относится к среднему роду. Возникает вопрос, можно ли назвать такую тенденцию в исторической морфологии русского языка, на основании которой окончание *–а* трактуется как диалектальная особенность русской формы, или же следует его рассматривать, как результат изменения, происшедшего после заимствования марийским языком.

Вариантность среднего и женского рода существительных являлась характерной особенностью исторического развития русского языка, появившейся в раннем периоде древнерусского языка, и распространенной в более широких масштабах параллельно с процессами унификации склонения имен. Как на это указывает Л. А. ГЛИНКИНА (1974: 215–217), в словаре И. И. СРЕЗНЕВСКОГО отмечено 18 употреблений существительных среднего рода с основой на **-ŏ* по парадигме существительных женского рода с основой на **-ā*. Как причину данного явления Глинкина приводит положение на уровне общей лингвистики: «при родовом переосмыслении неодушевленных имен ни один язык не мог обойтись без колебаний, без двойных или даже тройных родовых вариантов» (ук. соч. с. 216).

В словаре И. И. СРЕЗНЕВСКОГО (2: 1780) существительное *рьšепо* (ПЬШЕНО, ПШЕНО) 'зерно проса' еще не имеет родовариантную форму, но такая форма обнаруживается в цитированном выше документе 1607 г. В памятнике псковского происхождения отражается даже ёкающий корень существительного: родовариантная форма была образована от фонетического варианта [*pš'onó*], а процесс исторического развития слова представляется следующим образом:

др. р. *рьš'ено* > [*рьš'ono*] > [*pš'onó*] > ст. р. [*pšonó*] > [*pšoná*].

Форма *pšoná* могла заимствоваться марийским языком начиная по крайней мере с 1607 г. от носителей псковской диалектной группы. Начальный согласный *р* на марийской стороне в горном наречии был опущен, потому что марийские структурные нормы, начиная с поздне-прамарийского пе-

риода, не позволили стечение согласных в абсолютном начале слова. В горном наречии при сохранении начального *р* русского слова в марийской форме перед *š* был вставлен редуцированный гласный для раствора стечения.

мар. Г **sola** 'село, деревня' (МРСл 536); (JT KN) **so·la** 'Dorf' (БЕКЕ 6: 2216);

Русск. ист.: (Гр. Новг. и Псков., 19. 1308 г.) СЕЛО 'усадьба' (СлРЯ XI–XVII вв. 24: 47); (Берест. гр. № 359 – конец XIV начало XV вв.) СЕЛО (ЗАЛИЗНЯК 1995: 553);

Русск. диал.: (С. з./Новг.) *селȯ* 'центральная часть села; часть деревни, где жили богатые люди (СРНГ 37: 135); (Ю. в./Ряз.) [*к сялу*] ~ [*к сёлу*] 'центр деревни, села' (СРГМ 37)

< ПС **selo* (ЧЕРНЫХ 2: 152).

Переход *е* > *о* в данном слове осуществился в положении после смягченного согласного */s'/* перед твердым */l/* в первом предударном слоге, что указывает на время его возникновения после становления фонематической корреляции твердости-мягкости согласных в результате падения редуцированных гласных. Такой тип мог появиться в северной (новгородской) и северо-восточной (ростово-суздальской) диалектной зоне (см. выше) с начала XIV века. Процесс фонетического изменения слова представляется следующим образом: др. р. *selo* > [*s'eló*] > [*s'oló*].

Здесь опять возникает вопрос, почему имеется в марийской форме слова конечный *-а* вместо *-о*. В данном случае вряд ли может отражаться родовариантная форма существительного среднего рода, потому что, по свидетельству письменных памятников, древне- и старорусские слова со значением 'селение, населенный пункт' (СЕЛО, СЕЛЬШКО, СЕЛИШКО, СЕЛИЩКО, СЕЛИЩЕ) прочно удерживают свою принадлежность к среднему роду от XI до XVII в. (см. СлРЯ XI–XVII ВВ. 24: 45–48). Форма на *-а* даже в современных диалектах не встречается (см. СРНГ 38).

Появление окончания *-а* вместо *-о* объясняется в этом слове структурными особенностями марийского языка.

Во время существования поздне-прамараийского единства (до середины XIII в.) в прамарийском языке существовали очень строгие структурные нормы. В двухсложных словах качество гласного второго слога определялось открытым или закрытым характером слога. Слова с гласным -о- в первом слоге могли иметь гласную структуру *о – ə̂*, если второй слог был открытым, напр. **kolə̂-* (№ 77), **nolə̂* (№ 216), *šolə̂* (№ 340), *šolə̂-* (№ 341) – примеры цитированы из этимологического справочника БЕРЕЦКИ 1992. А если второй слог был закрытым, гласная структура слова мог быть только *о – а*, см. **omaš* ((№ 228), **počaš* (№ 243), **pondakš* (№ 262), **sopsar* (№ 349). Пока в марийских диалектах прамарийские структурные нормы были удержаны, заимствование русской формы типа *s'oló* в неизменном виде было невозможно.

Так как русское слово имело ударение на втором слоге, а в марийском языке конечный *-ə̑* не мог иметь ударения, в марийской форме слова появился конечный *-а* вторично, по модели второго закрытого слога: русск. [*s'oló*] → мар. *solá*[3].

Из-за отсутствия ранних письменных памятников нет возможности указать на хронологию конца действия прамарийских структурных норм. Таким образом, время заимствования этого слова определяется только релятивной хронологией: оно произошло после XIV века, но до разрушения прамарийских структурных норм[4]. Во всяком случае, в первом письменном памятнике марийского языка (ПЕРВАЯ ГРАММАТИКА 1775 г.) изученное слово уже фигурирует как *солá* 'деревня' (СЕБЕОК–РАУН 1956: 37).

мар. **cort** 'чертежный прибор плотника' (САВАТКОВА 1981); (В./Сулск.) **čorta** 'т. ж.' (САВАТКОВА 1969).

Русск. ист.: – Русск. диал.: –

< ПС *čьrta (ЧЕРНЫХ 2: 384), см. еще (ФАСМЕР 4: 358).

Марийские данные цитируются из двух разных, территориально отдаленных друг от друга диалектов. Форма *cort* была собрана Саватковой в горном наречии западного диалекта марийского языка, а *čorta* имеется в восточном диалекте, и она была собрана в пермской диаспоре марийского языка. Как на это указывает разница начального согласного марийских форм, источником заимствования должны были выступать разные диалектные группы русского языка, имеющие особенность «ёканье» в своей фонетической системе. Слово *cort* было заимствовано из цокающего местного варианта северного диалекта. Исторически цоканье раньше всего появилось в древненовгородском диалекте, где ко времени возникновения письменных памятников продукты первой и третьей палатализации в единой форме совпали в твердый *ц* (см. ЗАЛИЗНЯК 1995: 34). Отсюда распространилось оно и в другие восточные зоны древнерусского языка, несмотря на то, что в памятниках ростово-суздальской письменности – как это замечает ОРЛОВА (1959: 6), цоканье слабо отражается. А в современных северо-восточных, северо-западных и юго-восточных говорах цоканье широко распространено (см. ОРЛОВА 1959; ДУРНОВО 1969: 145 46). Указать на точный источник и время заимствования цокающей формы будет трудно не только потому, что отсутствуют нужные русские письменные источники с этой особенностью, возникшие в поволж-

[3] Мягкий начальный *s'* русской формы отражается на марийской стороне как *s*, соответственно тому, как и в булгаро-тюркских заимствованиях этот звук передается в марийском языке, напр. волжск. булг. *čörek ~ šörek ~ šöker* > ср.чув. *śükĭr* → мар. *sukir*, см. подробнее (АДЯГАШИ 1983: 280).

[4] Большое количество русских заимствований с гласной структурой о-ò относится к этой хронологической группе. Марийское существительное *šona* можно объяснить и согласно этой модели.

ском регионе. Но в истории заимствования этого русского слова нужно предположить еще одного участника-посредника, который мог повлиять на фонетическое и структурное оформление слова. Это объясняется тем, что в истории марийского языка не существует никакой фонетической или структурной причины, по которой в двухсложном слове с открытым слогом во втором слоге с гласным на *-а* потребовалось бы выпадение ударного гласного. В этом слове, видимо, имеем дело с посредничеством того «черемисского субстратного языка», около 60 лексических элементов которого уже удалось определить в чувашском языке (см. АДЯГАШИ 2000), и локализация которого стала возможной (см. АДЯГАШИ 2002) в Поветлужье между XII и XVI вв. Так как особенности фонетической и фонологической системы этого языка пока неизвестны, вопрос о времени и условиях заимствования русского слова субстратным языком оставим открытым.

Слово *čorta* отражает переход *е* > *о* соответственно первому, самому раннему типу, см. выше. В северном диалекте такая форма, как на это уже было указано, могла появиться с XIV века. Однако, это слово не содержит никакой фонетической или структурной особенности ни на русской, ни на марийской стороне, по которой можно было бы определить нижний хронологический предел заимствования. Таким образом, для представления хода заимствования допускаются две разные реконструкции:

др. р. *čьrta* > [*č'ertá*] > [*č'ortá*] > ст. р. [*č'ortá*] → мар. в. *čorta*

или:

др. р. *čьrta* > [*č'ertá*] > [*č'ortá*] > ст. р. [*č'ortá*] > русск. диал. [*č'ortá*] → мар. в. *čorta*

мар. **joršok**'kiiski; ершъ' (ПААСОНЕН 1948).

Русск. ист.: (Кн. пер. Водск. пят. I, 641. 1500 г.) ЕРШЪ 'ерш' (СлРЯ XI–XVII вв. 5: 59);

Русск. диал.: (СР.п./Пск.) *ерёш-ершà* 'рыба ерш' (СРНГ 9: 24); (С.в./Перм.) *ёрш* 'ёж' (СРНГ 9: 36); (С.п./Арх.) *ёрша* 'рыболовный снаряд – верша'; (С.ол./Олон.) *ершэ̀к* (СРНГ 9: 36)

< ПС **jeršь* (ЧЕРНЫХ 1: 287).

В данном слове переход *е* > *о* мог осуществиться после появления производной формы слова в русском языке. Поздний характер заимствования предполагается не только из-за отсутствия производной формы слова в письменных памятниках русского языка. Судя по структурным особенностям марийской формы тоже можно исключать раннюю хронологию заимствования. Русское производное слово содержит во втором закрытом слоге ударный гласный *-о-* которое может отражаться в неизменном виде на марийской стороне только в самых поздних периодах истории марийского языка, после

полного разрушения древнемарийских структурных норм. Источником заимствования мог быть говор юго-восточной части территории окающего северно-великорусского наречия с пятифонемным вокализмом (тип № 5 у ПОЖАРИЦКОЙ 1967: 66), куда входят юго-восточные районы Горьковской области, а также Марийской и Мордовской АССР.

Принятые сокращения:

др. р.	– древнерусский период
мар. в.	– восточное наречие марийского языка
мар. г.	– горное наречие марийского языка
мар. л.	– луговое наречие марийского языка
ПС	– праславянский период
русск. диал.	– русская диалектная (форма)
русск. ист.	– русская историческая (форма)
ст. р.	– старорусский период
С. в.	– восточная зона северного диалекта русского языка
С. з.	– западная зона северного диалекта русского языка
Ю. в.	– восточная зона южного диалекта русского языка

Литература

АВАНЕСОВ–БРОМЛЕЙ 1986: Аванесов Р. И., Бромлей С. В., (ред.) Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Москва.

АДЯГАШИ 1983: Agyagási K., A 'kenyér' jelentésű szó a csuvasban. // NyK 85, 279 280.

АДЯГАШИ 1994а: Agyagási, K., Überlegungen zur Differenzierung der tscheremissischen Mundarten anhand von **kǫžel'a* 'Hanfhocke'// UAJb NF 13, 56 67.

АДЯГАШИ 1994б: Agyagási, K., Weitere Beiträge zur Aufdeckung eines internationalen Wanderwortes (Das Wort 'Buch' im Wolgagebiet) // Bamberger Zentralasienstudien (hrsg. von Ingeborg Baldauf, Michael Friedrich), Berlin, 29 36.

АДЯГАШИ 1994в: Agyagási K., Volga-vidéki etimológiák I. // FUD 3, 3–6.

АДЯГАШИ 1999а: Agyagási K., Megjegyzések a szó(tag)harmóniáról az óorosz *degъtь* 'kátrány' szó vándorlása kapcsán. Magyar Nyelvjárások 37, 40–48.

АДЯГАШИ 1999б: Адягаши, К., К вопросу об этногенезе марийцев. // АОН 52, 293–307.

АДЯГАШИ 2000: Agyagási, K., Der sprachliche Nachlaß der Spät-Gorodec Bevölkerung in den tschuwaschischen und mariischen Mundarten. In: Folia Uralica Debreceniensia 7, 3 24.

АДЯГАШИ 2002: Адягаши, К., Название *čeremis* в средневековых источниках. Пермистика-9. Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Отв. Ред. И. В. Тараканов. Ижевск, 102 108.

АДЯГАШИ 2003: Agyagási, K., Die historische Wandlung der ethnischen Struktur des Wolgagebiets. In: Die ural-altaische Völker – Identitäten im Wandel zwischen Tradition und Moderne. Hrsg. von Gerson Klumpp und Michael Knüppel. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica Band 63. Wiesbaden, 9–14.

БЕКЕ 1997 2001: Beke Ö., Mari nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) 1 9. Neu redigiert von Gábor Bereczki, bearbeitet von Margarita Kuznecova, herausgegeben von János Pusztay. Savariae.

БЕРЕЦКИ 1968: Bereczki, G., Wichtigere lautgeschichtliche Lehren der russischen Lehnwörter im Tscheremissischen // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum Helsingiae habitus 23–28. VIII. 1965. Pars I. Acta Linguistica. Helsinki, Societas Fenno-Ugrica 1968, 70 76.

БЕРЕЦКИ 1992: Bereczki, G., Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II. Studia Uralo-Altaica 34 Szeged.

БЕРЕЦКИ 1994: Bereczki, G., Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Studia Uralo-Altaica 35 Szeged.

ГЛИНКИНА 1974: Глинкина Л. А., О родовариантных формах существительных в древнерусском языке. (По «Материалам » И. И. Срезневского). // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. Москва, 196–225.

ГРУЗОВ 1964: Грузов Л. П., Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар Ола.

ДУРНОВО 1969: Дурново Н. Н., Введение в историю русского языка. Москва.

ЗАЛИЗНЯК 1995: Зализняк А. А., Древненовгородский диалект. Москва.

КИПАРСКИ 1963: Kiparsky, V., Russische historische Grammatik. Heidelberg

МРСл: Марийско-русский словарь (отв. ред. Б. А. Серебренников) Москва, 1956.

ОРЛОВА 1959: Орлова В. Г., История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. Москва.

ПААСОНЕН 1948: Paasonen, H., Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von P. Siro. Helsinki.

ПОЖАРИЦКАЯ 1967: Пожарицкая С. К., К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров. // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II. Москва, 59 73.

САВАТКОВА 1969: Саваткова А. А., Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола.

САВАТКОВА 1981: Саваткова А. А., Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола.

СЕБЕОК – РАУН 1956: Sebeok, T., Raun, A., The First Cheremis Grammar. Chicago.

СЕЛИЩЕВ 1927: Селищев А. М., Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. Ученые записки института языка и литературы Т. I. Москва, 60 70.

СЕРЕБРЕННИКОВ 1957: Serebrennikov, B., Zur Geschichte der a-Laut im Tscheremissischen und Tschuwaschischen. UAJb 29, 224–230.

СРГМ: Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия «С» Саранск, 2002.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. Т. 1–38 (ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов), Ленинград, 1965 2004.

СлРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1 27. (Коллектив авторов) Москва, 1975 2004.

СМОЛЯКОВА 1977: Смолякова Л. П., Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья. Москва.

СРЕЗНЕВСКИЙ 1989: Срезневский И. И., Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Москва.

ФАСМЕР 1986 87: Фасмер М., Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Москва.

ФИЛИН 1972: Филин Ф. П., Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Ленинград.

ЧЕРНЫХ 1999: Черных П. Я., Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. 3-е изд., стереотип. Москва.

Abstract

On Reflection of a Northern Russian Dialectological Phonetic Peculiarity – Realisation of Non-stressed *e* as *o* – in Russian Loan Words of Cheremis Language

After reviewing the history of investigation of Russian loan words in Cheremiss the author focuses on four words of Russian origin with realisation of non-stressed *e* as *o* in the 1st syllable.

The historical analysis of Cheremis words: *šona* 'seed', *čorta* 'carpenter liner' *sola* 'village' and *joršok* 'a kind of fish (gudgeon)' shows that these words could have been borrowed from different vernaculars of the Northern Russian dialect between the 16th and the 20th century.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

ДИАЛОГИ И ПРЯМАЯ РЕЧЬ В ЛЕТОПИСАНИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XIII СТОЛЕТИЯ
(К ВОПРОСУ О КОНСТИТУИРОВАНИИ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ)

FONALKA Mária

Проблематика текста сводится к целому ряду аспектов, большинство которых пока не полностью раскрыто текстологами[1]. Во всех проблематических моментах существенным элементом является уточнение терминологического значения слова «текст», т. е. определение того, какова природа конституирующих признаков текста, как категории речи (ГАЛЬПЕРИН 1974). Первичная причина расхождений во мнениях заключается в том, что одни исследователи воспринимают текст, как процесс, а другие как результат речевой деятельности. В связи с этим ведутся споры и о том, можно ли применять слово «текст» и в сфере устной речи, или данный термин употребляется только по отношению к письменной форме. До последнего времени большинство текстологов разделял мнение И. Р. Гальперина, по определению которого «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (ГАЛЬПЕРИН 1981). Значит, Гальперин под текстом понимает не фиксированную на бумаге устную речь, а результат специального процесса, который имеет свои параметры, отличные от параметров устной речи. Тексты в таком понимании, как правило, отграничены, и их законченность всегда находит материальное выражение при помощи разнообразных сигналов (ЛОТМАН 1970). Эти сигналы употребляются автором тогда, когда *он* считает текст законченным. Законченность зависит от кон-

[1] Венгерский исследователь семиотической текстологии Петефи Ш. Я. в своем исследовании о научной среде текстологических исследований дает схему макродисциплин разных областей коммуникативов. Упрощая вопрос, можно сказать что он группирует их на языкознание, текстологию, и связанные с текстологией дисциплины. К перечисленным выше дисциплинам прибавляет и интердисциплинарную научную сферу, к которой он причисляет например философию, психологию, социологию, антропологию, семиотику, теорию передачи информации, формальные методологии, эмпирические методологии и др. (PETŐFI 2004).

кретной цели и от узуса той коммуникативной среды, в которой текст возникает, и от узуса данного жанра.[2]

В жанровом отношении литература Древней Руси не имеет себе подобных. Если мы хотели бы сосчитать все названия жанров древнерусской литературы, то получилось бы около ста (ЛИХАЧЕВ 1968). Эти жанры получают свое конкретное воплощение в тексте, обладающем своим содержанием, каким-то сообщением, и которое оформляется по правилам существующих литературных норм. Цель нашей работы показать, что живая устная речь (и прямая и диалогическая) является существенной составной частью Галицко-Волынской летописи. Эта блок-схема, которая представляет собой специальную текстологическую единицу (сверхфразовое единство) органически встраивается в структуру летописного текста.

Отношение общества к письменным памятникам в средние века было принципиально иным, чем в последующие столетия. По средневековому человеку культура не знала старения, она воспринималась им как нечто вечное, вневременное явление, совокупность неизменяемых идей (ПАНЧЕНКО 1979). Авторы письменных памятников (текстов) должны были передать, сообщить эти идеи. Следовательно, книжники в наименьшей степени не считались «сочинителями», то есть «литераторами» в современном смысле этого слова. (CURTIUS 1973) Именно поэтому изучение созданных ими текстов требует от исследователей в основном другого подхода, чем современные тексты.

Особым был подход и к функции письма: не всякая мысль удостаивалась внимания. Выбор предмета описания был обусловлен в первую очередь тем, соответствовало ли событие, мысль или речь (значит форма высказывания) стилю эпохи, т. н. «литературному этикету». По определению Д. С. Лихачева канон в литературе XIII-ого столетия слагался «из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, этикет миропорядка, этикет поведения и *этикет словесный* (курсив мой – М. Ф.)» (ЛИХАЧЕВ 1979). Он же пишет и о том, что стремление к канону заставило авторов переносить описания, речи, формулы из одного произведения в другое, что привело с собой анонимность большинства литературных памятников Древней Руси. Поэтому так мало сведений о том, кто был автором, редактором или писцом данного произведения.

Среди исследователей до наших дней идут споры о том, кто был, например, автором Галицко-Волынской летописи, самого известного памятника юго-западной Руси изучаемого нами периода. Л. В. Черепнин предполагал, что автором памятника был книжник холмского епископа (ЧЕРЕПИН 1941).

[2] О разных аспектах текстологических исследований см. (CHAROLLES et al. 1986; PETŐFI 1986).

Д. С. Лихачев сперва думал, что автор вышел из дружины, и был исключительно эрудированным, «начитанным дружинником» (ЛИХАЧЕВ 1947). Потом он стоял на такой точке зрения, что автором (был «печатник» князя Даниила, некий Кирилл, который в последствии стал митрополитом, но еще при жизни князя, будучи недоволен политикой Даниила, перешел к Александру Невскому (ЛИХАЧЕВ 1981).

Об этикетных формулах русской средневековой литературы писали не раз, но все-таки вопрос до конца пока не решен. К малоизучаемым проблемам можно причислять анализ словесных особенностей произведений, в том числе двух разновидностей речи: прямой и диалогической.

Общепринята постановка, что диалог характеризует устную разновидность языка, а монолог – письменную. Обе формы выражаются при помощи разных языковых средств: для диалога характерна разговорная лексика и фразеология, непоследовательность, бессоюзие, краткость, обрывистость и употребление некоторых паралингвистических средств; для монолога – литературно-книжная лексика, законченность, развернутая система связующих элементов, обилие лексики, оформленность, последовательность и ряд других подобных свойств. Устную разновидность характеризует стремление к конкретности, однозначности, убедительности. Письменная разновидность более абстрактна, позволяет разные интерпретации (ЗЕМСКАЯ и др. 1981).

Обилие прямой речи – отличительная черта т. н. русских княжеских летописей. Эта разновидность письменной культуры Древней Руси вырабатывалась с XII-ого века. Летописный жанр являлся особенностью русской письменности, так как в других странах Европы не было подобных по сюжету произведений.

Исследования по русским летописям ведутся уже с XVIII-ого века, и они вызвали к себе интерес не только в России, но и в Западной Европе. (В начале XVIII-ого века летописью интересовался между прочим и Лейбниц. См. ИКОННИКОВ, 1908) Текстологический анализ этого огромного материала требовал от филологов особого методологического подхода к памятникам русской старины. Работы Н. М. Карамзина, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. О. Сухомлинова, И. И. Срезневского, М. Д. Приселкова, и, конечно, труды А. А. Шахматова определили путь исследований по древнерусским текстам, и в первую очередь по русскому летописанию.

А. А. Шахматов ввел в круг исследований новые рукописные материалы, новые списки летописей и сделал попытки для восстановления утраченных летописных текстов XI–XII вв. Шахматов исходил из того предположения, что летописец, когда переработал предшествующий летописный материал, имел очень веские основания для этого. Эта тенденция, по его мнению, доминировала вплоть до XVI-ого столетия. Шаг за шагом ему удалось восстановить всю историю русского летописания до древнейших текстов XI века.

Сравнительное изучение родственных списков дало возможность Шахматову обнаружить в их основе сходные элементы, которые указывали на общность источника. Поскольку основным приемом исследования у Шахматова было сличение рукописных текстов, отсутствие параллельных текстов служило помехой при установлении истории летописного текста. Ипатьевская летопись (в состав которого входит и изучаемый нами Галицко-Волынская летопись), за XI–XIII вв. не имеет таких параллельных текстов, поэтому Шахматов занимался ей меньше, чем другими памятниками эпохи.

Следует упомянуть и о существенных заслугах А. А. Шахматова в издании русских летописей. Он впервые применил новый принцип подбора списков для издания той или иной летописи. Шахматов исходил из истории списков, из истории сводов. Поэтому его принцип часто называют «генеалогическим». Он начал с отдельных работ по истории летописания XI–XII вв.; но затем обратился к изучению поздних летописных сводов XIV–XV вв., все шире и шире охватывая весь летописный материал. После этого, на базе исследованных всех списков вернулся к начальному русскому летописанию. Эту грандиозную работу суммировал он в своем труде «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» (ШАХМАТОВ 1908).

Совсем новый подход к древнерусским текстам обнаруживается в работах Д. С. Лихачева, который уже с 40-х годов XX века публиковал свои научные работы по древнерусской литературе, в том числе и о русских летописях. Сильный культурологический акцент его исследований долгое время оттеснял на задний план его достижения в разработке современных методов текстологии. Хотя его термины не совпадают с современными, его обобщающая работа по этой теме свидетельствует о его системном мышлении (ЛИХАЧЕВ 1983).

По его мнению, методика текстологических изданий вообще, и особенно русских летописей зависит от того, как работал летописец. Лихачев на примерах показывает, что летописцы поставили свои работы на службу интересов князя, епископа, монастыря. В противоположность общепринятым представлениям они не были исключительно монахами, а вышли из весьма разнородной социальной среды.

«Заказчики» обычно давали поручение на составление летописи по случаю какого-нибудь значительного официального события. Так в первой половине XIII-го века летопись князя Даниила Романовича Галицкого была начата с целью «исписать грабительства бояр» (ЛИХАЧЕВ 1983). В личных летописях князей обычно охватывается история семьи или рода того или иного князя, – сведения о рождении детей, о свадьбах, о смертях, о переменах княжения, и (особенно в Галицко-Волынской летописи) о походах, княжеских распрях, и, как было уже упомянуто выше, о борьбе князя с боярами. Из этого следует, что в личных летописях князей (в том числе и Галицко-Волынской летописи), с одной стороны, своеобразен был подход автора к собы-

тиям, с другой стороны, он оригинально относился и к высказываниям своих героев. Для того, чтобы передать слова действующих лиц, ему не обязательно надо было быть свидетелем происшествий, надо было только знать, *как* в данной ситуации должен говорить представитель официального происшествия. В силу канона он мог жизненно-конкретно передать слова, речь названных лиц. Но чтобы эта практика не искажала факты, надо было точно знать, чем была устная речь в дипломатической, военной и вечевой практике данного периода.

Конечно, в зависимости от конкретного положения летописца и от его таланта, отражается в этой практике и личное начало. Если автор княжеских летописей был все-таки свидетелем происшествий, он даже официальным высказываниям мог придавать своеобразный, чуть не личный колорит. Текст Галицко-Волынской летописи изобилует такими отступлениями от канона. С другой стороны, предполагается, что первая часть летописи, т. н. «Летописец Даниила Галицкого»[3], в частности восходит к устной традиции родовых преданий, и следы этой близости тоже появляются и в содержании, и в форме памятника.

В Галицко-Волынской летописи большей частью слышится так называемая *дипломатическая речь*. По стилю эпохи – монументальному историзму – князья и другие высокопоставленные лица часто изображались при исполнении своих официальных обязанностей, например, когда они вели дипломатические переговоры с кем-нибудь. Эти переговоры – если только они не на княжеских собраниях велись – проходили так, что стороны общались между собой *устно,* через послов. Князья исключительно *редко* пересылались между собой *грамотами.* Их заменяли «речи», точно передававшиеся послами, и как можно точно они были зафиксированы в летописях, иногда до самых – на вид – незначительных подробностей. Возьмем к примеру черниговского князя Михаила, который в 1238 году «бѣжапо сыну своемь передъ татары Угры». Суздальский князь узнав о случившемся, приехал в Киев (в котором княжил Михаил), и между прочим захватил в плен и его княгиню. Чтобы после возвращения Михаила не было хотя бы личного повода на вражду, – по словам летописца:

Данилъ, посла слы река: «Пусти сестру ко мнѣ, зане яко Михаилъ обѣима нама зло мыслить»[4].

---

[3] Л. В. Черепин с полным правом назвал первую часть Галицко-Волынской летописи «Летописцем Даниила Галицкого» ввиду того, что до его смерти все нити происшествий сходятся в одном месте: в деятельности князя (1941: 228).

[4] Памятники литературы Древней Руси XIII век. Москва 1981. (Составление и общая редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева) Галицко-Волынская летопись. Тексты даны по этому изданию. Далее коротко: ГВл 1238.

Лаконичность, ясность, выразительность и сила. Так можно коротко характеризовать стиль послания.

Особенно возросло значение посольства тогда, когда совсем не было у князя другой возможности общаться с другими, только через послов, например когда он был болен, ранен, и т. д. Многократные общения через послов зафиксированы в Галицко–Волынской летописи по отношению к князю Владимиру Васильковичу, который в последние четыре года жизни страдал неизлечимой болезнью. У него не было даже и детей, и поэтому когда он сделал завещание:

Нача слати ко брату своему Мьстиславу, тако река: «Брате, видишь мою немощь, оже не могу, а ни у мене дѣтий. А даю тобѣ, брату своему, землю свою всю и городы по своемь животѣ. А се ти даю при царихъ и при его рядьцахъ». Мьстислав же удари челомь передъ братомъ своимъ Володимѣромъ. И посла Володимѣръ ко брату ко Львови, ко сыновцю ко Юрьеви с тѣми слови: «Се вама повѣдаю, далъ есмь брату своему Мьстиславу землю свою и городы.» Лев же рече Володимѣру: «Тако и гораздо, оже еси далъ мнѣ. Под нимь мь ци искати по твоемь животѣ? А вси ходимъ подъ богомъ. Абы мь далъ богъ и своимь мочи изволодѣти в се время» (ГВл 1287).

Послу каждый раз давался общий наказ и о том, как он должен вести себя в том или ином случае, и отдельно поручались «речи», которые посол должен был передавать дословно, соблюдая грамматические формулы первого лица. (Лихачев, 1986) В общий такой наказ входило, например, передать поклон.

Присла же потомь ко Володимеру Левъ епископа своего Он же воиде к нему и поклонився ему до землѣ, река: «Братъ ти ся кланяеть» (ГВл 1288).

В самом начале летописи, в похвале Роману Мстиславичу описывается одно из посольских «направлений». Здесь изображается вся церемония, придуманная половецким ханом Сырчаном, хотевшим воссоединить разбросанные Владимиром Мономахом половецкие племена. Значительные силы остались под руководством хана Отрока, который со своими воинами уже несколько десятилетий находился на службе у грузинского царя Давида IV-го. После смерти Мономаха Сырчан отправил своего посла, «гудца» Оря к Отроку со следующими словами:

«Володимеръ умерлъ есть. А воротися, брате, поиди в землю свою. Молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половѣцкия. Оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемь евшанъ» (ГВл 1201).

Дал он такую подробную инструкцию послу, потому что знал, одна сила слов не достаточна для достижения цели. Поэтому только треть ин-

струкции относится к «речи». Этот эпизод является специальным потому, что в общем, выражение «править посольство» относилось к той части переговоров, в которой посол передавал порученные ему речи.

По «литературному этикету» средневековья редко были названы послы по имени. Но в изучаемой нами летописи и эта традиция сильно нарушается, поскольку здесь в большинстве случаев встречаются конкретные имена (напр. Орь, воевода Пакослав Лесотич, Павел, епископ по имени Мемнон и др.). Но для и нашего летописца важна в первую очередь «речь», а не исполнитель поручения. В этом отношении он последователен: записывает речи в такой форме, в которой они были произнесены, или поручены. Личность посла была важна только потому, что этим можно было подчеркнуть важность миссии.

Посылающий – хотя он тоже знал важность личности посла – всегда прямо обращался к тому, к кому он посылал посла, игнорируя личность последнего. Владимир Василькович, например, такими словами отправил своего епископа, как самого обыкновенного, «безымянного» посла к своему брату:

«Брате, – рци, – Лве княже, ци без ума мя творишь, оже быхъ не разумѣлъ сей хитрости? Ци мала ть – рци – своя земля, оже Берестья хочешь? А самъ держа княжения три: Галичкое, Перемышльское, Бельзьское, Да нѣту ти сыти! *А се* пакъ мой – рци – отець, а твой стрый лежить во епископьи и у святой Богородици в Володимерѣ, а много ль есь над нимь свѣчь поставилъ? Что есь далъ который городъ, абы то свѣча была? Оже – рци – просилъ еси живымъ, а уже пакъ мертвымъ просиши. Не дам не – реку – города, но ни села не возмешь у мене. Розумѣю я твою хытрость. Не дамь» (ГВл 1288).

Прямая речь здесь передается автором с таким же горячим чувством негодования в адрес двоюродного брата, Льва Даниловича, с каким произнес их тяжело больной человек, переживая нахальство своего молодого родственника.

Игнорирование в подобных случаях личности послов далеко не обозначало, что они были незначительными персонажами, ведь они и не могли быть такими. Иногда в подобной роли выступали сыновья князей, или сама жена, которым вполне доверял князь. Из множества примеров покажем два конкретных. В 1268 году:

Василько же посла по нихъ Шварна, сыновца своякго, и Володимѣря, сына своего, указалъ бо бяшеть има. (ГВл 1268).

А князь Владимир Василькович, будучи уже тяжело больным, свою любимую жену попросил быть его послом в решении серьезного дипломатического вопроса с Кондратом. Его польского союзника краковцы попросили княжить в их городе. Кондрат сам не смел без союзников решиться на

такой поступок, и хотел немедленно посоветоваться с Владимиром по во–просу.

Володимѣръ же не вѣлѣ ему к собѣ прити, но рече княгинѣ своей: «Иди же повѣсти в нимь, та отряди и, ать поѣдеть прочь, а у мене ему нѣ что дѣяти». Княгини же вшедши повѣда рѣчь Кондратову (ГВл 1287).

Обычай, переговариваться друг с другом через послов продолжался и тогда, когда письменность была уже распространена на Руси, и сами послы тоже были образованными, грамотными людьми. Речи передавались в определенных формулировках, и переходили из уст в уста. Летописец тоже мог обращаться к этим формулировкам в изложении событий. Каноны обеспечивали точность высказываний, делали сообщение достоверным.

Разумеется, послы могли запомнить эти речи точно только в том случае, если формулировки обстоятельств дела были лаконичны, выразительны, и могли вмешиваться в традиционные каноны. Иначе нельзя было их точно запомнить и потом передать.

Не менее важные элементы прямой речи в Галицко-Волынской летописи так называемые *воинские речи*, которые были произнесены князьями перед битвами, чтобы вдохновить воинов. В этом отношении особого внимания заслуживают речи князя Даниила, жизнь которого была полна войн и сражений уже с раннего детства. Мало, кто лучше его знал психологию войны и власть слова. Он воевал то один, только со своей дружиной то в союзе с другими князьями, русскими и иностранными, и сражался почти со всеми окружающими нациями своего времени. Он был не только выдающимся полководцем и храбрым воином, но и прекрасным оратором. Его «воинские речи» одновременно вдохновляли и воспитывали дружинников и вообще всех воинов.

Чтобы убедиться в этом, возьмем в пример случай 1234 года, когда войска Даниила пошли на помощь Владимиру Рюриковичу, княжившему в Киеве. Сначала все шло как по маслу, победа следовала за победой, но войска через некоторое время устали. Не было в этом ничего удивительного. Даниил хотел вернуться в Галич. Но его союзники начали уговаривать его принять еще одно сражение с половцами. Он неохотно согласился, но когда уже нельзя было избежать сражения, его союзники «расслабились». Тогда Даниил так обратился к ним:

«Не подобаеть воину, устремившуся на брань, – или побѣду прияти, или пастися от ратных. Азъ бо возбраняхъ вамъ. Нынѣ же вижю, яко страшливу душю имате. Азъ вамъ не рѣхъ ли, яко не подобить изииги труднымъ воемь противу цѣлымъ? Нынѣ же почто смущаетеся? Изиидите противу нимь» (ГВл 1234).

Однажды, после тяжелой битвы, его усталые воины хотели остановиться «в лощине», где они оказались бы беззащитными в случае внезапного нападения врага. Хотя он понял их, и никак не хотел обидеть своих людей, с такими словами обратился к ним:

«О мужи воистии! Не вѣсте ли, яко крестьяномъ пространьство есть крѣпость, поганым же есть тѣснота, деряждье обычай есть на брань» (ГВл 1251).

Со своей дружиной Даниил в основном справлялся. Но со своими союзниками иногда трудно было иметь дело. Порой, когда уже вдохновительные речи не помогали, он должен был прибегать к хитрости. Например, в1281 году, когда Миндовг изгнал из города Тверимета своего племянника Тевтивила с его союзниками (воинами Даниила), галицкий князь немедленно начал организовать против него кампанию. Но не все князья-союзники его пришли на войну с удовольствием и добровольно. Они искали удобного случая избегать столкновения с противниками. Когда же литовцы послали сторожевые отряды, и выяснилось, что они прошли через болота, Даниловы союзники созвали совет и сказали:

«Вѣсть уже есть на насъ» – и не хотели идти воевать. Тогда Даниил сказал им:

«Срамоту имѣем от литвы и от всихъ земль, аще не доидемь и вратимься. Наутрѣя же – рече – свѣтъ створим.»

Ночью он послал своих людей ко всем воинам со следующей речью:

«Поидете, да разумно будеть всимъ не хотящимъ ити на войну» (ГВл 1253).

Так, видя тех, кто все-таки пошел, пошли поневоле и другие.

Чтобы подчеркнуть разницу в подобной ситуации между «своим» князем и «чужим», в уста Кондрата, польского великого князя вместо сильных вдохновительных формул летописец вкладывает следующую схематичную, бессодержательную фразу:

«Братья моя милая руси, потягнете за одино сердче» (ГВл 1281).

Речи, произнесенные перед воинами свидетельствуют о том, какими непосредственными, но в то же время какими суггестивными и влиятельными могли быть они, с каким искусством были придуманы слова, и еще с какой воодушевленностью были они произнесены – одним словом: показывают, как высоко была развита воинская речь этого времени в Гаицко-Волынском княжестве. В них встечались и традиционные формулы, и своеобразные воинские афоризмы. Примечательны в этом отношении слова «надменного

Фили», воеводы венгерских войск, который с презрением относившись к русским, позволял себе такие высказывания:

«Единъ камень много горньцевъ избиваеть» (ГВл 1217).

И другое «слово» произнес он надменно:

«Острый мечью, борзый коню – многая руси» (ГВл 1217).

В речах князя всегда чувствуется его ласковое отношение к «братьям своим», к воинам, с которыми он вместе радуется победе, но вместе с которыми он готов в бою и «голову сложить». В них чувствуется знание воинской чести (того времени). По форме они отличаются лаконизмом и образностью выражения. Это ни в коем случае нельзя приписывать летописцу, ведь когда он цитирует речи церковных деятелей, естественным образом меняется и стиль речей, хотя они говорят также о необходимости мужественной защиты родной земли, о чести, и т. д. Во время первой волны разрушительного татарского нашествия, после разорения Рязани и убийства рязанских князей и воинов епископ Митрофан, например, произнес такую речь:

«Чада, не убоимся о прельщеньи от нечестивых и ни приимемь си воумъ тленьнаго сего и скоро минующаго житья, но ономь не скоро минующѣмь житьи попечемься, еже со ангелы житье. Аще и градъ нашь пленьше копиемь возмуть и смерти ны предасть, азъ о томь, чада, поручьникъ есмь, яко вѣнца нетлѣньнаают Христа бога приимете». (ГВл 1237).

Почти сходными свойствами наделены и *речи, произнесенные на вече*. На собраниях городских жителей ораторы – видные представители данного общества – тоже обращались к народу, и, чтобы всем сразу все было понятно, им надо было быть краткими, решительными, энергичными и убедительными. Свои взгляды каждый должен был выражать в такой форме. Когда уже было вынесено решение, тогда надо было суммировать все аргументы ораторов, и это уже позволял более распространенную формулировку.

Какие особенности были у этой аргументации? Возьмем например решение вече осажденного города, в котором жители высказывали свое решение о том, сдают ли город или нет, и какие у них представления о будущем. Во время осады польского города Калиш князь Даниил и его воевода Пакослав «измѣнивъ ризы свое» вошли в город, и «слыши вѣче ихъ». Чтобы понять дилемму горожан, надо заметить, что в этом походе галичане были союзниками польского великого князя, Кондрата. Жители обратились к ним с такими словами:

Тако молъвъта великому князю Конъдрату: «Сий градъ не твой ли есть? Мы же, мужи, изнемогошеи во градѣ семь, ци иного странници есмы, но людье твои есмы, а ваша братья есмы. Чему о насъ не сожалитеси? Аще насъ русь плѣнять, то кую славу Кондратъ прииметь? Аще руская хоруговь

станеть на забролѣхъ, то кому честь учиниши? Не Романовичема ли? А свою честь уничижиши! Нынѣ брату твоему служимъ, а заутра твои будемь. Не дай славы руси, не погуби града сего!» (ГВл 1229).

Конечно, не всегда так многословно суммировали свое решение горожане. Когда, например, Даниил в 1235 году уже окончательно хотел взять себе Галич, и тамошние бояре видели, что уже нет другого выхода, посоветовавшись, открыли перед ним городские ворота. Даниил обратился к ним на вече с такой короткой речью:

«О мужи градьстии, доколѣ хощете терпѣти иноплеменьныхъ князий державу?» Они же воскликнувше рѣша, яко: «Се есть держатель нашь богомь данный! Согрѣшихом ти, иного князя держахомъ» (ГВл 1235).

Кроме перечисленных выше монологических речей в Галицко-Волынской летописи встречаются и другие, не привычные ситуации, и связанные с ними не стереотипные высказывания. Из них возьмем для примера *предсмертную речь* Владимира Васильковича. Само описание его смерти строится на контрасте: описывается его богатство, речистость, мудрость. Перечисление всех этих ценностей и всех его страданий вызывают мысли о бренности всего земного. Чтобы описание его смерти производило впечатление настоящей смерти, нужно было, чтобы и его жизнь выглядела настоящей жизнью. Чтобы подчеркнуть личность князя, летописец описывает одну из его предсмертных речей.

Посла Володимѣръ слугу своего доброго вѣрного, именемь Ратчьшю, ко брату своему Мьстиславу, тако река: «Молви брату моему: прислалъ – рци – ко мнѣ сыновчь мой Юрьи просить у мене Берестья, азъ же ему не далъ ни града, ни села, а ты – рчи – не давай ничего же». И вземьсоломы в руку от постеля своее, рече: «Хотя быхъ ти – рци – братъ мой тотъ вѣхоть соломы далъ, того не давай по моемь животѣ никому же». (ГВл 1288)

Все вышеуказанные формы речи (и посольские, и воинские, и произнесенные на вече) имели более-менее устойчивую форму и содержание. Это объясняется тем, что отношение к устной речи в Древней Руси было особое. Те речи, которые звучали в официальной обстановке, имели такой же документальный характер, как и письменные изложения. Это свойство требовало от летописцев тщательного обращения с материалом, поэтому по летописным памятникам можно довольно основательно изучать особенности устной речи данной эпохи.

Галицко-Волынская летопись – как и вообще другие летописи – отличается и превосходными диалогами. В отличие от прямой речи, на которую по вышеуказанным причинам сильно повлияла действительность, диалогические отрывки летописи во многом восходят к фольклору. Они исключительно живые, точные, сжатые – как в сказках и былинах.Чтобы убедиться в

этом, цитируем разговор между Вадимиром Васильковичем и его слугами о том, ушел ли уже Телебуга из польской земли. На вопрос князя они ответили:

«Пошелъ» – «А братъ ми Левъ и Мьстиславъ, и сыновець ми – во здоровьи ли?» Онем же повѣдающимъ: «Господине, добри вси и здоровѣ, и боярѣ и слуги.» А Мьстислава поведаша: «Брат ти даеть городь Всеволожь бояромь, и села роздаваеть». Володимѣру же нелюбье бысть велико на брата своего, и нача молвити: «Се лежю въ болести, а братъ мой придалъ ми и еще болшее болести. Мнѣ и еще живу сущу, а онъ роздаваеть городы мое и села моа. Ольны моглъ по моемь животѣ роздавати!» (ГВл 1287).

Совсем другой по теме, но сходный по форме разговор произошел между князем Даниилом, и ханом Батыем. Хан старается унизить непокорного князя, но поведение последнего вызывает лучше уважение к нему. Первый вопрос Батыя угрожающий, но потом тон сразу изменяется, как будто на вопрос он сам не хочет получить ответа. Он начинает так:

«Данило, чему еси давно не пришелъ? А нынѣ оже еси пришел – а то добро же. Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылий кумузъ?» Оному же рекшу: «Доселѣ есмь не пилъ. Нынѣ же ты велишь – пью.» Он же рче: «Ты уже нашь же тотаринъ. Пий наше питье.» Он же испивъ поклонися по обычаю их, изъмолвя слова своя рече: «Иду поклониться великой княгини Баракъчинови.» Рече: «Иди.» Шедъ поклонися по обычаю. И присла вина чюмъ и рече: «Не обыкли пити молока, пий вино.» (ГВл 1250).

Этот диалог тоже похож на фольклорные диалоги, но там в основном победа одной стороны над другой обусловлена больше всего обманом. В цитируемом диалоге на передний план выступает другой мотив: мотив храбрости, заставляющий противника удивляться поведению героя, но здесь сталкиваются не воины, а представители двух мировоззрений. Из этого столкновения победителем выходит христианский русский князь.

В цитируемых диалогах чувствуется фольклорное начало, но в диалогических речах этой летописи уже появляется и живая русская речь, когда разговаривают действующие лица, или очевидцы событий.

В наши дни текстологи, занимающиеся формированием русского литературного языка, должны обращаться к древним письменным источникам. Их интересует вопрос, какие изменения произошли в процессе развития литературного языка нового типа. Один из московских исследователей вопроса, В. М. Живов развертывает положение, что к XVII столетию выработались четыре *письменные* традиции, которые он называет *регистрами,* и которые сравнительно автономные. Первый из них – это стандартный книжный язык. Второй – «гибридный» книжный язык (язык летописей!), третий – деловой некнижный, и четвертый – бытовой некнижный язык. Эти регистры были конструированы по разным языковым уровням. Живов констатирует, что до

последнего времени исследователи занимались почти исключительно изучением морфологической и лексической специфики этих регистров, но синтаксические различия в основном не были исследованы (ЖИВОВ 1998) . Все эти регистры организуют тексты стратегией письменного языка, но они в разной мере связаны и с устной речью. В некнижных регистрах, в которые входят и тексты летописей – в отличие от книжных – часто появляются черты оральности. Из-за несходства коммуникативной ситуации синтаксическая организация некнижных регистров не может отождествляться с организацией устной речи, но может служить образцом для того, как приспособляет к себе письменная коммуникация устные стратегии. Это его замечание особо подчеркивает изучаемый нами вопрос о появлении устной речи в летописных текстах.

Живов формулирует разницу между книжными и некнижными стратегиями следующим образом: «...книжные тексты построены на логическом развертывании, тогда как некнижные тексты организуют информацию существенно иным образом, помещая основное сообщение в начало периода и перечисляя детали в его конце» (ЖИВОВ 2000). Отклонение от этого стандарта можно наблюдать в гибридных регистрах, и это влечет за собой употребление специальных средств обеспечения связанности текста. Точка зрения Живова сводится к тому, что этот процесс стандартизации русского литературного языка начинается в петровские времена, когда объединялись языковые средства разных регистров. Это объединение распространяется и на синтаксическое построение предложения, и на средства, которые обеспечивают связанность текста. В таком отношении рассматриваемая нами Галицко-Волынская летопись как бы опережает свое время своеобразным конституированием своего текста и отбором средств, которые нестандартно связывают предикативные комплексы текста. Летописные «речи» этого памятника (и прямая, и диалогическая) отличают его от его «родственников». Все летописи этого периода играли важную роль в том процессе, в котором они стали сопровождающими факторами русской действительности. Все особенности речей, цитируемых в них, указывают на то, что до появления письменности на Руси существовали так называемые «устные летописи» – особенно знатных родов, – которые потом, с появлением этого жанра, постепенно переходили в письменные фиксации событий, но еще долгое время сохраняли некоторые особенности прежней традиции.

Литература

ГАЛЬПЕРИН 1974: Гальперин И. Р., О понятии «текст» // Вопросы языкознания. № 6, 67 72.

ГАЛЬПЕРИН 1981: Гальперин И. Р., Текст как объект лингвистического исследования. Москва.

ЖИВОВ 1998: Живов В. М., Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII. Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. Москва, 212 247.

ЖИВОВ 2000: Живов В. М., О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. Москва.

ЗЕМСКАЯ и др. 1981: Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н., Русская разговорная речь. Общие вопросы. Москва.

ИКОННИКОВ 1908: Иконников В. С., Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 1. Киев. 343.

ЛИХАЧЕВ 1947: Лихачев Д. С., Русские летописи и их культурно-историческое значение. Москва–Ленинград, 254.

ЛИХАЧЕВ 1968: Лихачев Д. С., Система литературных жанров Древней Руси // Исследования по древнерусской литературе. Ленинград, 57 78.

ЛИХАЧЕВ 1979: Лихачев Д. С., Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. Москва, 90.

ЛИХАЧЕВ 1981: Лихачев Д. С., Памятники литературы Древней Руси. Москва.

ЛИХАЧЕВ 1983: Лихачев Д. С., Текстология. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Ленинград.

ЛИХАЧЕВ 1986: Лихачев Д. С., Исследования по древнерусской литературе. Ленинград.

ЛОТМАН 1970: Лотман Ю. М., Структура художественного текста. Москва.

ПАНЧЕНКО 1979: Панченко А. М., История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко. Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV. Ленинград, 193–194.

ЧЕРЕПИН 1941: Черепин Л. В., Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки АН СССР. № 12. Москва.

ШАХМАТОВ 1908: Шахматов А. А., Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Санкт-Петербург.

CHAROLLES et al. 1986: Charolles, J., Petőfi, S. J., Sözer, E. (eds.). Research in Text Connexity and Text Coherence. A Survey. Hamburg.

CURTIUS 1973: Curtius E. R., European Literature and the Latin Middle Ages. Princeton, 397 401.

HASKINS 1929: Haskins, Ch. H., Studies in Mediaeval Culture. New York.

PETŐFI 1986: Petőfi S. J., Report: European Research in Semiotic Textology. A historical, thematic, and bibliographical guide // Folia Linguistica. XX, 545 571.

PETŐFI 2004: Petőfi S. J., A szöveg mint komplex jel. Budapest.

Abstract

Dialogues and Monologues in a 13th Century Chronicles of South-West Russia (Text Production in Russian Chronicles)

The aim of the article is to present a few aspects of textology through the analysis of a less-known written document of Medieval Russ – the Halich–Volhynia Chronicle. This collection of historical writings was less frequently used in the territories of both Russ and the later Russia, however it is the fullest document and the most comprehensive source for the history of the 13th century. This work contains a great number of dialogues and monologues. In the first part of my article I outline the theoretical aspects of textology. I describe the frame of the interdisciplinary foundation of the analysis of a communication (written and spoken text). In the second part I deal with the main components that constitute the written and the spoken text in the Halich–Volhynia Chronicle.

It is generally held that text linguistics is not a domain of historical thought, and in modern linguistics synchrony predominates. The historical dimension of texts has a productive implications for diachronic stylistic studies, too.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ РУССКОГО СЛЕНГА (В «РУССКО-ВЕНГЕРСКОМ И ВЕНГЕРСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ СЛЕНГА» И. ФЕНЬВЕШИ. БУДАПЕШТ, 2001)

В. А. ФЕДОСОВ

1. Понятие «русского сленга». 2. Термин «сленг». 3. Источники словаря русского сленга. 4. Состав словаря. 5. Описание сленга в словаре. 6. Стилистические пометы в словаре. 7. Перевод на венгерский язык. 8. Обратный перевод на русский язык. 9. Практическое значение словаря.

1. Понятие «русского сленга»

Из названия словаря видно, что перед нами словарь сленга двух языков. Однако это прежде всего словарь русского сленга, так как венгерские сленговые единицы в словаре следуют за русскими единицами.

В Предисловии к своему Словарю И. Феньвеши определяет понятие «русского сленга» (с. 6). Мы воспользуемся русским вариантом этой дефиниции, помещенной в другом месте (ФЕНЬВЕШИ 1996: 189), выделив в дефиниции, посредством нумерации, основные признака этого понятия.

И. Феньвеши пишет: «Русский сленг в нашем понимании – это лексика 1) с высокой степенью непринужденности, 2) относящаяся к области нонстандарта, 3) которая состоит из случайно или намеренно измененных, переосмысленных или вновь созданных слов и выражений, усечений, аббревиатур, заимствованных из языка улицы, из городского просторечия, из арго, жаргонов, а также из других языков. 4) Сленг не брезгует и обращением к словам грубым, а то и обсценным. 5) В сленг входят также и слова разговорного языка, не нашедшие еще кодификации в толковых словарях. (6) Для сленга характерно пристрастие к свежим, экспрессивным, часто ироническим словам и выражениям. 7) Сленговой лексике присуща постоянная изменчивость, хотя со временем некоторые, самые живучие из его слов могут приобретать характер нормативности».

Из дефиниции И. Феньвеши прежде всего видно, что русский сленг – это **лексика**, а не грамматика, и не лексика вместе с грамматикой, в чем дефиниция И. Феньвеши сходится с определениями, дававшимися раньше в русской лингвистике сленгу, жаргону, арго и т. д., у которых не признавалось наличия собственной языковой системы (БСЭ 1976). Впрочем, И. Феньвеши о грамматике не говорит еще и потому, что имеет дело только со словарем – с лексикой.

Русский сленг, далее, – это нонстандартная, не нормативная лексика, ее нет в русских толковых словарях (см. пункт 2-й дефиниции).

Однако русский сленг (как мы понимаем 3-ий пункт дефиниции И. Феньвеши) – это общая лексика, т.е. известная всем говорящим на русском языке, формирующаяся в результате переработки, переосмысления языка улицы, городского просторечия, узко групповой жаргонной, лагерной, уголовной и т.д. лексики.

В соответствии с 4-ым признаком, русский сленг «обращается» и к грубым, обсценным словам. Если «обращается» понимать как то, что эти слова входят в состав сленга, то это заключение, на наш взгляд, все-таки нельзя считать верным. Если же обсценные слова просто «попадают» в сленг, то это вполне верно. Впрочем, из-за того, что сленг, по всей вероятности, все-таки не образует не только языковой, но и строгой лексической системы, – то судить о том, входит ли обсценная лексика в его состав или она просто используется (временно заимствуется) – трудно.

То же самое можно сказать и о разговорных словах русского языка (см. 5-ой признак дефиниции И. Феньвеши): входят ли они в сленг или только временно в нем используются. Однако поскольку И. Феньвеши включает в свой словарь и обсценную, и разговорную лексику, приходится полагать, что все это входит в сленг. При этом обсценная лексика включается в словарь, по-видимому, вся, так как все корневые и производные слова этой лексики и очень многие выражения с этими словами присутствуют в словаре. Что касается разговорных слов, то об их составе в словаре судить трудно. В отличие от обсценных слов, о которых информант отвечает точно, что это «нецензурные» слова (они для него давно кодифицированы: так нельзя говорить), о разговорных словах у информанта что-либо определенное узнать трудно.

Русский сленг, далее (см. 6-ой пункт дефиниции), обладает свойством «экспрессивности». Можно добавить, что часто сленг – это не просто «экспрессивные» слова и выражения, но и откровенно «грубые».

Не вызывает сомнения 7-ой признак дефиниции: русский сленг действительно быстро изменяется; наиболее употребительные его слова могут становиться нормативными.

Что собой представляет признак, выдвинутый И. Феньвеши на 1-ое место: «высокая степень непринужденности» русского сленга? Точнее это надо было бы сказать не о сленге, а о носителе сленга, который, используя сленг, ведет себя «с высокой степенью непринужденности». Непринужденный в общении человек (см. толковый словарь) – это свободный, лишенный натянутости, не скованный нормами, этикетом в общении человек, с ослабленным (добавим) внутренним контролем, склонный к грубости, даже к агрессии и т. д. В литературе по сленгу мало исследовался вопрос о том, что собой представляют с психолингвистической точки зрения представители

сленговых сообществ (о них писали в основном только писатели, например в «лагерной литературе»).

Однако некоторые наблюдения все-таки имеются. С лингвистической точки зрения, сленг в наименьшей мере является средством коммуникации. Это больше «языковая игра» (ФЕНЬВЕШИ 2000), «смеховая культура», в комедиях сленг – это язык дураков (ЕЛИСТРАТОВ 2001). Во всех этих случаях сленг употребляется не столько как средство общения, сколько просто так – как птички чирикают (LUTZ 1999: 279).

С психологической точки зрения, носитель сленга, как пишут некоторые исследователи, – неуравновешенный человек, со склонностью оскорбить собеседника. Сленг помогает ему «разрядиться» и в этом отношении является для него лечебным средством (CHARMAN 1999: 276 279). В газетах иногда можно прочитать о том, что в некоторых учреждениях разрешается использовать, при определенных условиях, ненормативные слова – для «снятия напряженности», возникающей в отношениях между сотрудниками, издаются даже соответствующие инструкции о том, какие слова в это время надо употреблять, как их употребить.

Итак: «русский сленг» – это ненормативная лексика, которую употребляют русские люди «с высокой степенью непринужденности»; лексика, являющаяся по происхождению языком улицы, арго, жаргоном, но становящаяся общеупотребительной. С таким определением «русского сленга», данного И. Феньвеши, вполне можно согласиться.

Но поскольку словарь И. Феньвеши – не только русского языка, но также и венгерского языка, то закономерно поставить вопрос и о том, что такое «венгерский сленг»? Скорее всего, между этими двумя сленгами нет различия, так как сленг – это все-таки не национальная, а универсальная категория? Но если это так, тогда зачем отдельно определять «русский сленг»? Ведь можно определить «сленг» вообще. См. подборку статей с определением «сленга» вообще (а также понятий «жаргон», «арго» и др.) в сборнике Szlengkutatás 3. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, в частности – статью: DOMASNYEV 1997.

2. О термине «сленг»

Как известно, этот термин употребляется прежде всего в качестве названия групповых языков – как синоним терминам «жаргон», «арго». Использование термина «сленг» для обозначения также и общеупотребительной ненормативной лексики делает этот термин двузначным, а следовательно, и неудобным в использовании. По-видимому, в этом случае надо было бы ввести новый термин. Однако И. Феньвеши употребляет старый термин «сленг», придавая ему новое значение.

Заметим, что В. Елистратов, описывая в своем словаре в принципе тот же самый предмет, что и И. Феньвеши, в общем значении употребляет тер-

мин «арго», который одновременно, как известно, обозначает и узкий, даже тайный групповой язык. В. Елистратов ссылается при этом на традицию в выборе термина: «арго» – франкоязычная традиция, «сленг» – англоязычная (Елистратов 2000: 577). Таким образом, И. Феньвеши, называя общеупотребительную ненормативную лексику «сленгом», следует англоязычной традиции, а В. Елистратов – франкоязычной. Переводя монографию В. Елистратова «Арго и культура» на венгерский язык, И. Феньвеши, соответствующим образом переводит и терминологию: «Сленг и культура» (JELISZTRATOV 1998).

Добавим, что существует и третий термин для обозначения общеупотребительной ненормативной лексики – «жаргон», который тоже прежде всего обозначает узко употребительную, групповую лексику. См. словарь: Ермакова и др.1999.

В связи со всем вышесказанным, встает вопрос: не является ли то. что называется то «сленгом», то «арго», то «жаргоном», тем именно, что издавна называется в русской лингвистике термином «просторечие»?

Конечно, современное русское просторечие иное, чем два-три десятка лет назад. В настоящее время просторечие «переполнено» словами, только что пришедшими из многочисленных частных сленгов, жаргонов, арго, заставляющих лингвистов, и просторечие называть то «сленгом», то «арго», то «жаргоном». Но в главном, как нам представляется, понятие «просторечие» остается, все же, неизменным. Это – устная, ненормативная форма общенациональной коммуникации (см, например: Бельчиков 1990: 402). И может быть, описывая «общеупотребительный сленг» («общеупотребительный арго», «общеупотребительный жаргон»), и следует использовать термин «просторечие»?

3. Источники словаря

Первая мысль, которая приходит, когда берешь в руки объемистый словарь русского сленга, составленный И. Феньвеши, – это мысль о том, может ли автор, для которого русский язык не является родным и который не проживает в России, описать все это многообразие, весь этот поток жаргонных, арготических и прочих ненормативных слов самого разного происхождения, захлестнувших в настоящее время весь русский язык, всю современную Россию?

Но с другой стороны: перед нами ведь не только словарь русского сленга, но одновременно и словарь венгерского сленга. Более того – это переводной словарь, когда надо сделать больше, чем просто независимо описать два сленга. Необходимо однозначно сопоставить сленговые единицы двух языков, выразив их сходство-различие не только в предметной, но и в стилистической, оценочной и др. семантике. Несомненно, что это может сделать только специалист, счастливо сочетающий в себе знания двух языков. И не просто двух литературных языков, но языков во всем их разговорном, прос-

торечном, сленговом разнообразии. И приходишь к выводу, что на двух территориях, России и Венгрии, в настоящее время есть только один такой специалист, а именно венгерский русист Иштван Феньвеши, который и реализовал эту свою счастливую возможность в виде данного словаря.

А что касается возможных неточностей в отборе для словаря русских сленговых единиц, из-за того, что автор словаря сам непосредственно не собирал их на улице, в других общественных местах, не работал постоянно с информантами – носителями сленга и т. д.; что касается возможных неточностей в квалификации этих единиц и т. д., – то эти неточности преодолеваются автором словаря, благодаря следующим используемым им источникам.

Во-первых, И. Феньвеши включает в свой словарь прежде всего те сленговые единицы русского языка, которые уже зафиксированы в русских сленговых словарях, составленных в России авторами с родным русским языком, осведомленными в тех процессах, которые происходят а современном русском языке. В Предисловии к своему словарю И. Феньвеши называет около 40 таких словарей, в которых описываются самые различные по происхождению сленговые единицы. Среди этих словарей есть и очень полные, составленные известными специалистами, например словари: ЕРМАКОВА и др. 1999, ЕЛИСТРАТОВ 2000 и др. В другом месте, в отдельных публикациях, И. Феньвеши специально характеризует все современные словари русского сленга, оценивая их достаточно высоко (ФЕНЬВЕШИ 1996, FENYVESI 1997).

Другим источником русско-венгерского словаря (точнее – его русской части), составленного И. Феньвеши, являются тексты художественных и публицистических произведений, в которых часто употребляется ненормативная, сленговая лексика. В Предисловии к словарю называется свыше 760 авторов этих произведений. Среди них на первом месте находится так называемая «лагерная литература». Без всякого сомнения, контекст употребления того или иного сленгового слова помогает автору словаря сформулировать не только предметное значение данного слова, но и его стилистический, эмоциональный и др. оттенок, что позволяет автору словаря преодолеть возможные неточности в квалификации русских сленговых единиц в отношении их грамматики и семантики.

Таким образом, принимая во внимание такие источники словаря, как словари, составленные русскими авторами в России, русские тексты с употреблением в них сленга, можно делать вывод, что мы держим в руках вполне надежный словарь русского сленга, в котором возможные неточности в квалификации русских сленговых единиц сокращаются до минимума.

Впрочем, есть и еще один, третий источник у словаря – **носители русского языка** (для которых русский язык является родным), с которыми автор словаря имел возможность непосредственно общаться, получать и уточнять информацию.

4. Состав словаря

Помимо сленговой лексики в состав словаря включена, как уже замечено, и обсценная лексика. Впервые в венгерской русистике переведена на венгерский язык вся эта лексика (русский мат). Она занимает в словаре И. Феньвеши много места; соответствующие словарные статьи в словаре являются наиболее полными, содержательными Безусловно, тот, кто говорит на сленге, употребляет и обсценные слова. Но это не означает, что эти слова обязательно надо относить к сленгу. Ведь говорящий на сленге иногда употребляет и литературные слова, однако эти последние в сленг не включаются (о соотношении сленга и обсценных слов см. также: PÉTER 1999: 32 33).

В отличие от сленговой лексики, которая **еще** не кодифицирована (она пока только претендует на эту кодификацию), обсценная лексика **уже** кодифицирована – со следующим результатом: названия органов испражнения, самого испражнения и его продуктов, а вместе с ними и названия половых органов и связанных с ними действий, **нельзя** употреблять в общении, потому, в частности, что эти названия оскорбляют собеседника. Не важно, что эта кодификация не является письменной, а только устной. Ведь и обычная, нейтральная лексика тоже не вся зафиксирована в толковых словарях. Язык – это прежде всего устная кодификация (в языковом опыте, в традиции говорящих), а уж затем и письменная кодификация (о которой говорящие могут даже и не догадываться).

Обсценная лексика обычно оценивается как «нецензурная». Именно такой она выступает в уголовном кодексе. Когда человек, оскорбленный обсценными словами, подает на собеседника в суд (в последнее время, в связи с широким распространением сленга, а вместе с ним и «ругательных» слов, это происходит часто), то в суде не возникает проблем в связи с тем, оскорбительны эти слова или нет, и суд однозначно решает дело в пользу истца.

«Кодификация» лексики имеет два исхода: 1) так можно говорить (обычная нормативная лексика), 2) так нельзя говорить (обсценные слова, а также лексика с пометой «грубое» в толковых словарях). Напротив, «некодифицированная» лексика – это лексика, еще не получившая ни одной из этих двух кодификаций. Обычно это новая лексика, только что пришедшая в общее употребление, например из сленга или другого языка. Термин «ненормативный» означает «не соответствующий норме (употребления, поведения, этикета)», в связи с чем обсценная лексика, конечно же, является «ненормативной».

Короче, в словаре сленга, описывающем некодифицированную лексику, по нашему мнению, не должно быть кодифицированной обсценной лексики. Однако надо полагать, что нет оснований для того, чтобы критиковать словарь именно за то, что в нем оказалась обсценая лексика. Ведь именно носители сленга эту лексику прежде всего употребляют (а не носители литературного языка). Если уж поэтому и включать эту лексику в какой-либо сло-

варь, то более уместно включать ее именно в словарь сленга (а не в нормативный словарь), хотя, на наш взгляд, она должна описываться отдельно, не для «широкой публики», а в «научных целях» (см. подзаголовок у одного из таких словарей: «для специалистов-филологов», ИЛЬЯСОВ 1994).

Что касается всей остальной лексики, образующей состав обсуждаемого словаря, то она, в целом, насколько мы можем судить, вполне отвечает названию словаря – является сленговой лексикой.

Как сказано в Предисловии, в словаре имеется около 13 тысяч словарных статей с описанием в них около 16 тысяч слов и более 3 тысяч фразеологизмов. Все русские слова, со всеми их возможными (выделенными в словарной статье) значениями, переводятся на венгерский язык, по меньшей мере посредством нормативных венгерских слов, но в большинстве случаев также и посредством венгерских сленговых слов. Несомненно, что перед нами фундаментально исследование русского сленга и в соответствии с русским - венгерского сленга, выполненное применительно к данным двум языкам впервые в мировой лексикографии.

В 90% случаев (утверждает автор словаря) описывается сленг, относящийся к последним двум десятилетиям (80 90-ые годы), даже (подчеркивает автор) – к последним полутора десяткам лет, начиная с 1985 года, когда в России и Венгрии, в связи со сменой общественно-экономического строя, активизировалась лагерная, уголовная, воровская и другая лексика из узких социальных и профессиональных групп, оформляясь в общеупотребительный сленг и претендуя на кодификацию (см. об этих изменениях: PÉTER 1999). Заметим, что сленг всегда, в большей или меньшей мере, сопутствует истории общества, и на его материале можно даже писать историю этого государства, см. FENYVESI 2002 (ср.: русская история на материале русских анекдотов – другой, не менее развитой разновидности русского народного творчества, см., в частности: LENDVAI 1996).

5. Описание русского сленга в словаре

Каждая русская сленговая единица, помимо ударения и грамматической характеристики, получает в словаре, в большинстве случаев, также социологическую и стилистическую характеристику. Обязательным является толкование ее значения – на венгерском языке, что, собственно говоря, и составляет перевод ее на венгерский язык, сначала – на нейтральный венгерский язык, затем, если есть венгерский эквивалент, и на венгерский сленг. Таким же способом объясняются (и переводятся) и фразеологические единицы. Ценной частью словарной статьи является иллюстрация употребления сленговой единицы в тексте, что дополнительно проясняет читателю и значение данного слова. Чаще всего это цитаты из художественной литературы. В конце словарной статьи иногда дается и этимология (например, словобра-

зование) сленгового слова, объясняющая его значение. Приведем пример одной словарной статьи:

Мани fn nem rag *alv* PÉNZ, máni. – *Мани делаю. – Это в смысле ти-ти-мити*? (Богд.).

Как можно видеть, кроме сленгового слова *мани,* с указанием его ударения и грамматики (несклоняемое существительное общего рода – fn nem rag) следует указание на происхождение этого слова (социологическая помета) - из «языка преступного мира» (*alv),* после чего на венгерском языке толкуется значение этого слова («деньги»), сначала посредством нейтрального венгерского слова (pénz), а затем и посредством венгерского сленгового слова (máni). В заключение приводится цитата из русского художественного текста с употреблением данного сленгового слова. Стилистическая помета у слова *мани* отсутствует, что должно означать, что это слово в данном отношении «нейтрально». Надо понимать – нейтрально внутри сленга, а не по отношению к литературным словам, в связи с которыми, оно, по определению, является экспрессивным, как и все сленговые слова.

Социологические пометы в словарной статье очень многообразны, например: «язык преступного мира», «лагерный язык», «жаргон проституток», «употребление наркоманов» и т.д. Всего таких помет свыше 30-ти.

Есть в словаре и «ареальные» пометы, например: «южнорусское», «ленинградское», «санкт-петербургское», «одесское» и др., указывающие, однако, не на территориальные народные говоры, а на городское просторечие, т.е. по сути дела имеющие тоже социологический характер.

Надо, однако, подчеркнуть, что хотя, как уже замечено, в словаре много слов, еще не вошедших в общее употребление, в целом словарь является словарем общеупотребительного сленга. В таком случае социологические пометы указывают уже не на принадлежность слова к той или другой узкой социальной группе, а на **происхождение** этих слов. Другое дело: надо ли в общем словаре синхронического характера расставлять пометы диахронического характера? Как известно, в обычных толковых словарях указание на происхождение толкуемых слов отсутствуют.

Мы полагаем, что социологические пометы (диахронического содержания) в общих синхронических словарях сленга, все-таки, должны иметь место. Во-первых, потому, что сленговые слова в этих словарях еще не «остыли» от своего узко группового употребления. А во-вторых, потому, что эти слова, в отличие от слов в толковых словарях, еще не кодифицированы. Указание на происхождение этих слов может оказаться полезным при возможной их кодификации. Так, слова с происхождением «жаргон музыкантов», «язык школьников» и т. п. скорее всего могут получить позитивную кодификацию, а слова с происхождением «язык воров», «тюремный жаргон» и т. п. – негативную кодификацию, будучи, например, снабженными пометой «груб.».

В итоге, расставляя социологические пометы, автор сленгового словаря работает как бы уже на будущее – подсказывает будущим кодификаторам сленга возможные стилистические (уже не социологические) пометы (при условии, конечно, если эти сленговые слова когда-нибудь попадут в литературный язык).

9. Стилистические пометы в словаре

Стилистические пометы в словаре И. Феньвеши менее разнообразны, чем социологические. Дело в том, что с этой точки зрения труднее квалифицировать сленговые единицы. По сути дела, составитель словаря в этом случае берет на себя задачу предложить будущим кодификаторам сленга возможную стилистическую квалификацию этих слов, на случай их возможного вхождения в нормативную лексику. Стилистические пометы в словаре сленга тоже, таким образом, как и социологические пометы, имеют диахронический характер. В самом сленге такие нормативы, как «разг.», «простор.», «ирон.» и т. д. вряд ли могут иметь место, даже если и считать, что сленг образует строгую систему (ср. PÉTER 1999: 32 32).

Используемые в словаре И. Феньвеши пометы (по аналогии с тем, как это делается с пометами литературного языка) можно расположить в порядке – начиная с совершенно «невинных» стилистических оттенков («прост.», «разг.», «шуточное», «ирон.») и кончая стилистическими оттенками, которые уже оскорбляют собеседника: «пренебр.», «груб.», «ругат.». В последнем случае стилистические оттенки тоже в разной степени оскорбительны. Так, слова с оттенком «ругат.» (обсценные слова) настолько грубые, что в кодифицированной речи, как известно, их нельзя ни произносить, ни писать. Слова с оттенком «грубое» тоже оскорбительны. За их публичное употребление тоже иногда подают в суд на собеседника.

В отличие от социологических помет, характеризующих прошлое (происхождение) общеупотребительного сленга, являющихся достаточно точными и определенными, стилистические пометы, характеризующие будущее общеупотребительных сленговых слов (если они войдут в нормативный язык) не могут быть точными.

В самом деле, что значит в сленговом словаре помета «простор.», если весь общеупотребительный сленг – это, по сути дела, просторечие? Что значит помета «разг.», свидетельствующая о нормативности данного слова, если сленг вообще не является нормативной лексикой? Что значит в сленговом словаре отсутствие стилистических помет? Как известно, в нормативном словаре это означает нейтральность слова в стилистическом отношении. Но в сленге каждое слово по определению (см. выше дефиницию сленга) «экспрессивное», а значит – не может быть нейтральным в стилистическом отношении. Кроме того, нейтральная помета (отсутствие пометы – нулевой знак) имеет смысл только тогда, когда лексика в стилистическом отношении пред-

ставляет собой систему. Вряд ли о сленге можно сказать, как о строгом системном образовании в стилистическом аспекте.

Стилистика – это категория нормативного, исторически сложившегося литературного языка (Степанов 1990). Стилистические пометы в словаре ненормативного сленга имеют смысл как «предложения на будущее» – на случай, если некоторые сленговые слова войдут в литературный язык.

Словарь русского сленга – это словарь слов, находящихся в настоящее время после долгих лет «герметики» («скрытого» состояния: 30 70-ые годы и сравнительно недолгих лет «кинетики» («раскрытия», благодаря прежде всего «лагерной литературы»: 80-ые годы), в очень бурном современном состоянии «раблезианского комплекса» (Елистратов 2000). С лингвистической точки зрения, это означает **развитие** современного сленга – с очень выраженными в нем диахроническими осями: 1) **из прошлого** в настоящее – что описывается в словаре сленга посредством социологических помет (в принципе уже потерявших свое прямое, социологическое содержание); 2) из настоящего в **будущее** – что описывается в словаре стилистическими пометами, которые, однако, еще не приобрели своей актуальности, являются еще гипотетическими.

Приведем пример, выразительно свидетельствующий о том, что в настоящее время русский сленг действительно, широко употребляясь, активно претендует на кодификацию – чтобы стать нормативной лексикой.

В журнале «Вестник МАПРЯЛ» (2003, 4: 64 65) было опубликовано сообщение о том, что в одном городе сотрудники милиции обратились в суд на журналистов, употреблявших в газете слово *мент*, которое, по мнению милиционеров, оскорбляет их честь и достоинство. Суд, однако, признал, что это слово оскорбительным уже не является и отклонил иск милиционеров. В качестве экспертов в суде выступали профессора-филологи, одни из которых заключали, что слово *мент* давно стало нейтральным, а другие – связывали стилистическое значение данного слова с условиями его употребления. Так, в определенном контексте это слово вполне может быть нейтральным (именно в таком контексте, утверждали эксперты-филологи, употребляли это слово журналисты), но вне контекста – оно чаще всего оскорбительно, как это и помечено в русских словарях сленга (в том числе и в словаре И. Феньвеши): «из воровского жаргона».

Таким образом, претендуя на кодификацию, проходя эту кодификацию, сленговые слова не сразу таковыми становятся. Сначала они приобретают кодификацию при наличии определенных контекстов употребления, а затем могут получить кодификацию и в любом контексте (т. е. и вне контекста).

В целом же, в отношении кодификации, лексика всего национального языка, по-видимому, может быть систематизирована следующим образом:

Тенденция здесь следующая. Некодифицированный сленг из группового (социального, профессионального и др.) становится общеупотребительным сленгом, претендуя на кодификацию. Кодифицируясь, он становится либо нормативной лексикой (приобретая оценочные, стилистические нормативы: «груб.», «разг.», «ирон.», «нейтр.» и др.), либо ненормативной, не допустимой в употреблении, например сленговые слова и выражения, образованные от ненормативных, обсценных слов).

В заключение, в отношении стилистических помет «прост.», «разг.», «ругат.», «нейтр.» (отсутствие пометы) – нельзя сказать, что они в сленговых словарях, в том числе и в словаре И. Феньвеши, используются точно. Причина здесь совершенно объективная. Составители сленговых словарей имеют дело с таким материалом, который в принципе невозможно точно квалифицировать.

7. Перевод на венгерский язык

Перевод сленга с одного языка на другой представляет собой невероятно сложную задачу. Однако имеется небольшой круг понятий (наиболее употребительных), которые в двух языках имеют точные эквиваленты, например некоторые понятия из воровского жаргона: *пушка* (пистолет) – ágyú, *телятник* (вагон для перевозки заключенных) – bocipullman и др. Эквивалентны сленговые слова и тогда, когда они в обоих языках представляют собой заимствования из одного и того же, например английского, языка, например: *мани* (деньги) - máni.

Но если русский сленг обозначает реалии, которые отсутствуют в венгерской действительности, то перевод этих слов на венгерский язык посредством одних лишь сленговых слов невозможен. Поэтому автор словаря переводит такие слова посредством нейтральных венгерских слов, часто с пространным описание русских реалий, например: *ампула* (поллитровка водки) – félliteres üveg vodka; *закусить рукавом, закусить мануфактурой* (из-за отсутствия закуски, ограничиться тем, что - вытереть губы рукавом) – ital-korty után falatozás helyett csak a kabátujját szagolja meg v. abba töröli bele a száját.

Однако и при наличии общей понятийной основы в двух языках тоже трудно бывает во втором языке найти эквиваленты. И. Феньвеши объясняет это (см. FENYVESI 1988: 131), во-первых, недостаточной изученностью венгерского сленга по сравнению с русским сленгом.

Во-вторых, даже при наличии общего для двух языков сленгового «поля» понятий, эквивалентный перевод не всегда возможен, из-за несовпадения значений сленговых слов, «покрывающих» это поле в двух языках. Так, в русском языке есть целый набор сленговых слов, «покрывающих» понятие «портвейн» *(порт, портвагин, портвейнгеноссе, портвейчок, портвешок, портвик, портик, портогаз, портвяга, портягя*). И. Феньвеши пришлось переводить эти слова все сразу путем описания понятия с помощью дефиниции: rossz minőségű, olcsó és erős vörös desszertbor (низкокачественное, дешевое и крепкое десертное красное вино). Разумеется, в таком случае вся экспрессивная «надстройка» над семантическим понятием русских слов со значением «портвейна» остается не переданной на венгерском языке. Эту «надстройку» могут почувствовать только те венгерские пользователи словаря, которые уже вполне владеют русским языком. Они извлекут эту экспрессивную информацию из словообразовательного состава русских сленговых слов, а также из иллюстрации употребления этих слов в тексте, которая дается здесь же в словарной статье.

В другом месте (FENYVESI 1989. 131) И. Феньвеши замечает, что в венгерском языке есть аналогичное «поле» со значением «вино», тоже называемое целым набором венгерских сленговых единиц (nagyfröcs, házmester, majomgeci). Однако поставить эти венгерские слова в соответствии с вышеперечисленными русскими словами (считает И. Феньвеши) невозможно, так как в венгерском языке они характеризует алкогольный напиток несколько в другом аспекте («вино, разбавленное водой»).

В-третьих, трудно дать сленговые эквиваленты при переводе бывает еще и потому, что вся сленговая лексика, относящаяся к определенной сфере употребления, оказывается в двух языках в «неравных условиях»: 1) либо по причине неизученности ее в одном из языков (например, русский солдатский сленг изучен хуже, чем венгерский; напротив, русский сленг наркоманов изучен лучше венгерского, и т. д.); 2) либо по причине большого количества сленга в одном языке и меньшего количества – в другом. К последнему случаю относится обсценная лексика, которая активно используется в повседневной коммуникации русских (FENYVESI 1998: 128), вследствие чего ее оказывается больше, чем в венгерском языке (впрочем, венгерский мат очень подробно еще не описан). В результате точные переводы этой русской лексики на венгерский язык затруднены, за исключением сравнительно небольшого числа корневых слов.

Задача перевода сленга с одного языка на другой сложна даже тогда, когда перевод осуществляется с использованием нейтральных слов, ведь и в

этом случае переводчику надо точно знать значение переводимой им сленговой единицы.

Насколько мы можем судить, автор рассматриваемого переводного словаря, переводя русский сленг на венгерский язык, максимально реализовал свои субъективные и объективные возможности. Три четверти сленговых единиц И. Феньвеши перевел на венгерский язык с использованием не только венгерских нейтральных слов, но одновременно и венгерских сленговых единиц (см. об этом: ФЕНЬВЕШИ 1996: 202). На наш взгляд, это очень высокий показатель для переводных сленговых словарей.

8. Обратный перевод на русский язык

Обратный, венгерско-русский словарь, составленный И. Феньвеши, представляет собой дополнение к прямому, русско-венгерскому словарю. Это индекс венгерских нормативных слов (с опущением всех ненормативных, в том числе и обсценных венгерских слов), которым в соответствии поставлены списки всех русских ненормативных, в том числе и обсценных слов, с общим значением, выраженным посредством венгерского заглавного слова.

Венгерский пользователь словаря, быстро найдя русские сленговые слова по их значению (по значению венгерского слова), в случае необходимости, может сразу же обращаться к прямому, русско-венгерскому словарю – и получать там всю необходимую информацию о русских сленговых словах, узнав о каждом из них 1) его происхождение, 2) его стилистическое значение, 3) его употребление в соответствующем контексте, 4) его этимологию (во многих случаях).

Обратный, венгерско-русский словарь сленга, составленный И. Феньвеши, представляет собой не что иное, как русский синонимический словарь сленга – с объяснением слов (а также и фразеологизмов), входящих в образовавшиеся синонимические ряды, на венгерском языке. Например:

Pénz – аржанты, бабашки, балоны, башли ; bűnös eredetű pénz *грязные деньги* и т. д.

Если в таком словаре венгерское слово, возглавляющее синонимический ряд русских сленговых слов, заменить на русское слово, такое же нейтральное (и если опустить перевод на венгерский язык русских сленговых фразеологизмов) – то получим чисто русский синонимический словарь сленга, в котором значение синонимических рядов уже формулируются с использованием русских нормативных слов, например:

Деньги – аржанты, бабашки, бабки, бабульки, балоны, башли ; грязные деньги и т. д.

Синонимы, входящие в подобные синонимические ряды, можно снабдить социологическими и стилистическими пометами, указав тем самым на

происхождение данного члена сленгового синонимического ряда, а также на его возможную характеристику, если это слово (часто используясь в общем употреблении), подвергнется кодификации. Все эти пометы уже имеются в русско-венгерской части словаря – их остается только перенести в образовавшиеся во второй, венгерско-русской части синонимические ряды. Получается русский синонимический словарь сленга – с описанием в нем синонимов в соответствии со всеми лексикографическими правилами составления синонимических словарей. По-видимому, это будет первый в лексикографической практике русский синонимический словарь сленга.

Помогло И. Феньвеши выйти на этот словарь та счастливая возможность, что ему, переводя венгерские слова на русский язык сленга, пришлось переводить венгерское слово не одним русским словом, а целым множеством этих слов, оказавшихся, в результате, с одним общим значением, выраженным посредством одного венгерского слова.

Сомневаемся, что на такую счастливую возможность (составление русского синонимического словаря сленга) можно так же быстро выйти – не выходя из русского языка в другой язык. Потребовалось бы сразу толковать значение синонимического ряда – «переводить» его на тот же самый русский язык, что совсем не так удобно, чем – предварительно перевести этот синонимический ряд на другой язык. Полагаем, что И. Феньвеши следует довести начатое дело до конца – составить (в Венгрии, а не в России) первый русский синонимический словарь сленга.

9. Практическое значение словаря

Когда сленг из узко группового средства общения превращается в общенациональное средство, как это имеет место в настоящее время в России и Венгрии, он становится предметом активного лингвистического исследования.

На **первом этапе** это исследование представляет собой составление словарей сленга применительно к каждому отдельному национальному языку. Можно отметить появление большого количества сленговых словарей русского языка в России (см. об этом: Феньвеши 1996); появление сленговых словарей венгерского языка (см. об этом: Szlengkutatás 1 (1997), 3 (1999). Практическое значение этих словарей состоит в том, что они знакомят широкую публику с точными значениями общеупотребительного сленга, см., например, словарь: Ермакова и др. 1999.

На **втором этапе** описания сленга появляются переводные словари, которые перекидывают мостики от сленга одного национального языка к сленгу другого национального языка (подобно тому как подобные мосты строили составители нормативных словарей). Словарь И. Феньвеши находится на втором этапе описания русского сленга. И. Феньвеши идет дальше,

чем составители словарей одного русского сленга, одного венгерского сленга. Он сопоставляет эти два сленга.

В какой мере словарь И. Феньвеши охватывает весь сленг русского языка (а также и венгерского языка), судить точно трудно. Даже о самых больших сленговых словарях одного русского языка трудно сказать, в какой мере они приближаются к пределу, называемому «весь сленг». Ведь, помимо общеупотребительных сленговых слов, в таких словарях, даже если специально ставится цель не допускать в эти словари узко употребительные сленговые слова, последние все равно оказываются в словаре. Отграничить общеупотребительную лексику от узко употребительной крайне трудно. Однако надо утверждать, что словарь И. Феньвеши – достаточно полный словарь русского сленга. В самом деле, 16 тысяч слов и 3 тысячи фразеологизмов – это действительно большой объем.

Как переводной – словарь И. Феньвеши предназначен выполнять, в целом, те же самые функции, которые выполняют обычные переводные словари – обеспечивать перевод текстов с русского языка на венгерский и с венгерского на русский, однако, только в той области перевода, которая приходится на сленговую по происхождению русскую лексику. Словарь И. Феньвеши поможет переводить на венгерский язык, например, современную русскую художественную и публицистическую литературу, «переполненную» сленговыми словами и выражениями.

Осуществляемые до сих пор подобные переводы этой литературы на венгерский язык (как показывает анализ самого И. Феньвеши: FENYVESI 2000, ФЕНЬВЕШИ 2002), не всегда удовлетворительны. Многие русские сленговые слова либо оставались непереведенными на венгерский язык, либо переводились неправильно, либо если и переводились правильно – то с помощью нейтральной венгерской лексики; эквивалентные же переводы (когда русское сленговое слово переводится венгерским сленговым словом) представляли собой редкое явление. Теперь же, при наличии словаря И. Феньвеши, венгерские переводчики вполне могут выходить из затруднительного положения, так как большинство русских сленговых слов они найдут в этом словаре.

Так, в стихах В. Высоцкого (этот автор активно переводится в Венгрии уже вторым поколением переводчиков) употребляется много сленговых лексем (*вышка, врезали, чинарик, умотал* и др.). Для подавляющего большинства из них имеется перевод в словаре И. Феньвеши.

Вывод состоит в том, что словарь И. Феньвеши – достаточно полный сленговый словарь, благодаря чему он сможет оказать большую практическую помощь венгерским переводчикам с русского языка. Несомненно, что этот словарь уже поэтому важное событие в венгерской русистике. Но это большое событие также и в теоретическом аспекте. При составлении словаря автору пришлось решать целый ряд теоретических вопросов: понятие сленга, принципы описания сленга в словаре, проблемы перевода на другой язык и т. д.

Литература:

Бельчиков 1990: Бельчиков Ю. А., Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. В. Н. Ярцева. Москва, 402–402.

БСЭ 1976: Большая советская энциклопедия. Статьи: «арго» (т. 2), «жаргон» (т. 9), «сленг» (т. 32). Москва.

Елистратов 2001: Елистратов В. С., Словарь русского арго. Материалы 1980 1990, Послесловие (574 692): Арго и культура. Москва.

Ермакова и др. 1999: Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И., Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь общего русского жаргона. Рук. Розина Р. И., Москва.

Ильясов 1994: Ильясов Ф. Н., Русский мат. Антология для специалистов-филологов. Москва.

Степанов 1990: Степанов Ю. С., Стилистика. Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. В. Н. Ярцева. Москва, 492–495.

Феньвеши 1996: Феньвеши, И., Современные словари русского сленга // Studia Slavica Savariensia. Szombathely, 1 2, 189 205.

Феньвеши 2000: Феньвеши, И., Русский сленг как языковая игра // Papp Ferenc akadémikus 70. Születésnapjára. Debrecen, 291–298.

Феньвеши 2001: Феньвеши, И., Сленг в русской литературе и его венгерский перевод (частотно-семантический анализ инвариантных компонентов) // Diss. Slav.: Ling. XXV. Szeged, 91 100.

Charman 1999: Charman, R. L., Mi a szleng? [Что такое сленг?] // Szlengkutatás 3. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, 273–279.

Domasnyev 1997: Domasnyev, A., Társalgási nyelv, szleng, zsargon [Разговорный язык, сленг, жаргон] // Szlengkutatás 3. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, 492 495.

Fenyvesi 1997: Fenyvesi I., Az orosz szleng és kutatása [Русский сленг и его исследование] // Szlengkutatás 1. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, 185 235.

Fenyvesi 1998: Fenyvesi I., Работа над русско-венгерским словарем сленга. Проблемы эквивалентности // Nyelv, stílus, irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára. Budapest, 127–132.

Fenyvesi 2000: Fenyvesi I., Проблемы венгерского перевода русского сленга (Л. Габышев: Одлян или глоток свободы) // Nyelv, aspektus, irodalom. Köszöntő könyv Krékits József 70. születésnapjára. Szeged, 79 89.

Fenyvesi 2002: Fenyvesi I., «Язык – не дверь в историю, а сама история» (20. век в зеркале русского сленга) // Cirill és Metód példáját követve Tanulmányok H. Tóth Imre 70. születésnapjára. Szeged, 91 104.

Jelisztratov 1998: Jelisztratov, V., Szleng és kultúra [Сленг и культура] // Szlengkutatás 2. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen.

Lendvai 1996: Lendvai E., Közelkép a verbális humorról (orosz – magyar – angol) [Взгляд на вербальный юмор (русский – венгерский – английский)]. Budapest.

Lutz 1999: Lutz, D. W., Zsargon [Жаргон] // Szlengkutatás 3. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, 273 279.

Péter 1997: Péter M., Húsz év múlva. Régebbi és újabb gondolatok a szlengről [Через двадцать лет. Старые и новые мысли о сленге] // Szlengkutatás 3. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, 25 39.

Abstract

Problems of Describing and Translating Russian Slang

Relying on István Fenyvesi's dictionary, of Hungarian–Russian and Russian–Hungarian slang (Budapest, 2001, 633 p.) the author analyses the most essential problems related to Russian slang and its translation into Hungarian language. (The translation is based on Hungarian neutral or slang equivalents.)

The analysed problems are the following: 1.) The concept of Russian slang; 2.) Slang as a technical term; 3.) The sources of the Russian slang dictionary; 4.) The structure of the dictionary; 5.) The methods of describing slang expressions in the dictionary; 6.) Stylistic comments in the dictionary; 7.) Translation into Hungarian; 8. Retranslation into Russian; 9.) The practical importance of the dictionary.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

ОБ АКТИВИЗАЦИИ СУФФИКСА *-ИЗАЦИ/J/-* В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ НА РУБЕЖЕ XX И XXI СТОЛЕТИЙ[1]

FÓRIÁN Éva

0. Введение

В данной статье рассматриваются новейшие процессуальные существительные русского языка, образованные от именных корней и нечасто даже не соотносимые с глаголами.

Задача состоит в том, чтобы определить их статус в русской лексике, т. е. установить, пополняется ли в течение последних двадцати лет словарь русского языка существительными на *-изаци/j/-* путем словообразования, как принято считать в русском языкознании (см. ниже), или путем заимствования.

В нижеизложенном анализе мы исходим из следующих синхронных предпосылок: с помощью суффикса *-изаци/j/-* образуются лексемы со значением 'действие или состояние, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным' или же вместе с префиксом *де-/дез-* (префиксально-суффиксальный способ словообразования) называют действие, противоположное тому, которое названо мотивирующим словом. Что касается этимологии, мы исходим из того, что эти морфемы имеют более дальнюю (греко-латинскую) и более близкую этимологию, и являются вместе с тем интернациональными аффиксами.

Статья основана на материале, извлеченном из новейших толковых словарей русского языка и русскоязычных и других веб-сайтов в первой половине декабря 2004 г.

1. Лексический взрыв

Все больше лингвистов в России и за рубежом проявляет исследовательский интерес к процессам, происходящим в русском языке постсоветского времени. Стремительные общественные и экономические перемены, социальные потрясения вызвали в языке настоящий лексический взрыв. Именно он стал объектом пристального внимания многих исследователей, в том числе Е. А. Земской, Г. Н. Скляревской, В. Г. Костомарова и Л. Ферм. Особенно тщательный анализ лексического состава русской разговорной

[1] Работа написана при поддержке гранта Венгерского Комитета по Стипендиям (MÖB 2-13-2-57-1897/2004).

речи после смены режима в России дается также в монографии венгерского автора Дьёрдьнэ Репаши (RÉPÁSI 1999).

Динамика словарного состава любого языка обеспечена экстралингвистическими факторами, а именно необходимостью выражения новых понятий, формирующихся в ходе развития человеческой деятельности. Этот процесс проявляется в активизации словообразования и заимствования. «Русское словообразование второй половины XX в. характеризуется активизацией тех же тенденций, которые действовали после революции 1917 года. Основные из этих тенденций: демократизация, интернационализация, рост неузуального словообразования и экспрессивизации, деидеологизация, рост аналитизма и черт агглютивности в структуре производного слова» (ЗЕМСКАЯ 1999: 258). Подробная характеристика этих тенденций дана, между прочим, в работах ЗЕМСКОЙ (1997; 2000). Характеризуя слово в меняющемся мире, СКЛЯРЕВСКАЯ (1998: 8) пишет: «Словообразование имеет сейчас лавинообразный характер, новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно и ступенчато, как это бывает в периоды спокойного языкового развития, а стремительно, одномоментно».

2. Процессуальные существительные

Общественно-политические перемены, произошедшие в бывшем СССР и все еще происходящие в Российской Федерации, представляют собой различного рода процессы, для номинации которых требовались и требуются новые процессуальные существительные. (Как известно, в номинации действий динамического мира помимо глаголов участвуют и имена.) Имена существительные со значением отвлеченного процессуального признака могут образоваться в русском языке посредством целого ряда продуктивных суффиксов, перечисленных в *Русской грамматике* – 82 (§ 256 283): *-ни/j/-, -ка, -ациj/-,-ств(о), -от(а), -б(а), -н(я), -аж, -ёж, -ок, -ость/-ть/-ность, -изм, -ур(а), -ищ(е), -ч(а), -ель/-ль, -/и/ш, -от, -ух(а), -он, -к(и)/-лк(и)/-ушк(и), -ин(ы).* Употребляются также другие словообразовательные типы, отмеченные в группах или единичных существительных.

По мнению языковедов особенно широко распространяются в русском языке на рубеже XX и XXI столетий существительные с отвлеченным значением действия – безотносительно к длительности и характеру течения процесса – образованные посредством интернациональных суффиксов *-ациj/j/-, -фикациj/j/-,-ициj/j/-, -яциj/j/-, -енциj/j/-, -циj/j/- и -и/j/-;* орфографически это слова на *-ация, -фикация, -иция, -яция, -енция, -ция* и *-ия.* Эти суффиксы привлекают к себе внимание исследователей русского языка со второй половины XX века. Уже в 1968 г. ПАНОВ описывал продуктивность этих интернациональных суффиксов на русской почве (1968: 102 104). ФЕРМ отмечает (1994: 67): «В настоящее время особую активность проявляют отдельные суффиксы ( ) Это суффиксы *-ация/-изация* ( )». В своей монографии Репа-

ши также выделяет производство неологизмов с суффиксом *-изация* среди активных процессов современного русского словообразования (RÉPÁSI 1999: 105 106). Земская в свою очередь подчеркивает (Русский язык 2000: 107): «Каждое новое общественно важное событие порождает отвлеченное имя на *-изация*». Штоффель (STOFFEL 1996) анализирует словообразование, семантику и этимологию русских лексем *де(з)- -изаци/j/-* в евролатинском интернациональном контексте.

Образование nomina actionis со значением действия и состояния – явление, существующее в русском языке с древнейших времен (ср. КОРЯКОВЦЕВА 2000: 164 171).

«Словообразовательные аффиксы *-ация, -изация, -фикация* прошли в русском языке все стадии освоения: в начале заимствования существительных на *-ция* (конец XVII – начало XVIII века) это были связанные аффиксы в словах с иноязычной основой, затем, в XVIII – первой половине XIX века, аффиксы *-ация, -изация, -фикация* стали свободно выделяться из состава иноязычных основ, так как наряду с существительными на *-ция* стали заимствоваться однокоренные с ними глаголы. Полное освоение аффиксов *-изация, -фикация* произошло во второй половине XIX века, когда с помощью этих аффиксов началось регулярное образование отсубстантивных и отадъективных процессных имен на русской почве.» (КОРЯКОВЦЕВА 2000: 168 169).

Кипарский (KIPARSKY 1975: 210) отмечает, что суффикс *-изация* активно употреблял Пушкин: *организация, цивилизация.* В советское время этот суффикс стал настолько продуктивным, что с его помощью образовывались неологизмы не только от иноязычных слов (как *паспортизация*, *маршрутизация*), а также от русских корней (*большевизация*, *военизация*, *озимизация*, *яровизация*).

В данной работе сосредоточим внимание на тенденции развития наименований процессов с помощью суффикса *-изаци/j/-* в русском языке последних 20 лет.

Прежде чем перейти к вопросу о том, какие наименования с суффиксом *-изаци/j/-* образуются в современном русском языке, стоит остановиться – хотя бы в самых общих чертах – на том, как соотносятся между собой разные продуктивные морфы на *-ция*. Основой для составления нижеприведенной таблицы послужило пособие ПОТИХИ (1974: 19).

суффикс	корень	значение	примеры	другие примеры
-ия	глаголы с глагольным суффиксом *-ова(ть)*	сферы занятий или их результат[2]	***ревизия*** (ср. *ревизовать*)	
-ация, -яция, -иция	глаголы с глагольным суффиксом *-ирова(ть), -изирова(ть), -ова(ть)*	действия безотносительно к длительности и характеру процесса	***агитация***[3] (ср. *агитировать*), ***рекомендация*** (ср. *рекомендовать*)	***инквизиция*** (ср. *инквизитор*), ***композиция*** (ср. *композитор*)
-изация	имена (иноязычные и русские)	действия, процессы или их результат	***автоматизация*** (ср. *автомат*) ***экранизация*** (ср. *экран*) ***советизация*** (ср. *совет*)	
-ификация -фикация	имена (иноязычные и русские)	действие безотносительно к длительности и характеру процесса	***газификация*** (ср. *газ*) ***русификация*** (ср. *Русь*) ***радиофикация*** (ср. *радио*)	

Табл. 1. Перечень интернациональных словообразовательных морфов со значением процесса (по ПОТИХА 1974).

3. Материал исследования

Эмпирический материал исследований охватывает временной срез 1985–2004. Круг новых[4] наименований процессов, анализируемых в работе, устанавливался посредством исследования источников разного характера (толковые словари и Интернет-сайты).

3.1. Базой изучения служат словари под редакцией Г. Н. СКЛЯРЕВСКОЙ: Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения (1998) – ТСРЯ и Толковый словарь современного русского языка. Языковые

[2] Суффикс *-ия* выделяется в существительных, обозначающих: а) Отрасли науки и техники, сферы занятий, а также место действия или собрание деятелей, общественную систему ( ), напр. *агрономия, амбулатория, аудитория* и др.; б) Названия стран и республик по национальному признаку, напр. ***Болгария, Карелия*** и др. (ср. ПОТИХА 1974: 16 17).

[3] В лексических примерах Потиха выделяет корни полужирным курсивом.

[4] К сожалению, некоторые современные авторы причисляют к новообразованиям конца XX в. и такие лексемы, как: *паспортизация, европеизация, американизация, урбанизация, алкоголизация* и др., хотя они присутствуют уже в Грамматическом словаре русского языка ЗАЛИЗНЯКА 1977 года!

изменения конца XX века (2001) – ТССРЯ. В первом из них была сделана попытка, описать динамику лексической системы. С точки зрения динамического развития в нем рассматривается четыре разряда лексики, из которых нас интересует только второй разряд, состоящий из неологизмов.

В ТСРЯ вошло 60 существительных с суффиксом *-изаци/j/-*, из них 25 слов абсолютно новых, то есть не зафиксированных к моменту выдачи ТСРЯ ни в одном словаре русского языка (ср. СКЛЯРЕВСКАЯ 1998: 11–13), выделенных в данном словаре графическим знаком ✍:

акционеризация	*долларизация*	*прихватизация*[5]
ваучеризация	*евангелизация*	*пролетаризация*
деимпериализация	*инвалидизация*	*радикализация*
деиндустриализация	*информатизация*	*радиосигнализация*
декоммунизация	*коммерциализация*	*разбольшевизация*
деноменклатуризация	*легитимизация*	*сексуализация*
департизация	*наркоманизация*	*суверенизация*
десакрализация	*наркотизация*	*фермеризация*
десоветизация		

В ТСРЯ отмечается еще 12 лексем графическим знаком ✍✍, что указывает на их относительную новизну, они зафиксированы в пределах описываемого словарем периода (1985 1997) в других словарях. Вот они:

арендизация	*декриминализация*	*компьютеризация*
гуманизация	*демонополизация*	*криминализация*
дебюрократизация	*десталинизация*	*либерализация*
деколлективизация	*исламизация*	*люмпенизация*

ТССРЯ включает 64 существительных с суффиксом *-изаци/j/-*, из них 12 слов, после проверки материалов в других словарях русского языка (СЭС, ТИХОНОВ, ОЖЕГОВ, ТСРЯ) оказываются неологизмами. [В ТССРЯ новая лексика приведена без графического знака, так как «новые слова участвуют в процессах языковых изменений самим фактом своего появления в языке» (СКЛЯРЕВСКАЯ 2001: vii).]

бартеризация	*деприватизация*	*легитимизация*
векселизация	*интернетизация*	*маргинализация*
дебилизация	*катехизация*	*минимизация*
дедолларизация	*конверсизация*	*экологизация*

[5] В: ТССРЯ 2001: 629: «*Разг. Насмешл.* О приватизации как средстве обогащения тех, кто ее проводит, осуществляет». Ср. также *прихватизатор, прихватизировать.*

В итоге зафиксировано 49 новых слов с словообразовательным морфом *-изаци/j/-* в толковых словарях русского языка, вышедших после 1985 г. и включающих 5,5 тысяч/более 7 тысяч слов и выражений.

Много это или мало? Решение этого вопроса не входит в нашу компетенцию. В качестве сравнения подаем только результат проведенных нами на основании *Грамматического словаря русского языка* А. А. ЗАЛИЗНЯКА (1977) подсчетов: почти из 100 000 слов всего 244 заканчивается на *-изация*.

3.2. Результаты современных словообразовательных процессов включены в толковые словари в неполной степени, поэтому в качестве объекта исследования данной работы выступают также результаты интернет-поисков. Этот выбор не случаен. Известно, что самую значительную часть материалов изучения языка составляет язык средств массовой информации (СМИ), ибо в нем наиболее отчетливо и быстро отражаются изменения, происходящие в наше время во всех сферах жизни (ср. ЗЕМСКАЯ 2000: 10; ФЕРМ 1994: 15 20). Кроме традиционных средств массовой информации, как телевидение, пресса – прежде всего газеты, а также Интернет в состоянии тотчас фиксировать и доносить до зрителей и читателей все новое, что наблюдается в языке. Именно на веб-сайтах часто рождаются новые слова и появляется новая иноязычная лексика.

Во всемирной информационной компьютерной сети можем найти много иных русских существительных с суффиксом *-изаци/j/-*. Здесь приводим исключительно те, что не зафиксированы в русских лингвистических словарях. Значительную их часть составляют примеры, образованные по схеме выше упомянутых новаций:

автономизация	*глобализация*	*прозаизация*
аппаратизация	*кантонизация*	*румынизация*
балканизация	*купонизация*	*стереотипизация*
башкиризация	*ливанизация*	*технологизация*
буферизация	*панамизация*	*югославизация*

Другую, обширную группу новых наименований процессов составляют лексемы, словообразовательная основа которых записана латиницей, а словообразовательные морфы, присоединенные к ним через черточку или апостроф, кириллицей. Подавляющее большинство этих производных слов образовано от аббревиатур инициального типа.

mobil'изация	*demobil-изация*	*CNN'изация*	*MMX-изация*
modern-изация	*de-html-изация*	*IDL-изация*	*KATA-изация*
Java-изация		*SMS-изация*	*XML-изация*
McDonald-изация		*GPS-изация*	*Wi-Fi-изация*
SHOP-изация		*NGO-изация*	*ERP-изация*

musicbox-изация	*iPOD-изация*	*WAP-изация*
	ISO-изация	*IBM-изация*
	PR-изация	*RRS-изация*
	GSM-изация	*UHH-изация*
	HTML-изация	

В небольшом количестве встречаются и примеры, записанные целиком кириллицей.

«евро»-изация	*ГПУ-изация*	*деСПДУ(о)-изация*
ё-изация[6]	*КПК-изация*	*деСПДУ(и)-изация*
гетто-изация	*НПО-изация*	
панъевропеизация	*СНГ-изация*	
осло-изация	*НАТО-изация*	
	КГБ-изация	
	СНГ-изация	

Уникальное присоединение интернационального словообразовательного морфа *-изаци/j/-* наблюдается в окказиональном словопроизводстве *«Чего изволите»-изация национальной истории*, использованном в заглавии интернет-статьи[7].

Возникает вопрос, являются ли все выше приведенные номинации результатами активных процессов современного русского словопроизводства (ср. ЗЕМСКАЯ 2000: 107 110), или надо говорить об активизации употребления иноязычной лексики.

4. Особенности наименований процессов

4.1. Изучая условия активизации употребления иноязычной лексики, Крысин пишет: «Открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в областях культуры, спорта, торговли, моды и др. – все эти процессы и тенденции, характерные для русского общества второй половины 80-х–90-х годов, несомненно, послужили важным стимулом, облегчившим активизацию употребления иноязычной лексики» (Русский язык 2000: 144).

Соответственно, можно предположить, что часть изучаемых нами неологизмов вошла в русский язык благодаря усвоению иноязычной лексики. С помощью суффикса *-изаци/j/-* образуются в языках преимущественно тер-

[6] Также *ё-фикация, ё-ирование*. Тенденция немедленного возврата гонимой буквы «ё» в печать. Источник: http://www.poezia.ru/salon.php?sid=8937 [14-12-2004].

[7] www.artsakhworld.com/Armen_Aivazian/Related_Discussions_on_Armenian_Studies/Grigorian_Alexander_National_History_Problrms_Golos_20040407/htm [14-12-2004].

мины-интернационализмы, используемые в разных отраслях науки и техники и восходящие к греческим и латинским корням.

После проведения поисков иноязычных эквивалентов русских наименований процессов в Интернете стало нам очевидно, что подавляющее большинство выше упомянутых слов является **интернациональными терминами**. Вот некоторые из них:

русс.	рум.	исп.	нем.
глобализация	*globalizare*	*globalización*	*Globalisation*
либерализация	*liberalizare*	*liberalización*	*Liberalisation*
компьютеризация	*computerizare*	*computerización*	*Computerisation*
McDonald's-изация	*McDonald's-izare*	*McDonald's-ización*	*McDonald's-isation*

4.2. Некоторые антропологи рассматривают языковой контакт лишь как один из аспектов контакта культур, а языковую интерференцию – как одно из проявлений культур и аккультурации (ср. ВАЙНРАЙХ 1979: 27–28). Словарь одного языка может воздействовать на словарь другого разнообразными способами, одним из которых является прямое перенесение лексических элементов, которое осуществляется обычно таким путем: более престижный язык → менее престижный язык. Интернациональные термины могут присутствовать в разных языках вследствие параллельных образований слов, но более вероятным выглядит заимствование лексем. «В любом языке имеется большое количество заимствованных терминов, поскольку терминологическая лексика является тем слоем словарного состава, который наиболее интенсивно переходит из одного языка в другой и обнаруживает тенденцию к интернационализации» (ПЕТЕ 1989: 145). Термины заимствуются и входят в употребление сегодня главным образом в области компьютерной техники, мобильной связи, политики, финансовых и коммерческих дел. Гипотезу заимствования обосновывают и гибридные заимствования типа *WAP-изация, IBM-изация, CNN'изация, IDL-изация, SMS-изация* и т.п.[8] При решении вопроса о происхождении существительных со значением процесса хорошие результаты дает изучение письменных текстов, главным образом, словарей.

Следующие существительные зафиксированы в английском словаре рифм (WRD), изданном в 1983 г.:

Legitimization	*Harmonization*
Liberalization	*Americanization*

[8] Перекрещивание кириллической азбуки с латинской, различные игры в две азбуки привлекают внимание исследователей русского языка, см. напр. ЗЕМСКАЯ, Е., А., Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. Москва: Языки славянской культуры, 2004, стр. 518 (Studia philologica).

Modernization	*Decentralization*
Militarization	*Standardization*

Приведем также примеры **английских эквивалентов-прототипов** вышеупомянутых русских неологизмов, зарегистрированных в Оксфордском английском словаре (OED) в 1993 г.:

Decriminalization	*Computerization*
Demonopolization	*Marginalization*
Islamization	*Globalization*

И наконец английские прототипы наименований процессов, собранные на веб-сайтах с соответствующими русскими эквивалентами.

barterization	*бартеризация*	*debilization*	*дебилизация*
voucherization	*ваучеризация*	*computerization*	*компьютеризация*
deimperialization	*деимпериализация*	*globalization*	*глобализация*
deindustrialization	*деиндустриализация*	*cantonization*	*кантонизация*
(de)dollarization	*(де)долларизация*	*livanization*	*ливанизация*
evangelization	*евангелизация*	*technologization*	*технологизация*
invalidization	*инвалидизация*	*deprivatization*	*деприватизация*
informatization	*информатизация*	*internetization*	*интернетизация*
legitimization	*легитимизация*	*catechization*	*катехизация*
proletarization	*пролетаризация*	*autonomization*	*автономизация*
radikalization	*радикализация*	*apparatization*	*аппаратизация*
islamization	*исламизация*	*balkanization*	*балканизация*
bufferization	*буферизация*	*bashkirization*	*башкиризация*
seksualization	*сексуализация*	*ecologization*	*буферизация*
sovereignization	*суверенизация*	*McDonald-ization*	*McDonald-изация*
farmerization	*фермеризация*	*musicbox'ization*	*musicbox'-изация*

4.3. **К результатам русского словообразования** принадлежат лишь некоторые nomina actionis, они могут даже не иметь иноязычных эквивалентов. Большинство последних составляют слова с иностранной лексемой-корнем: *наркоманизация, купонизация.* Хоть слишком мало, но все-таки есть также примеры с русским корнем: *прихватизация, ё-изация.* Слова *десоветизация, десталинизация* и *разбольшевизация* образованы префиксацией от слов *советизация, сталинизация* и *большевизация,* уже давно живущих в русской лексике. Особым типом номинаций являются слова, образованные от названий стран, например, *башкиризация* родилась в русском языке по аналогии к интернационализмам: *американизация* (анг. *americanization*), *балканизация* (анг. *balkanization*) и т. п. Без сомнения русскими дериватами являются номинации с аббревиатурами в основах: *СНГ-изация, ГПУ-изация, КПК-изация* и *НПО-изация.*

4.4. Русский язык конца XX, начала XXI вв. нуждается в наименовании новых явлений в самых разных сферах человеческой деятельности. **По значению** 'наделение тем или свойствами того, что обозначает базовая основа' эти nomina actionis делятся на следующие основные группы:

- политика
- экономика
- религия
- мобильная связь
- компьютер и порожденный им Интернет.

4.5. Среди новых наименований процессов отметим 14 префиксально-суффиксальных существительных:

дебюрократизация	*демонополизация*
дедолларизация	*деноменклатуризация*
деимпериализация	*департизация*
деиндустриализация	*деприватизация*
деколлективизация	*десакрализация*
декоммунизация	*десоветизация*
декриминализация	*десталинизация*

Процесс идеологической переориентации России отображается в употреблении существительных с префиксом *де-*: *деколлективизация*, *декомунизация*, *деноменклатуризация*, *департизация* и *десоветизация*. Они называют действие, противоположное, обратное тому, которое названо мотивирующим словом.

4.6. ЗЕМСКАЯ (2000: 109) отмечает, что «обычно однокоренные глаголы, от которых могли быть произведены соответствующие существительные, отсутствуют». После проведения поисков в анализируемых словарях и в Интернете, в большинстве случаев (31 из 49) встречается **употребление глаголов, соотносимых с рассмотренными новообразованиями на *-изация*** уже зафиксированных в новых толковых словарях русского языка:

бартеризация	*бартеризовать*
гуманизация	*гуманизировать*
дебилизация	*дебилиз(ир)овать*
дебюрократизация	*дебюрократиз(ир)овать*
дедолларизация	*дедолларизовать*
деимпериализация	*деимпериализовать*
деиндустриализация	*деиндустриализовать*
декриминализация	*декриминализ(ир)овать*

демонополизация	*демонополиз(ир)овать*
департизация	*департизировать*
деприватизация	*деприватизировать*
десакрализация	*десакрализ(ир)овать*
десоветизация	*десоветиз(ир)овать*
долларизация	*долларизовать*
евангелизация	*евангелиз(ир)овать*
инвалидизация	*инвалидизировать*
интернетизация	*интернетизировать*
информатизация	*информатиз(ир)овать*
катехизация	*катехизировать*
коммерциализация	*коммерциализировать*
компьютеризация	*компьютеризовать*
криминализация	*криминализовать*
легитимизация	*легитимизировать*
либерализация	*либерализ(ир)овать*
маргинализация	*маргинализировать*
минимизация	*минимизировать*
прихватизация	*прихватизовать*
пролетаризация	*пролетаризировать*
радикализация	*радикализировать*
сексуализация	*сексуализировать*
экологизация	*экологизировать*

Всего лишь небольшое количество только что вошедших в русский язык существительных на *-изация*, найденных в Интернете, употребляется также в форме глаголов.

балканизация	*балканизировать*
башкиризация	*башкиризировать*
буферизация	*буферизировать*
глобализация	*глобализировать*
ливанизация	*ливанизировать*
прозаизация	*прозаизировать*
румынизация	*румынизировать*
стереотипизация	*стереотипизировать*
технологизация	*технологизировать*
НАТО-изация	*НАТО-изировать*
HTML-изация	*HTML-изировать*

Интересно, что при отсутствии глагола «*люмпенизировать*» в ТСРЯ зафиксировано причастие *люмпенизированный*. В данном случае отсутствует

звено в словообразовательной мотивации, следовательно, мы можем лишь предполагать воздействие гипотетической глагольной формы.

Однокоренные глаголы, от которых могли бы быть произведены следующие новообразования, пока отсутствуют:

акционеризация	*деноменклатуризация*	*наркотизация*
арендизация	*десталинизация*	*радиосигнализация*
ваучеризация	*исламизация*	*разбольшевизация*
векселизация	*конверсизация*	*суверенизация*
деколлективизация	*люмпенизация*	*фермеризация*
декоммунизация	*наркоманизация*	

5. Выводы

Перенасыщенность современной русской речи новыми наименованиями процессов на *-изация* – лингвистический факт. Именно это, а также утверждение, что словарь русского языка пополняется в основном за счет словообразования, создает впечатление, будто были бы анализируемые слова образованы на русской почве. Даже лингвисты могут не заметить иноязычность терминов, обслуживающих самые разные сферы действительности, точнее разные терминосферы.

Соответственно, можем подвести итоги:

1. Многочисленная группа существительных на *-изация* на сегодняшний день представляет собой открытый ряд.
2. В основном, этот слой лексики представлен в виде иноязычных собственно-лексических (прямых) заимствований из английского языка (американизмов).
3. Быстрому усвоению лексем способствует тот факт, что они выражают важные экономические, технические и политические понятия современного окружающего нас динамического мира.
4. Наблюдается тенденция к интернационализации терминологии, что существенно стимулируется наличием прямых и непосредственных контактов с иностранными терминосферами.
5. Большинство анализируемых терминов являются известными и общепонятными даже неспециалистам, что связано с частым их употреблением в быту и в СМИ.
6. Русский язык конца XX и начала XXI вв. пополняется отыменными nomina actionis за счет словообразования в значительно меньшей мере, чем путем освоения иноязычных наименований процессов на *-изация*.
7. Словообразование, как и некоторые другие подсистемы русского языка (такие, например, лексика и фонетика) подвергается иноязычному влиянию. Продуктивность интернационального словообразовательного морфа

-изаци/j/- в английском языке (английский *-isation*, американский *-ization*) вызывает (ре)активизацию того же морфа на русской почве.

8. Особенно продуктивным способом словообразования выступает аббревиация.
9. Однокоренные глаголы, от которых могли быть произведены соответствующие существительные на *-изация*, обычно имеются в русском языке.
10. Об усвоении языком-рецептором этих лексических заимствований свидетельствует и то обстоятельство, что при их графическом оформлении в русском копируются иноязычные модели (ср. *McDonald('s)-ization* → *McDonald-изация, CNN'ization* → *CNN'изация; СНГ-изация, ГПУ'изация*).
11. Англо-русские языковые контакты – как и любые другие немаргинальные межъязыковые отношения – осуществляются прежде всего книжным путем в широком смысле этого слова.
12. Большое количество заимствований отражает интенсификацию языковых контактов между родственными, но далеко разошедшимися по грамматическому строю и составу лексики языками, т. е. между английским и русским языками.

Источники

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Скляревской Г. Н., Российская Академия наук, Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: «Фолио–Пресс», 1998.

ТССРЯ: Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века. Под ред. Скляревской Г. Н., Российская Академия наук, Институт лингвистических исследований РАН. Москва: «Астрель», «Аст», 2001.

Словари

Ожегов С. И., Словарь русского языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. Москва: Русский язык, 1987.

СЭС: Советский энциклопедический словарь. Москва: Издательство «Советская Энциклопедия», 1981.

Тихонов А. Н., Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. Москва: Русский язык, 1985.

OED: The new shorter Oxford English Dictionary. (ed. L. Brown) Oxford: Clarendon Press, 1993.

WRD: Walker's Rhyming Dictionary. Supplement by M. Freeman. London, New York: Rotledge (1983, repr.1991).

Литература

ВАЙНРАЙХ 1979: Вайнрайх, У., Языковые контакты. Киев: Издательство при Киевском государственном университете, Издательство объединения «Вища школа».

ЗЕМСКАЯ 1997: Земская Е. А., Активные тенденции словопроизводства в период 1945–1995 гг. // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва: Языки русской культуры.

ЗЕМСКАЯ 1999: Земская Е. А., Динамика системы современного русского словообразования и проблемы словообразовательной нормы // Belentschikow, R. (Hrsg.), Neue Wege der slawistischen Wortbildungsforschung. Frankfurt am Main: Peter Lang, 257 264.

ЗЕМСКАЯ 2000: Земская Е. А., Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 1995). Москва: Языки русской культуры, 90–141.

КОРЯКОВЦЕВА 2000: Коряковцева Е. И., Словообразование и заимствование (о роли заимствований в развитии и преобразовании словообразовательных типов и категорий русского языка) // Kelszczowa, K., Selimski, L. (red.), Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 164–171.

ПАНОВ 1968: Панов М. В., Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка (социолого-лингвистическое исследование). Москва.

ПЕТЕ 1989: Пете, И., Лексикология русского языка для венгерских студентов-русистов. Будапешт: Танкеньвкиадо.

ПОТИХА 1974: Потиха З. А., Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем. Ленинград: «Просвещение».

Русский язык конца XX столетия (1985 1995). Коллективная монография. Под ред. Е. А. Земской. 2-е изд. Москва: Языки русской культуры, 2000.

ФЕРМ 1994: ФЕРМ Л., Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Acta Universitatis Upsaliensis. Uppsala.

ШВЕДОВА 1982: Шведова Н. Ю., (гл. ред.) Русская грамматика. Москва: Издательство «Наука».

KIPARSKY 1975: Kiparsky, V., Russische historische Grammatik. Band III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

KOPECKIJ 1976: Kopeckij, L. V., Морфология современного русского литературного языка. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

RÉPÁSI 1999: Répási Györgyné. Szavak a beszédben. Szavak a nyelvben. Nyíregyháza: Bessenyei György Könyvkiadó.

ŠIRJAEV 1997: Širjaev, E., (red. naukowy) Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык. Opole.

STOFFEL 1996: STOFFEL, H.-P., Zur Wortbildung, Semantik und Etymologie von russischen Lexemen auf *de(z)- -(iz)acij+a* im eurolateinisch-internationalen Kontext // Munske, H. H., Kirkness, A. (Hrsg.), Eurolatein. Das griechische und lateinische Erbe in den europäischen Sprachen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 129–151.

Abstract

On the Activization of the Suffix *-izacij-* in the Russian Word Stock at the Turn of the 20th/21st Centuries

In her present study the author investigates the newest Russian nouns with a processual meaning, which contain the international morpheme *-izacij-*. Her aim is to decide, whether these words of word formation – a view generally held in Russian linguistics – or they are borrowings.

She uses the most recent Russian explanatory dictionaries and data of Russian and non-Russian web-sites as database (period of research: first two weeks of December 2004).

The results of the research are the following:

– nouns of the nomina actionis type primarily have entered the Russian language via borrowing due to the ever growing intensity of English-Russian linguistic contacts;

– the number of nouns of the internal word formation type is small;

– the terminology of different professional fields is being internationalized.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В РУССКИХ ПЕЧАТНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

K. KOVÁCS Krisztina

Введение

Целью настоящей работы является охарактеризовать некоторые структурные типы русскоязычных печатных рекламных текстов с точки зрения лингвистической текстологии и определить в них некоторые типы пресуппозиций в взаимоотношении с их структурным оформлением грамматическими средствами русского языка. Методом анализа служит синтактико-семантический подход. Задача стоит в выяснении причин появления пробелов в тексте реклам, и реконструирование полной информации в них.

Необходимость подхода такого рода доказывается и тенденцией, что в международной лингвистике изучение логического компонента, а также анализ лингвистических и логических отношений в тексте выдвигается на передний план. При исследовании современного русского языка спектр традиционных описательных направлений все расширяется, но анализ по такому аспекту требует достаточно новый метод исследований рекламных сообщений. Благодаря этому, могут ожидаться новые результаты при изучении лингвистических вопросов на фоне логики и лингвистики текста. Русские печатные рекламные тексты составляют подходящий корпус для такого анализа, представляя довольно характерную группу текстов и являясь истинным отражением современного состояния языка.

При описании языковых особенностей рекламных текстов, лингвисты в основном дают лингвостилистический анализ рекламных сообщений, или же рассматривают рекламу как процесс коммуникации, и они не останавливаются на разборе пресуппозиций в синтактико-семантическом направлении в русских печатных рекламных текстах. Таким образом, описание пресуппозиции в рекламных текстах в лингвистической работе вполне оправдано, ибо она накладывает отпечаток на выбор языковых средств, используемых для достижения целей объявлений, т. е. быть понятным, легко запоминающимся и убедительным. Пресуппозиции могут использоваться как способ внедрения в сознание воспринимателя нужного рекламистам суждения без опасений, что это суждение будет воспринято адресатом с сомнением.

1. Текст как объект лингвистических исследований

Текст обладает определенными законами построения, смыслового и формального соединения и разграничения составляющих его единиц. Текст как целое стал объектом лингвистического исследования во второй половине XX века, когда же изучались языковые правила построения текста «анализом речи» (ХАРРИС 1952), «металингвистикой» (БАХТИН 1972), или «лингвистикой текста» (ДРЕССЛЕР 1972). Лингвистами предложен целый ряд определений текста как лингвистического понятия, но в числе русских монографий все же наиболее полным и сжатым кажется определение текста у Е. Реферовской (РЕФЕРОВСКАЯ 1983), изучавшей механизмы структурирования единицы текста – «сверхфразового единства» и способы их языкового оформления в связном тексте. Текст Реферовской рассматривается как «некое структурированное по определенным законам единство, состоящее из языковых единиц – предложений, объединенных между собой и образующих более крупные единицы – сверхфразовые единства – тематические отрезки текста, параграфы, главы, разделы и т. д., служащие для передачи определенного законченного содержания, отвечающего целям коммуникации» (1983:5). Однако, в исследованиях русских авторов не было обращено внимание на однофразовые типы текста, которые составляют специальный предмет исследования в лингвистической текстологии.

Печатные рекламные тексты

Разные виды рекламы целесообразно изучать отдельно, поэтому в фокусе настоящей статьи – зрительный тип реклам, а именно газетно-журнальная, печатная реклама. Специалисты считают, что потребитель лучше усваивает информацию из печатной рекламы – ее можно рассматривать долго и в любое время. Авторитет прессы объясняется тем, что она представляет собой мощное оружие убеждения.

Характеризуя жанры печатной рекламы, консультант по вопросам рекламы, Ия ИМШИНЕЦКАЯ (2003: 9) считает, что «жанровые вариации способны пополнить арсенал психологических средств воздействия рекламы», выполняя выделительную, развлекательную, маскирующую и дополняющую функцию. На ее взгляд, «жанр – это один из способов внесения креатива в вербальный ряд рекламы – а именно в текст». Согласно критериям выбора жанра (соотнесенность с товаром, наличие юмора, соотнесенность с дополнительной информацией), она дает подробную типологию жанров печатной рекламы. Среди них приводит такие жанры, как акростихи, анекдоты, гороскопы, дневниковые записи, загадки, имитации, комиксы, пародии, советы, тесты, частушки, шутки и т. д. – много из которых находят свое место и в корпусе, лежащего в основу анализа в настоящей работе. Важно заметить, что объявления, плакаты, афиши, каталоги, проспекты, буклеты, вкладыши,

рекламные листовки, этикетки и т. д. считаются рекламоносителями. По мнению специалистки, газета и журнал – это не рекламоносители, а каналы «информирования целевой аудитории, в рамках которого могут использоваться разные рекламоносители». Жанр и рекламоноситель соотносятся как форма и содержание – а форму рекламоносителя можно наполнить разными жанрами.

1.2. Рекламный текст – особый тип текста

Специфика рекламного текста заключается в коммуникативной цели этого типа текста: служить интересам торговли средством языка. Это подчеркивается и в толковом словаре русского языка, составленного Ожеговым: «*Реклама – 1. Оповещение различными способами для создания широкой известности чему-нибудь с целью привлечения потребителей, зрителей и т. п.; 2. Объявление с таким оповещением*» (ОЖЕГОВ 1989:551). Соответственно этому, реклама в первом значении является скорее экономическим понятием, а второе значение обосновывает ее лингвистическое изучение.

Реклама выполняет функцию текста и, в то же время, представляет собой особый вид текста, в котором перемешивается высказанное и невысказанное содержание. Из изучаемых нами текстов отчетливо выделяется слоган – тип рекламного текста, имеющий определенные особенности. Можно сказать, что главная его черта – концентрация особенностей рекламного текста. Слоган отличается краткостью, но с другой стороны и смысловой насыщенностью. Во многих случаях рекламные слоганы состоят всего из одного, по преимуществу простого односоставного предложения, либо сложного (каждая часть которого – простое односоставное), этим самым образуя однофразовые тексты. На основании этого факта становится необходимым выделить однофразовые тексты в специальный подтип текста.

В венгерском языкознании этому подтипу уделяет большое внимание П. КОЧАНЬ (2002), определяя однофразовые тексты при анализе изречений. В текстах такого типа нужно уловить тот самый признак, который выделяет одно предложение из более длинного текста как отдельного, самостоятельного *текста*. Этим признаком (критерием текста) является единая «тема», т. е. наличие некоторого общего, единого представления (КОЧАНЬ 2002:10). Подобно изречениям, рекламные слоганы часто употребляются во вторичной номинации, Д. Розенталь (РОЗЕНТАЛЬ–КОХТЕВ 1981) и называет их «образными изречениями». В них воплощается единство первичного и вторичного значений. По Розенталю (ук. соч.), это явление «семантической двуплановости». Появляется многозначность, т. е. сопоставление двух смысловых планов: прямого и переносного, таким образом, в конструкции одного предложения помещаются два предложения. Эти дифференцирующие признаки однофразового текста вместе соответствуют требованиям дефиниции текста.

Возникает необходимость обратить внимание на сходство слогана с изречениями, поскольку они оба характеризуются предельной краткостью и

однофразовой структурой, и оба предназначены для широкой публики. Изречения, а также афоризмы, пословицы и поговорки, заключающие в себе вековую народную мудрость, часто сами становятся рекламными текстами. *Век живи – век учись!* – читается пословица в объявлении одной школы иностранных языков. *Время драгоценно, когда его мало.* (афоризм, слова В. Крамника, чемпиона по шахматам, цитированные в рекламе для часов). Текст с юмором запоминается легче, выполняя выделительную и развлекательную функцию. В одной из популярных русских газет целый ряд народных мудростей употребляется в рекламах в целях распространения доспехов для бани: *Баня парит – здоровье дарит*; *На полке без колпака, что полковник без полка*; *По спине и ягодицам нужно веником пройтись*; *Выпей чарку, дядя Ваня, но не до, а после бани.*

Однако, необходимо заметить, что изречение и слоган различаются по функции, так как изречения выражают народную мудрость, а слоганы служат цели манипуляции. Именно изречения и пословицы могут быть языковыми средствами манипуляции в рекламных слоганах. В русских рекламах часто прибегают к народным мотивам, так воздействуя на приятные, в большинстве случаев, ностальгические чувства читателей. Как Н. Клушина (2001: 58) заметила, «Мы [*т. е. русские*] насытились дешевыми импортными некачественными товарами, и вернулись к нашим традициям, истокам.» В рекламах используется апелляция к традиционному качеству. Манипулируемый даже не осознает себя объектом воздействия.

Манипулирование может осуществляться разными средствами. Понимания о языковом манипулировании были трактованы некоторыми авторами. По словам Р. Лакофф, «все мы манипулируем языком, причем делаем это постоянно» (Лакофф 1990: 17). По одной дефиниции языковым называется манипулирование, осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка (Пирогова–Паршин 2000: 58). У Пироговой «языковая манипуляция – это использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении» (Пирогова–Паршин 2000: 80).

Одним из наиболее ярко выраженных сфер наличия языковой манипуляции считается именно сфера рекламной коммуникации. При сочинении реклам, на службе у рекламистов целый ряд приемов манипуляции, например языковая метафора, аналогия, многозначность и т. д. Манипуляция может быть направлена на эмоциональную сферу человека. Например, часто в рекламах лекарств и косметики присутствует прием запугивания. *Защита кожи от негативного воздействия окружающей среды*; *Этот крем активно борется с возрастными и преждевременными морщинами... Гепатрин нужен всем! Потому что печень страдает у всех, кто живет в современном мире.* Манипуляция эффективна при обращении к социальным мотивам (приман-

кой считается повышение социального статуса, стремление к лидерству, эталонам и успеху). *Косметика для профессионалов*; *Новая формула успеха*; *Природная косметика швейцарских Альп*; *Омоложение на клеточном уровне с восстановлением собственных клеток и лечение препаратами из стволовых клеток в Москве и элитных санаториях Сочи. Настоящая «Швейцария» рядом с вами! Ваш путь к совершенству.*

А. Арваи (2004: 24–25) при прагматическом анализе манипуляции и убеждении в венгерских рекламных текстах, приводит в качестве примеров рекламы с «ложными аргументами», типа *и другие люди поступают так*, которые таким образом действуют на эмоции. *Я тоже пользуюсь Ariel.*[1] Среди изучаемых ей аргументов находится и возбуждение сожаления: *Уж сколько детей погибают с голода Мы поможем* и принцип авторитета: *Специалисты тоже рекомендуют этот способ.* В структуре аргументации вообще можно установить две схемы: первая – прогрессивное изображение, значит, после перечисления фактов следует вывод. В таких случаях чаще всего используются союзы *поэтому, за счет этого, потому что, так как.* Это схема «решения проблемы». Под другим, т. н. регрессивным изображением понимается представление нового тезиса, а после этого приводятся аргументы. *Компаниях разработала линию современных товаров. Таким образом, у Вас появилась возможность дать своей коже всю необходимую ей защиту.*

Вопреки тому, что и убеждение, и манипуляция употребляется с целью заставить адресата принять мнение адресанта (рекламиста), по А. Арваи различие между этими понятиями заключается в том, что при манипуляции это намерение адресанта передается в скрытом виде. По Д. Шперберу и Д. Уильсону (Арваи 2004: 32) манипуляция имеет две разновидности: согласно первой, адресант умалчивает кое-какие информации, а согласно другой, к сообщению не примыкает коммуникативное намерение, т. е. адресант передает информацию так, что адресат не замечает, что информация предназначена именно для него. Арваи в своей статье приводит еще две стратегии манипуляции. Сам языковой элемент может осуществить манипуляцию. Эти языковые элементы могут быть эффективны подсознательно, независимо от контекста. Сюда причисляется и семантическая пресуппозиция. Согласно четвертой стратегии возможность манипуляции состоит в том, что в предложениях, содержащих пресуппозиционную структуру, можно пользоваться ложной пресуппозицией (Кифер 1983: 53), таким образом, адресата можно заставить принять ложные высказывания, т. е. манипулировать. В манипулятивных целях имплицитная информация в рекламе чаще всего используется как

[1] А. Арваи в своей статье в качестве примеров пользуется венгерскими рекламными текстами. Соответствующие примеры приводятся из корпуса, назначенного для исследования пресуппозиционных структур. (А в данной статье это в основном предложения реклам из женских журналов *Натали, Лиза,* и *Упс!* за 2003 и 2004 гг. Полный список газет и журналов будет приложен к концу монографии под ред.)

основа для ложных умозаключений адресата. Например, типичные ложные выводы в рекламе: *Лучше X-а не существует → X – самый лучший* и др.

Привлекательность имплицитной информации для целей воздействия в рекламе связана с разными обстоятельствами. Имплицитная информация не осознается адресатом, она действует в обход аналогических процедур обработки информации. Поэтому адресат не сомневается в ней. Также, воспринимать сам выводит эту информацию при интерпретации сообщения, т. е. не получает ее в готовом виде. Не менее важно, что адресанта (рекламодателя) трудно привлечь к ответственности за информацию, которая не выражена в сообщении в явном виде.

Существует немало разновидностей имплицитной информации (см. напр. классификацию ПАДУЧЕВОЙ: 1985:60). Один из приемов языкового манипулирования с имплицитной информацией, активно использованный рекламистами (порой интуитивно, порой вполне осознанно) – это снабжение рекламных текстов разными сведениями через пресуппозиции. Е. МЕДВЕДЕВА (2004: 98) утверждает, что «навязывание пресуппозиции выполняет в текстах манипулятивной коммуникации сразу несколько функций:

(1) обеспечивает восприятие спорной информации как объективного факта;

(2) избавляет адресата от необходимости приводить дополнительную аргументацию;

(3) способствует созданию краткого, но емкого, часто образного текста;

(4) позволяет расширить аудиторию сообщения.»

Вышеуказанные факты позволяют рассмотреть однофразовой рекламный текст как особый вид текста, с функцией манипуляции, воплощенной в пресуппозиции как средстве выражения невысказанного содержания.

2. Пресуппозиция

Во всяком тексте, помимо эксплицитно выраженной информации, имеются разные виды имплицитной информации, не содержащейся в высказывании в явном виде, но имеющейся в виду говорящим и воспринимающейся читателем. Пресуппозиция входит в спектр таких семантических образований. Она является «подразумеваемым семантическим компонентом предложения, не выраженным в нем с достаточной эксплицитностью» (ПАДУЧЕВА 1981:23).

2.1. Понятие пресуппозиции

Пресуппозиции образуют особый смысловой каркас, на котором строится рекламный текст. Само понятие «пресуппозиция» имеет множество толкований.

Интерес к пресуппозиции пришел в лингвистику под влиянием логико-философских концепций, касающихся значения предложения. Первые исследования в области пресуппозиции приписываются Г. ФРЕГЕ (1952), который понимает термин как отношение между типом речевого акта и множеством фактов относительно реального положения дел. Сам термин «пресуппозиция» был выбран в качестве английского эквивалента немецкого *Voraussetzung*, использованного ФРЕГЕ. Е. ПАДУЧЕВА (1981:23) отдает предпочтение термину «презумпция», поскольку он давно использовался в русской логической литературе. Однако, и она соглашается, что во многих работах используется калька *presupposition* – «пресуппозиция».

Первая обобщающая русскоязычная работа по теме пресуппозиции написана ЗВЕГИНЦЕВЫМ (1976). В ней суммируются разные трактовки. ЗВЕГИНЦЕВ определяет пресуппозицию (1976: 220) как «совокупность условий, которые необходимо удовлетворить, чтобы: (а) сделать уместным употребление данной структуры высказывания, чтобы (б) данное коммуникативное намерение (внеречевая сила) было эффективно воплощено в конкретном высказывании, и чтобы (в) высказывание было правильно понято в прямом смысле». Звегинцев считает, что главная суть проблемы пресуппозиции заключается в раскрытии указанных условий, требующих своего удовлетворения.

Ю. АПРЕСЯН в статье, посвященной современной лингвистической семантике, среди признаков, которые отличают ее от более традиционных версий семантики 50-60-х годов, указывает на важность изучения пресуппозиций. Автор также обращает внимание на то, что «пресуппозиции имеют много интересных свойств, отчасти национально специфичных, отчасти универсальных» (1999:48).

Итак, пресуппозиция характеризуется как имплицитная информация, которую говорящий считает известной другим участникам коммуникации или которую хочет подать как известную. Пресуппозиция является базой, которая дает возможность формировать мысли и выражать их языковыми средствами.

2.2. Изучение явления пресуппозиции в разных науках

Понятие пресуппозиции не имеет общепринятого определения. Пресуппозиция как явление в основном была изучена в трех отраслях науки: в логике, прагматике и семантике. По свидетельству многочисленных работ, в России пресуппозиция исследуется в первую очередь в нейро-лингвистическом отношении (НЛП)[2], но такой подход не является целью данного исследования.

[2] НЛП: нейролингвистическое программирование, созданное в середине 70-х годов. Новое направление в психотерапии, в котором было уделено особое внимание научному осмыслению эффективных речевых стратегий, предназначенных для использования в сеансах и решения психологических проблем. Основателями этого направления являются американцы Р.

По Звегинцеву (1976: 240), наиболее элементарная классификация принадлежит Э. Кинэну (1971). К логическим пресуппозициям применимо их определение в терминах истинности и логического следствия. Оно формулируется по следующему:

Если S истинно, S' также истинно.
Если S ложно, S' истинно. (S – предложение)

П. Стросон (1973:211) пишет, что утверждение S пресуппонирует утверждение S' тогда и только тогда, когда истинность или ложность S' является предварительным условием истинности или ложности S.

По определению Уильсона (1972: 405) логическая пресуппозиция – это «отношение между двумя предложениями – предпосланным и предпосылающим, возникающее в силу их логической соотнесенности и совпадающее с отношением импликации, когда главный предикат предложения является фактивным».

Прагматическая пресуппозиция в самом широком смысле понимается как отношение между говорящим м уместностью высказывания в контексте (Кинэн 1971). *A может считаться уместным высказыванием, только если **B** уже взаимно принято* (где ***A*** – это однофразовое единство, а ***B*** – невысказанное содержание; Ван Дейк, 1978: 298).

В то время как прагматическая пресуппозиция ориентирована на коммуникантов, семантическая пресуппозиция ориентирована на предложение или высказывание. То есть, пресуппозиция как термин лингвистической семантики, обозначает компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное.

Ф. Кифер называет пресуппозициями предложения *S* те условия, выполнение которых является необходимым требованием для того, чтобы *S* могло быть истинным (Кифер, 1983: 19). Пресуппозиция в его понимании языковая категория, т. к. она появляется независимо от контекста, и в пресуппозиционный аспект должны включаться только те условия, которые можно соотнести с элементами или фактами лингвистической структуры предложения (Кифер, 2000:369 370). Как об этом пишет и А. Арвай при представлении манипулятивных стратегий (2004: 23), семантическая пресуппозиция пригодна для лингвистического анализа, так как языковые элементы явно присутствуют в предложении. Таким образом, семантический подход дает нам возможность к дальнейшему разбору в лингвистическом анализе печатных реклам.

Бэндлер и Д. Гриндер (см. Бэндлер–Гриндер 1998). Не следует переоценить значимость НЛП для рекламы, поскольку эта теория создавалась прежде всего для персонально ориентированного контакного общения, а не для условий массовой коммуникации.

2.3. Виды пресуппозиций

Пресуппозиция является важным основанием семантического анализа. Она относится к предложению, в котором появляется пресуппозиционная структура, являющаяся языковым средством, возбуждающим пресуппозицию. На основе грамматических средств, можно выделить различные виды (показатели) пресуппозиционных отношений. Пресуппозиционные отношения внутри предложения могут выражаться разными синтагмами. Чаще всего они передаются через предикаты, но бывают в качестве пресуппозиционных структур целые предложения, и даже фрагменты текста.

В литературе разные авторы изучали различные пресуппозиционные структуры в зависимости от грамматических средств пресуппозиционных отношений. Пресуппозиционные структуры на уровне предложения были изучены на основе семантической классификации глаголов, легших в основу предикатов предложения. Предикаты, выраженные глаголом, могут передать различные способы действия, как например, выражать временное отношение. На основании классификации глагольных предикатов, Паул КИПАРСКИ и Кэрол КИПАРСКИ (1970) для своего анализа выбрали фактивные и нефактивные глаголы, а ЛАКОФФ (1971) выделяет транзитивные и нетранзитивные пресуппозиционные отношения в английском языке. В русском языкознании исследования Е. Падучевой (ПАДУЧЕВА 1977, 1981, 1985, 1998; ПАДУЧЕВА-РОЗИНА 1993) являются продолжением этого направления.

В российской лингвистике пресуппозиции были классифицированы И. САБУРОВОЙ (1972) и В. ЗВЕГИНЦЕВЫМ (1976), а на основании материала на венгерском языке пресуппозиции были представлены Ф. КИФЕРОМ (1983).

И. Сабурова (ЗВЕГИНЦЕВ 1976: 248)[3] в основу своего исследования положила определенный деловой, юридический текст, т. е. она оперирует не выборочными примерами, а естественными текстами. Ее классификация, вопреки некоторым недостаткам, кажется первой русской систематичной классификацией видов пресуппозиций. По ее мнению разные группы пресуппозиций могут выражаться на уровне предложения, а также на сверхфразовом уровне. Проведя анализ 700 предложений, она приходит к заключению, что оказывается возможным разделить пресуппозиции на три группы:

(1) пресуппозиции, связанные со структурой предложения: сюда относятся пресуппозиции простых предложений с обстоятельственными оборотами – $ПР_{обст}$; пресуппозиции простых предложений с однородными членами – $ПР_{одн}$; пресуппозиции сложносочиненных предложений с союзом *но* или *однако* – $ПР_{но}$; пресуппозиции сложных предложений с придаточными условия – $ПР_{усл}$; и пресуппозиции сложных предложений с придаточными определительными и с причастными оборотами – $ПР_{опр}$;

[3] Классификация И. Сабуровой представляется на основании работы В. ЗВЕГИНЦЕВА Предложение и его отношение к языку и речи (1976).

(2) пресуппозиции, не связанные со структурой предложения: пресуппозиции существования – $ПР_{Э}$; пресуппозиции тождества – $ПР_{тожд}$; пресуппозиции рекурсивные – $ПР_{рек}$;

(3) пресуппозиции, связанные со словом «также» – $ПР_{также}$, текстовые пресуппозиции – $ПР_{текст}$; пресуппозиции прагматические – $ПР_{праг}$. По одному лишь параметру недостаточно изучение пресуппозиции, поэтому Сабурова пополняет классификацию двумя дополнительными параметрами: способом получения и источником получения пресуппозиций.

Представленные в рамках таблицы отношения между отдельными группами пресуппозиций и между различными классификациями отражаются следующим образом:

Таблица 1

Типы пресуппозиций	Значение X в формуле «X предполагает У»		Способ получения пресуппозиций			Источник получения пресуппозиций		
	структура предложения	лексические единицы	невозможность определения X в поверхностной структуре	с помощью критерия отрицания	без критерия отрицания	предложение	связный текст	экстралингвистическая реальность
$ПР_{обст}$	+			+				
$ПР_{одн}$	+			+		+		
$ПР_{но}$	+			+		+		
$ПР_{усл}$	+			+		+		
$ПР_{опр}$	+			+		+		
$ПР_{Э}$		+			+	+		
$ПР_{тожд}$		+			+	+	+	+
$ПР_{рек}$		+			+		+	
$ПР_{таке}$			+		+		+	
$ПР_{текст}$			+		+		+	
$ПР_{праг}$			+		+			+

Как выясняется из таблицы, при описании видов пресуппозиций, на уровне предложения И. Сабурова выделяет, в первую очередь, синтаксические категории.

В венгерской литературе Ф. КИФЕР (1983; 2000) классифицирует пресуппозиции как семантические категории по содержанию (экзистенциальные

и неэкзистенциальные), происхождению (лексические и синтаксические) и сфере влияния (универсальные и идиосинкретические пресуппозиции). Ф. Кифер перебирает грамматические элементы, которые могут быть носителями пресуппозиционных структур. В соответствии с особенностями венгерской грамматики, он трактует способы выражения пресуппозиционных структур разными грамматическими средствами: определенными существительными, фактивными и инхоативными глаголами, прилагательными, условными и эмфатическими предложениями, придаточными предложениями с относительными местоимениями и обстоятельствами времени и места, а также анализирует экзистенциальные, лексические, синтаксические и универсальные пресуппозиции. Им дается и характеристика связи между структурой темы-ремы и пресуппозиции. Ф. Кифер определяет формулу для всех, изученных им, пресуппозиционных структур.

Так как синтаксические категории (см. Сабурова) могут послужить основой для формальной классификации, а семантические категории (как у Кифера) дают возможность для проведения логического анализа, в настоящей работе в основу изучения пресуппозиционных структур, выраженных на уровне предложения, будут лежать семантические категории.

3. Анализ некоторых видов пресуппозиций на основе материала корпуса

3.1. Характеристика корпуса исследования

Настоящая статья представляет собой лишь часть будущей монографии, находящейся в фазе редактирования. В ней для осуществления поставленных целей служит специальный корпус из 700 единиц, в основу которого входят коммерческие объявления газет и журналов, собранных с 1979 года до сего дня, а также рекламы сайтов Интернета.[4]

На основе корпуса дается возможность описать эволюцию современного жанра русскоязычных печатных рекламных текстов в трех этапах (об этом подробнее см. нашу публикацию 2002 г.). В начальном этапе со второй половины 70-ых годов, рекламы служили как средства передачи фактической

[4] Считаем важным отличить коллекцию расслоением по периодам появления реклам, так как в случае русских объявлений уместно заметить, что этот жанр сравнительно молодой, развивающийся примерно с конца 70-х годов. Однако не стоит забывать, что история рекламы в России – как и в других странах – началась ещё в средние века, когда по улицам ходили коробейники, предлагавшие разные товары. Газетная реклама в России появилась в середине XVIII века (Медведева 2004: 3). В начале XX столетия русская печатная реклама состояла из лаконичного образного текста и красочного изображения, составленного художниками и литераторами. Затем объявления служили орудиями пропаганды, поэтому реклама существовала в советские времена лишь в виде плакатов и лозунгов, во множестве случаев они появились только на английском языке, и то в узком кругу – в изданиях для иностранцев в туристических целях. Благодаря и этому, рекламные тексты стали объектами русских лингвистических исследований намного позже, чем в работах подобного рода в западной Европе.

информации. Авторы еще не были намерены пользоваться психическими эффектами. Составлялись тексты, ориентированные просто на содержание, например техническое описание электрических приборов, или же распространялись призывы, политические «рекламы», обусловленные господствующей идеологией режима. Во втором периоде (со второй половины 80-ых годов, примерно до конца 90-ых годов), с появлением новых форм производства, рекламы получают экономическую окраску. Начинается поток зарубежных объявлений. В рекламах этого периода прослеживается тенденция приблизить изложение к устно-разговорной речи. К лексическим средствам безусловно относится и употребление заимствований (в первую очередь из английского языка и его американской разновидности). В третьем периоде наряду с рекламами с западными элементами появляется новое направление. С конца 90-х годов заметна тенденция отталкивания от американского образца. Стратегия как бы изменилась. Американские объявления потеряли магическую силу. Рекламные эксперты вернулись к русским корням. Вновь появляются устаревшие слова и обороты, цитаты и фразеологические архаизмы, религиозные элементы, образы и сцены из русской истории и литературы. Рекламы насыщены ностальгией к дореволюционным временам и коннотация древних русских мотивов помогает построению новой идентичности русского человека.

3.2. Некоторые виды пресуппозиций в русских печатных рекламных текстах корпуса

Наличие пресуппозиции может быть обозначено разнообразностью грамматических средств. Пресуппозиционной структурой может служить как отдельный знак, так и придаточное предложение, причем такие структуры создаются инхоативными глаголами, фактивными глаголами, частицами, междометиями, связками и т. д. Большинство объявлений полипресуппозиционно, т. е. обладает целым набором видов пресуппозиций, т. к. пресуппозиции неоднородны (см. подробнее: ЗВЕГИНЦЕВ, 1976: 243).

Анализируя собранный материал, можно установить, что в современных русских печатных рекламных текстах пресуппозиция часто индуцируется инхоативными и ингрессивными глаголами, фактивными предикатами, сравнительной структурой, и эмфатическими частицами – это вполне естественно, если принять во внимание функцию убеждения в рекламе.

Хотя логические закономерности мышления образуют универсальный компонент языков, они в разных языках не всегда реализуются в одинаковых грамматических структурах. В каждом языке существуют конструкции, требующие иного, специального логико-грамматического подхода. Так пресуппозиция является универсалией логики и языкознания, но в то же время следует ее считать и явлением, специфическим для каждого языка. Пресуппозиции могут видоизменяться от языка к языку и зависят от структурных качеств языков, поэтому можно говорить об относительной универсальности

пресуппозиций. (Например, при переводе рекламных текстов, русские эквиваленты могут не воспроизводить особенностей английского оригинала.)

При анализе пресуппозиционных структур должны быть сформулированы четкие правила порождения пресуппозиций каждым выявленным языковым показателем, а эти показатели вполне поддаются формальному описанию.

3.2.1. Глаголы начинательности, индуцирующие пресуппозиции

Начинательность в лингвистической литературе рассматривается в системе глагольного словообразования, а также в рамках способов глагольного действия. Многообразие значений, касающихся способа протекания действия и отношения к нему говорящего, выражаемых словообразовательными средствами, является такой же яркой особенностью русской глагольной системы, как и наличие в ней грамматической категории вида. На это обратили внимание, например, Й. ДРАХОШ (1969), М. ВСЕВОЛОДОВА (1975), И. ПЕТЕ (1988) и др. Самое новое определение дается в статье А. ЗАЛИЗНЯК: способ действия – «это тип модификации глагольного действия, выраженной определенными словообразовательными средствами (приставками, суффиксами, комбинацией приставки и суффикса или приставки и постфикса).» (ЗАЛИЗНЯК 2004). Способы действия самые важные компоненты периферии аспектуальности, а аспектуальность в русском языке проявляется как обязательно выбираемая категория глагола. Возможность выбора предоставляет основу для грамматико-теоретического анализа инхоативных и ингрессивных глаголов как средств заполнения семантического пробела в предложении.

Начинательные способы действия относятся к основным способам действия русского глагола (БОНДАРКО 1995: 54). Эти глаголы выражают значение начала действия. Начинательность имеет две разновидности: (а) значение приступа к действию начального фазиса действия (напр. *заходить*) и (б) значение начала и продолжения действия в едином целом, которое не членится на фазисы (значение достижения результата в процессе возникновения действия) напр. *пойти*, *вскричать* (ШВЕДОВА 1982: 596). Разграничение таких вариантов связано с формальными различиями – с разными префиксами. Таким образом, в российской лингвистике выделяют два варианта начинательности: инхоативную и ингрессивную (ШВЕДОВА 1982: 597, ПЕТРУХИНА 2000: 267, ЗАЛИЗНЯК 2004).[5] А. Зализняк считает, «если инхоативный способ

[5] Следует заметить, что ПЕТЕ различает девять групп глаголов начинательного способа. Кроме инхоативов и глаголов ингрессивного начинательного способа действия, он различает глаголы внезапного начинательного способа действия (образующиеся при помощи приставки *вз-/вс-*), глаголы торжественного начала способа действия (с приставками *воз-/вос-*), глаголы интенсивного начинательного способа действия (с префиксом *раз-/рас-* и постфиксом *–ся)*, глаголы узуального начинательного способа действия (со вспомогательными глаголами *начать* и *стать*), глаголы заранее запланированной начинательности (с помощью глаголов

действия позволяет как бы «увидеть» описываемое действие, представить себе характерный именно для него способ протекания, то ингрессивный способ действия лишь указывает на тот факт, что действие началось – и, тем самым, скорее всего осуществится.» (ЗАЛИЗНЯК 2004). Применительно к рекламным текстам выделяются инхоативные и ингрессивные глаголы как носители пресуппозиции для внедрения в сознание адресата нужного для адресанта суждения без опасений.

3.2.2. Инхоативные глаголы, индуцирующие пресуппозицию

Инхоативность значит «приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью» (ШВЕДОВА 1982: 597). Инхоативные глаголы как бы «вырезают» начальный отрезок ситуации, по которому может идентифицироваться вся ситуация в целом. В российской литературе насчет инхоативности ссылаются исключительно на префикс *за-* как формант этого типа. Большинство этих глаголов обозначает явления, воспринимаемые органами чувств: *зашуметь,, задышать.* А. ЗАЛИЗНЯК (2004) различает еще несобственно-инхоативные глаголы (*заболеть, закурить*), которые (в отличие от собственно инхоативных глаголов) имеют соотносительные формы несовершенного вида (*заболевать, закуривать*). Они имеют значение процесса прохождения начальной фазы. В то же время формант *за-*, считающийся лингвистами единственным знаком проявления инхоативности все же не исчерпывает содержание инхоативности. Об этом свидетельствует и заметка Л. ЯСАИ в работе о видовой оппозиции (1998: 272), где, учитывая лексическое значение глагола несовершенного вида, Ясаи указывает на то, что «инхоативы НСВ (типа *вянуть, слабеть, худеть, выздоравливать, устаревать*) характеризуют действие в первую очередь в своем процессуальном изменении, в фазе перехода в другое состояние». Сама А. ЗАЛИЗНЯК (ЗАЛИЗНЯК–ШМЕЛЕВ 2001) в качестве примеров инхоативных глаголов приводит – наряду с глаголами с приставкой *за-* – такие пары, как *начаться-начинаться* и *стать-становиться <каким-то>*. Е. Петрухина, имея в виду, что инхоативные глаголы выражают начало длительного процесса, представляет семантическую структуру инхоативных глаголов в комплексе смыслов: «[– процесс] начало, процесс. В квадратных скобках выражаются имплицитные – т. е. пресуппозитивные смыслы, а без скобок – ассертивные смыслы» (ПЕТРУХИНА 2000: 268). Семантика таких глаголов приближается к значению фазисных глаголов.

Инхоативные глаголы, выражающие начало длительного процесса, присутствуют в предложениях, которые с точки зрения синтаксической семантики имеют общую структуру значения, описывающего качественное и

приступать/приступить), глаголы поспешной начинательности (с глаголами *броситься, пуститься, рвануться*), и глаголы сосредоточенной начинательности (с глаг. *приняться*). (1988: 120 125)

количественное изменение, начало и конец которого может выражаться в форме формального описания. Ф. Кифер дает такое формальное описание для обоих изменений. По модели Кифера качественное изменение выражается в форме пресуппозиции и импликации по следующему (КИФЕР 1983:177):

Схема №1

(а) Ассерция: СТАНОВИТСЯ (*x*, Adj) в момент *t*.
(б) Пресуппозиция: ~Adj (*x*) в момент t_1.
(в) Импликация: Adj (*x*) в момент t_2 и $t_1 < t \leq t_2$, (где *x* – аргумент, Adj – прилагательное, t – время, ~ - обозначение отрицания).

По этой схеме процесс изменения признака, происходящий в момент *t*, имплицирует то, что изменение дошло до конца в момент t_2 и пресуппонирует, что достигнутый признак не существует в момент t_1. Некоторый предикат *Pred* тогда и только тогда инхоативен, если *Pred*(*x*) описывает изменение признака, и в результате этого изменения лицо или субъект, обозначенный аргументом *x* имеет новый признак.

Ю. АПРЕСЯН различает ассерцию и пресуппозицию по-следующему: «Пресуппозициями называются те слои смысла, которые не попадают в область действия отрицания, а ассерциями – те слои смысла, на которые воздействует отрицание» (1999: 47). То есть, ассертивные компоненты могут быть истинными и ложными. Под импликацией (или следствием) предложения понимается суждение, истинное в любом из возможных миров, в котором истинно данное предложение. ПАДУЧЕВА (1985: 61) точно определила это различие: «Интересная семантическая особенность этих глаголов состоит в том, что их презумпция описывает некоторую ситуацию, которая имела место в прошлом (по отношению к обстоятельству времени), тогда как следствие касается будущего события.» Значит, по временной оси пресуппозиции относятся к «предшествующему», а импликация к « последующему».

Подобным образом определяется общая структура предложения, описывающего количественное изменение (КИФЕР 1983: 177):

Схема №2

(а) Ассерция: СТАНОВИТСЯ (*x*, *Adj* + *Comp*) в момент *t*.
(б) Пресуппозиция: ~K*Adj*(*x*) в момент t_1.
(в) Импликация: K*Adj*(*x*) в момент t_2, где K – кванторное выражение и $t_1 < t \leq t_2$ (где значение *K* может быть *достаточно, соответственно* и т. п., а *Comp* обозначает сравнительную степень).

Согласно вышеуказанной общей схеме №1, изображение пресуппозиции, выраженной глаголом качественного изменения признака в слогане *«Вы сразу станете блондинкой.»* предоставляется следующим образом:

(1)(а) Высказывание: Вы сразу станете блондинкой.

(б) Пресуппозиция ($ПР_{инх}$[6]): Субъект (*x)* в t_1 *(Adj)* [– признак].
(в) Импликация: в t_2 субъект *(x)* имеет *(Adj)* [+ признак].

Стать является полузнаменательным глаголом как и *становиться, делаться, сделаться*, и т. п., и имеет значение установления сущности и непостоянного (эпизодического) существования. Этот глагол часть составного сказуемого, и так как от слова *блондинка* невозможно образовать глагольную форму (*облондинироваться), к нему прибавляется глагольный компонент, а в данном случае в состав входит глагол *стать*. В сегодняшних рекламах часто пользуются приемом пресуппозиции, вызываемой полузнаменательным глаголом: *Ваша кожа становится мягкой и шелковистой*; *Овал лица становится четким и подтянутым*; *Ресницы становятся длинными.* (Натали 2/2003).

В качестве иллюстрации формализованного описания количественного инхоативного глагола может служить следующий пример на основе схемы №2:

(2) (а)Высказывание: Риск кариеса значительно уменьшается.
(б)Пресуппозиция ($ПР_{инх}$): В t_1 субъект *x* (риск) *Adj* [-К маленький]
(в)Импликация: В момент t_2 субъект *x Adj* [+К маленький], где К кванторное выражение «значительно».

В данном примере глагол *уменьшается* синтетически включает в себя полузнаменательный глагол *стать* и значение *быть меньшим.*

3.2.3. Ингрессивные глаголы

Другой тип начинательного значения представляется ингрессивным способом действия. В русской литературе формантами ингрессивности называют чаще всего приставки *по-, вз-, воз-, раз-, рас-* и постфикс *-ся* (ШВЕДОВА 1982: 597, ПЕТРУХИНА 2000: 269, ЗАЛИЗНЯК 2004). Ингрессивность выражает «начало и продолжение действия в едином целом». Так как ингрессивные глаголы выражают начало действия с тем, что его продолжение уходит на второй план, Петрухина представляет семантическую структуру ингрессивов следующим образом: [-процесс] начало (процесс). В круглых скобках указывается на неустойчивый элемент ассертивной части (ПЕТРУХИНА 2000: 269). Здесь не выявляется полная эквиваленция с фазисным глаголом *начать*, например *почувствовать боль* может выражать и кратковременное действие. В случае ингрессивности речь идет не о признаке, т. е. не о том, что результатом изменения процесса является новый признак, а о том, что аргумент *x* (либо лицо, либо объект) попадает в качественно новое состояние.

[6] Так как в разных литературах пресуппозицию обозначают по-разному, и буква Р (или р) может стоять в значении пропозиции или предиката, во избежание недоразумений, будем пользоваться символом ПР, а в индексе будет даваться тип пресуппозиционной структуры.

В венгерской литературе общую ингрессивную структуру Ф. КИФЕР (1983: 181) изображает в следующем виде:

Схема №3

(а) Ассерция: НАЧИНАЕТ (Pred (*x,y*)) в момент *t*,
(б) Пресуппозиция: ~Pred (*x,y*) в момент t_1,
(в) Импликация: Pred (*x,y*) в момент t_2 и $t_1 < t \leq t_2$ (где Pred – предикат, *x* и *y* – аргументы, т. к. в случае агента предикативная функция Pred (x) превращается в Pred (x,y)).

По этому образцу анализируются следующие слоганы:

(3) (а) Высказывание: Вы полюбите Новый «Е» сразу же.
(б) Пресуппозиция ($ПР_{ингр}$): Субъект *x* (воспринимать) в t_1 [-любит *y*].
(в) Импликация: В t_2 субъект *x* [+любит *y*].

(4) (а) Высказывание: Вы почувствуете райское наслаждение.
(б) Пресуппозиция ($ПР_{ингр}$): Субъект *x* (воспринимать) в t_1 [-чувствует *y* (райское наслаждение)].
(в) Импликация: Субъект *x* в t_2 [+ чувствует *y* (райское наслаждение)].

Начинательные глаголы, таким образом, помогают достичь цели манипуляции: адресант претендует заставить читателя обратить внимание на проблему, которую можно устранить лишь с помощью рекламируемого продукта. Эти глаголы обозначают следствие изменения признака или состояния, т. е. новый признак или новое состояние.

3.3. Фактивные глаголы, индуцирующие пресуппозицию

Многие предикаты, вводящие придаточное дополнительное (типа *знает, сожалеет, удивляется, огорчен, рад* и т. д.) или придаточное – подлежащее (*доказывает, свидетельствует* и т. д.), имеют пресуппозицию истинности суждения, выражаемого придаточным предложением (ПАДУЧЕВА 1977: 113). Речь идет о предикатах с пресуппозицией факта, т. е. о фактивных предикатах. Первая серьезная попытка лингвистической ассимиляции понятия пресуппозиции и фактивов была сделана в работе КИПАРСКИХ (1970), после которой и термин фактивных предикатов получил распространение в лингвистике. Фактивная презумпция возникает в контексте фактивного предиката, составляя один из компонентов его смысла (ПАДУЧЕВА 1998:21).

Ф. КИФЕР (1983: 215) предлагает следующее толкование фактивной пресуппозиции:

Схема №4

(а) *p* является пресуппозицией ЗНАЕТ(*x*, *p*) тогда и только тогда, если *p* следует как из ЗНАЕТ(*x*, *p*), так и из ~ЗНАЕТ(*x*, *p*)

(б) если *p* – это пресуппозиция структуры ЗНАЕТ(*x*, *p*), то *p* должна быть истинной в мире говорящего (где *p* – фактивная пропозиция, *x* – субъект, ~ - обозначает отрицание)

Как выясняется из определения *(б)*, фактивная пресуппозиция является всегда пресуппозицией говорящего.

Ф. Кифер изучает в первую очередь венгерские фактивы, но результаты его анализа могут быть применены и к русским фактивным предикатам. Его классификация опирается на подход с точки зрения мира участников сообщения.

Принимая во внимание разные группировки фактивных глаголов, при когнитивных фактивных предикатах (напр. позитивного *знать* и негативного *забыть*), фактивная пресуппозиция осуществляется только в мире говорящего, а в случае эмотивных предикатов фактивная пресуппозиция должна быть истинной как в мире говорящего, так и в мире субъекта фактивного главного предложения. Эмотивные предикаты подразделяются на две группы: одна из них всегда фактивная (как напр. *жалеть)*, другая (*радоваться*) может быть фактивной, но это вовсе не обязательно. Кроме когнитивных и эмотивных фактивных предикатов существуют оценочные[7] (*это хорошо, что...*) и каузальные (*благодаря факту, что*) фактивные предикаты. Оценочные предикаты в своем поведении явно не отличаются от эмотивных предикатах, а каузальные предикаты показывают двойной облик: насчет причины действия они всегда фактивны, а в связи с результатом фактивны только тогда, когда результат относится к теме предложения[8].

Формальное изображение слогана с когнитивным фактивным предикатом:

(5) (а) Высказывание: TEFAL знает, что у женщин мало времени.

(б) Пресуппозиция ($ПР_{факт}$): Факт *p* [*у женщин мало времени*]$_s$ истинный (независимо от того, знает ли об этом фирма или нет).

---

[7] В венгерской терминологии Ф. Кифера употребляется слово *evaluatív*, чему в русском соответствует слово *оценочный.*

[8] Интересным представляется случай, когда Дж. Эпстейн при анализе судебных показаний в связи со знаменитым скандалом Вотергейт доказал, что степень лганья пропорциональна степени уклонения от использования фактивных глаголов (ведь фактивные предикаты пресуппонируют истинность их комплемента) (Эпстейн 1975); т. е. тот, кто говорил правду, употреблял больше таких глаголов, что доказывает то предположение, что при чтении слоганов с фактивными глаголами, ощущается бóльшая надёжность и правдивость сказанного. Тем самым копирайтеры с удовольствием пользуются фактивной пресуппозицией ради позитивного эффекта.

Введение пропозиции *у женщин мало времени* фактивным предикатом *знать* подразумевает ее истинность (по крайней мере, в возможном мире говорящего). Данное высказывание дает основание для фирмы опираться на истинную проблему (быть достоверным), и тем самым предъявляет решение: надо пользоваться товарами фирмы, чтобы сэкономить время.

Если бы в предложении глагол *знать* стоял в первом лице настоящего времени, то пресуппозиция пропала бы, так как в семантической формуле предложения ассерция и пресуппозиция в таком случае совпадают (см. ПАДУЧЕВА 1998:22).

Изображение слогана с эмотивным фактивным предикатом:

(б)(а) Высказывание: Мы рады, что вы пользуетесь нашим сервисом.
(б) Пресуппозиция ($ПР_{факт}$): Существует факт *p* [воспринимателиуже пользуются предлагаемым обслуживанием]$_s$ (независимо от того, рады ли рекламирующие или нет).

Следует отметить, что глаголы группы эмотивов могут и не требовать фактивной пресуппозиции: достаточно наличие соответствующего убеждения у субъекта пропозициональной установки (ПАДУЧЕВА 1985:70). Так, если говорящий и субъект не одно и то же лицо, говорящий может полагаться на мнение субъекта. Пресуппозиция может принадлежать субъекту и не разделяться говорящим.

3.4. Сравнительные структуры, индуцирующие пресуппозицию

Цель основных стратегий рекламирования – выделить рекламируемую марку среди других марок своей категории. Часто для этого используются явные или скрытые сравнения. Пирогова пишет (ПИРОГОВА–ПАРШИН 2000: 76), «реклама пестрит словами»: *единственный, первый, новинка, уникальный* и т. д.. В рекламах обычно создается лишь иллюзия настоящего сравнения. Особыми риторическими приемами можно представить рекламируемую марку наиболее выигрышно, при маскировке под настоящее сравнение. Манипуляция с классом сравнения один из основных приемов рекламистов. *Кожа остается нежной и гладкой до двух раз дольше*. (*по сравнению с обычным бритьем).* В сравнительной рекламе часто используется слово *обычный* – за ним скрывается «расширенный класс сравнивания», т. е. сравнение не с аналогами, а товарами предшествующего поколения: *Duracell работает дольше, чем обычные батарейки*; Суженный класс сравнения» (ПИРОГОВА-ПАРШИН 2000:81) часто создается с помощью сравнительных конструкций, в которых второй член сравнения опущен: *Порошок Новый «Е» отстирывает лучше!*

В качестве общей формулы сравнительной конструкции можно пользоваться немного переоформленной схемой КИФЕРА (1983: 144):

Схема №5

NP_1 [+Adj] Comp Cop NP_2

При описании формулы данной структуры пользуются общепринятые обозначения, где NP (Noun Phrase) – именная составляющая, а Comp (Comparison) – символ, обозначающий сравнительные морфемы, Cop (Copula) – связка.

Примером пресуппозиции, индуцированной сравнительной конструкцией, служит слоган стирального порошка:

(7)(а) Высказывание: Новый «Е» эффективнее, чем обычные порошки.
(б) Ассерция: NP_1 (Новый «Е») имеет признак [+эффективность] в большей мере по сравнению с NP_2 (обычными порошками).
(в) Пресуппозиция: Существует NP_2 с признаком [+эффективность].

(8)(а) Высказывание: Florena и моя кожа нежнее шелка.
(б) Ассерция: NP_1 (кожа) имеет [+ нежность] в большей мере по сравнению с NP_2 (шелком) .
(в) Пресуппозиция: Существует NP_2 с признаком [+нежность].

Сравнительные пресуппозиционные структуры существуют также имея при себе прилагательные положительной и превосходной степени, рассмотрение которых будет темой нового анализа.

Понятие пресуппозиции открывает пути более точного моделирования процесса извлечения информации, содержащейся в языковом тексте. Опираясь на результаты направления, исследующего логико-семантические отношения в текстах, дальнейший анализ пресуппозиционных структур представляет возможность установить причины, проявляющие пресуппозиции в рекламных текстах. Как продолжение более глубинного анализа пресуппозиций, подходящим методом может оказаться логико-семантический подход «двойного силлогизма» (БЕКЕШИ 1991, 2000, 2003, 2004). Этот метод расширяет спектр изучения пресуппозиционных структур в печатных рекламных текстах, так как с его помощью можно выявить имплицитную информацию формальными средствами, и таким образом пресуппозиция становится «видимым» элементом текста.

Литература

Апресян 1999: Апресян Ю. Д., Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия Литературы и Языка 58. № 4, 39–53.

Арваи 2004: Árvay A., A manipuláció és a meggyőzés pragmatikája a magyar reklámszövegben. [Прагматика манипуляции и убеждения в венгерском рекламном тексте] // Általános Nyelvészeti Tanulmányok XX. Szeged, 11–35.

Бахтин 1972: Бахтин М., Проблемы поэтики Достоевского. Москва.

Бекеши 1991: Békési, I., The 'Worlds' of Dual Syllogism. // Szemiotikai szövegtan 3. Szeged, 41–61.

Бекеши 2000: Békési I., A beágyazott láncolódás [Вставленная цепная конструкция] // Nyelv, aspektus, irodalom. Köszöntő könyv Krékits József 70. születésnapjára (szerk. Györke Z). Szeged, 29–36.

Бекеши 2003: Békési, I., The Place of Concession in Contrastive Structures // Sprachtheorie und Germanistische Linguistik 13. № 2, 103 122.

Бекеши 2004: Békési I., Az érvelés okozati-oki láncolódása [Каузально-причинная цепная конструкция аргументации]. Online. Available: http://www.c3.hu/ ~magyarnyelv/00-1/bekesi.htm. 14 November 2004.

Бондарко 1995: Бондарко А. В., Семантика глагольного вида в русском языке // Beiträge zur Slawistik XXIV. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien; Lang.

Бэндлер–Гриндер 1998: Бэндлер, Р., Гриндер, Д., Шаблоны гипнотических техник Милтона Эриксона с точки зрения НЛП. Симферополь.

Ван Дейк 1978: Ван Дейк, Т. А., Язык, познание, коммуникация. Москва.

Всеволодова 1975: Всеволодова М. В., Способы выражения временных отношений в современном языке. Москва.

Драхош 1969: Драхош, Й., К вопросу способов глагольного действия (Aktionsarten) в русском языке // Slavica 9. Debrecen, 71 82.

Дресслер 1972: Dressler, W., Einführung in die Textlinguistik. Tübingen.

Зализняк–Шмелев 2001: Зализняк А., Шмелев А., Типы видовой связи. Москва.

Зализняк 2004: Зализняк А., Способ действия. Online. Available: http://krugosvet.ru/articles/77/ 1007730/1007730al.htm. 14 November 2004.

Звегинцев 1976: Звегинцев В. А., Предложение и его отношение к языку и речи. Москва.

Имшинецкая 2003: Имшинецкая И., Жанры печатной рекламы, или сундук с идеями для копирайтера. Москва.

Кинэн 1971: Keenan, E. L., Two kinds of presupposition in natural language // Fillmore, C. J., Langendoen, T. (eds), Studies in linguistic semantics. New York.

Кипарски–Кипарски 1970: Kiparsky, P., Kiparsky, C., Fact // Progress in linguistics. The Hague.

Кифер 1983: Kiefer F., Az előfeltevések elmélete [Теория пресуппозиций]. Budapest.

Кифер 2000: Kiefer F., Jelentéselmélet [Теория значения]. Budapest.

Клушина 2001: Клушина Н. И., Аргументы в рекламе // Русская Речь. № 3. Москва, 55 58.

Ковач 2002: К. Ковач, К., Стереотипность в языке реклам. Текстовые и культурологические явления // Избранные вопросы русского языка и лингводидактики, 193 201. Познань.

Кочань 2002: Kocsány P., Szöveg, szövegtípus, jelentés: a mondás mint szövegtípus [Текст, тип текста, значение: изречение как тип текста] // Nyelvtudományi Értekezések 151. Budapest.

Лакофф 1971: Lakoff, G., On generative semantics // Steinberg, D. D., Jakobovits, L. A. (eds.), Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology. Cambridge.

Лакофф 1990: Lakoff, R., Talking Power. The Politics of Language. New York.

Медведева 2004: Медведева Е. В., Рекламная коммуникация. Москва.

Ожегов 1989: Ожегов С. И., Словарь русского языка. (20-ое издание. Под ред. Н. Ю. Шведовой). Москва: «Русский язык».

Падучева 1977: Падучева Е. В., Понятие презумпции в лингвистической семантике. // Семиотика и информатика. 8. Москва, 91 124.

Падучева 1981: Падучева Е. В., Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении. // Научно-техническая информация. Сер. 2. Т. 11. Москва, 23 30.

Падучева 1985: Падучева Е. В., Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Москва

Падучева–Розина 1993: Падучева Е. В., Розина Р. И., Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания. № 6, 5 16.

Падучева 1998: Падучева Е. В., К семантке пропозициональных предикатов: Знание, фактивность и косвенный вопрос // Известия АН. Серия Литературы и Языка. Т. 57. Вып. 2, 19 26.

Пете 1988: Пете, И., Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским. Будапешт

Петрухина 2000: Петрухина Е., Семантика начала действия в деривационных системах славянских языков // Nyelv, Aspektus, Irodalom (Köszöntő könyv Krékits József 70. születésnapjára). Szeged, 267 277.

Пирогова–Паршин 2000: Пирогова Ю. К., Паршин П. Б. (ред.), Рекламный текст: семиотика и лингвистика. Москва.

Реферовская 1983: Реферовская Е. А., Лингвистические исследования структуры текста. Ленинград.

Розенталь–Кохтев 1981: Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н., Язык рекламных текстов. Москва.

Стросон 1973: Strawson, P. F., Introduction to logical theory. London.

Уильсон 1972: Wilson, R. D., Presuppositions on factives // LI, London.

Фреге 1952: Frege, G., On Sense and Reference // Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege. Oxford.

Харрис 1952: Harris, Z., Discourse Analysis // Language 28. 1. Washington, 1 30.

Шведова 1982: Шведова Н. Ю. (глав. ред.), Русская Грамматика. Т. 1. Москва.

Эпстейн 1975: Epstein, E. J., Did the Press Uncover Watergate? // Between Fact and Fiction.

Ясаи 1998: Ясаи, Л., К дискуссии видовой оппозиции // Nyelv, stílus, irodalom (Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára). Budapest, 270–275.

Abstract

Some Types of Presuppositions in Russian Print Advertisements

This paper is an attempt to provide a semantic approach to the investigation of presuppositional constructions in Russian print advertisements. This approach offers a new perspective on the linguistic analysis of advertisements also in terms of logic and textology. The starting point is the simple observation that an advertisement is a text. Slogans represent a specific type of text, generally consisting of one sentence. In this aspect slogans can be compared to common sayings, however, slogans have the distinctive function of manipulation. The paper suggests that presupposition as a means of expressing implicit meaning is also an inevitable technique used for linguistic manipulations. In print advertising, presuppositions are an important component of the overall message.

After a short overview of studies on presuppositions, the paper outlines three main concepts, i. e. the logical, pragmatic and semantic definitions of presupposition. The third of these offers an opportunity for a further analysis.

Linguists have identified a great many presuppositional phenomena. They are usually described in terms of 'presupposition triggers' – constructions or lexical items whose presence generates a presuppositional requirement. Presupposition triggers come from many sources. Although presupposition is a universal phenomenon, it has specific grammatical features in different languages, as it does in the Russian language. Four of the most common 'presupposition triggers' in Russian print advertisements (inchoative verbs, ingressive verbs, factive verbs and comparisons) are analysed in the article. This list is hardly exhaustive, but it gives a representative sample of the types of presuppositions in advertisements.

In a further analysis we may use double syllogism as a concept enabling us to give a formalised interpretation of slogans with presupposition triggers.

Культурология

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

THE POPULARITY OF OUTDOOR ADVERTISING IN POLAND. THE SPEED OF PERCEPTION AND THE AESTHETICS OF INTERFERENCE

Ewa URBANIEC

The main part of my research involves the observation and analysis of outdoor advertising: that particular type of communication through advertising which finds itself on the border between art and popular culture. It is a persuasive type of media which attracts our attention with the magic of its large formats and with its surfaces of representation which our eyes cannot fully take in; thousands of them securely placed OUTSIDE, where our eyes gaze involuntarily.

I'm presenting my findings at the end of a 10 year period of development in advertising in Poland, when outdoor advertising stopped just being a "product of capitalism" or a serious rival to art. It must be observed as a cultural fact – yet whether it will be seen as equally important as the impressionist breakthrough remains to be seen.

How can we analyse outdoor advertising? In this paper I will firstly define this phenomenon and present several aspects of its influence on contemporary society. I will then present an analysis of the different methods used as well as the specific conditions of perception of this type of communication. This will be based on the assumptions of communication theory presented by J. Fiske (FISKE 2003) as well as *dromology*, the theory of the modern French urban planner and philosopher, Paul Virilio, who describes the influence of technological developments on society (VIRILIO 2000, 2001).

The following chapters will then present the role of outdoor advertising in culture as well as its global nature, connected both to the distribution and the development of similar cognitive codes on a world scale.

1. What is outdoor advertising?

With its roots in the rich tradition of poster art, outdoor advertising has also been used by political dictatorships as well as developing capitalist systems and the market economy. At present we are witnesses to a great metamorphosis, similar to that which took place in the early days of world cinematography: outdoor, a type of communication despised because of its content and form but which is a type of popular entertainment is now starting to change. The aim of most producers of any kind of goods, just like advertising copywriters, is to satisfy the ever greater expectations of the consumer and their refined aesthetic tastes.

For the purposes of my research I define outdoor advertising as large format advertising which is found outside (not including advertising found in the media, on the internet, on the radio or on television) such as posters, advertising posters, leaflets, large advertising boards, advertising pillars, billboards, shop windows, bus stops, advertising panels on buses, trams, trains, planes and the underground, or at petrol stations, in shops, restaurants, cultural institutions and other public places.

In the post-modern world advertising is colonising the future: it completely plans the seasons; your days at work or your days off; it plans the time for spring cleaning or produces your little whims. In the case of outdoor advertising the invasion begins as soon as you leave the house or work – even when travelling through an area untouched by civilization we have to fight our way through walls filled with posters, announcements or screens which attract our attention. We can call this situation "involuntary observation": most members of society can be said to participate in this phenomenon regardless of where they live, their level of education or their age.

"After arriving in a different country we repeatedly, and often completely unconsciously, refer to what advertisements can tell us. The wealth of information which they present is the simplest way of obtaining basic knowledge about the given social order. ( )In my opinion this is quite typical behaviour, just the natural reaction of the modern consumer, who in a short period of time must obtain the maximum amount of information on a given community. Advertisements allow us to do that because they "operate" using pictures but they also often come with some form of commentary. Apart from the elaborate metaphors and word play this is usually a very simple message" (BOGUNIA-BOROWSKA 2004: 48).

Outdoor advertising differs from the ordered and contained world of advertising campaigns. Advertising campaigns in the media, on the radio, on the television and on the internet are able to accurately determine the level of penetration to their viewers, dividing them into precise target groups. Advertising in the outdoor group effectively shatters this formula by attacking involuntary observers in every type of surrounding.

It is one of these new channels of communication which influence us regardless of our conscious aesthetic and consumer choices. It exists as a visual message irrespective of the perceived preferences of the viewer.

2. The aesthetics of speed: Paul Virilio's theory of dromology

One of the existing themes in the analysis of outdoor advertising is the specific moment when it is perceived, which is always connected with movement. Depending on our surroundings we move around the messages that are displayed or we also observe the exhibition as it changes before our very eyes with moving screens, rotating banners, mobiles etc.

While moving around this world of images and messages, adapting to new realities at an ever increasing speed, do we perceive the world that surrounds us in a linear way? New technologies as well as promotions and advertising, with their constantly changing products, mean that the images which we "experience" every day are distanced from reality both in a formal sense as well as a nominal sense. By following the path of this development we ourselves are building, in an unconscious way, logical sequences which erase the temporal and spatial distance between information which we encode unknowingly.

Paul Virilio discusses these issues in his work and reveals the relation between changes in quality of life and technological breakthroughs and the speed of perception and the experience behind this:

"Audiovisual media, moving at the speed of light, create exactly this kind of relationship to material reality, where people are merely *participants* at an event, which *becomes* outside of their present reality" (KLOOCK, SPAHR 2000: 136).

This type of perception, as Paul Virilio says, is an effect of the traditional tendency for rational thought. Along with the development of civilization we are exposed to ever more frequent accidents, catastrophes and disasters, which are the direct result of the effects and interaction of new technological developments. Demonstrating the negative aspects of inventions is not in the interests of those in power as this gives them the power as well as the opportunity to subconsciously manipulate the effects of people's thoughts. Paul Virilio is one of the theorists who emphasise the meaning of information and the speed of its transmission for the authorities as well as its function in the modern world. Virilio mentions Marinetti, however he himself is far from having a futuristic fascination for machines and their speed.

A key issue in Paul Virilio's thinking is *velocity*. It is a symbol of change which is linked to power and violence and to achieving something as a result of an aggressive push towards progress. The most significant emotion in this chain is fear – and the product of this intensifying fear is to escape in speed. This momentum deprives people and information of their aim – they are moving in a void, trying to fill it in an ever increasing hurry. The loss of meaning becomes secondary, while speed becomes the only indicator of action.

This way of viewing social behaviour means that the new theory of dromology, created by Virilio, was built from elements of aesthetic theory, metaphysics, urban planning, physics, engineering history and war strategies. Now widely discussed, *velocity* becomes the 'motor' of history as well as a way of participating in a world which is determined by this type of movement. These artificial human senses, which are created as an essential part of how velocity works, result in a different perception of the world and its *appearance* as well as the way it *coexists* with people. A change in the perception of reality is a sign of our times.

Sight is a language which depends on various optical effects and these optics construct a perspective which has a specific relation between time and space.

In discussing the history of perception Virilio also leads us through changes occurring throughout history – from the geometric perspectives of the 16th century, through the perspective of the Observer, and the era of escape from the true consistency of pictures (pixels, dots making up the picture), right up to today's second perspective (wave optics) possible due to the use of technology as prosthetics of human senses.

Virilio, in his work from 1991 "The Aesthetics of Disappearance", demonstrates that social theory should take into consideration interruptions in the rhythm of human consciousness and morphological irruptions in the physical dimension. Using the concept of picnolepsy (frequently interrupted perceptions, also called "little death") and Einstein's theory of relativity Virilio suggests that modern perception and the contemporary city are both the products of military power and cinematic technologies of disappearance. Everything that we see while living in a city passes by on the other side of all types of window whether from our home, car or public transport. The speed of this movement causes our perceptions to play tricks on us: objects, nature and people are not pictures but a system of blurs, smudges and sizes, because "there are no longer dots but only lines". Virilio suggests that in a time of euphoric development of the media we all become, in part, picnoleptic due to the increasing speed of information and images. For example, through access to and the huge number of television channels we get the impression that the more we see the more escapes from our grasp as we flick from channel to channel; this is similar to what happens in real life as our attention jumps from one thing to another as we move through the city.

Outdoor advertising has become an integral part of the landscape of all contemporary social environments, even those which only a few years ago emerged from communist systems. They are becoming an integral part of this "blurring" which Virilio talks of which are a direct effect of changes in the rhythm of life and travel.

Although the different aspects of perceptions described above exist, what's crucial is their ability to determine "technological disappearance," which is the aesthetics and the narrative space, as well as the search for micro-narratives. Virilio gives us to understand that in the post-industrial era, the era of the unlimited speed of light, a journey taken by someone stops being real if anyone has already taken it before. It is exactly in these surrounding that the geographical distinction between HERE and THERE disappears, blurred by the speed and the transience of information which passes "with light" (VIRILIO 2001).

Outdoor advertising is one of the aspects of cultural reality which comes into Virilio's description of our consciousness. The creators of advertisements are aware of this fact; they place advertisements in more and more strange places, operating on the edge of the law, morality and good taste. The presence of all types of advertising in public toilets and in pubs and clubs is a perceived on a daily basis. Posters, lit-up display boards and information counters encourage us to shop,

shocking us with words, pictures or the way they are displayed (I'm thinking of here of advertisements whose electronic display is only activated from a toilet flush). In this case the phenomenon of "forced participation" is used, which most often appears in street displays (bus stops etc.) or on public transport (most often on the underground).

3. Perception and mass culture

As regards the position of representation and the further existence in borrowed cultural contexts, outdoor advertising is a part of mass culture, defined interchangeably under the guise of popular culture.

In order to discuss the participation of outdoor advertising in popular culture I would like to refer to the distinction made by Bartłomiej Dobroczyński, who presents subculture in an evocative way:

"Subculture differs from very traditionally understood cultural activity in its relation to the past. In as much as traditional culture is historical and cumulative (and to a certain extent the cliché 'the older the better' fits here, or 'the more reference to tradition the better') – and as much as it is "standing on the shoulders of giants" so, on the other hand, much of subculture lies, if in anything, in the undisclosed secrets of its predecessors and borrowed contexts – as can be noticed in film allusions or musical citations – in a way that allows people who do not know the sources of the citation to accept it. Therefore, a model example of this type of culture should be ahistorical, something that can be acquired by almost anyone, as if continuously starting from scratch (analogically that would mean 'the newer the better' or 'the less reference to history the better')" (DOBROCZYŃSKI 2004: 105).

Outdoor advertising contains many characteristics of borrowed media – it refers to everyday experiences, basic values, icons of popular culture as well as dreams and expectations. The latter are forecasted on the basis of social research and the preferences of a chosen group of consumers. It is those consumers, walking down the street to work or school, who must see information directed specifically at them which talk in their language and using their system of values. On account of its specificity (size, shape, place of display) short messages can be used in outdoor advertising which can be easily read and are able to interest people both from close-up and from relatively far away.

Outdoor advertising most often tells us about things which have an extremely high concentration in our everyday lives such as food, cars, telephones, celebrations and other situations which force us into routine shopping trips. The other end of the scale is goods and phenomena which do not appear as often, such as the Women's Tennis Cup 2004 or a campaign against paedophiles using the Internet. According to Shannon and Weaver's theory, the first group of outdoor advertisements contains a high level of redundant material which allows it to reach a wide, heterogeneous audience. On account of the conventions used, the simplicity of the messages being transmitted and understanding of them is guaranteed yet they

also emphasise membership of a particular group or subculture. However, those less common forms of outdoor advertising have many entropic features; they contain a maximum amount of unpredictable information, which does not help in the communication process but focuses on forming a communicative situation. At this point we can relate the idea of outdoor advertising, which remains on the border between marketing tools and popular culture, to J. Fiske's idea that:

"A form of art or style can go against existing conventions and in this way can be entropic for the audience. It can also establish its own conventions and in this way can increase redundancy just enough so that new conventions will become commonly known and accepted" (FISKE 2003: 29).

I would like to relate Fiske's view not only to the products that are advertised but to the whole phenomenon of outdoor advertising; to the places where it is presented (deliberately or otherwise), the discussions surrounding it and the way it is received in society.

I think it is important to state at this point that in my chosen field of research it is possible to see several different social processes than the specific phenomena described in "No Logo" (KLEIN 2004). As well as the world history of development in trade and advertising, which emphasises the development of marketing and aspects of globalisation, in post-communist countries such as Poland we can observe the struggle to transplant this new market onto new territory. This has resulted in a distinct clash of highbrow culture with popular culture; the conflict of the rejection of populism with the acceptance of the open market. There is even a periodical entitled 'Kultura popularna' ('Popular Culture') which tries to discuss and understand the reality of this positivist conflict (BAUMAN 2004).

Outdoor advertising as a concept is absorbing more and more new areas of representation and merging with other forms of activity. A classic example seems to be a campaign that has been around for a few years now by the company Galeria Zewnętrzna AMS (a Polish company specialising in outdoor advertising campaigns) where in an outdoor FRAME a WORK OF ART appears, that is usually something by a young artist.

The aim of this is to facilitate the presentation of work by contemporary young artists in exhibition centres owned by the company all over the country. Here, it is exactly as J. Fiske states that we interpret YOUTH as a cultural link and a key to making sense of these giant posters which are contaminated with washing powders and bike promotions.

In my opinion, one piece of work, which blurs the lines functioning within culture, is the work "High life", chosen as Painting of the Year in 2003 in Poland (acrylic on canvas, 170x170cm, by Maciej Kozłowski). It presents a woman shown from above, surrounded by tiled walls and sitting on a toilet. The woman is shooting up and next to her head the artist has placed a close-up bubble showing what the mixture that she is inserting into her body is made up of: Bulgari, Max Mara, Versace symbolic contemporary drugs. The choice of this piece of work, which

alludes through its style and content to the comic-book style of the streets (or maybe to European poster art style?) gave rise to a lot of controversy:

"but the fact that anyone could enter this competition is not necessarily a positive feature. In fact I would say it's a negative point. In the case of this competition a particular kind of anti-elitism is hiding behind the masses, because if anyone can enter a picture then that means that the ways of choosing, judging, discussing and arguing about modern Polish art that have been used until now do not mean anything and do not make any sense. We're starting everything from scratch. We're organising the whole value in Polish art from scratch.

( ) Only one thing came out of this competition – we found out how adults in this country paint when they need an extra 100,000 Polish Zlotys to fill a hole in their budget. This year we subsidized one of our good citizens – Mr. Kozłowski" (JARECKA 2003).

The appearance of such disputes could be the result of surprise; the aesthetics of the street or the 'comic-book' style have crept into the art world through the back door, silently avoiding the conflict between *art* and these other activities, which according to the experts are most certainly not *art*.

For literary experts there is a clear difference between good writing and mediocre writing, even when the author does not bother to ingratiate himself with the reader through the subject or the style (e. g. J. Kosiński, R. Topor or J. Pilch). Yet, visual art faces a more difficult metamorphosis: the passage from the era of contemplation through that of representation, right through to the present era of communication which results in the fact that the integration of existing pictures with the world or the integration of the world with dramatically opposing pictures creates a context which does not easily submit to formal divisions.

The way we talk about outdoor advertising now is very different to the way we talked about it 10 years ago during advertising's peak period. Its existence has become integrated into everyday life and has become a basis for social discussions. It was with great satisfaction that I read one edition of 'Wysokie Obcasy' ('High Heels'[1]), a supplement to Gazeta Wyborcza[2] (No. 11/2004), in which the main feature was an article on outdoor advertising that had been placed on the back cover of the magazine. This editorial decision had a symbolic dimension for me in that it agreed with my understanding of this type of advertising where magazine covers, which can be viewed in various situations, cannot be classified as advertising. Joanna Szczepkowska's article, entitled "Bardzo drogi uśmiech" ("A Very Expensive Smile"), which was published on this back cover, underlines the author's distance to the subject in question:

"I never took the chance to do adverts because while I've got the strength to earn enough in my profession I don't see any reason to sell off my face bit by

[1] Supplement to the national newspaper Gazeta Wyborcza which has women as its main target audience.

[2] National daily newspaper in Poland.

bit. But I love watching adverts! Good adverts of course. Advertising is a kind of modern art. It should have its own muse and its own poets. Actually it probably already has" (SZCZEPKOWSKA 2004: 44).

These few sentences sum up very well the relationship that Poles have with advertising. It is a new kind of demon which is "laughing at us, fooling us, scaring us". Yet, along with providing relatively high earnings for this kind of work also comes a feeling of shame and "selling out", (this dilemma is also familiar to famous people from highly developed countries as seen in the film "Lost in Translation").

A love of "good adverts" is the next trap in our aesthetic choices. Due to the invasion of advertising – and in particular outdoor advertising – shopping and planning family life is no longer part of our private lives. This transition from the specific (intimate) activity of an individual to the unspecified consultation of needs in a social group (often in an impulsive and coincidental way) results in an increase in the consumption of goods. The continual (although involuntary and often unconscious) perception of information about products and their aims means that advertising or its 'subject' is just as popular a topic of conversation in Poland as the weather or politics.

"Now, we don't just get into a relationship with objects but instead we simply become their hostages. We have lost control of things and we haven't even noticed which is why we still succumb to the great seduction strategy used by these things. We are impressed by the objects and allow ourselves to be manipulated – and what's more – we succumb to them with great pleasure. People are not aware of this manipulation or of the fact that they are subjected to a process of categorisation through which they define objects. The only criterion in this process is the thing that we consume" (BOGUNIA-BOROWSKA–ŚLEBODA 2004: 223).

Advertising has become a phenomenon, which is not only an element of businesses' marketing activities but also an active factor in the creation of social reality. From the point of view of existence in the media as well as in reality it is an integral ingredient of mass culture, which participates in shaping tastes, behaviours and changes in the community. We can observe this kind of activity in the behaviour of individuals (individual preferences, consumer choices, brand loyalty) and of groups (participation in competitions or discussions).

4. Outdoor advertising and globalisation

Advertising, and in particular outdoor advertising, as I have been observing, constitutes the kind of message which we continuously "use" and which we "consume". As a comparison, on the pages of that same supplement to Gazeta Wyborcza (this time from 3 April 2004) a photo of a billboard is used not only as an introduction to a feature but also as a commentary to the introductory editorial text. A poster with an advert for engine oil becomes an ideological and linguistic battlefield which gives rise to extreme emotions and comments. In the same issue of "Wysokie Obcasy" a poster from Radio 94FM's advertising campaign with the

title: "Score with all the chicks in Warsaw", was also presented and the editorial team used it as an example of a *public statement about women* which then became one of the texts in a poll on *the statement which annoys you the most.*

So, we use and we consume. Pictures create various cultural contexts whilst at the same time becoming an undistinguishing element of the discourse. When the radio station, which was creating itself as 'manly', began its advertising campaign with the poster cited above and the 'amusing' slogan it became the topic of an ideological battle by feminist activists. It seems that large format posters in Poland's capital have started to speak their own language: a slogan which was transferred from a radio station's antenna to a poster had such significant meaning that it gave rise to protests and social debate.

This kind of phenomenon can be seen due to the way outdoor advertising is displayed; the messages gets across to a lot people, but the most important thing is the physical aspect of its existence. Television (or radio) advertising is ahead of outdoor in terms of scope but we cannot really feel its existence: it remains an element of the stream of information.

However, outdoor advertising has also made its way into television. Of course I'm not talking here about costly advertising slots but about all indirect presentations which appear as components of everything on television. Feature films, documentaries, the news, opinion polls on the street and reports are full of scenes presenting various forms of outdoor advertising. These presentations sometimes appear intentionally, for example an advert for an expensive car contrasts very well with the poverty shown in a documentary, therefore awakening the emotions, which the reporter intended. However, in most cases an unintentional presentation predominates because massive platforms, pillars and boards have become part of our reality. While watching Maria Zmarz-Koczanowicz's documentary film "Moja Warszawa" ("My Warsaw") I wondered if the juxtaposition of pre-war streets with today's main roads means that directors and viewers perceive the contents of these images. The documentary presented in a clear way the 'old' Warsaw along with its new, commercial side, which is full of influences from western culture, lighting up the night with colourful slogans in foreign languages.

"What kind of picture of the capital emerges after fitting together all the pieces? On the one hand a tragic and incoherent one. Yet, it is a place that attracts people, excites them, makes them think and look for something. Tadeusz Sobolewski expressed this best when he said: "In a certain way Warsaw, a city without a centre, is a work of modern art. A work of art, which requires the participation of those looking at it" (URZYKOWSKI 2004: 12).

The paradox is the fact that the builders who wanted to give the buildings, the streets, and the squares the greatness of the communist system did not realise how much their work of art., i.e. Warsaw, would accomplish the way of life and communication in American suburbs where concrete rivers map out the route of how society functions – that is where real life takes place. Speed, innovation and

visibility determine attractiveness, and it is precisely these features, which have caused a boom in selected areas of the capital. But apart from these areas, there are already forgotten and isolated peripheries, which digress from the architecture and rhythm of life, such as the Warsaw district of Praga where the surviving buildings are not a compliment to the modern capital but rather what is known as "the other side of the river".

Naomi Klein talks about this kind of participation of advertising in reality, which in effect determines the development of very different areas of life (urban planning, trade, education, health). She analyses the existence of makes and brands, the activities of huge corporations and anti-globalist and alter-globalist phenomena. Money is rather in the background; the most important thing is participation and the consistent use of information strategies used on us from a very young age – for a producer every person is a potential consumer, irrespective of ages, preferences or spending power. The consumer alone is supposed to initiate the action that will allow them to reach their target; the desired brand which has been tempting them since they were a child. The success of large corporations does not end with persuading the consumer to make a purchase; he has to live with the product, perceiving it (and its representation in the form of advertising) as an essential element of the reality which surrounds him.

"The aim of advertising and sponsoring was always to equate the product with a series of associations and with a positive cultural or social experience. The new phenomenon of the 1990's is an ever clearer tendency to remove these associations from the field of presentation and place them directly into the reality we experience. ( ) The result, if not the primitive intention, of these operations is a downgrading of culture to a secondary role in which a brand thrives. It's not about sponsoring culture but about being culture"(KLEIN 2004: 47).

5. Conclusion

In this paper I wanted to define several elements of the discussion on outdoor advertising. The discussion of this phenomenon is unusually interesting from the point of view of both a linguist and a film specialist (which was not discussed in this paper), as well as a cultural point of view especially considering current debates on topics such as perceptions in technological society or the global integration of advertising messages.

Outdoor advertising is an advertising statement which due to its specific format has become an integral part of social reality. Its ability for visual integration allows a quantitative as well as qualitative participation in the consciousness of individuals irrespective of their wishes. Human willingness to discover new things and sensitivity to changes in the construction of the space around them finds a place in everyday life during visual contact with our surroundings. It is right here, in the momentum of everyday life, as Virilio says, that advertising is waiting for us, fully integrated with reality on the other side of the window.

Does real aesthetic value constitute cultural participation or is it also a cultural legacy? That is just one of the questions which popular culture of today is still trying to answer.

Bibliography

BAUMAN 2004: Bauman, Z., Kultura do spożycia na miejscu. Interview with W. J. Burszta in "Kultura Popularna" № 2, Academica, Warszawa.

BOGUNIA-BOROWSKA 2004: Bogunia-Borowska, M., Reklama jako tworzenie rzeczywistości społecznej, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków.

BOGUNIA-BOROWSKA–ŚLEBODA 2004: Bogunia-Borowska, M., Śleboda, M., Globalizacja i konsumpcja. Dwa dylematy współczesności, Universitas, Kraków.

BURSZTA 2004: Burszta, W. J., Różnorodność i tożsamość. Antropologia jako kulturowa refleksyjność, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań.

DOBROCZYŃSKI 2004: Dobroczyński, B., III Rzesza Popkultury i inne stany, Wydawnictwo Znak, Kraków.

FISKE 2003: Fiske, J., Wprowadzenie do badań nad komunikowaniem, Wydawnictwo ASTRUM, Wrocław.

GWÓŹDŹ 1994: Gwóźdź, A., red., Prędkość przyjemność., Wydawnictwo Szumacher, Kielce.

JARECKA 2003: Jarecka, D., Obraz Roku 2003 w konkursie "Art and Business", Online. Available: www2.gazeta.pl/info, 11 February 2004

KLEIN 2004: Klein, N., No logo, Świat Literacki, Izabelin.

SZCZEPKOWSKA 2004: Szczepkowska, J., 13.03.2004, Bardzo drogi uśmiech, in Gazeta Wyborcza, Wysokie Obcasy, №. 11(259), Warszawa, 44.

URZYKOWSKI 2004: Urzykowski, T., Moja Warszawa, 14.05.2004, Gazeta Wyborcza, Gazeta Telewizyjna, No. 112, Warszawa, 12.

VIRILIO 1991: Virilo, P., Ästhetik des Verschwindens, Merve Verlag, Berlin.

VIRILIO 2000: Virilio, P., Ästhetik der Geschwindigkeit // D. Kloock, A. Spahr, Medientheorien, München.

VIRILIO 2001: Virilio, P., Maszyna widzenia // A. Gwóźdź, red., Widzieć, myśleć, być, Katowice.

Резюме

Популярность наружной рекламы в Польше. Скорость восприятия и эстетика интерференции

Настоящая статья посвящена анализу уличной рекламы, отдельного вида рекламного сообщения, находящегося на грани искусства и популярной культуры.

Этот тип передачи убеждающей информации притягивает волшебством великих размеров и непостижимыми для взгляда масштабами репрезентации, тысячами копий стабильно размещенными НА УЛИЦЕ – там, куда невольно попадает наш взгляд.

Наружная реклама, имея корни в уже богатой истории плаката, обслуживала политические диктатуры, развивающийся капитализм и рыночную экономику. В настоящий момент мы становимся свидетелями метаморфоза, подобного тому, который был присущ началу истории мировой кинематографии – презираемое с точки зрения содержания и формы сообщение, являющееся популярным развлечением, подвергается изменениям.

В представленной в настоящем сборнике работе автор ставит себе целью дать определение этому явлению, а также показать несколько аспектов его влияния на современное общество. В исследовании представлен анализ способов и причин восприятия этого рода сообщений с позиций теории коммуникации Й. Фиске, а также дромологии, теории принадлежащей современному французскому урбанисту и мыслителю, Полу Вирильо, который, следуя за технологическими достижениями, описывает их влияние на общество.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

КИРИЛЛИЧЕСКИЕ ПИСЬМА МУНКАЧСКОГО ЕПИСКОПА ИОАННА БРАДАЧА (1732 1767 1772)

UDVARI István

Иоанн Брадач, епископ мункачский, родился 14 февраля 1732-го года в селе Ториски комитата Спиш. Начальную школу он посещал в родном селе и в Каменке (Kövesfalva, Kamienka). Продолжал обучение в латинских школах в Спишской Капитуле (Szepeshely, Spišká Kapitula) и Левоче. Теологическое образование, подобно большинству ведущих священнослужителей мункачской епархии того времени, получил в Трнаве (РОШКОВИЧ 1902). В 1756-м году назначается приходским священником в Оросвигово и одновременно профессором догматики мункачской семинарии. В 1764-ом году Иоанн Брадач отправлен в Вену с поручением епископа Ольшавского, где по единогласному мнению историков «сделал все возможное, чтобы освободить свою церковь из-под юрисдикции эгерского епископа» (БАЗИЛОВИЧ 1799 1804: Pars III. Caput XIII: 113 118; МЕЙСАРОШ 1850: 115; ЯВДЫК 1904: 31 36).

В 1767-ом году Мария-Терезия назначает его преемником епископа Мануэля Ольшавского, и таким образом он становится первым канонизированным епископом мункачской епархии (ГОДИНКА 1909: 622 625, 709–710; ЖАТКОВИЧ 1884).

Историки отмечают и роль Иоанна Брадача в развитии русинской культуры благодаря его трудам, изданным в венской типографии Курцбека и уничтоженным вскоре после этого из подозрения в схизме на основании доноса епископа крижевацкого Божичковича, а также циркуляру 1762-го года, в котором он печется о народном просвещении (САБОВ 1893: 189; РУДЛОВЧАК 1981: 238 239; МАЦИНСКИЙ 1965: 154; БОНДАР–ЧУМА 1967: 24; МИКИТАСЬ 1966: 36 и др.).

Некоторые исследователи жизни и деятельности Брадача приписывают ему и авторство двух книг, изданных Курцбеком в 1770-м году: «Букварь или руководїе хотящымъ оучитися писмены руско-славенских книгъ» и «Сборникъ церковнихъ моленїй» (см. ГОСТИНЯК 1982). Но Антоний Годинка, историограф мункачской епархии, а также Иоанн Дулишкович, историк церкви, на основе своих архивных исследований считают Брадача только цензором и попечителем этих изданий (ГОДИНКА 1910: 814). Циркуляр Иоанна Брадача, подписанный им как благочинным в 1762-м году, считается важным документом приходского народного образования XVIII века, в котором равным образом указаны обязанности певчего-учителя, его учеников и их роди-

телей (публикация циркуляра: ГАДЖЕГА 1927; детальный анализ: УДВАРИ 1992: 188 190).

Николай Лелекач, историограф мукачевской семинарии, которая готовила священников и певчих-учителей, приписывает Брадачу также авторство правил внутреннего распорядка этого учебного заведения, которые были написаны на русинском языке того времени, а также по латыни (см. ЛЕЛЕКАЧ 1943).

По моему мнению, практика употребления языка епископом Брадачем, что видно и в письмах, циркулярах, публикуемых ниже, ценна еще и по той причине, что он последний из епископов неподдельный представитель того направления, которое в письменности старалось использовать элементы живого народного языка. Со смертью епископа Брадача язык русинской церковно-административной письменности неуклонно меняется, порывая с народной традицией, во многих документах мы можем наблюдать влияние русского языка, употребление же элементов языка народного уходит на второй план (см. УДВАРИ 2002).

Отвечая духу тех представлений о литературном языке, о чистоте языка, которые господствовали в среде русинской интеллигенции в начале XIX века, Михаил Лучкай резко критикует язык Брадача (см. ДУЛИШКОВИЧ 1877: 229). Лелекач отмечает, что уровень владения «русским» языком у Брадача был слабым, и объясняет это обучением в латинских школах и в трнавской семинарии. Гараксим, словацкий исследователь, неверно пытается усмотреть причину не в латинском образовании, а в том, что Брадач, как и еще некоторые униатские священники, был по происхождению не русин, а словак. Такая точка зрения совершенно неприемлема, если принять во внимание, что родное село епископа и ныне населено русинами (см. УДВАРИ 1991: 29 32, 111 122.). Дело в том, как нам кажется, что и Лучкай, и Лелекач, усвоивший его точку зрения имели в виду такой литературный язык конца XVIII века и XIX века, который ориентировался на церковнославянский и русский (ЛЕЛЕКАЧ 1943: 237). О том, что Брадач знал русинский язык, однозначно свидетельствуют приложенные ниже его оригинальные письма.

Четыре официальных письма, адресованных настоятелю монастыря Марияпоч, оживляют новыми полутонами биографию Брадача и позволяют взглянуть на жизнь мункачской епархии в 70-е годы XVIII века. Брадач, назначенный на пост епископа Марией-Терезией, прибыл из Вены в Мункач в день смерти епископа Мануэля Ольшавского, и духовенство не хотело признать его назначение, так как состоялось оно в обход их права избрания. Эти письма проливают свет на события, предшествовавшие рукоположению, состоявшемуся 1-го мая 1768-го года в Марияпоче.

Среди циркуляров, отправленных в дорожское благочиние для дальнейшей пересылки, специалистам по ономастике стоит обратить внимание на один документ, конкретизирующий рескрипт императора: здесь содержится 30 прилагательных имен, образованных из русинских названий сел комитата

Саболч. Циркуляр от 26-го июня 1769-го года важен с точки зрения истории культуры и образования. Написанный в духе упомянутого циркуляра 1762-ого года, когда Брадач был еще благочинным, даже дословно повторяя некоторые обороты, он говорит о низком уровне народного образования и предписывает, чтобы дети постоянно, а если нет такой возможности, то хотя бы в зимнее время получали регулярное приходское образование: « дабы к с(вя)щеникови или ко дякови, о том с(вя)щенникъ со дякомъ да согласит ся, найпаче в часъ зимы дѣти сходилися на науку »

Литература

Базилович 1799 1804: Basilovits, J., Brevis Notitia Fundationis Theodori Koriathovits olim ducis de Munkacs. I–II. Kassa, 1799 1804, в 6 частях, или тетрадях, I том 1799, II том 1804, Pars I. 1799, Pars II. 1799, Pars III. 1799, Pars IV. 1804, Pars V. 1804, Pars VI. 1804.

Бондар–Чума 1967: Бондар А., Чума А., Українська школа на Закарпатті та Східній Словаччині. (Історичний нарис) Ч. I., Пряшів.

Гаджега 1927: Гаджега В., Пастырский лист Иоанна Брадача об обучении детей с года 1762. Подкарпатська Русь, 136 140.

Гараксим 1961: Haraksim, Ľ., K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na Slovensku do roku 1867. Bratislava.

Годинка 1910: Hodinka A., A munkácsi görög-katholikus püspökség története. Budapest.

Гостиняк 1982: Гостиняк С., Буквар з 1770 року. МУК 10, 233 273.

Дулишкович 1877: Дулишковичъ І., Историческія черты Угро-Русскихъ I–III. Унгваръ. 1874 1875 1877.

Жаткович 1884: Zsatkovics K., Az egri befolyás és az az ellen vívott harcz a munkácsi görög szertartású egyházmegye történelmében. Századok XVIII, 680 696, 766 786, 839–877.

Лелекач 1943: Lelekacs, N., Regulae pro Scholis Munkácsiensibus ЛН. III. Ч. 21. Унгваръ.

Мацинский 1965: Мацинський, І., Розмова сторіч. Братіслава–Пряшів.

Мейсарош 1850: Mészáros, K., A magyarországi oroszok története. Pest.

Микитась 1966: Микитась В. Л., Літературний процес на Закарпатті доби феодалізму. Конспект лекцій. Ужгород.

Рошкович 1902: Рошковичъ І., Іоаннъ Брадачъ и Михаилъ Брадачъ как основные камни двухъ нашихъ епархий. Мѣсяцословъ на 1903 годъ. Унгваръ. Ред. Волошинъ, А., 104 110.

Рудловчак 1981: Олена Р., Біля джерел сучасності. Розвідки, статті, нариси. Пряшів.

Сабов 1893: Сабовъ Е., Христоматія церковно-славянскихъ и угрорусскихъ литературныхъ памятниковъ. Унгваръ.

Удвари 1991: Udvari I., A Mária Terézia-féle úrbérrendezés szlovák nyelvű dokumentumai. Adatok a szlovák nép gazdaság- és társadalomtörténetéhez. Szepességi ruszin falvak népélete Mária Terézia korában. Vasvári Pál Társaság Füzetei 4. Nyíregyháza.

УДВАРИ 1992: Udvari I., Ruszinok a XVIII. században. Történelmi és művelődéstörténeti tanulmányok. Vasvári Pál Társaság Füzetei 9. Nyíregyháza.
УДВАРИ 2000: Удварі І., Образчикы з історії пудкарпатськых Русинув. XVIII столїтіє. Ужгород.
УДВАРИ 2002: Удварі І., Кириличні уббіжникы мукачовського єпископа Андрія Бачинського. Збирька жерел про студії русинського писемства. I. Studia Ukrainica et Rusinica 12. Ніредьгаза.
ЯВДЫК 1904: Явдыкъ Л., Історія Угорской Руси. Варшава.

Abstract

Cyrillic Letters of János Bradács, Bishop of Munkács (1732 1767 1772)

In the paper I publish the hand-written letters of Bishop Bradács to furnish information on Rusyn literacy.

The grammatical practice of Bradács, as reflected in his letters, is interesting because they show that their author is the last authentic, representative of a high clerical rang of the trend that attempts to endorse the folk language in Rusyn literacy. After the death of Bradács, Rusyn liturgy and the official literary language underwent gradual changes, the effect of Russian language can also be noticed in several documents; there is a deviation from the traditions, leaning partly on folk language. The use of folk elements is overshadowed.

Приложение

I.

Письмо новоназначенного епископа Иоанна Брадача настоятелю монастыря Марияпоч, в котором он отдает распоряжения в связи с кончиной єпископа Мануэля Ольшавского, в частности просит, чтобы художник Михаил Спалинский написал два посмертных портрета покойного.

Местонахождение: Архив монастыря Марияпоч. Документы XVIII века.

Прєвєлєбный ѿче Ігѹмєнє Повча(н)скый, мнѣ почтєнный!

ꙗкъ с(є)рдцо-болѣзноє из Вйдняꙗ до каѳєдры н(а)шой єп(иско)пской прє(ж)дє смъ дны прйхожденїє прйтрафйлосꙗ, самоє дѣло коємѹждо ꙗвно твори(т). Сєго радй, ижъ прєнєсєнны(х) таможде ꙗснє-вєлможнаго покойнйка мощє(х) йз страны моєй жадноє ѹстроєнїє мною самымъ прєвєлєбностй вашєй нє пйсано є(ст), да нє мнйтє, ꙗкобы занєдбано прєпѹстйлосꙗ. Нє занєдбаваю, но разпалєнным^{у} с(є)рдцємъ прєвєл(єбности) вашей на сєй ча(с) до йсполнєнїꙗ по(с)лѣдѹющаꙗ врѹчаю:

Во пєрвы(х): єдиноє дрєвйщє тамо дайтє справйтй в которое мощй со ты(м), внємжє лєжа(т) вложѣтє.

По в̃(2)є: по йсполнєнїю дєвы(т) дны ѿ прєнєсєнїꙗ тамо мощє(й) кождой сеймйцй прй самы(х) мощє(х) в понєдѣлокᵘ, во срєдѫ, й в сѫботѫ народно лйтѫргйꙗ б(о)ж(єс)тв(є)на да слѫжйтсꙗ.

По г̃(3)є: Свѣщамй мощй да всєгда гражднны бѫдѫ(т), а по(д) ча(с) лйтѫргій б(о)ж(ес)тв(ен)ной запалє(н)ныма.

По д̃(4)є: Звонєнїє каждодє(н)ноє по дєвы(т) дны можє(т) прєстат(й).

Ꙗк пакъ лйтѫргій б(о)ж(єс)ств(є)ной слѫжєнїє, такъ й свѣщъ ѹпотрєблєнїє хощѫ со йныма кєлчикы, дабыстє выразно й по(д)робнѫ сєбѣ запйсовалй, которыꙗ йз страны моєй с(вꙗтой) бйтєлй тамтєшой зᵘ цѣла, а сицє ѿ мала до вєлйка выплачѫ.

Прєпосылаю моймъ кєлчйко(м), й мой коштъ таможде // можде Мйхаила малꙗра, абы лєжащій мощй во дрєвйщѫ выразно со дрєвйщємъ йзобразилъ, єго с(вꙗ)т(итє)л(с)тво во мйтрѣ, мофорѫ й спо(д) мофора прозйрающи(м) кр(с)то(м) златымъ вымаловавшє. бра(з) тойждє дважды выробйтй має(т) та(к): абы єдє(н) во ц(є)ркві повчанской внѫтрѣ на(д) вратамй ц(є)рковныма могᵘ сꙗ положйтй, дрѫгій пакъ сѣмо во бйблйоѳєкѫ прєнєстй. Такождє врѫчаю томѫждє малꙗрѫ, абы йз жйваго тамтєйшаго йзображєнїꙗ выбра(л) мнѣ прєсладкаго лйца, кымъ ꙗвнѣшшє йзображенїє, того радй врѫчаю тойжє бра(з) проѹкажѣтє мѫ.

Бл(а)городнаго г(оспо)д(и)на Гє ргйꙗ цѣлѫю со всѣмъ домовйты(м) дрѫжєствомъ, жалю полномѫ. Самъ болѣзнє(н) с(є)рдцй на сєй ча(с) кромъ того прємногыма трѫды брємєнє(н), ащє й малъ бы(х) что пйсатй нє могѫ. Прй сємъ вѣнцѫ с(вꙗтой) обйтєлй ѹсєрдноє цѣлованїє подавшй во м(о)л(и)твы с(вꙗ)тый врѫчєнный, зостаю прєвєлє(бности) вашєй ѹ каѳєдрѣ, нашой єп(иско)п(ск)ой Мѫка(човской) днꙗ в̃(2) ноємврйꙗ ѧѱ҃з (1767).

ѹсєр(д)но-жйчлйвый

Іоаннъ Брадачъ номин(ованый) вл(ады)ка мѫнкачов(скый)

На обороте листа:

Прєвєлєбномѫ ѿцѫ Сйлвє(с)трѫ Ковєйчакъ с(вꙗтои) битєлй повча(н)ской Ігѫмєнѫ многопочтєн(н)омѫ ѹ Повчй.

II.

Собственноручно написанное письмо єпископа Иоанна Брадача Луке Хабине, также претендовавшему на пост епископа, и состоявшему в оппозиции новоназначенному епископу.

Местонахождение: Епархиальный Архив. Эгер. Archivum Vetus EH a/29.

Ч(єс)тный ѿчє Лѫко, Ми(р) Х(ристо)въ, и всꙗ благаꙗ!

Что ч(ест)н(ос)ть твоꙗ чини(т) тоє всє до ѹшє(с) н(а)ши(х) до(с)товѣрно донашає(т)сꙗ. Чѫдна вєщь жє ч(єст)н(ос)ть твоꙗ так жє(с)ток во ѹмѣ злыма сєбѣ самомѫ ѿ ты(х) ѿ которы(х) доброє надѣылъ єсᵘ сꙗ порадѣ-

нiємь єсᵘ слѣплєна, и во с(є)р(д)ци своємъ так за цилована, ижъ ꙗко достовѣрн чꙋю нє ꙋжасаєшисꙗ тамо бра(н) готовити, где никогда за житiꙗ твоєго нєгодє(н) єси стати, понєжє забаламꙋчє(н) злыма вождꙑ дꙋжє далєко ѿ пꙋти правого, шкода чл(овє)ка! Поблꙋдилъ єси. Но

Азъ гл(агол)ю тєбѣ, которого зналъ єси, и знаєши, возбꙋдисꙗ, и чꙋтисꙗ нє водою каламꙋ(т)ною, но vсопомъ просвѣщающимъ разꙋмъ, наклоняющимъ ко всємꙋ благомꙋ волю и ꙋтвєрждающи(м) памꙗ(т), сирѣ(ч): размышлєнiємъ сꙋдѣ нє мытнымъ стр(ас)ти нє ꙋбѣглой и погыбєли нє кꙋплєной, тако во(с)тавши дай бра(з) истинаго покаꙗнiꙗ ты(м), ижє єси соблазнившє толко кра(т) на совѣсти поранилъ, что ащє ꙋчинити, памꙗтающє на нꙋю м(о)л(и)твꙋ повсе(д)нєвнꙋю Спасомъ, а нє инымъ нашимъ намъ прєданꙋю, и до нєй тако словєса выражєны стави намъ долги н(а)ша, ꙗко и мы ставлꙗємє должникомъ н(а)шимъ, что колᵘ вєкᵘ єси броилъ и нюхтающє фꙋкалъ, глꙗдающє сквєрнилъ, а нє брѣтшє брыдилъ, и ты(м) самымъ всє-чє(с)тный кли(р) и боголюбимый ꙋгороросинскый наро(д) поганилъ, адде! Мєномъ тогождє клvра и народа прощаю и ѿпꙋщаю ти, понєжє ꙗ єди(н) самый во мірѣ сємъ знаю, что дꙋрнос(ть) твоꙗ ꙋсиловаласꙗ, ꙗкъ всє-ч(єс)номꙋ клирꙋ, такъ и всємꙋ народꙋ ꙋврєдиши, ащє бы бы(л) богъ своєю дє(с)ницєю с(є)р(д)цє совѣтниковъ, и царскоє придєржавшє тєбє лжє(с)тиваго и каꙗнаго каѳє(д)ры Мꙋкачовской с(ы)на нє по(с)рамилъ. Вєликыи вєщи здє писаныи маєшъ, которыи єгда ꙗвлꙗ(т)сꙗ подробнꙋ ꙗкъ всєч(єс)номꙋ клирꙋ, так и боголюбимомꙋ народꙋ добро позорствꙋй, где ꙋжє вєсма ꙗко лстивєцъ побѣжденны(й) ꙗвитисꙗ возможєши. Мєждꙋ тымъ паки гл(агол)ю царствꙋющимъ Д(а)видомъ рци и во с(е)р(д)ци своемъ закорєни инаꙗ словєса: С(є)р(д)цє чисто созижди во мнѣ Б(о)жє; нє ѿвєржи мєнє ѿ лица твоєго и д(ꙋ)ха твоєго с(вꙗ)таго нє ѿими ѿ мєнє; кропиши тꙗ vсопомъ, и чищꙋ сꙗ мыєщи мꙗ, и пачє снѣго ꙋбѣлюсꙗ. И тако нєлицемѣрн но истин покайсꙗ, сє! Паки и паки гл(агол)ю, прощаю, и ѿпꙋщаю ти всє. Ащє жє пакъ во дꙋрно(с)ти твоєй прєбꙋдєши и ꙋспокоє(н) врата злословивы(х) ꙋс(т) твои(х) нєзаградиши, ꙗзыкъ бєзчєстє(н) нє ꙋкротиши. Что? И чомъ ты наймєншє гадаєшъ, на тꙗ ꙋпадє(т), нє нашємꙋ доброволiю, ниже с(вꙗ)той памꙗти ѿца моєго и твоєго из билномꙋ м(и)л(о)-(сє)рдiю, но твоємꙋ скотꙋ подобномꙋ скаканiю и бєзпѣло(с)ти припиши.

ꙋ каѳє(дрѣ) н(а)шой єп(ископс)кой Мꙋка(човской) днꙗ к̄ (20) дєкєвріꙗ ѧаѱꙁз (1767).

І аннъ Брадачъ ном(инованый) вл(ады)ка мꙋкачов(скый)

III.

Собственноручное письмо новоназначенного и еще не рукоположенного епископа Иоанна Брадача Сильвестру Ковейчаку, в котором он просит последнего от его имени обратиться к велико-варадинскому католическому епископу

и обсудить детали предстоящего рукоположения в епископы, которое состоится в Марияпоче

Местонахождение: Архив монастыря Марияпоч. Документы XVIII века.

Вєлєбный ѿче Ігѵмєнє, Намъ много-любймый!

Здє запечатова(н)ный ко ижснє-вєлможномѵ єпи(с)к(о)пѵ вара(д)скомѵ лис(т) вєлєбнос(т) ваша по(д) ча(с) на(с)тѵпѵющій, в который со мѵромъ до Варадѵ по(т)рѵди(т)сѧ, прй нашомъ ѹклонномъ цѣлованію єго ижснє-вєлможно(с)ти, врѵчаємо, да прєдас(т) и ѹстнѣ ижко нашъ в то(м) самомъ ко єго ижснє-вєлможности прєпосылаємый моли(т)вєникъ да прй смйрєнномъ поклонѣ благѹда(т)ныма словєсы ѹми(л)но єго ижснє-вєлможнос(т) проси(т), абы рачила ко намъ сію архієрєйскѵю свою ла(с)кѵ проѹказатй вѹ томъ, да рачи(т)сѧ на дє(н) двацѧтый пршє(д)шаго м(ѣсѧ)цѧ апрйлѧ до Повчй понйжйтй, й тѵ тоє сѹ нами прй божє(с)твє(н)ной помощй по дарѵ дѵха с(вѧ)таго йспо(л)нйтй, на что ѳрономъ архй-па(т)рїаршє(с)кымъ рймскы(м) йзбранъ, и кєсарєво-ц(а)р(с)кою благодатію нарєчєнный, ащє й нє достои(н) єсмъ.

Многый прйчйны маємо из которы(х) поважѵємосѧ єго ижснєвє(л)можно(с)ти раднѣє до По(в)чи прйхо(д) ѹпрашатй, нєжелй по до(л)жно(с)тй нашой самъ до Варадѵ йтй. Тый всѣ подробнѵ єго ижснє-вє(л)можностй тогда извѣстимо, когда поможє(т) Богъ ѹ Повчй лицємъ ѹзрѣвшє єго ижснєвєлможно(с)тй поклонйтйсѧ. Можє(т) вєлєбнос(т) ваша на сєй ча(с) извѣ(с)тйтй всѣ ный бѵ(р)кы, который по прйходѣ моємъ йз Видня во єпархіи нашой сталйсѧ, а таѧ єс(т) мєждѵ прочйма прйчйнами єдйна, сѹ которой нє можємо далєко ѿздє ѿходйтй, нйжє на должа(й)шій ча(с) так прєсвѣ(т)лою кєсарєво-цар(и)цєю намъ//намъ повєлѣющєю (свѧ)щєніє н(а)шоє протѧговатй. Таѧ, и тымъ согла(с)наѧ, єгда извѣсти(т) вєлєб(ность) ваша єго ижснєвєлможно(с)тй, й повто(р)нє ѹми(л)но молйвшє мєномъ нашимъ да проси(т), абы выш выражєннѵю ла(с)кѵ ко намъ єго ижснє-вє(л)можнос(т) способомъ прєдпйсанымъ проѹказатй рачйла, и к томѵ, ижко крѣпко ѹповаємо, ащє пройзволи(т).

Вєлєбнос(т) ваша да проси(т) на нашоє смйрєнноє пйсаніє ѿвѣ(т), и выразнѵю разлѵкѵ во пє(р)вы(х): Бѵдє(т) ли можна вєщь, абы єго и(с)нєвє(л)можнос(т) до Повчй прійтй могла, и ащє тако:

По вторє, на прє дѣлєнный дє(н) двацѧтого апрілѧ во(з)можєт ли єго ижснє вєлможнос(т) приспѣтй. Ащє жє нѣ(т):

По трєтє: да рачи(т) своєго мнѣ sѣл жєлаємаго наго приходѵ той ча(с) прє дѣлйтй, который єго ижснє-вєлможно(с)тй бѵдє(т) способнѣ(й)шій. Таѧ выразѵмѣвшє да по(з)нає(т) вєлєбнос(т) ваша во(з)мє(т) ли єго ижснєвє(л)можнос(т) нѣкоторы(х) ѿ свои(х) фйцйало(в) ко своємѵ сослѵжєнію, йлй нѣ(т)?

По чєтвє(р)тє: Ащє во(з)мє(т) хотѣ(л) бы(х) знатй в ѣковомъ характырю, абы могли(с)мо с нашйма домовйтыма фйціалы и(х) огласйтй, нє бѫдє(т) бо жадє(н) йный ѿ архй-Ієрєовъ єго ѣснє-вє(л)можностй ос(вѣ)тйтє(л) кромѣ самаѣ єго ѣснє-вє(л)можност(и).

ѣк г(о)с(по)дъ богъ сіѣ ѯ Варадѣ доко(н)чавшє поможє(т) ща(с)лйв во своѣ навратйтйсѣ молю!//молю! Кым скорєй прє(д)рєчєнны(х) вєлєбнос(т) намъ да пйшєт, чт й ѣк доконалосѣ, й ча(с)ткѫ на соборы тамтєйшы с(вѣтаго) мѵра ѯдѣлйвшє дрѫгоє ко намъ чрє(з) выразного, и тогождє мѫ(д)раго с(вѣ)щ(єни)ка, йлй дѣка столєчнаго кымъ скорєй прєпошлѣтє. Ввє(с) кєлчи(к), который на дорозѣ матй бѫдєтє заплатймо, й за ваш^{8} та(к) во вєлйкомъ дѣлѣ:

в та(к) памѣ(т)лйво(м) поѯчинєнны(й) трѫд знайтє, ижъ прємногоє обдарєніє ѿ на(с) пріймєтє, єгда мѵ(т)ры архйма(н)дритской сподобйтєсѣ на трѫцъ тымъ, которы нєй ни(ч) нє гадаю(т).

Прєпосылаємо на бѫдѫщій пра(з)дник два го(р)довы вйна, єдє(н) старого, а дрѫгы(й) нового, обѣ два до опатрно(с)ти с(вѣтой) обйтєлй врѫчаємо. Который вєщй йный бѫдѫ(т) по(т)рєбны здє стараємосѣ, єдйнє на сє(й) час просймо, сѣна, оброкѫ, новаго є(д)но чотырйсто голбъ вйна й да с^{ѵ} пѣ(т) кобло(в) пшєнйцѣ вы там прйспособѣтє, за что заплатйтсѣ. Єщє бѫдємо пйсатй окрє(с)тностѣ(х) онаго пра(з)днйка, єгда ѿ вєлєбн(о)стй ща(с)ливє йз Варадѫ прйшє(д)шой ѿвѣ(т) пріймємо.

Цѣлѫємо всю Хр(ис)тѣ братію и до єй с(вѣ)ты(х) м(о)лйтвъ врѫчйвшєсѣ зо(с)таємо. ѯ каѳє(д)рѣ н(а)шой єп(иско)п(ск)ой Мѫкач(овской) йі. (18) марта ѧаѱзй (1768)

Вєлєбн(ос)ти в(ашєй) ѯсєр(д)но-жычлйвый
Іоаннъ вл(а)д(ы)ка Мѫкачовскы(й)

P. S. З^{ѵ} моєго кѫхара ни(ч) нє є, й нє бѫдє(т), прото залйцаю вєлєбн(ос)тй вашєй єго ѣснє-вє(л)можностй напомнйнитє, дабы рачила зо собою своєго кѫхара ѯзѣти.

Литературоведение

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

'IT WAS FROM LOVE HE BLABBED TO ME!'[1] RE-CONSTRUCTING PUŠKIN'S ROMANTIC TRAGEDY: THE POETICS AND POESIS OF PROVOCATION. THE PRE-TEXTS WITHIN THE TEXT OF *BORIS GODUNOV*

MEZŐSI Miklós

In this brief paper I but aim to invite attention to a possible way of interpreting Pushkin's historical play, *Boris Godunov.* I shall attempt to trace a particular poetical mechanism employed by Pushkin in a very consequent and conscious way throughout his historical play. I will call this mechanism 'the poetics of provocation', wherein the original sense of the Latin verb *provoco* is to be understood: '*to call out*, *challenge*, *invite* one to any thing'.[2] The particular way this Pushkinian dramatic text is 'being made'[3], or organized, by the means of what I will hereby term the 'poetics of provocation', has a special bearing on how the *sujet* of this play unfolds. I have previously published a number of articles on the poetics and composition of the Pushkinian 'romantic tragedy';[4] those papers mostly discuss the problem of the poetical presentation of history and the place of 'historiography' in a poetical context (i.e. in a poetical work), whereas in this present paper I am solely focusing upon one particular aspect of the poetics of *Boris Godunov,* this time regardless to any links to history (or historiography) whatsoever as presented in this drama.

To start with, let us first identify the three main literary pretexts that definitely underlie the poetics of provocation as applied by the poet in the text of *Boris Godunov.* These three pretexts are resp.: 1. the 'Mousetrap' scene in *Hamlet, Prince of Denmark* by Shakespeare; 2. Homer's *Odyssey;* 3. the scene of Gloucester and Lady Anne in *The Tragedy of King Richard III* by Shakespeare. The common feature in all three pretexts is the action of *challenge* put in the focus of these texts. In both Shakespearian examples, the protagonist (Hamlet and Gloucester resp.) with much care prepares a situation wherein he is able to *challenge* his counterpart and as a result secure for himself the dominant position over his partner

[1] The English translation of *Boris Godunov* is cited from The Gutenberg Project's English text (see Bibliography).

[2] Charlton T. Lewis, Charles Short, A Latin Dictionary. http://www.perseus.tufts.edu/cgi-bin/ptext?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0059%3Aentry%3D%2339229

[3] The term 'poetics', which was presumably first used in this sense by Aristotle, is derived from the Greek verb *poieô,* meaning 'to make [sth]', thus *Poiêtikê technê,* the Greek title of Aristotle's *Poetics,* could be rendered as 'the way [a particular piece of] poetry [is] made'.

[4] See the list of my papers on *Boris Godunov* in the Select Bibliography at the end of this article.

which he definitely needs to execute his plans in the play onwards. As for the *Odyssey,* it is the series of Odyssesus' adventures, or 'challenges', and the responses he offers to them (including, as a matter of course, the epical hero's 'wise ways' of avoiding disaster menacing him and his companions) that place the epic among the literary pretexts of *Boris Godunov.*

If we look at the 'Mousetrap' scene in *Hamlet,* it becomes clear at the very moment as the title of this 'play-in-the-play' emerges that Hamlet, the 'stage-director', is setting a trap into which he calculates to entice his opponent, the king, forcing him to publicly 'truelier discern [his] secret thoughts'. Is it not Prince Shuisky who, if in a more courteous manner than the Danish prince – as a 'wily courtier' (true, in this respect not resembling the Danish heir to the throne) –, lets Prince Vorotinsky walk into his cleverly-devised trap of 'feigned calumny'? Both Hamlet and Shuisky succeed in their calculations. Similar, perhaps to some extent blunter, is Gloucester's case in Act I Scene II of *King Richard III,* where he, to secure for himself the throne (to which he, akin to Hamlet, claims to be the 'heir'[5]), chases his counterpart into an ingeniously built trap. As a result of these manoeuvres, the dramatic heroes (one of them an ever-hesitating legal heir, the other a resolute pretender-Machiavellist) are provided free way to attain the highest power.[6] Third, *mutatis mutandis,* practically the same is applicable to the figure of Odysseus: a considerable portion of the actions he performs throughout the *Odyssey* should be seen as setting his 'mousetraps' (and at the same time slipping out of traps set for him by others), his adequate responses to these challenges marking the road that in the end leads toward his re-seizing his throne (to which he, too, is the actual legal heir).

The main point of this paper is to show, and illustrate with relevant examples, that the composition and the poetical structure of Pushkin's *Boris Godunov* is based upon a 'series of provocations'. A part of these 'provocations' lies outside the Pushkin text, constituting the play's 'outside pretexts' which as a rule are quite numerous and some of which we have identified above (*Hamlet, Richard III* and *The Odyssey*). By definition, a pretext (in the English language often spelt with a dash: 'pre-text') of a given literary text is normally another piece of text that in its temporary existence is prior to the 'main text' and has, in some way or another, contributed to the latter's coming to being. In other words, a pre-text is a stimulus for the text; it is obvious to state that there is no one literary text without a series of pre-texts. More relevant from the point of view of the present study is, however,

[5] From this point of view it should barely matter that whereas the Danish prince is actually the legal heir and the plot of *Hamlet* is by and large determined by this very status quo, Gloucester, on the other hand, is a genuine and self-made usurper, one who is 'determined to prove a villain'. Because the resp. dramatic situations and their structure are so intrinsically akin to one another, their comparison seems fully adequate on this ground.

[6] That Hamlet eventually *fails* to seize the throne which he is true heir to does in no way undermine the superb effectiveness of the 'trap' he has previously set for Claudius. The 'poetics of provocation' does a truly excellent job here, playing a crucial role in the poetic structure of this Shakespearian tragedy throughout, quite akin to the way it operates in *Boris Godunov.*

the other group of pretexts which I call 'inner pretexts'. These latter lie at the bottom of what I hereby call 'poetics of provocation' and set the provocations in motion which actually trigger the advance, or the motion, of the *sujet*.

As it has been indicated above, the compositional backbone of the drama can best be located along the series of provocations formulated by several of the characters throughout the play. The overwhelming supremacy of rumour over facts, or events, has been stressed by Caryl Emerson[7] and Kevin Moss[8] in their interpretations of *Boris Godunov*. Emerson, in her monograph dedicated to the Boris Godunov-theme, formulates that 'Pushkin's plot, like the Boris tale at its base, is itself a samozvanets, a pretender that invites and engenders response without identifying any source of authority within itself' (EMERSON 1986: 103). Emerson's statement is remarkable in that she defines 'Pushkin's plot' as something equivalent with 'samozvanets', this latter being one of the numerous names, or masks, that Pushkin grants Grigorii-Pretender on the stage. I would even go further than that: it is not merely the 'plot' of the play that demonstrates a close analogy with 'a samozvanets', or 'the' samozvanets; it is the *sujet* of the drama that can be interpreted as 'a pretender'. The purport of the equivalence of 'Pushkin's plot' with 'a samozvanets, a pretender that invites and engenders response without identifying any source of authority within itself' can best be assessed by feeling out the backbone of the drama, i.e. by locating and interpreting those acts of 'provocation' which seem to have basic relevance to the poetical structure or, with other words, which are responsible for the composition of the play.

In one of my earlier articles I analysed two 'acts of provocation' in Pushkin's *Boris Godunov,* emphasizing the parallel construction and the tight poetical bond between these as engendered by the acts of provocation and the recurrent use of the motif of *silence* in both dialogues (MEZŐSI 1997b: 250–253). The two dialogues analysed were the one between the princes Shuisky and Vorotinsky right at the beginning of the play and the one between Marina and the Pretender in the Fountain scene. In both passages the point is concealed in the last line when the speaker comes forth with the explanation why it would not be (have been) expedient for him in the given situation to reveal the actual truth. In Shuisky's speech the emphasis in this line is on *silence*: of the five words in the Russian text two explicitly express silence (*deaf* and *silently*), and two others refer implicitly to it (*dungeon* and *strangled*). The words are arranged in a finely balanced symmetry so that each explicit 'silence-word' is supported by an implicit reference to 'silence'. The supplementation in both pairs of words serves the same purpose, viz. to lend a sombre and sinister meaning to the originally neutral semantics. Thus the force of the verbal structure is significantly enhanced. The verb is placed in an emphasized

[7] 'Events matter less than rumors about events and everyone with a story to tell is aware of the power of storytelling' (EMERSON 1986: 140).

[8] 'Far from presenting a final version of the historical facts, the play is a collage of versions, rumors, stories; no appeal can be made to any fixed value' (MOSS 1988: 187).

position: at the end of the line (and the sentence). It should be noted that the words which semantically support the whole sentence, in this case are not equivalent to those that grammatically govern the clause (*deaf* is an epithet of a noun, *silently* an adverb depending on a verb). In his speech the Pretender 'predicts' to Marina that she is not going to unmask him because if she tried, she 'will be silenced'. It is the motif of silence (silencing) again that ends the speech. The verb *molchat' zastavyat* (*they will force to hold thy peace*) is set at the end of the line and the sentence (remember the position of *b zadavili* (*strangled*) in Shuisky's speech. The use of the words *molchat' zastaviat* by the Pretender here is of course euphemism: it is clear that he actually means that she 'will be murdered', which is equal in rank with the verb 'strangled' used by Shuisky. This part of the dialogue between Marina and the Pretender therefore unambiguously recalls Shuisky's and Vorotinsky's discourse – just as the striking ending of the drama will pick up the Shuisky-Vorotinsky scene *and* the scene of Marina and the Pretender. Godunov's family being *strangled* and the astonished *silence* of the Moscow people, refusing to hail 'the tsar Dimitry Ivanovich', thus both have their anticipations back in the play, heavily supported by a recurrence of motifs.

Grishka Otrepiev's and Marina Mnishek's moonlit rendezvous is in fact the two partners' mutual testing of one another or, in other words, an act of subjecting each other to a trial without which they could hardly ever become a kingly couple. True, as they are devoid of that 'love of Love', the 'passion [that] fully strives to make itself [ ] fair and admired', which has made Shakespeare's Mark Antony and Cleopatra perhaps the kingliest among all couples in the history of literature, neither the Samozvanets nor Marina can afford themselves to 'let [ ] the wide arch / of the ranged empire fall'. As a result, the rendezvous scene in *Boris Godunov* stages no 'true love'; instead, we can follow a remarkable poetic parody of romantic love. It is this very parody of love that finally renders the Pretender a firm and resolute strategist, and throughout the entire Fountain scene it is only once that he is referred to by the poet as 'Dimitry', viz. upon making his decision to launch the military operation against Moscow. 'The phantom of the Terrible hath made me / His son; from out the sepulchre hath named me / Dimitry', 'I am tsarevich' – proclaims the Pretender 'proudly' (Pushkin's stage direction). This scene is but one, yet of decisive importance, in the series of dialogues that constitutes what may be called the 'tug-of-war around legitimacy'.

In the course of the play Shuisky is the first to act as challenger, provoking Vorotinsky, Afanasii Pushkin and Godunov resp. The crucial act of provocation, however, is allotted to Pimen who provokes – in other words: stirs up – his pupil, Otrepiev to launch the 'bold fraud'. The Pretender's scene with Marina displays, instead of 'lovers' tender speeches', 'sweet love' and the like, a tough match, a duel, whose actual stake is to mutually test the adversary (rather than the 'partner'), to seek 'but by feigned calumny to prove [one another], / the truelier to discern [one another's] secret thoughts'. These lines had been uttered by Shuisky to explain his re-

cent cunning ways, yet the ending of the Fountain scene unmistakably echoes them, together with the prince's plain explanation of his refusal to 'remember' the previous discourse with Vorotinsky: ' 'tis not / The time for recollection. There are times / When I should counsel you not to remember, / But even to forget.' With Shuisky setting his trap, then revealing his own inner motivations, the text of this scene clearly outlines a 'provocation structure' which from this point is to become a poetic standard for the play. In its functioning, this structure is entirely based on, and is fed by, the *rumours* circulating around the tsarevich Dimitry. The poetical function of the discourses between Shuisky and Vorotinsky is to launch, to put into motion, this provocation structure. In the first phase of this structure having been put in action, the provocateur's partner (prince Vorotinsky) fails to produce an adequate answer of any kind whatsoever; in the next phase, in Pimen's cell, the ability or unability of the provoked to come forth with a relevant response to the provocation is explicitly, of course, nowhere expressed within the monastery scene. Yet the two motifs that definitely mark Grigory's figure here, his dream at the beginning and his solemn oath at the end of the scene (both referring to the novice's high ambitions), seem unambiguously to point toward some kind of powerful response on behalf of the provoked. The third phase of the provocation structure[9] working in full swing is the Fountain scene. Here the provocation becomes mutual in that both parties strive to find out the other's inner motives and thoughts. The explanation Shuisky offers Vorotinsky about his altered position as regards 'remembering' what they were talking about earlier may as well be applied in the Fountain scene: 'I sought but by feigned calumny to prove thee, / The truelier to discern thy secret thoughts.' The 'feigned calumny' by the fountain is the Pretender's 'sweet love', his 'tender speeches', and it is the first instance in the course of the plot that the party provoked (Marina) is explicitly capable of providing adequate response to the provocation – just to strengthen her challenger in his position. Thus a refined yet powerful system of bonds is being created via an excessively sophisticated and ingenious handling of recurrent motifs which link the opening scenes (the actual launching of the 'provocation machinery') and the 'feigned love scene' by the fountain: 1) the motif of strangling, 2) the motif of silence and 3) the motif of 'feigned calunmy [ ] to discern [the partner's] secret thoughts'. All three motifs will recur in one single flash at the end of the play: Godunov's family being strangled (1), the silence (2) of the people and the people being provoked to 'the truelier to discern [its] secret thoughts' (3) about 'tsar Dimitry Ivanovich'. Yet the provocateur's attempt to 'seek by feigned calumny to prove' the other party, for the first time in the play, turns out to be a total failure, thus fostering the collapse of the 'provocation structure'. The fourth and final phase in the action of the 'provocation

[9] We can, of course, witness numerous other instances of provocation in the plot (Shuisky and Pushkin, Pushkin and Basmanov, the 'strange provocation' between Shuisky and the patriarch), yet the four phases presented here should cast sufficient light on the role of provocation in the poetics of the play.

structure' is being put together (that is, 'composed', from Lat. 'compono, -ere' meaning 'to put together, assemble') by the end of the play. At this point it is the reader/audience, continuously having been challenged and provoked by the author throughout the drama, who on the level of reception will 'act' as competent partner to the latter, being capable of giving adequate response(s) to his or her provoker. The micro-network of the acts of provocation delivered on the stage in *Boris Godunov* thus outlines a broader poetical dimension via the brilliant employment of the structure of recurrent motifs.

The drama *Boris Godunov* is launched with an allusion to an event that lies outside the play itself – an 'event' that may or may not actually have taken place. Curiously, it is not *the event* (Godunov's alleged murder of the tsarevich) that really matters in this play but the *rumours* circulating around this event. So much so that not only the dramatic plot itself is triggered by these rumours and their reception by the dramatic characters (in the monastery scene and onwards), but also the main point of the play's opening scene (which from a formal dramaturgic angle may be but of little relevance) concentrates heavily and exclusively on the rumours spreading among contemporary Russians about the hows and the whys of Godunov's rise. Rumour thus becomes the 'proto-provocation' (or the 'archetype of provocations'), i.e. the actual pre(-)text, of the play in a dual sense: on the one hand, it is this specific rumour that sets the dramatic action in motion *and,* on the other, this rumour constitutes the actual pre-text for the dramatic text in that it is a live *text* which is being transmitted and made public exclusively orally (never is it fixed or otherwise canonized in an explicit form inside the play). An important phase, in fact a turning-point or a *sine qua non*, in this evolution of the rumour-pretext is doubtlessly Pimen's chronicle: the *pretextual* character of the rumours and gossips about the Boris-tale is reshaped into a *text* by the mere act of *telling*, recalling (or *remembering*[10]) the story otherwise broadly familiar by then, thus rendering the rumour into an *event*. A still more advanced phase of the process is what Otrepiev has to add to it when he 'makes his own self', realizing his 'bold fraud' of 'be[ing] tsar in Moscow'. As we have seen, the first three phases in the process of pretext (rumour) becoming text (narrative) are all definitely marked by acts of challenge, provocation, and by what response to them the other party is capable of. From the Fountain scene onwards, the 'Boris-tale' is no more a pretext: due to his duel with Marina Mnishek the Samozvanets manages to 'make himself', that is, secures his redemption and rebirth; as a result, the pretext now becomes a valid text.[11] However, Dimitry-Samozvanets, simultaneously with his 'rebirth',

[10] Note again what Shuisky has to say about the position he actually occupies: ' 'tis not / The time for recollection. There are times / When I should counsel you not to remember, / But even to forget.'

[11] This is of course not to say that the Boris-tale at this point would 'suddenly' prove to be 'true'. It is to say not more, and not less, than that the Boris-tale, in its first appearance a widespread gossip, starts vindicating for itself features that gradually turn it into a text within the drama, regardless to what extent is that text 'true or false'.

defines himself before Marina as 'a *pretext* for revolt and war'. The circle thus comes full (not for the last time in the course of the play): upon creating his text out of the pretext that was originally available to him, the Pretender interprets his own self as a pretext. The context of this statement brings us to realize the motif of *rumour* being re-smuggled into the dramatic text.[12] Which implies, consequently, that this figure, himself 'a *pretext* for revolt and war', seems in some way to bear responsibility for the text – which has thus become identified with 'revolt and war' to come (cf. the Holy Fool's lament in the end of the Musorgsky opera which makes this connexion explicit), as well as with the remainder of the dramatic text of *Boris Godunov*. That the Pretender declares himself a 'pretext for revolt and war', sets his position aright that appeared but for a moment (due to Marina's re-challenging him) put out of joint. Thus Dimitry is restituted by the Samozvanets-figure due to which the play, along with the Pretender's political career, is saved. The final result is, then, the dramatic text which as a rule is constituted by and in the course of reception.

Bibliography

Pushkin editions

Собрание сочинений в десяти томах. Под общей редакцией Д. Благого, С. Бонди, В. Виноградова, Ю. Оксмана. Москва 1952 1962.

The Project Gutenberg EBook of *Boris Godunov* by Alexander Pushkin: *Boris Godunov*. A drama in Verse by Alexander Pushkin. Rendered into English verse by Alfred Hayes

Scholarly and Critical Works

EMERSON 1985: Emerson, C., Pretenders to History: Four Plays for Undoing Pushkin's 'Boris Godunov' // Slavic Review. Vol. 44, №. 2.

EMERSON 1986: Emerson, C., Boris Godunov: Transpositions of a Russian Theme. Bloomington: Indiana Univ. Press 1986.

EMERSON–OLDANI 1994: Emerson, C., Oldani, R., W., Modest Musorgsky and Boris Godunov: Myths, Realities, Reconsiderations. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

MEZŐSI 1994: Mezősi, M. The Boris Godunov-Problem // Studia Slavica Savariensia (1994/2.), 186 192.

[12] The Pretender's words about the *rumours* that can possibly be expected around his person:
'Think'st thou
They will believe a Polish maiden more
Than Russia's own tsarevich? Know, proud lady,
That neither king, nor pope, nor nobles trouble
Whether my words be true, whether I be
Dimitry or another.'

MEZŐSI 1995: Mezősi, M., A Love-Affair and its Political Perspective: the Genre of Pushkin's Chronicle Play // Slavica. XXVII, 97–101.
MEZŐSI 1996: Mezősi, M., Divine judgement in 'Boris Godunov' // Studia Slavica Savariensia. №1 2.
MEZŐSI 1997a: Mezősi, M., The Dignity of History: the Figure of a Chronicler // Studia Russica. XVI, 266 272.
MEZŐSI 1997b: Mezősi, M., History and the Political Ethos Represented on Pushkin's Stage: the Dramatic Poet and the Historian // Studia Russica. XVI, 247 265.
MEZŐSI 1997c: Mezősi, M., Inserted Narratives in 'Boris Godunov' // Slavica. XXVIII, 49 53.
MEZŐSI 2003: Mezősi, M., Puškin's 'Virtual Scene'. Some Aspects of Puškin's Historiography. 'Boris Godunov' as the Trivium on the Way to the Polyphonic Novel // Slavica. XXXII, 165 173.
MOSS 1988: Moss, K., The Last Word in Fiction: on Significant Lies in 'Boris Godunov' // Slavic and East European Journal.Vol. 32. № 2, 187–97.

This article is a part of a larger project undertaken with the help of the generous support granted by a György Békésy Postdoctoral Scholarship I won for the years 2003-2006. The title of the project is: *The 'Troubled Times' as Reflected in 19th Century Russian Cultural Tradition. An Investigation into the Boris Godunov-story on the Ground of Genre Poetics: Karamzin, Pushkin and Musorgsky.* Grant No.: BÖ 133.

Резюме

«Он из любви со мною проболтался!» Опыт интерпретации романтической трагедии Пушкина: поэтика и поэзия провокации. Внутренние пре(-)тексты текста «Бориса Годунова»

Настоящая статья предлагает некоторые новые точки зрения для поэтической интерпретации пушкинской исторической драмы «Борис Годунов». Предметом исследования станет «поэтика провокации» в данной пьесе. Целью этого очерка является показывать, что композиция и поэтическая структура «Бориса Годунова» опирается на серию провокаций, осуществляющейся в драматическом тексте. Первичным внутренним претекстом для пьесы являются не факты или события, а слухи.

Предлагается текстовой анализ возвращающих речей двух «действий провокации» из драматического текста (анализируются мотивы «задавить» и «тишина»). Показывается путь эволюции претекста (слух) к тексту (к нарративе) внутри драматического сюжета. Называющий себя Самозванец «предлогом», т. е. претекстом, вернет мотив слух в драматический текст, заключая круг. Из этого следует, что эта фигура, определяющаяся самой собою как «предлог раздоров и войны», станет отвечать за весь текст драмы. Конечным итогом этого процесса является драматический текст, который созидается единственно через рецепцию читателя/зрителя.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

ПРОБЛЕМЫ НЕПОЛНОТЫ БЫТИЯ В ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ»

CZERJÁK Milána

С. А. Гончаров в своей книге «Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте» (гл. II) обращает внимание на сходство мыслительной позиции Гоголя и Г. Сковороды. С. А. Гончаров усматривает в гоголевском стиле влияние теории украинского философа, множественные параллели и «пересечения моральной философии Сковороды и Гоголя», особенно заметные, по мнению С. А. Гончарова, в драматургии и петербургских повестях, где начинает звучать тема «долга», «служения», «поприща» (ГОНЧАРОВ 1997: 176). Кратко заметим, что теория Сковороды опирается на соотношение трех миров – вселенной, т. е. макрокосмоса, микрокосмоса или человеческого мира, и связующего их мира библейского. Каждый из трех миров имеет «видимую» (тварную) натуру и «невидимую» (божественную). «Невидимая натура придает «мирам» целостность и единство. Она объединяет космологию с антропологией и логосом. Таким образом, предметный, вещественно-телесный и словесный мир мыслится Сковородой миром овеществленных, опредмеченных и отелесненных сакральных «образов-идей», миром-текстом, миром-иконой» (ГОНЧАРОВ 1997: 126). Значит, в этой трехмерной связи весь мир представляется сакральным. Причем, постижение сакральности человеческого происходит «( ) через Землю к Небу, а не через Небо к Земле» (ГОНЧАРОВ 1997: 136), т. е. через «восхождение». В этом помощник человеку мир Библии, требующий определенного толкования и уразумения, и ведущий к познанию мира божественного.

Однако свободная воля человека склонна к объективации мира человеческого, и это приводит к тому, что сакральность *данная* превращается в сакральность *потенциальную*.

Н. Бердяев в книге «Смысл творчества» (гл. «Спасение и творчество») пишет, что, несомненно, средневековая культура и общество были сакральными, но их религиозное оправдание было условно-символическим.* Это привело к созданию «ангельской» культуры. Новое время смело символику и создало культуру человеческую, светскую. Роль Церкви, как носительницы библейского мира, оттеснилась на край культурной жизни. Церковь стали

* Символ носил лишь знаковый характер. Постижение смысла вещей, таким образом, не требовалось. В этом отношении, например, иудейская символика имеет более глубокое значение и по сей день определяет ритм жизни еврейского народа.

понимать лишь как институт, как «общество верующих» и ее влияние отошло в сферу частной жизни. Таким образом, «Человеческое начало оторвалось от Бога и от действия Божьей благодати» (БЕРДЯЕВ 1985: 11, 13). Вследствие этого сакральность мира стала лишь потенциально возможной, т. е. перестала быть «тоталитарной» основой культуры.

Лишенная логосного смысла, иерархизация общественно-культурной жизни исказила условия самопознания и миропознания – «восхождение» от «Земли до Неба» через символику христианской культуры, которую олицетворяет библейский текст, сделалось для человека невозможным. Человек перестал видеть Софию.

Для Гоголя софийность мира была чрезвычайно важным определяющим. Отношение материи к идее, раскрытие внутреннего смысла внешней природы вещей выражает Гоголь в своей статье «Женщина»: «Отчего же художник с таким несытым желанием стремится превратить бессмертную идею свою в грубое вещество, покорив его обыкновенным нашим чувствам? Оттого, что им управляет одно высокое чувство – выразить божество в самом веществе, сделать доступную людям хотя бы часть бесконечного мира души своей, воплотить в мужчине женщину» (ГОГОЛЬ 1984: 8). Иначе говоря, задача художника в частности и человека вообще в познании и раскрытии духовного смысла и содержания сотворенного мира. Нельзя рассматривать мир отделенным от его внутренней сущности, т. е. от Софии. Как пишет С. Булгаков, «вне Софии мира не существует ( ) Мир идей, идеальное *всё*, актуально содержащееся в Софии, для мира тварного существует не только как основа или причинность, ( ), но и как *норма*, предельное задание, закон жизни ( )» (БУЛГАКОВ 1994: 194). Этот закон актуален для каждого разумного существа в течение всей его жизни. Потому что «Каждое существо имеет свою идею-норму, оно ищет и творит себя по определенному, ему одному, его идее свойственному образу, но это потому, что оно в сверхвременной природе своей имеет эту идею как единственное подлинное бытие свое ( ), как свою неповторяемую и ни с чем не смешиваемую индивидуальность» (БУЛГАКОВ 1994: 194). Это, по нашему мнению, тесно связано с 12 частью 1 письма Ап. Павла к Коринфянам. Суть этой части сводится к тому, что каждый человек посредством Св. Духа получает духовные «дары», т. е. способности и таланты. Принятие Св. Духа связано с крещением во Христа, и таким образом, крестившиеся образуют общность, становятся членами тела Христова: по формуле «Дары различны, но Дух один и тот же» (Библия, I Кор.: 12, 4). Каждый член тела Христова должен реализовать свой «дар», т. е. осуществить себя в данной ему области. Реализуя свой «дар», человек становится активным участником религиозной общности и незаменимым действующим лицом духовной жизни. Таким образом, осуществление своего таланта, каким бы он ни был, становится не просто общественным заданием, а делом жизни, освященным Богом. То же самое находит С. А. Гончаров и у Сково-

роды, анализируя его теорию как подтекстовую основу «Петербургских повестей» Гоголя: «В учении Сковороды не существует занятий «низких» или «возвышенных», так как «с Богом святым низкое возводится, а без него низводится и высокое» (ГОНЧАРОВ 1997: 161). Иначе говоря, место человека, занимаемое им в общности прочих людей, в соответствии с его данностью, приобретает сакральный смысл, в результате чего его деятельность можно расценивать как *деяние*. Деянием в этом отношении мы можем назвать лишь деятельность человека в его «внутреннем» качестве, т. е. в качестве носителя идеи.

С. А. Гончаров в Акакие Акакиевиче видит все основные приметы «внутреннего человека» Сковороды» (ГОНЧАРОВ 1997: 161). Об этом можно уже предполагать по обстоятельствам его рождения и крещения. Само имя героя, которое связывается с именем и житием св. Акакия, и особенно его отчество, наталкивает на мысль, что атмосфере, в которой он родился, была присуща традиция подвижничества. Судьба его определяется еще при крещении: «Ну уж вижу», – сказала старуха: «что видно, его такая судьба. Уж если так, так пусть уж лучше будет он называться как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий» (ГОГОЛЬ 1949: 124). При этом ситуация обставлена очень положительно – все присутствующие «хорошие» люди: «Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина ( ) кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова» (ГОГОЛЬ 1949: 124). При крещении Акакий Акакиевич «заплакал и сделал такую гримасу, как будто предчувствовал, что будет титулярный советник» (ГОГОЛЬ 1949: 124).

Предопределенность судьбы Акакия Акакиевича, его рождение «на своем месте» слышится также в следующих словах: «Мы привели это потому, чтобы читатель и сам мог видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно» (ГОГОЛЬ 1949: 124). Предопределение пронизывает всю жизнь героя, он служит не «просто ревностно», а «с любовью». Это служение распространяется не только на его занятие, но и на свободное от службы время. Особенное наслаждение, испытываемое Акакием Акакиевичем от переписывания, сакрализирует его жизнь и деятельность. Однако заметим, что место и должность Акакия Акакиевича не требует разумения содержания переписываемого – собственно, даже неизвестно, в каком департаменте он служит и что переписывает. Для него важен процесс действия, форма и пластика изображаемых букв; центр его «мира» сосредоточен только на этом переписывании и все вращается вокруг него. У С. А. Гончарова мы, по этому поводу, можем прочитать следующее: «автономный «микрокосм» Акакия Акакиевича строится как и у Сковороды на символическом изоморфизме трех миров – эмпирический мир переписывания равен особому «разнообразному и приятному миру», который уподобляется

«книге», персонаж – «букве» («в лице его можно было прочесть всякую букву»)» (ГОНЧАРОВ 1997: 164). Как и Пискарев, Акакий Акакиевич находится вне общества и вне жизни, располагает своеобразной автономией, т. е. его служение носит неэмпирический характер. И хотя в иерархии «мира сего» герой занимает одно из самых низких мест, тем не менее его любовное служение должно сообщать ему достоинство человека, служащего не людям, но *высшей цели* (курсив наш).

Но мир Петербурга, в котором живет Акакий Акакиевич – мир абсурда, где происходит «Внезапное смещение рациональной жизненной плоскости» (НАБОКОВ 1989: 622). И на фоне тотального абсурда мира «жалкое существо, затерянное в кошмарном, безответственном гоголевском мире, становится «абсурдным» по закону ( ) обратного контраста» (НАБОКОВ 1989: 622). Благодаря системе перевернутых ценностей, фальшивой иерархии достоинств, такие люди, как Пискарев и Акакий Акакиевич, становятся чем-то вроде экзотических явлений, чуждых окружающему, и жалких. Странная самоотдача Акакия Акакиевича, его подвижничество, его «убогость» и «ничтожность», «его невзрачность предстают формой отъединенности от мира, его особой отмеченностью, знаком исключительности» (ГОНЧАРОВ 1997: 165). Его «исключительность» состоит в том, что он, как и Пискарев, живет в своей сакральной данности, и на фоне абсурдности мира, фальшивого космоса он сам абсурден потому, словами В. Набокова, «что он человек, и потому, что он был порожден теми самыми силами, которые находятся в таком контрасте с его человечностью» (НАБОКОВ 1989: 622). Замечательна также ассоциация В. Набокова в связи с проткнутым лицом генерала на табакерке Петровича – неизвестна личность, известно лишь то, что генерал (ср. «звезда и толстый эполет» из «Невского проспекта»). Это значит, что весь мир Петербурга не просто абсурден, он безличен в этой абсурдности, все – «круговорот масок, одна из которых окажется подлинным лицом или хотя бы тем местом, *где должно находиться*» лицо (курсив наш) (НАБОКОВ 1989: 622).

Здесь мы должны обратить внимание и остановиться на словах В. Набокова, приведенные нами курсивом. Речь идет о лице (лике – в ассоциации со св. Акакием), т. е. о личности, как осуществленном богоподобии человека. Несомненно то, что по данности Акакий Акакиевич – человек «внутренний». Несмотря на это мы должны признать, что «внутренность» его носит характер душевный, а не духовный. Душа же бессмертна постольку, поскольку она одухотворена. И хотя рождение Акакия Акакиевича определяет его место и отношение его к иерархии ценностной системы мироздания, все же этого не достаточно для воплощения в человеке личности. У Н. Бердяева мы по этому поводу можем прочитать следующее: «Личность не есть природа, она не принадлежит к природной объективной иерархии, как соподчиненная ее часть» (БЕРДЯЕВ 1972: 20). А это, по нашему мнению, означает, что место личности в бытии не может быть ограничено узкими рамками данности.

Личность творит себя и *со-творит* (курсив наш) с другими личностями бытие. Это подтверждают слова Н. Бердяева: «Личность ни в коем случае не есть данность, она есть задание, идеал человека» (БЕРДЯЕВ 1972: 21). Таким образом, осуществление человека, как творца не связано с «местом» и общественным положением, а связано с выполнением задания, с реализацией «дара», с «Божьей искрой». В искусственно иерархизированном мире происходит подмена, в результате которой положение и ранг мнится как освещенность бытия без внутреннего смысла и значимости осуществляемого. При этом заметим, что для Акакия Акакиевича, (хотя он делает это и с любовью) выписывание букв имеет лишь формальное, изобразительное значение, по сути же его занятие бессодержательно. В результате бессодержательной деятельности возникают такие явления, как феномен «значительного лица», который «( ) был в душе добрый человек ( ), но генеральский чин совершенно сбил его с толку. Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть» (ГОГОЛЬ 1949: 145). Акакий Акакиевич не получает генеральского чина, он служит на «своем месте» «в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновникам для письма» (ГОГОЛЬ1949: 125). Для него нет и не может быть обстоятельств, сбивающих его с толку, он вечен в своем звании. Он способен, пишет С. А. Гончаров, в «видимой натуре и «тленном» занятии (переписывании) прозревать «невидимое» и «трансцендентное». Эти черты сближают его с «внутренним человеком Сковороды» (ГОНЧАРОВ 1997: 163). Но эта способность прозрения, как мы упоминали выше, всего лишь данность, фундамент, на котором строится переживание творческого, т. е. строится личность. Самой по себе этой способности недостаточно. Потому что, говорит Н. Бердяев, как «в религии богочеловеческой открывается воля Божья», так «воля человеческая открывается самим человеком» (БЕРДЯЕВ 1985: 170). Разумеется, при этом нельзя отделять человеческую волю от Божьей воли, как метафизического источника любого творчества, не только художественного, но и жизненного. Так как речь идет не о противопоставлении тварного и божественного, материального и логосного, а о том, что в тварном и материальном скрывается и божественное, и логосное. У С. А. Гончарова в связи с этим мы читаем: «*внешнее» слово* видимого мира – «оставьте меня, зачем вы меня обижаете» – звучит как *слово «внутреннее»* и библейское – «Я брат твой» (ГОНЧАРОВ 1997: 164). Несмотря на то, что слова непосредственно относятся к Акакию Акакиевичу, тем не менее эта ассоциация (разумеется, в нашем понимании) не характерна для самого героя, вернее, для его оценочной системы. Этой системы у Акакия Акакиевича нет. Но она есть у Гоголя, и С. А. Гончаров узнает за этими фразами «излюбленный ряд Сковороды: мир – книга – человек – Библия (ср. у Сковороды: «Библия есть человек.»)». Далее С. А. Гончаров приводит еще одно высказывание Сковороды: «Кто может слышать слово Божие, если не будет Бог в нем?» (ГОНЧАРОВ 1997: 164).

Думается, проблематика здесь достаточно ясна – утеря идеи Бога и искажение ценностной иерархии бытия. Результат этого таков, что Акакий Акакиевич, по своей данности ориентированный на «внутреннее», переживает трансцендентное в явлениях, лишенных трансцендентности. Так, трансцендентную идею Бога замещает нетрансцендентная идея шинели. При этом Акакий Акакиевич приобретает черты той «подпольной» «творческой общественности» (БЕРДЯЕВ 1985: 321), к которой принадлежит и Пискарев. Пошив шинели заставляет его отказаться от жизненных благ «мира сего», хотя бы частично.

При отсутствии истинной идеи истинность приписывается Акакием Акакиевичем идее фиктивной. Ведь речь идет о вещи, сугубо эмпирической, служащей телесности, и, таким образом, не имеющей логосного смысла. Однако в душевном мире героя шинель, вернее мечта о ней, становится тем более значительной, что приобретает образ женщины, живого *лица*, т. е. переходит в категорию вечности. «Вечная идея шинели» становится одухотворенной. Однако, как пишет Н. Бердяев, «Тварное бытие не сильно создать лицо, – лицо создается лишь Богом. Лицо предвечно творится лишь в Боге» (БЕРДЯЕВ 1985: 175).

Безбожие идеи Акакия Акакиевича, этот обман обнаруживается (для читателя), когда будучи владельцем шинели, посредством ее «причащается» другой, новой для него жизни, находящейся за рамками его «космоса». Обнаруживается несоответствие «вечной идеи» и результата ее воплощения: «В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо» (ГОГОЛЬ 1949: 138). За этим следует рассматривание двусмысленной картины в витрине магазина. «А затем поход на вечеринку предстает уже пространственной метафорой разрушения замкнутого мира Акакия Акакиевича и одновременно метафорой соединения с чиновным кругом. Следствием этого «перехода» становится катастрофа, завершающая историю приобретения шинели. Такова логика построения сюжета, выводящая к мотиву «наказания» (ГОНЧАРОВ 1997: 168).

Возникает вопрос, почему Акакий Акакиевич, наделенный лучшими душевными качествами, кроткий и смиренный, служащий «с любовью» должен быть наказан? Неужели причиной его гибели являются лишь обстоятельства «кесарева мира»?

На эти вопросы мы попытаемся ответить следующим образом. Прежде всего вернемся к библейскому тексту. В Первом послании Ап. Павла к Коринфянам (БИБЛИЯ, I Кор. 2, 11 15) мы читаем:

> 11. Ибо кто из человеков знает, что в
> человеке, кроме духа человеческого,
> живущего в нем? Так и Божьего
> никто не знает, кроме Духа Божия.

12. Но мы приняли не Духа мира сего,
а Духа от Бога, дабы знать дарованное
нам от Бога,
13. что и возвещали не от человеческой
мудрости изученными словами, но
изученными от Духа святого,
соображая духовное с духовным
14. Душевный человек не принимает
того, что от Духа Божия, потому что
он почитает это безумием; и не может
разуметь, потому что о сем надобно
судить духовно.
15. Но духовный судит о всем, а о нем
судить никто не может.

Как мы видим, Новый завет полагает разницу между «душевным» человеком и «духовным» человеком. Во внедуховности, только в душевном своем качестве, человек не может реализовать свое богоподобие. Например, такое качество, как смирение, в духовном аспекте перестает быть данностью и становятся актом свободы по отношению к Богу. Именно в этом свободном смирении «утверждается истинная иерархия бытия, духовный человек получает преобладание над душевным человеком. Бог получает преобладание над миром» (БЕРДЯЕВ 1985: 16).

Мы считаем, что смирение Акакия Акакиевича, определенное его рождением «на своем месте», «готовым, в вицмундире и с лысиной на голове», вечность его должности и места представляют собой душевно замкнутую структуру. Такая замкнутость не может быть основой для осуществления Божьего «дара». В смирении Акакия Акакиевича нельзя видеть то смирение, о котором говорит Н. Бердяев, и которое «есть путь самоочищения и самоопределения», «есть ( ) просветление человеческой воли» (БЕРДЯЕВ 1985: 16).

Далее мы считаем важным обратить еще раз внимание на то, что человек – творец космоса. Именно это является сутью 12 части Первого Послания Ап. Павла к Коринфянам. В богоподобии человека кроются его творческие силы безотносительно к его «способностей» и «талантов». Сакрализация «места», «должности», «поприща» происходит в процессе реализации творческой энергии человека. И этот процесс связан с «самоочищением» и «просветлением».

Если принять во внимание, что любой творческий акт является обязанностью человека и носит теургический характер, т. е., по мнению Н. Бердяева, служит обожанию человека, то мы можем сказать, что творческий потенциал Акакия Акакиевича, присущий ему как и любому другому человеку, во внебожественном пространстве оказался не только неосуществимым, но и явился причиной гибели героя.

В связи с этим снова обратимся к формуле Г. Сковороды о «восхождении» человека «от Земли до Неба». Обожание человека происходит через постижение библейского мира, который находится под знаком Логоса и направлен исключительно на Его осуществление в земной истории. Это единственный путь человека.

Интересно, что, например, С. Булгаков с осторожностью применяет слово «теургия» (богодействo) в отношении человеческого творчества. По его мнению, следует различать «действие Бога в мире» (как абсолютного; прим. наше) от действия «человеческого» (как неабсолютного; прим. наше), но «совершаемого силой божественной софийности, ему присущей» (БУЛГАКОВ 1994: 320).Таким образом, С. Булгаков называет человеческое творчество «софиургийным», так как «теургия» – нисхождение Бога, а «софиургия» – восхождение человека (БУЛГАКОВ 1994: 320). Следуя из этого, можно сказать, что творчество человека состоит не в создании новых идей мира, а в открытии идей, данных Богом. Потому что в этом восхождении, приобщаясь Софии, человек постигает логосы вещей и явлений и таким образом приобщается божеству, а через приобщение божеству постигает сам Логос.

Мы считаем это главным условием, единственно правильной, истинной ориентацией человека на пути воплощения личности. Этого условия нельзя усмотреть в жизни Акакия Акакиевича, и поэтому его духовная ориентация является фальшивой, фиктивной. Путь Акакия Акакиевича не восхождение, а нисхождение: «космос» – «вечная идея шинели» – «шинель» – «мир сей». Путь героя ведет не к Богу, а обратно – к миру, в котором хозяйничает «князь мира сего». Собственно, это путь демонизации, которая не осуществилась при жизни земной, но осуществляется в его жизни после смерти. Здесь мы можем сослаться также на мнение Н. Бердяева, который видит причину демонизации в попытке сотворения живым лицом другого живого лица. «Тварное бытие не сильно создать лица, – лицо создается лишь Богом. Лицо предвечно творится в Боге. Всякая попытка со стороны тварного существа создать существо, лицо ведет лишь к созданию автомата, мертвого механизма. Такая попытка всегда демонична» (БЕРДЯЕВ 1985: 175 176). В этом видит Н. Бердяев ту грань, которая отделяет творчество человеческое от творчества божественного (Ср. у Н. Булгакова «теургия» и «софиургия»). Акакий Акакиевич, нося в душе «идею» шинели, приписывает ей качества лица (женщины). «С этих пор *как будто* самое существование его сделалось *как-то*, полнее, *как будто бы* он женился, *как будто* какой-то другой человек присутствовал с ним, *как будто* он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, – и подруга эта была не *кто другая*, как *та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу*» (курсив наш) (ГОГОЛЬ 1949: 135 136).

В его сознании шинель живет, как может жить только человек, обладает логосом, который не существует в действительности. То есть «идея»

шинели и ее осуществление, предполагаемое как творческий акт, направленный на создание «нового бытия» (Н. Бердяев), расходующий все жизненные силы чиновника, оказывается призраком. Эта призрачность становится основным знаком, характеристикой Акакия Акакиевича. Призрачным оказывается всё: и земная жизнь, и шинель, и жизнь после смерти.

Литература

БЕРДЯЕВ 1985: Бердяев Н., Смысл творчества. YMCA-PRESS, Paris.
БЕРДЯЕВ 1972: Бердяев Н., О рабстве и свободе человека. YMCA-PRESS, Paris.
БУЛГАКОВ 1994: Булгаков С. Н., Свет невечерний. М., Издательство «Республика».
ГОГОЛЬ 1949: Гоголь Н. В., Собрание сочинений. Т. III, Москва.
ГОГОЛЬ 1984: Гоголь Н. В., Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. VII. Москва, Издательство «Правда».
ГОНЧАРОВ 1997: Гончаров С. А., Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. С-Петербург.
НАБОКОВ 1989: Набоков В., Приглашение на казнь. Кишинев.

Abstract

Czerják Milána: Problems of the Incompleteness of Existence in Gogol's Short Story *The Overcoat*

This essay, analyzing the well-known short story by Gogol, is part of a longer dissertation in which the author examines the stages of the spread of evil in the world. In Gogol's first series of short stories the naive religious icon painter gaining spiritual creativity could defend his faith from the devil's attack against the mainly religious community, while the theologian-philosopher hero of the second series can not even defend God's house, the church, from evil spirits. The world shown in the third series of stories, called *St. Petersburg Stories*, containing *The Overcoat* as well, is characterized by the presence of evil as a metaphysical power. The author of this essay analyzes the representation of the main character in the grotesque world of this story from the point of view of the hero's activity and that of artistic creation. According to the author of this essay, Gogol's approach to artistic creation is a variant of theories about Sophia and Logos. The author considers the works by the most influential representatives of these theories - (Sergiy Bulgakov, Nikolay Berdyayev) concerning artistic creation and religious philosophy, and also the views of the 18th century Ukrainian religious philosopher, Hryhori Skovoroda - and she comes to the conclusion that the hero of the short story, instead of finding God's transcendental truth (His Wisdom, Sophia, creating order in the physical world) gives rise to a fantastic chaos in the world by staying in immanence, substituting personal truth for the idea of a useful object (that of the overcoat) from this world.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ *ПРОРОКА* В ТВОРЧЕСТВЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО И ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛИША

BARÓTI Tibor

Общеизвестно, что автора «Кобзаря», основоположника украинской национальной поэзии, Тараса Шевченко принято называть поэтом-пророком. Украинский историк и культуролог пишет о Шевченко: «Бывший крепостной никогда не забывал о своих «знедоленных братів». Громоподобным тоном библейского пророка он обличал крепостников-эксплуататоров. В отличие от большинства интеллигентов своего времени Шевченко в своих стихотворениях открыто призывал к радикальному, революционному решению вопросов социальной действительности» (СУБТЕЛЬНЫЙ 1994: 300). Автор исследования, завершающего в качестве «добавления» к канадскому изданию «Кобзаря» Шевченко, уже в названии своего исследования указывает на явление пророчества в творчестве поэта: «Тарас Шевченко: духовна реалізація пророцтва» (ШУЛИНСЬКИЙ 1960: I–XV).

Тема пророчества и поэта-пророка не раз встречается в творчестве поэтов и писателей-современников Шевченко и Кулиша.

Известное стихотворение Пушкина 1826-ого года «Пророк» разрабатывает библейскую тему видения Исаии во храме и Божьим призывом пророчествовать народу (Ис. 6, 1 13). Стихотворение Лермонтова 1841 года «Пророк» изображает смех и издевательство духовно падшего, пошлого народа над Пророком Божьим. Соотечественник Шевченко и Кулиша, Гоголь, ставший русским писателем в своих «Выбранных местах из переписки с друзьями», обращается к своим современникам как библейский пророк. Здесь, однако, следует отметить, что осмысление темы пророка и пророчества в творчестве разных поэтов и писателей определяется оценочной системой, лежащей в основе их творчества. Оценочная система каждого писателя включает в себя и творческую позицию, вырисовывающуюся в соотношении факторов *Господь – пророк – царь* – и *народ*, представляющих собой одно динамическое целое уже в первоисточнике всех пророчеств – в Книгах Ветхого Завета, например, во Второзаконии. Пророк оглашает установки *Господа* об избрании царя в Израиле и о том, как *царь* и *народ* должны относиться к Господу и действовать: «То поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою *царем* иноземца, который не брат тебе» (Втор. 17, 15). В той же главе Второзакония определяется должное отношение *царя* к Господу и к

своему *народу*. Но когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, *находящейся* у священников левитов. И пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии. *Чтобы не надмевалось* сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля» (Втор. 17, 18 20). В Первой Книге Царств мы можем читать Псалом хваления Анны о Всемогущем Боге: Лук сильных преломляется, а немощные препоясываются силою. Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит. Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает. Господь сотрет препирающихся с Ним; с небес возгремит на них. *Господь* будет судить концы земли, и даст крепость царю Своему, и вознесет рог помазанника Своего» (1Цар. 2, 1 12). Во Второй Книги Царств мы можем прочитать хвалебную Песнь *пророка* и *царя* Давива, «воспетую Господу, его Избавителю» (2Цар. 22, 2 51). В Третьей Книги Царств Господь обновляет с Соломоном Свой Завет и предупреждает о наказании за неверность. В другом стихе мы читаем: «И сказал ему Господь: Я услышал молитву твою и прошение твое, о чем ты просил Меня И если ты будешь ходить пред лицем Моим как ходил отец твой Давид, в чистоте сердца и в правоте, исполняя все, что Я заповедал тебе, и если будешь хранить уставы Мои и законы Мои. То я поставлю царский престол твой над Израилем вовек. Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня, и не будете соблюдать заповедей Моих и уставов Моих, которые Я дал вам, и пойдете, и станете служить иным богам и поклоняться им. То я истреблю Израиля с лица земли, которую Я дал ему, и храм, который Я освятил имени Моему, отвергну от лица Моего, и будет Израиль притчею и посмешищем у всех народов. И скажут: «за то, что они оставили Господа, Бога Своего, Который вывел отцов их из земли Египетской, и приняли других богов, и поклонялись им, и служили им, – на это навел на них Господь все сие бедствие» (3 Цар. 9, 1 9).

В приведенных стихах содержатся предупреждения Господа Соломону о наказаниях за неверность ему и царя и народа. В вышеупомянутой главе Книги Пророка Исаии в стихах, следующих вслед за призывом Бога к Исаии обратиться к народу, Господь говорит пророку о преступном отказе народа от него: «И сказал Он: пойди, и скажи этому народу: слухом услышите, и не уразумеете; и очами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их» (Ис. 6, 9-10).

В стихотворении Тараса Шевченко 1848-го года «Пророк», опубликованном только в 1859-ом году, поэт изображает неверность народа Господу, и его отступничество от Него, упомянутые в предостережениях Господа Соло-

мону в Третьей Книги Царств («Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня и пойдете, и будете служить иным богам и поклоняться им» – 3 Цар. 9, 6), а также последующее обещанное Богом наказание за предательство. Намеченное в библейском предупреждении Господа наказание в стихотворении Шевченко претерпевает, однако, характерное для художественного мировоззрения поэта радикальное изменение: за преступление и предательство народа – за убийство пророка, за отказ от Бога и поклонение другим богам – Господь Великий в стихотворении Шевченко в отличие от библейского текста не наказывает одинаковым образом *царя* и *народ*, а *только народ*, изображенный единственным, исключительным преступником, т. е. причиной наказания, а *царя* стихотворение Шевченко изображает только как следствие, т. е. как сам факт наказания. Стихотворение Шевченко «Пророк» приводим целиком:

Как будто праведных детей,
Господь, любя своих людей,
Послал на землю им пророка
Свою любовь благовещать!
Святую правду возвещать!
И как Днепра поток широкий,
Слова его лились, текли
И в сердце падали глубоко,
И души хладные зажгли
Огнем незримым. Полюбили
Пророка люди и ходили
За ним, и слезы их лились,
Но люди злобны и лукавы!
Они святую божью славу
Растлили и чужим богам
Воздали жертву! Осквернились!
И мужа свята Горе вам!
На стогнах камнями побили.
И праведно Господь великий,
Как на зверей свирепых, диких,
Оковы повелел ковать,
И тюрьмы темные копать,
И – род лукавый и жестокий! –
Взамен смиренного пророка
Он повелел царя вам дать!

(ШЕВЧЕНКО 1954: 487)

Положение, изображенное в стихотворении – рабство, выраженное словами «оковы» и «тюрьмы». Символом и воплощением такого рабства, как

следствия духовного падения и свирепства народа, является «*царь*», образ которого в ряде стихотворений Шевченко сохраняет такое абсолютно отрицательное содержание оценки. Шевченко в свом стихотворении 1844-го года «Гоголю» уже жалуется своему соотечественнику, ставшему русским писателем, на «осквернившийся» народ, на его духовное и моральное падение как причину актуального унизительного рабства.

Духовное и моральное падение народа и в этом стихотворении связанное с образом *рабства* («В кандалах поникли»), выражается близкими к приведенным выше библейским словам о библейском «осквернившемся» народе, в результате преступного отказа от Бога переживающем духовную и моральную слепоту и глухоту: «Слухом услышите, и не уразумеете; и очами смотреть будете, и не увидите; Ибо огрубело сердце народа сего да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6, 9 10). Стихотворение Шевченко «Гоголю» приводим в отрывках:

Где найду такого,
Кто бы понял и приветил
Великое слово?
Все оглохли, все ослепли,
В кандалах поникли

Не услышит вольных пушек
Сторона родная.
Не зарежет старый батько
Любимого сына
За свободу, честь и славу
Своей Украины.
Не зарежет, а выкормит
Да царю на бойню
И отдаст
Он отдаст царю-престолу
Да немцам-собакам

(ШЕВЧЕНКО 1954: 271)

В приведенном отрывке лирический герой Шевченко, обращаясь к Гоголю, как бы сталкивается с положением пророка Исаии, призванного Господом говорить к народу оглохшему и ослепшему. В пропущенных нами из стихотворения Шевченко частях поэт неоднократно противопоставляет свой *плач* гоголевскому смеху. Более глубокое противопоставление обнаруживается, однако, между упомянутым в стихотворении гоголевским изображением славного исторического прошлого украинского казачества, полного духа, и готовности возвышенного самоотвержения «за свободу, честь и славу

своей Украины» и изображенным унизительным настоящим бездушного существования. Третий, наиболее глубокий и обширный аспект несовпадения понимания роли пророка (поэта-пророка) и пророчества обнаруживается, однако, если сравнить понимание Гоголем и Тарасом Шевченко этого вопроса в выше уже предложенном нами аспекте *Господь – пророк – царь – народ*, а главным образом, в аспекте отношения *пророка* (поэта) к *царю*.

Выше мы уже указали на то, что в стихотворении Шевченко «Пророк» осмысление места *царя* не совпадает со своим библейским первоисточником. Что касается Гоголя, то он на основе книг Ветхого Завета предлагает толкование данного вопроса, противоположное осмыслению Шевченко.

Гоголь в письме «О лиризме наших поэтов», адресованном В. А. Жуковскому, пишет: «В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому». (ГОГОЛЬ 1978: 216) Несколько дальше Гоголь указывает и на источник такого лиризма: «Наши поэты видели всякий высокий предмет в его законном соприкосновенье с верховным источником лиризма – Богом» (ГОГОЛЬ 1978: 216).

Далее Гоголь называет два предмета, близких для русских поэтов к библейскому. Первым предметом Гоголь называет *Россию*. Обыкновенная любовь к отечеству не обеспечила бы такого возвышенного лиризма, который рождается в результате вдохновенного прикосновения пророческого духа в тайники Божественного Промысла о предназначении России, который « рождается от невольного прикосновения мысли к верховному промыслу, который так явно слышен в судьбе нашего отечества» (ГОГОЛЬ 1978: 217). Источником такого возвышенного лиризма Гоголь считает «прозрение прекрасного нового здания, которое покамест не для всех видимо зиждется и которое может слышать всеслышащим ухом поэзии поэт или такой же духовидец, который уже может в *зерне* прозревать его *плод*» (ГОГОЛЬ 1978: 217).

Вторым предметом высокого лиризма русских поэтов Гоголь называет *любовь к царю* (ГОГОЛЬ 1978: 218). Вслед за приведенным пушкинским стихотворением Гоголь пишет о *царе*: «Оставим личность императора Николая и разберем, что такое монарх вообще, как божий помазанник, обязанный стремить вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает бог Кто среди самих развлечений слышит вечный, неумолкаемо раздающийся в ушах клик божий, неумолкаемо к нему вопиющий, – тот может быть уподоблен древнему боговидцу» (ГОГОЛЬ 1978: 220 221).

В приведенной цитате Гоголь образ *царя* уподобляет образу библейского пророка Моисея, а несколько ниже он говорит о близком к пророческому прозрению восприятия поэтов, которые видели в предназначении *царя* историческое дело божьего Промысла: «Высшее значенье монарха прозрели у нас поэты, а не законоведцы, услышали с трепетом волю бога создать ее в России в ее законном виде; оттого и звуки их становятся библейскими всякий

раз, как только излетает из уст их слово царь Страницы нашей истории слишком явно говорят о воле промысла » (ГОГОЛЬ 1978: 223).

В стихотворении Шевченко 1858-ого года, начинающемся словами «Я, чтобы не сглазить, не хвораю» причиною отсутствия свободы называет царя Николая I и указывает на путь революционного решения проблемы:

Доброго не жди, –
Напрасно воли поджидаем, –
Она заснула, Николаем
Усыплена. Чтоб разбудить
Беднягу, надо поскорее
Всем миром обух закалить
Да наточить топор острее
И вот тогда уже будить

(ШЕВЧЕНКО 1954: 646)

Стихотворение Шевченко «Завещание» 1845-ого года представляет собой как бы посмертное обращение *пророка-поэта* к своему народу (из трех строф приводим только последние две):

И тогда с полей Украйны
Кровь врагов постылых
Понесет он вот тогда я
Встану из могилы –
Подымусь я и достигну
Божьего порога,
Помолюся А покуда
Я не знаю Бога.

Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте – помяните
Добрым тихим словом.

(ШЕВЧЕНКО 1954: 353)

Приведенное стихотворение, с точки зрения позиции поэта-пророка, в соотношении *Бог – пророк – царь – народ* – в контексте стихотворений, приведенных выше, является загадочным, ведь отсутствие свободы, т. е. переживаемое рабство, воплощенное образом *царя*, существует по *божьему* повелению за духовное падение *народа*, за *убийство* им *пророка Божьего*. А заключающие слова второй строфы: «А покуда я не знаю Бога» как бы указывают

на то, что *пророк* неожиданно опять оказывается на стороне *народа*, осквернившегося, отвергшего *Бога* и убившего *пророка*. Данное стихотворение Шевченко, однако, является посмертным завещанием *пророка*, его трансцендентным обращением – и одновременно прощением – к своему народу, его отвергшему, в надежде, по крайней мере, на его «запоздалое духовное воскресение», что означало бы вместе с духовным уразумением и обретение утерянной вследствие «грехопадения» свободы пребывания в Боге.

Последнее стихотворение из трилогии Шевченко «Доля», «Муза», «Слава» выражает не просто желание *славы* в повседневном смысле, т.е. как желание достигнуть успеха. Заключающие стихотворение строки в народном, разговорном стиле выражают желание лирического субъекта встретиться со славой:

За тобой плетусь, как прежде,
Хоть слыхал немало,
Как ты с пьяными царями
По шинкам гуляла,
А всех дольше с Николаем,
В Крыму в злые ночи.
Но об этом я не плачу
И тужу не очень.
Дай тобой налюбоваться,
Дай на грудь склониться!
Под крылом твоим хочу
В тишине забыться.

(ШЕВЧЕНКО 1954: 643 644)

Сбывающаяся мечта лирического героя стихотворения о встрече со славой и о «самозабвении» на ее груди была бы однозначной осуществлению поэтической-пророческой мечты, изображаемой в заключительных строках стихотворения «Завещание»: *слава* поэта ведь обозначает приятие его *пророчества*, т. е. «*божьей* святой правды» *народом*, т. е. воскресение, духовное обновление народа, восстановление святой вольности. Состояние вольности как восстановление исходного положения *потерянного рая* до *грехопадения* в понимании Шевченко однозначно исчезновению монархии, царя. И Шевченко, в отличие от Данте, Пушкина, Гоголя, а также Пантелеймона Кулиша, *республиканец*, и во многих его стихотворениях, в том числе и в приведенном выше «Завещании», звучат отголоски кровавого марша французской революции «Марсельезы»:

Allons enfants de la Patrie,
Le jour de gloire est arrivé!
Contre nous de la tyrannie,
L'étendard sanglant est levé,

Entendez-vous dans les campagnes
Mugir ces féroces soldats?
Ils viennent jusque dans vos bras
Egorger vos fils et vos compagnes!
Refrain
Aux armes, citoyens,
Formez vos bataillons,
Marchons, marchons!
Qu'un sang impur
Abreuve nos sillons! и т. д.

Антимонархическая позиция Шевченко аналогична радикальному, плебейскому республиканству его венгерского современника Шандора Петефи. Венгерский поэт в ряде стихотворений 1847 1848 годов выражает свое революционное республиканство, напр., в стихотворениях 1848-ого года «Восстало море», «Королям», «Лук мой славный», «Боевая песня», «На виселицу королей» и т. п. Приводим отрывок из 4-ой строфы стихотворения Петефи «Королям» 1848-ого года в качестве примера сочетания в его поэзии революционного республиканства с присутствующими в нем библейскими мотивами:

« Я бы мог поднять на вас народы –
Вся земля восстала бы сейчас,
Чтоб с великой яростью Самсона
Миллионы ринулись на вас!»

(ПЕТЕФИ 1955: 269)

В стихотворении 1847-ого года «Поэтам XIX века» Петефи призывает поэтов-современников выполнять долг современного пророка-Моисея:

« В пустыне знойной страждем мы,
Как Моисей с его народом, –

А ныне огненным столпом
Поэт людей ведет в пустыне.
Господь поэту повелел
Вести их к новой Палестине.

Иди же, если ты поэт,
С народом сквозь огонь и воду!
Проклятье всем, кто, кинув стяг,
Изменит своему народу! »

(ПЕТЕФИ 1955: 163)

Из приведенных отрывков видно, что на основе предполагаемой нами соотнесенности *Господь, Царь (король), пророк (поэт)* и *народ* – Петефи аналогичен Шевченко, так как оба поэта, выполняя божий призыв, обращаются к народу, но отрицают царя (короля). Разница в их позициях определяется различными историческими обстановками. Петефи, как участник и один из идейных руководителей революционных событий 1848-ого года, а также последующей за ними освободительной борьбы 1848 1849 годов против монархии Габсбургов, свою позицию *пророка* постепенно сменяет на более близкую к действиям позиции *апостола*.

Пантелеймон Кулиш опубликовал свой исторический роман «Черная рада. Хроника 1663 года» в Санкт-Петербурге в 1857 году на украинском и русском языках. Второе русское издание романа (С.-Петербург, 1899 г.) вышло с дополнением, исследованием автора сравнительно-литературоведческого характера под названием: «Об отношении малороссийской словесности к обще-русской. Эпилог к «Черной раде» (КУЛИШ 1899: 338–370) .

Кулиш наряду с литературоведением занимался историей и этнографией. Его исследования историко-этнографического характера имеют глубокие следы и в романе «Черная Рада» (КУЛИШ 1994). Пантелеймон Кулиш в своих «Записках о южной Руси» уделяет большое внимание деятельности народных *пророков*, слепых нищих бардов-музыкантов, слагателей и певцов народных дум, которые «занимают первое место по развитию поэтических и философских способностей» (КУЛИШ 1994: 43). П. Кулиш описывает, однако, знакомого ему слепого барда, Андрея Шута, который, будучи слепцом, содержал себя своей работой, но «слепота развила в нем врожденный вкус к песням и скоро он сделался любимым музыкантом и певцом во всем Сосницком округе Лучшие часы своей жизни он проводил в храме Божьем чтение псалмов, молитв и церковное пение возвышали его душу над нуждами и бедствиями преходящей жизни и устремляли ее к бесконечному. «Он смотрит на ремесло нищего как на дело богоугодное. По его понятиям нищий существует на то, чтобы напомнить людям о Боге и добродетели » (КУЛИШ 1994: 44 45). Мы привели эту пространную цитату из этнографического исследования Кулиша потому, что в его романе есть один персонаж, *божий человек* – слепой бард, чья позиция в историческом романе близка к авторской.

Далее Кулиш в своем историко-этнографическом исследовании пишет о несовпадении исторического материала, зарегистрированного в сочинениях историков и летописцев, а также в народных легендах, преданиях и исторических песнях, сочиненных народными бардами. Эти последние, как пишет П. Кулиш, «уклоняясь от точных дат и фактов, тем не менее интересны для историка-этнографа, как искреннее выражение образа мыслей народа и взгляда его на свою собственную историю Народ как будто стоит в стороне и смотрит на свою историю как на что-то вне его происходящее

Он смиренно клонит голову перед всякою бурею и чает своего спасения от Бога, а не от людей » (КУЛИШ 1994: 121 122).

П. Кулиш неоднократно подчеркивает, что слагателями исторических дум и песен были вышеупомянутые слепцы. Далее историк-этнограф замечаемый им упадок малороссийского народного творчества объясняет тем обстоятельством, «что дух народный ослабел в массе населения и возродился в просвещенном, небольшом слое общества, ближайшем к народу по своей любви к нему и сознательно продолжающем его духовную жизнь в новых формах – цивилизации Мы все ведем свое происхождение от своих рапсодистов, как Греческие писатели образованного века вели его от Гомера, и как сам Гомер – от предшествовавших ему очевидцев деяний старой Греции» (КУЛИШ 1994: 121 122).

Само собой разумеется, что будучи писателем, автором исторического романа Вальтер-Скоттовского типа, П. Кулиш представляет собой продолжение народного духа, и он ведет свое происхождение от малороссийских рапсодистов, слагателей исторических песен, слепцов-бардов-бандуристов, каким выступает в его романе «Божий человек». Другим источником исторического романа являются упомянутые в очерке-эпилоге к «Черной раде» «История Русов» Кониского, «Летопись Самовидца», изданная профессором Бодянским, а также «Очерк истории Малороссии Соловьева» (КУЛИШ 1899: 350 352).

В хрониках «Истории Русов», в этих весьма загадочных по авторству, но возвышенных по стилю и глубоко религиозно-патриотических, автор сравнительно коротко описывает «Черную раду» 1864-ого года, но подчеркивает фальшивый характер Ивана Брюховецкого и его намерений. В хрониках «Истории Русов» более детально пишется о катастрофических последствиях черной рады для Украины. Об исторических условиях созыва рады и о роли Ивана Брюховецкого мы можем прочитать следующее: «После уничтожения Юрия Хмельницкого возродило в Малороссии ужасное замешательство, междоусобия и всех родов нестроения. Вдруг восстало в ней *пять* самовольно назвавшихся Гетманов, избравших себе разные партии и неистовые протекции: один Турецкую, другой Польскую, а третий Российскую! Иван Брюховецкий, Сей, бывши при Юрии Хмельницком великим фаворитом и предателем, умел нажить знатные суммы, и когда командир его и благодетель пресмыкался из тюрьмы в тюрьму, он, между тем, подобрал себе самую большую партию подарками и могоричами и, потому выбран Гетманом от самого большого числа Козаков, а паче от Запорожцев, кои своевольно в выборы сии вмешались, а прежде они того чужды были» (КОНИСКИЙ 1846: 157).

Для сравнения приведем из тех же летописей «Истории Русов» отрывки из прокламации гетмана Богдана Хмельницкого своим старшинам 1648-ого года, а также ответ гетмана царю Алексею Михайловичу 1649-ого года, предложившему союз с Украиной. В обоих проявлениях гетмана чув-

ствуется высокая ответственность государственного деятеля за честь, достоинство и историческую судьбу своей страны, своего народа. Понимание Богданом Хмельницким своей власти равно его ответственности перед Богом и народом, примеры которой мы находим в приведенных выше отрывках из Книг Царств Священного Писания. В прокламациях Б. Хмельницкого мы читаем: «Лучше теди и благополезнейше нам за веру Святую Православную и за целость отчизны на пляцу военном, от оружия бранного полягти, нежели в домах своих, яко невестюхам побиенным быти. Гды же естли умрем за благочестивую веру нашу, то не только слава и отвага наша лицарская во всех Европейских и иных странах, дальних землях провозгласится, але и упование наше, еже за благочестие умрети, будет бессмертия исполнено и страдальческими венцами от Бога венчано» (КОНИСКИЙ 1846: 71).

А об ответе Б. Хмельницкого царским послам мы читаем в летописи: «Гетман в сильных выражениях доказывал послам Царским, что народ, им предводимый, есть народ вольный и готовый всегда умереть за свою вольность до последнего человека и характер сей в нем врожденный и неудобен к насилованию; а при том, не смотря на его наружную простоту, есть он разборчив и проницателен, то есть, знает ценить важность держав и народов» (КОНИСКИЙ 1846: 87–88).

Подкупленные Брюховецким участники «черной рады», однако, не похожи на благородный народ Хмельницкого, они действительно, представляют собой «чернь», низы запорожского казачества и общества. В начале семнадцатой главы «Черной рады» Кулиш описывает пир выбранного черной радой Брюховецкого, где царские послы, подкупленные им, тоже становятся сообщниками нечистого дела гетмана: «Между тем новый гетман пировал в Нежине. Возле него сидели московские послы. Их сановитая наружность резко противоречила плутоватой мине Брюховецкого и дикости ухваток и речей запорожских его старшин. Казалось бы, этим людям никогда не сойтись на общий пир; но такова сила корыстолюбия, что сановитые вельможи не устыдились подружиться с бесчестными разбойниками, а людей, которые сделали бы им честь своею дружбою, предали поруганию и тиранству. За золото Брюховецкого они бесстыдно обманывали своего царя, который во всем на них полагался, и сделались причиною последовавших скоро затем между Россиею и Украиною войн, которые погубили множество народу с той и с другой стороны и надолго поселили племенную неприязнь и отчуждение» (КУЛИШ 1899: 300 301).

А некоторым протестующим честным казацким старшинам, которые уже осознавали обман Брюховецкого, новый гетман отвечает словами, бросающими свет на основу нововведенного «порядка, установившегося «первобытного коммунизма» – на свободу грабежей, неуважение собственности и свирепство беззаконного насилия: «Говорил, и как обещал, так и исполнил. Сами видите, что запорожцы теперь первые паны в гетманщине; поделал я их

сотниками и полковниками; будут они судить по запорожским обычаям всю Украину. Уже и теперь нет ни у мещанина, ни у мужика – *это мое, а это твое*; все стало общее; казак ведь хозяйничает, как в собственном кармане. Чего-ж вам еще хочется?» (КУЛИШ 1899: 306). А честный запорожец Кирил Тур, посетивший в тюрьме свергнутого черной радой законного гетмана Сомко, ожидающего свою смертную казнь говорит о случившемся на раде: «На раду, ведь, сползлась только вся дрянь из гетманщины, а добрые люди Иванцовым сорванцам не говорили. Потому-то Иванец и не сделал на раде все, что хотел. А с Запорожья тож только одни разбойники вышли в Украину, а что осталось в Сечи доброго, все за тебя теперь станет» (КУЛИШ 1899: 320 321).

Из продолжающихся разговоров Кирила Тура и Сомко становится ясно, что свергнутый гетман не склонен начать борьбу за власть, и что он не способен проливать ради этого христианскую кровь. Он отказывается от войны не только за свои гетманские права, но и даже за то, чтобы правда взяла верх над неправдою. Он отвечает Кирилу: «Возьмет она верх и без нас, брат Кирило. Может быть, Господь только для науки народу допустил торжествовать злодеям. Видно, нельзя иначе довести людей до ума, как горем да бедою!» (КУЛИШ 1899: 321).

В приведенных словах, в мышлении и поведении Сомко не трудно заметить аналогичность с народным образом мышления, о которой он писал в своих «Записках» (КУЛИШ 1994: 121–122): «Он смиренно клонит голову перед всякою бурею и чает своего спасения от Бога, а не от людей». Таким пониманием «эсхатологического мышления» (БЕРДЯЕВ 1971: 253, 255) характеризуется отношение узника-гетмана не только к своему бывшему гетманству, но и к своей личной судьбе. На вопрос Кирила Тура, касающегося гетманства, Сомко отвечает: «Были у меня и друзья, и приятели, были полки и пушки, да Бог не благословил мне гетманствовать; так чего-ж мне идти против воли Божией? Рука Его видимо на мне отяготела » (КУЛИШ 1899: 321 322). Такое же жертвенное повиновение Божьему Промыслу обнаруживается в словах Сомко, когда он отвечает на предложение Кирила Тура спасти себе жизнь: «Нет, брат, этого не будет. Пускай погибает тот, кому Господь определил пострадать за правду; а чужою смертью я не куплю свободы» (КУЛИШ 1899: 322).

Сомко, однако, не безответный религиозный фанатик и мазохист. В великодушном, жертвенном предложении своего бывшего соперника он, как человек, в ответе за судьбу своей родины перед Богом видит будущее торжество правды и спасения Украины: «Ох, голова ты моя милая! – сказал Сомко. – Ты и в темницу вносишь ко мне отрадный свет! Теперь мне легче будет пострадать за правду: вижу теперь, что правда не у одного меня живет в сердце и не погибает со мной в Украине! Простимся-ж, пока увидимся на том свете!» (КУЛИШ 1899: 324).

В последней 19-ой главе автор сообщает о казни Сомка и Васюты и о ссылке их приверженцев. О гетманстве Брюховецкого мы читаем: «Украина приуныла; все трепетало новой старшины казацкой; запорожцы везде распоряжались чужою собственностью как своею» (КУЛИШ 1899: 330).

На эту незаконную ситуацию жалуется Петро, личная судьба которого как бы управляемая Божьим Промыслом, формируется на фоне грозных, исторических событий: «Грустно мне, сказал Петро Божьему Человеку, – что в свете злодей панует, а добрым людям за труды и за горести нет никакой награды! Отчего-ж Иванец торжествует, а Сомко и мой пан отец выпили горькую?» (КУЛИШ 1899: 336). Божий человек, будучи персонажем романа, близким к описанным в «Записках » Кулиша слепым бардам-бандуристам, отвечает близким к народному пониманию тоном, подчеркивая первостепенность в мирских делах Провидения: «Иванца Бог грехом уже покарал. А праведному человеку какой награды желать в этом мире? За что награды? За то, что у меня душа лучше, нежели у тысячи моих ближних? А в этом разве мало милости Божией? Суета сует! Слава нужна миру, а не тому, кто славен. Мир пускай учится добру, слушая, как жертвовали жизнью за общее благо; а славному слава у Бога!» (КУЛИШ 1899: 336 337).

Автор, сообщая о венчании Петра и Леси, судьбу влюбленных в вихре исторических испытаний, сравнивает с природным явлением, таким образом подчеркивая действенность Божьего Промысла – согласно народной мудрости Божьего Человека – в жизни человека: «Таким образом, вся буря смутной тогдашней годины прошла для них, как во сне. Так иногда разразится над цветущею природою сокрушительная гроза; грохочет гром, бушует ветер; буря ломает деревья, исторгает с корнями дубы и березы; но чему суждено расти и цвести, то все уцелеет и будет красоваться весело и пышно, как будто никогда и грозы не видало» (КУЛИШ 1899: 337).

Литература

БЕРДЯЕВ 1971: Бердяев Н., Русская идея, YMCA– PRESS. Париж.
БИБЛИЯ 1968: Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Москва.
ГОГОЛЬ 1978: Гоголь Н. В., Собрание сочинений. Т. 6. Москва.
КОНИСКИЙ 1846: История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Кониского, Архиепископа Белоруского. Москва.
КУЛИШ 1899: Кулиш П. А., Черная Рада. Хроника 1663 года. С.-Петербург.
КУЛИШ 1994: Кулиш П. А., Записки о южной Руси в двух томах. С.-Петербург. Переиздание. Киев.
ПЕТЕФИ 1955: Петефи, Ш., Избранное. Москва.
СУБТЕЛЬНЫЙ 1994: Субтельный О., Украина, История. Київ, «Либідь».
ШЕВЧЕНКО 1954: Шевченко Т., Кобзарь. Москва.
ШУЛИНСЬКИЙ 1960: Шулинський М., Тарас Шевченко: Кобзар. Вінніпег.

Abstract

The Interpretation of the Prophet's Role in the Works of Taras Shevchenko and Panteleimon Kulish

Taras Shevchenko was the most significant representative figure of classical Ukrainian literature, and also the founder of folk-national poetry. Together with the writer, ethnographer and historian Panteleimon Kulish, he was persecuted and exiled because of joining the ill-fated Cyrill-Methodius Circle. Taras Shevchenko's poetry is often referred to as prophetical. The author of the present essay analyses the meaning of the prophetic role and Shevchenko's relation to Biblical prophets from the point of view of cultural and literary history. Considering Shevchenko's poems dealing with the prophetic role in the Old Testament, and on the basis of The Book of Kings, he approaches the role of the poet in relation to the Lord – Prophet – King – People, and from the point of view of the acceptance and accomplishment of God's commandments. The present essay points out that the Biblical order of prophetic roles was valid in Pushkin's, Lermontov's, and Gogol's works, while in Shevchenko's poems analyzed in the essay, it is different from that order, above all, in relation to the King (Tsar) and the People. The Biblical order and system of values of the prophetic role is valid in the novel *The Black Council* by Panteleimon Kulish, where the earlier views of the writer-ethnographer on folk religion and the role of blind beggars and prophets-seers in folk literature are present.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

LITERARY FORMULATIONS OF THE PROBLEM OF *SAYABILITY, INTELLIGIBILITY* AND *UNDECIDABILITY* IN 19TH C. RUSSIAN NOVEL AND SHORT STORY (DOSTOEVSKY, TURGENEV AND AN OVIDIAN INTERTEXT FROM THE *METAMORPHOSES*)

KROÓ Katalin

The theme of this paper was chosen for the 9th Congress of the AES (2000, Valencia[1]). The relationship between the title of the section of the Conference – *Sayability, (Un)decidability, Intelligibility* – and the so-called "classical" period of 19th c. Russian literature can be justified by the following peculiarity of the prose fiction in question: in many novels and short stories the problem of *intelligibility* is formulated at the level of the plot. This occurs in such a way that *understanding* as a motif which refers to the *intelligibility* of the aims of a certain character to others may significantly affect the plot-motivation structure of the work. In its most apparent and simplest manifestation, certain parts or great units of the plot sphere may evolve solely around the problem of the *decipherability/decidability* of the words and deeds of certain heroes, a problem which is set as a practical question for the other characters. When this radicalization of the basic hermeneutic situation[2], which is embedded in the plot, with its strong need for someone to achieve authentic knowledge of another person, is carried to its most extreme, the narrative development of the puzzle-solving activity of a character may modify the universe of the plot even to the point of seemingly turning it into some kind of a "detective" story[3].

1.

This is often the case with Dostoevsky, in whose works what may really be at stake – depending on a character's capacity to interpret someone else's words in the spirit of the hidden intentions generating these words – is in practice no less than the gaining or losing of the chance to try to prevent certain crimes (as in a

[1] This paper was read out at the Congress in December, 2000.

[2] By the hermeneutic situation we mean that situation developed in the plot in which the hermeneutic code defined in the spirit of the formulation of R. BARTHES (1970, e.g. 26) reveals itself through its aspect of focusing on an enigma which appears for a character. Cf. F. KERMODE, stating (1980, 87) that the text type with a maximum degree of specialized hermeneutic organization is the detective story.

[3] On the function of creating the "enigmatic" in developing the entertaining quality of the texts of Dostoevsky, see (DAVIDOVICH 1924).

detective story in which, if investigations are carried out well, certain catastrophes can be successfully avoided[4]). We encounter this situation in a dominant position in two novels of Dostoevsky, in *The Brothers Karamazov* and the *Devils.* In *The Brothers Karamazov,* before leaving the scene where the parricide, the crucial event in the plot is to take place, Ivan Karamazov has extensive conversations with his half-brother, Smerdyakov, who will actually murder the old Karamazov. If we believe Smerdyakov's subsequent statement, on the basis of these conversations it should have emerged as an obvious fact to Ivan that the parricide would ensue: "it's you, sir, who're responsible for everything what's happened, because you knew about the murder and expected me to do it, and went away knowing all about it" (736[5]). However, Ivan Karamazov is not able to come to a conscious acknowledgement of the implicit message of Smerdyakov's words in time, so he does not decide to stay there to defend his father. It is only on his return, in the course of the three interviews with Smerdyakov, that he is able to reconstruct the actual contents of the conversations which took place before his departure, that he can really awaken to the consciousness of what he earlier could not grasp intellectually, because Smerdyakov was speaking in a deliberately inscrutable manner, that is demonstrating to a certain extent *unsayable* what he nevertheless intended to bring to Ivan's knowledge. We may recall Ivan's own reprimand, addressed to Smerdyakov after the event: "Why *didn't you say* so more *plainly* then, you fool!" (713). Smerdyakov's false reply is also telling: "How could I have said so more plainly, sir? It was only because I was afraid that I spoke to you, and, besides, you might have got angry." (713). For that matter, during the three interviews Smerdyakov is also speaking ambiguously. We can see the proof of it in these words: "The same thing was at the back of my mind when I talked to you in the hospital, only I thought you'd *understand without me putting it into words*. You see, sir, I thought that a clever man like you wouldn't care to talk of it openly." (722). The *unsaid* (because overtly *unsayable* – Smerdyakov cannot be straight with Ivan telling him that he is expecting some kind of crime for his own personal gain, or later announcing to him that he was the murderer of the old Karamazov) – has the consequence of *unintelligibility*, the *undecidability* of the real sense of the double-talk which deprives Ivan of the ability to see clearly. There, deep down, lie the latent conjectures concerning the real message of Smerdyakov's speech, but they remain trapped in the obscurity of Ivan's subconscious, and so they cannot motivate his decision either to depart or to assume the task of fighting against the tragedy yet to come.[6]

[4] For the differentiation between detective novels and texts about secrets, cf. (SMIRNOV 1988; TODOROV 1980; KERMODE 1980) treating the problem of *secrecy* from the point of view of narrative sequences and placing it in the context of the *fabula* ↔ *sujet* distinction and in that of Lotman's concept of "the origin of plot in the light of typology" (LOTMAN 1979; LOTMAN 1971).

[5] Quotations from "The Brothers Karamazov" are taken from (DOSTOEVSKY 1958 – my italics).

[6] For the detailed analysis of the Ivan–Smerdyakov dialogues see (KROÓ 1991, 13 26).

In The *Devils* we find a similar but differently constructed plot situation, with a solution which is exactly the reverse. The main character of the novel, Stavrogin, is overtly blackmailed by one of his former pupils, the young Verhovensky. In this case the hero understands clearly what his conversational partner means, and the intelligibility of the message prompts him to find a solution to prevent future instances of the appearance of the "Devil", generated by Verhovensky. Consequently, Stavrogin is in an intellectual position where he can decide what to do or what not to do (out of the *intelligibility* of the word follows the *decidability*, that is, the seemingly possible choice of action).

In both illustrations of our topic the theme of *intelligibility*, embedded in the hermeneutic plot situation of the necessity for a hero to be brought to proper understanding, serves as a bridge between two problem spheres. Understanding significantly depends on the *intelligibility* of the *unsaid/unsayable.* With respect to this latter, the sender of the message cannot be explicit either because he does not want to be (Smerdyakov) or because he is not competent to be so, considering that he himself is not in possession of a proper amount of knowledge concerning the personality of the addressee of the message (see how Verhovensky misunderstands the real essence of Stavrogin by hoping to win him over to his demonic cause).

But if we stopped at this point, it would be a too simple, an almost commonplace literary modelling of the semiotic scheme of failed communication. The issue, which makes this model especially interesting from the *literary* point of view, lies in that sphere of the questions where from the problem of the *sayability* of the original message the bridge of the theme of *intelligibility* leads. And where it in fact leads, is nothing other than the problem of the articulation of the decision on the part of the addressee. This decision is partly interpreted as a verbal utterance, as an answer based on the solution of the riddle. (Smerdyakov and Verhovensky expect verbal answers to their words – the "riddle" – representing double-talk in the first case, and undisguised blackmail in the second). But we can also find action-answers on the part of the questioned heroes. The narrative–thematic sequence is thus meaningfully extended syntagmatically: the *sayability* of the message is problematized not only from the semantic perspective of *intelligibility*, but also from that of the *articulation of the answer,* representing a decision in forms of *word* and *action*. In concrete terms, this syntagmatic extension appears with Stavrogin when he meditates on the possibilities of destroying Verhovensky's plans and of giving him an answer by negating the blackmail itself. As a solution, he would be willing to publish his confessions, laying bare his own sinfulness. By discrediting his own person with this publication, Stavrogin would destroy Verhovensky's wicked intrigues which aim at using him for special purposes (KOVÁCS 1985: 244). However, having rehearsed the communication situation of the publication and reception, involving a third person, Father Tikhon as the first "reader" of the confessions, Stavrogin realizes that by the publication of his confessions he cannot express his position (cf. Tikhon's explanation: "The horror will be universal and, of

course, more put on than genuine [ ] The laughter will be widespread." (DOSTOEVSKY 1992: 478). So Stavrogin would not achieve his aim. What afterwards receives a great emphasis in the discussion between Tikhon and Stavrogin, touches upon the peculiarities of the *form*, that is, the *artistic articulation* of the confessions. With this, the point of semantic elaboration turns absolutely into that of the *sayability of the answer* expected from the addressee of the original riddle-message, and also into the question of the *decidability of that sayability.*

The basic hermeneutic situation from which the hero departs in the plot thus alters to a great extent. The epistemological interest shifts to the *form of the utterance of the answer* which is most closely connected with the self-cognition of the creator of this form (e.g. in his confessions Stavrogin originally tries to shed light on his own personality). As a consequence of the syntagmatical thematic extension, the two participants in the initial hermeneutic situation, the person sending the message as a puzzle and the puzzle-solving addressee, become interlinked in two additional respects, not evidently involved in that type of communication situation in which, through the message, the practical action-intentions of the sender must be recognized (that is, not only the code of the message, but also the code of the sender must be deciphered). The first additional moment linking the encoder and the decoder reveals itself in the fact that – as we could see – the decoder is no less obsessed by the possible forms of articulation of the result of his decoding process than the original sender of the message (who, in our example, has used some kind of manipulated talk – different in the two cases – i.e. has chosen a not neutral method of articulation; see double-talk and blackmail). The interpreter himself is emphatically put into the position of message articulation. This message must cover not a simple answer, but rather a decision which functions as a quasi-performative speech act. If crime is legalized by words, it will ensue; if it is forbidden, it will not take place. The answer represents a psychologically and morally evaluable decision which equates to a deed (approves or disapproves a crime), so seemingly determines the possibility of a future action. In its ontological status of an act, this answer, as a verbal utterance, must be, naturally, constructed in a semiotically much more complex, and more highly structured fashion than would a simple verbal answer. This construction involves a kind of *artistic* formulation – in the two cases under analysis in Dostoevsky's oeuvre – a kind of literary utterance. Stavrogin can communicate through his confessions, Ivan Karamazov – through his poem, *The Grand Inquisitor*. This poem, in the hermeneutic situation developed at just the given place in the novel, also counts semantically as a kind of interpretative word. It semantically abstractly refers to the practical situation in which Ivan Karamazov finds himself not only through the conflicts in his family (as a result of which his father can be threatened by murder even by Ivan's second brother, Mitya, and the family must be saved from the sin of parricide), but also through Smerdyakov's later crime-riddle awaiting interpretation. So in a way this literary form as an artistic utterance represents the interpretation process Ivan undergoes at

the given period of having conversations with Smerdyakov, and also in a way lets the reader know of the result of this interpretation. It can be grasped not only in Ivan's announcement of his departure to Smerdyakov, but also in his reciting, to his third brother, Alyosha, *The Grand Inquisitor* and his speaking to him in the plot context of this recital about his departure. Alyosha, the audience of this recital, i.e. the recipient of Ivan's literary work, well understands how this artistic utterance embodies and reflects its author's striving for arriving at authentic self-cognition. With this we have arrived at the second aspect which specifically interlinks the two participants in the initial hermeneutic situation. It is no longer the sender of the original message (e.g. Verhovensky, Smerdyakov) whose "code" must be deciphered. It is also the decoder (e.g. Stavrogin, Ivan Karamazov) who must unmask himself in the process of acquiring knowledge about himself. (In addition to this in both cases there appear new forms of the sender–addressee relation, cf. Stavrogin–Tikhon, Ivan–Alyosha. So in fact, we get the following sender–addressee sequences: Verhovensky → Stavrogin → Tikhon; Smerdyakov → Ivan → Alyosha. These sequences reflect how the addressee – Stavrogin, Ivan – turns into a sender of a new message addressed to a new recipient when he tries to decode the original message and to formulate an authentic answer to it).

To sum up: in both Dostoevskyan cases the initial hermeneutic situation undergoes a meaningful modification. The object of cognition shifts from the message and its encoder to the addressee's person, who must puzzle over the riddle of his own personality. Both as a part and as a result of the changing of the object of cognition, the focus on the form of the initial message is altered. It is the manifestation of the decoding process and of its result, the form of the articulation of the answer to a third person, which comes into focus. This form seems to be a literary form replacing everyday, though not neutral, verbal communication forms (e.g. double-talking, overt blackmailing).

2a.

The semantic weight of certain situations, where the characters must decide upon an action on the basis of their knowledge gained about another person and themselves, is also conspicuously raised in Turgenev's novels and short stories. This situation modelled in the plot is in fact responsible for generating that problem which, according to traditional critical interpretations, is outlined by the lack of the proper deed which should have been chosen by the male heroes of the works and also by the conflict of their *words* and *action*. This latter means that their ideas, as made explicit in their words, would determine that they choose certain forms of action, however they refuse to do so, and in this sense they seem to betray their words. This feature of the male heroes is usually condemned by the critics from an ethical point of view, as it seems to show the feebleness of the characters, which serves only as one more reason for their *superfluousness*. These hermeneutically intensified plot-modelled situations, without exception, put into centre stage the

crucial meeting of a hero and a heroine in a love story. The non-realization of the action manifests itself in the absence of a proper/authentic word with which the hero could either initiate a love experience (e.g. in the *Diary of a Superfluous Man*), or accept the invitation of his female partner to enter into this realm of experience (cf. *Clara Milič – After Death*), or in an even more typical case, with which he could seal his love-commitment for a whole lifetime (e.g. *Asya, Rudin*). It already follows from this very circumstance of the development of the plot that in fact the non-appearance of the adequate *action* on the part of the male character equates to the non-appearance of a certain type of *word*, which means that at a deep semantic level *word* and *action* coincide. However, if we read these scenes more scrupulously, the following peculiarity cannot escape our attention: behind the lack of the *word-deed* (of the acceptance of love in this way or that), there always lies the question of *intelligibility*. And what the traditional critical approach to Turgenev's works in most cases is still reluctant to take into consideration can also be stated firmly and with certainty: the roles of giving a puzzle and solving it are distributed in a much more balanced way between the hero and the heroine, i.e. between the sender of the message and its addressee, than we perceive it to be at first reading and in the way in which it is carried out in the Dostoevskyan instances. In fact, in the love episodes the male and female characters are reciprocally brought face to face with each other; they must confront one another in an equal degree as objects of cognition, the process including the same necessity of self-cognition. We can look here at the double orientation in the love-aspiration of Odincova, the heroine of the novel *Fathers and Sons*: "She was, as it were, eager both to sound *him* and to analyse *herself*" (88, our italics – K. K.). But we can at once continue by quoting the words of Odincova herself, who tries to give an explanation for her failure in love with the male protagonist of the novel, Bazarov: 'You have misunderstood me', she whispered in hasty alarm [ ]: 'I did not *understand you* – you did not *understand me*', Anna Sergeyevna answered him, while to herself she thought: 'I did not *understand myself*, either' (TURGENEV 1972: 183). Behind the conflict of the *calling word* and its *refusal* – let this latter be the heroine's (*Fathers and Sons*) or the hero's (*Rudin, Clara Milič*), there can always be detected a deficiency in understanding. Misunderstanding follows from the unintelligibility of the other and the self, resulting from the insecure scope of sayability.

2b.

One of the most characteristic and semantically richest examples of the poetic problematizations of the interrelation of sayability and intelligibility in the Turgenevian oeuvre can be found in the novel *Rudin*. What is worthy of study here is the interpretation by the heroine, Natalya, of the love confession of the main character of the novel, Rudin. The poetic elaboration is developed within the framework of an intertext established in the semantic space of the relation between the syntagmatic sequence of the love episodes in the novel and the text of Ovid's

Narcissus. Echo from the *Metamorphoses*. This intertext throws light upon the semantic logic of how the problem of the hero's words (in this reading those of Rudin-Narcissus) and of their interpretation by the heroine (by Natalya-Echo) is related to the motif of *sayability*. The scope of meaning of this motif, apart from the different aspects of the *sayability* of Rudin's love-confession, also includes the interpreter's, Natalya's, capacity to articulate independently her individual words (we know that Ovid's Echo is not able to create a new word, she can only repeat those already said by another speaking subject). In addition to this, through its Ovidian intertext the novel can also superimpose the problem of self-cognition (internal understanding of the *self*) on the question of the intelligibility of the external world, the *other*.

In the story of Narcissus and Echo the mutual *misunderstanding* of the heroes is attributable to the lack of self-knowledge on the part of both participants in the communication situation. The insufficiency of self-recognition is identified in fact as a kind of self-ignorance reflected on the plane of word-articulation and word-reception. Both characters interpret their own internal or said utterances as words, separate from them, as words created by the communication partner in harmony with their own message sent or desired to be sent. Narcissus does not recognize in Echo's utterances the repetitions of his own previous words, and interprets them as words created by *another* one, not by him*self*. At the same time, his interpretation of Echo's answer goes along with the spirit of his own message (we know that this is sent to the lost companions and, accordingly, the answer is received as coming from these companions, the addressees of the original message). Narcissus takes Echo's words as a proper answer to the message he sent to the external world. Similarly, Echo is mistaken when she is interpreting Narcissus' words inviting his companions to meet/unite with him as words conveying a meaning which perfectly fits in with the sense of the message she herself would wish to communicate to Narcissus, the beloved young man. Echoing the words of Narcissus "Here we shall meet" (OVID 1960: 97) she is deceived into thinking that she is answering Narcissus' real love-invitation. The source from which both characters' delusion springs is their lack of ability to differentiate the *self* from the *other,* which deficiency appears as an inability to demarcate their *own words* from *those of the other.* In the same way, Narcissus is deprived of the chance to recognize himself in the water-reflection in his main story. By the end of the *Narcissus–Echo* frame-story, both characters have gained that kind of self-knowledge which makes them able to separate the *self* from the *other.* Both stories, the central and the frame, are precisely about this kind of transformation. This bears clear evidence of one important part of the poetic message. The *intelligibility* depends to a great degree on self-knowledge, comprising the capacity for self-recognition. When that system works well, the interpretation can make up even for the loss caused by the significant reduction in sayability. At the end of the poem Echo can no more independently create words than before. Nevertheless, the mutilation of the sayable no longer

hinders the proper communication when Echo and Narcissus, as senders and decoders of different messages, are already endowed with proper self-knowledge. Echo at this point is already well aware of the fact that Narcissus' love is directed towards himself, and his beloved bids farewell to his own image when dying. Then she can take up Narcissus' farewell words and speak with these words to him, when personally taking leave of him. Neither can Narcissus, for his part, neglect the fact that his water-reflection shows the articulation of his own words and not another person's, outside him. In these cases even the unsayable turns into the intelligible. What stands between the two realms is the process of the acquisition of self-knowledge.

It is exactly this aspect of the message which seems to count to Turgenev when he forms his Ovidian intertext. The dialogues between Natalya and Rudin throw into relief, in Natalya's figure, the lack of her interpretative competence regarding Rudin's word. It is Rudin who is again and again inspired to interpret his former love-utterances, not Natalya, the real addressee of these confessions. Alongside this, nevertheless, a very strong parallel is drawn between the two characters, in the insufficiency of their self-knowledge. Since Rudin himself does not properly know his own heart – neither when declaring his love to Natalya, nor when interpreting these declarations retrospectively –, he leads into a false interpretation not only himself but also Natalya who, not at all capable of independently formulating an interpretative word, takes over Rudin's. Similarly to that how in Ovid's history of Narcissus and Echo the characters are misled by the false understanding of themselves and the other, in almost the same way Natalya and Rudin are mistaken in Turgenev's novel. Here the hero's inadequate self-interpretation taken over by the heroine can also be effaced when the lovers finally can together realize that the words conveying Rudin's idea of his being in love represented a misstatement. This coming to an understanding endows Natalya with the ability to create her own independent word about Rudin.[7]

With these examples from Dostoevsky and Turgenev we have attempted to demonstrate what a significant role the motifs of *sayability, undecidability and intelligibility* can play in the forming of the hermeneutic situation in the plot. These motifs not only move forward the plot and show us the characters in the process of their activity of gaining proper self-knowledge. They also work as signals drawing attention to the idea of artistic formulation. They contribute to turning what is unsayable and unintelligible for the heroes into what is sayable in the literary discourse. This is one of the ways the reader is led to a proper understanding of the development of the problem represented by the triad of motifs under analysis.

[7] For a much more detailed description of the structure of the Ovidian intertext and for its interpretation cf. (KROÓ 1995).

Bibliography

BARTHES 1970: Barthes, R., S/Z. Paris: Seuil.

DAVIDOVICH 1924: Давидович М. Г., Проблема занимательности в романах Достоевского // /Бродский Н. Л. (ред.), Творческий путь Достоевского. Сборник статей. Л., 104–131.

DOSTOEVSKY 1958: Dostoevsky, F., The Brothers Karamazov. Penguin Books. Transl. D. Magarshack.

DOSTOEVSKY 1992: Dostoevsky, F., Devils. Oxford, New York: University Press. Transl. M. R. Katz.

KERMODE 1980: Kermode, F., Secrets and Narrative Sequences, Critical Inquiery 7(1), 83 101.

KOVÁCS 1985: Kovács, Á., Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Budapest: Tankönyvkiadó.

KROÓ 1991: Kroó K., A Karamazov testvérek. Alak, cselekmény, narráció, szövegköziség, Budapest: Tankönyvkiadó.

KROÓ 1995: Kroó, K., Проблема бесплодности в романах «Рудин» и «Отцы и дети» // Zödhelyi, Zs., Hollós, A. (eds.), И. С. Тургенев. Жизнь, творчество, традиции. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 114–120.

LOTMAN 1971: Лотман Ю. М., Происхождение сюжета в типологическом освещении // Статьи по типологии культуры, 2, 9 41, Тарту.

LOTMAN 1979: Lotman Yu. M., The Origin of Plot in the Light of Typology, Poetics Today, 1(1 2), 161–84.

SMIRNOV 1988: Смирнов И. П., Литературный текст и тайна (К проблеме когнитивной поэтике), In Lachmann, R., Smirnov, I. P. (hrsg.): Kryptogramm. Zur Ästhetik des Verborgenen. (=Wiener Slawistischer Almanach, 21), 287 299.

TODOROV 1980: Todorov, Tz., Typologie du roman policier, in Poétique de la prose. Paris: Seuil, 9–19.

TURGENEV 1972: Turgenev, I., Fathers and Sons. Penguin Books. Transl. R. Edmonds, I. Berlin.

OVID 1960: Ovidius Publius Naso. The Metamorphoses. New York–London, Penguin Books. Transl. H. Gregory.

Резюме

Литературное формулирование проблемы *высказать слово – понимать слово – выносить решение по слову* в русском романе и рассказе 19 века (Достоевский, Тургенев и интертекст по «Метаморфозам» Овидия)

В докладе в рамках темы, поставленной на международном семиотическом симпозиуме (9-ый Конгресс Общества AES – 2000, Валенция), изучаются различные типы изображения и семантизации *возможности высказывать слово, понимать слово и выносить решение по слову* в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева. Рассматривается, с одной стороны, синтагматическое развертывание элементов, раскрытых аналогичных моделей коммуникации, изображенных в событий-

ном мире романов Достоевского «Братья Карамазовы» и «Бесы», и, с другой стороны, указываются, родственные поэтические структуры в повестях Тургенева «Дневник лишнего человека», «Клара Милич», «Ася» и в романе «Рудин». Под синтагматическим развертыванием обнаруженной коммуникативной модели понимается последовательное переключение от субъекта сообщения к адресату с установкой на атрибуты речеповедения последнего. В центральном месте среди этих признаков стоит *художественная форма* сообщения, сформулированного в ответ на изначальное сообщение, – форма, созидание которой тесно связано с актом самопознания. Освещаются некоторые свойства этого акта, чем и выясняется семантический статус фигуры адресата в изучаемых произведениях, и в этом контексте толкуется комплекс проблемы *возможность высказать слово, понять слово и интерпретировать его в форме выбора действия.* В отдельной части работы разбирается структура коммуникации литературных персонажей в истории «Нарцисс–Эхо» в «Метаморфозах» Овидия, по которой Тургенев оформляет важный интертекст в своем романе «Рудин».

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

В. И. ЛИТВИНОВА

Имя Тимофея Михайловича Бондарева стало известно в литературных кругах в конце XIX века, когда благодаря Г. И. Успенскому и Л. Н. Толстому, появилось в печати его оригинальное писание. Сочинение крестьянина-публициста было переведено на чешский, словенский и французский языки. Запрещенные в России, воззвания Бондарева распространялись в многочисленных списках, так как проблемы, поднимаемые им, волновали всех тружеников земли. Строгий анализ несправедливости жизни, полная независимость в толковании священных книг, искреннее желание добраться до истины человеческого достоинства и, если понадобится, пойти на жертвы ради этого – вот, что характерно для писателя-самоучки Т. Бондарева.

Бондарев Тимофей Михайлович (1820 1889) сын крепостного крестьянина в имении помещика Чернозубова, Нижнечеркасского округа, области Войска Донского. С раннего детства он проявил серьезное отношение к жизни и замечательную любознательность, что позволило ему наладить дружбу с местным дьячком, обучившим Бондарева грамоте. Судя по вольному цитированию, приведенному им в главной соей книге, он знаком с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева, «Потерянным раем» Д. Мильтона, баснями И. А. Крылова, духовной литературой. По воспоминаниям Николая Михайловича Мартьянова, основателя Минусинского музея, Бондарев наизусть читал ему «Деревню» А. С. Пушкина. Чтение книг пробудило в подростке желание анализировать причины жизненных тягот и делать выводы, которые с годами все больше не устраивали помещика Чернозубова. При первой же возможности барин избавился от хлопотного «почемучки», сдав его в солдаты «на тридцать восьмом году жизни, по николаевским законам на двадцать пять лет». Сам Бондарев об этом написал в своем главном труде: «Иду я по дороге и несу бутылку с водой в руках, и мне рассудилось, что эта вода не нужна будет, и я, не останавливаясь, вылил эту воду с бутылкой на ходу. И это случилось против помещичьих ворот, в отдаленности на 200 саженей. Помещик и увидел из окна, что я лил воду против его ворот, признал меня колдуном и чародеем и в том же году отдал меня в солдаты на 38 году жизни моей, по николаевским законам на 25 лет».

Оставив четверых детей на попечение жены, Бондарев прослужил на Кавказе в 26 полку Кубанского войска 10 лет. Среди сослуживцев он прославился большим знатоком в области литературы: комментировал главы

«Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и объяснял, с какой целью помещик отправляет в солдаты сорокалетнего крепостного: «А для такой, что он, начиная с десяти годов, поработает помещику 30 лет, да до десятка детей народит и вскормит, потом начнет клониться к старости, и силы у него слабеть станут, он его тогда в солдаты на 25 годов – ведь это помещику и царю большая польза».

Ошибочно полагая, что иная религия защитит человека от произвола государства, Бондарев отказывается от православия и переходит в иудейство, называя себя Давидом Абрамовичем. Его поступок оказался достаточным предлогом для полкового руководства, чтобы избавиться от опасного пропагандиста прав человека: Бондарева лишили воинского звания, медали и заключили на два года в Усть-лабинскую тюрьму.

В 1867 году военносудная комиссия направляет Бондарева на вечное поселение в Сибирь. Енисейский губернатор определил ссыльного в деревню Иудино. Обилие целинной «неучтенной» земли и трудолюбие крестьянина позволили ему за небольшой срок построить дом, обзавестись семьей, иметь излишки хлеба на продажу. Единственный грамотный на всю деревню, он открыл школу для крестьянских детей и учительствовал в ней на протяжении 30 лет. Одним из первых на месте поселения он стал заниматься орошением полей, выращиванием овощей, о которых сибиряки даже не слышали раньше, сплавлять избыток продуктов по Абакану и Енисею на Север. Даже в самые неурожайные годы земледелец ухитрялся уйти в зиму с доходами. Раздумывая над тем, почему он, вчера унижаемый и бедный батрак, сегодня чувствует себя независимым хозяином, Бондарев приходил к осознанию того, что в основе любого благополучия лежит свободный труд. Свои выводы и предложения по поводу облегчения крестьянской участи он изложил в ряде своеобразных сочинений, которые с некоторой натяжкой можно определить как публицистика.

Гуманистический пафос публицистики Т. М. Бондарева

По содержанию все труды крестьянского философа имеют антиправительственную направленность, что говорит о положительном влиянии освободительных идей дошедших в далекую Сибирь. Конечно же, немощный к тому времени старец не мог разрешить вопросы времени, но в меру своих сил и возможностей он пытался думать над разрешением их вместе с Россией, старался привлечь к ним внимание общественности. Голос его звучал намного слабее, чем, к примеру, у Г. Успенского или Н. Телешева, важнее то, что он не остался в стороне, вместе с ними стремился аккумулировать внимание

читателей на актуальных проблемах века: «Я хочу все то, что лежит на самом дне сердца моего вывести наружу».[1]

Он совершенно правильно понял, что одним из коренных вопросов сложной социально-политической обстановки является проблема земли: «Как у нас ныне, это в 90-х-то годах по всей России всю плодородную при водах землю, сенокосные луга, леса, рыбные реки и озера от людей отобрали и на вечное время помещикам подарили да миллионерам продали, а людей, а еще больней сердцу представить, маленьких их детей отдали в жертву голодно и холодной смерти» («Памятник») .

В решении вопроса о земле прослеживается эволюция демократических взглядов Бондарева. Это был длительный, полный противоречий процесс. Ни хозяйственные заботы и семейные хлопоты, ни болезни, ни общественная и учительская деятельность, и даже ни старческая немощь не заставили Бондарева отказаться от его разрешения.

Первоначально он установил, что виновником крестьянских бед являются помещики, «сущие трутни, которые только поют хорошо, а ничего не делают, только знают одно, чужие труды поедают» («Се человек!)». Уверенный в полном неведении царя о происходящих бесчинствах помещиков, Бондарев считает своим долгом уведомить его и высылает на его имя одно из своих сочинений, которое, конечно же, не дошло до адресата. В тщетном ожидании ответа Бондарев в своих трудах превозносит царя-освободителя, предлагает причислить его к лику святых, организовать сбор средств для сооружения ему памятника, призывает праздновать царский день рождения всем миром.

Ожидание ответа от царя затянулось на годы. Не теряя времени, мужицкий философ неоднократно обращался к губернской администрации с просьбой распространить его идеи человеческого благоденствия. Он писал Прошения и по инстанциям направлял их Енисейскому губернатору. До последнего вместо Прошений приходили Донесения Минусинского окружного исправника: находя в сочинении «В поте лица снеси хлеб свой», «до крайности безграмотном и нелепом, много оскорбительных и поносительных выражений для правительства», он имел честь донести его превосходительству: «Бондарев уже несколько лет занимается исключительно составлением проектов и статей преимущественно обличительного характера», на что губернатор Теляковский отписал: «предлагаю объявить просителю, что упомянутое ходатайство оставлено без последствий»[2].

---

[1] Т. М. Бондарев. Памятник // Архив Минусинского краеведческого музея. Опись 2, дело 11, лист 1. Далее цитируются труды Бондарева, хранящиеся в музее, с указанием в скобках названий рукописей.

[2] Документы цитируются по материалам Красноярского краевого исторического архива за 1893 и 1895 годы.

Пытался писатель-самоучка наладить крепкие связи с местной интеллигенцией в надежде, что она поймет и оценит его многостраничный труд, но взаимоотношения между ними складывались сложно.

Ссыльные статисты, врачи, учителя сочувствовали старцу, но не разделяли его учения о хлебе. Вот как описывает момент общения Бондарева с интеллигенцией К. И. Горощенко: «Особенно памятен мне вечер, проведенный им в доме местного богача После колебаний хозяйка дома согласилась с мужем на приглашение Бондарева «чай пить», т. е. в гости, а колебаться было чему: во всем доме была поразительная чистота и умеренная роскошь; столовая, где собрались несколько человек, прямо-таки сияла, освещенная большой висячей лампой, пол блестел, как зеркало, скатерть на столе ослепляла своей белизной, и вся обстановка комнаты говорила тоном, почти аристократическим. И вот приходит сюда Бондарев. Долго он обтирал сапоги от грязи в передней, дверь в которою из столовой была открыта, и лишь после приглашения хозяйки: «заходи, когда пришел», окончил приведение сапог в порядок и вошел в комнату. Здесь он уже чувствовал себя совершенно свободно, решительно не обращая внимания на окружающую обстановку, и, сидя за чаем, который он пил прерывисто, как бы исполняя неприятную обязанность, стал все с большим и большим увлечением отстаивать принцип работы своими руками и попутно громить тунеядцев, к числу которых должны были отнести себя и хозяева дома. С Бондаревым сперва спорили, но потом отступились, тем более, что он очень повысил голос, и слушатели, чувствуя неловкость, предпочли дать Бондареву излить свою душу вволю: они, по-видимому, хорошо знали старика и хотя не обижались на него, но, понятно, избегали такого собеседника» (ГОРОЩЕНКО К. 1913: 213 214). Как можно заключить из этого отрывка, мужик не робел перед «ученейшими», пытался им внушить необходимость «хлебного труда», не ожидая ответного участия.

Осознав бесплотность попытки достучаться до людей, Бондарев решается обратиться за помощью к богу. Не найдя поддержки у отца православия, он отправляется к противоположному религиозному полюсу. Профессор М. В. Минокин, исследовавший причину перехода Бондарева в иудейство, отмечал: «Надо было очень разувериться в православии, чтобы малограмотному крестьянину, в возрасте сорока лет, которому это ничего доброго не сулило, отважиться на такой решительный шаг» (МИНОКИН 1962: 34). Смена вероучения позволяла Бондареву своеобразно осмысливать Библию и по-своему толковать заповеди: «Бог, хлеб и хлебоделец – это есть вторая, да не погрешишь, если и первой неразделимой Троецею ее признаешь, которая спасает от смерти души и тела наши» («Се человек!»). Злодеяния чиновников Бондарев в это время толкует как бесовщину: «Черт туманит ночью, впотьмах, а ты, правительство, туманишь людей среди бела дня» («Польза труда и вред праздности»). Или, к примеру, во всех писаниях говорится о том, что человеку не оправдаться перед богом, а иудинский мужик утверждает, что

бог сам небезгрешен, более того, прячется от людских бед вместо того, чтобы вмешаться и помочь людям.

Сомнения «хлебодельца» во всесилии бога нарастали постепенно. Если в сочинении «Се человек!» он только размышлял над вопросом: «Если же он, этот Бог, над перворожденным и над первосогрешившим (над Каином – В. Л.) оказал такую лютость, жестокость и немилосердие,.. то можно ли и нам чаять от него какой-либо пощады?», то в «Первородном покаянии» Бондарев уже разоблачает всемогущего: «Бог делает чудеса и волхвы египетские перед фараоном тоже. Но почему же как с той, так и с другой стороны сила чудес одинакова?». Каин построил чудесный город. «А чем и как он построил его, если железных инструментов не было? Это ли не чудеса?». Наконец, разочаровавшись окончательно, Бондарев приходит к выводу: Бог проповедует тунеядство: «птички не сеют и не жнут, а отец небесный питает их» («Польза труда и вред праздности»).

По этому факту из биографии Бондарева сокрушался А. П. Косованов: «Ни Библия, ни Евангелие уже не могли вполне удовлетворить деревенского философа, и он снова стал блуждать в непроходимой чаще беспокойных мыслей, как новый сектант еще не созданной секты» (КОСОВАНОВ 1958: 13).

Без поддержки бога и людей, отказавшихся пропагандировать придуманный им закон всеобщего благополучия, Бондарев не потерялся, не озлобился, а еще более убедился в необходимости своей миссии пророка. Удивляет та прозорливость, с какой он характеризует реформу об отмене крепостного права: «Сегодня людей освободили от страшной той пропасти. Это от власти помещиков, а назавтра землю у этих же людей вчистую отобрали и тем же помещикам отдали»[3]. При всей слабости позитивной программы, публицистика Бондарева выполняла положительную роль, призывая людей заявить свои права на землю, научиться отстаивать человеческое достоинство: «Что мы все стоим перед ними (помещиками – В. Л.) с унижением и молчанием, как животные четвероногие? Надо знать, почему, когда и сколько молчать и унижаться. Теперь выступаю, Бондарев, один шаг вперед и от имени всего класса задаю вопросы » («Спасение от тяжкой нищеты»).

Разумеется, необразованный крестьянин не мог правильно ответить на волновавшие его вопросы экономики и политики, но, в силу своих возможностей, он пытался думать над ними вслух вместе со всей Россией, старался привлечь к ним внимание общественности: «С целью ли я корыстолюбия трудюсь над этим? Нет, без всякого самолюбия».

В сочинении Бондарева ясно ощутимы две ведущие темы: 1) критика недостатков существующего общественного строя; 2) указание спасительного средства для общего благоденствия. Сила трезвых выводов в первой теме растворяется в наивности и мечтательности второй. Для обличения государ-

[3] Из письма Т. Бондарева к Н. М. Мартьянову. // Минусинский краеведческий музей. О. 1, ед, хр, 53, л. 65.

ственности в целом было достаточно критического рассудка публицистапрактика и его отзывчивости к угнетенным: «Как от смертоносного яда и как от ядовитого змея бегаете и за разные углы хоронитесь от трудов, да тех людей, которые до изнеможения работают, признали, чего на свете нету хуже и ничтожней» («Первородное покаяние»). А для указания средств к достижению счастливой жизни одной сомнительной формулы «земледельческий первородный закон» оказалось недостаточно.

Бондарев не обладал качествами глубокого и дальновидного политика, и, осознавая это, стремился лишь заострить внимание читателя на решении той или иной проблемы. Не случайно Л. Н. Толстой писал о главном сочинении крестьянина: «Труд» Т. М. Бондарева кажется мне замечательным и по силе, ясности, и по красоте языка, и по искренности убеждения, видного в каждой строчке, а главное – по важности, верности и глубине основной мысли» (Толстой 1928–1959, т. 25: 463).

Можно предположить, что сильное впечатление на графа Толстого оказало не только созвучие идей, но сила и образность выражения мысли крестьянским сочинителем.

Творческая судьба сочинения «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца»

Начиная с 70-х годов, Бондарев, убедившийся в том, что упорный труд приносит благополучие отдельному человеку, в письменном виде стал излагать свои мысли насчет обогащения уже российской казны, трактовать свои предложения по выходу народа из нищенского состояния. На склоне жизни, натруженными и плохо уже слушающимися руками стал старец большими и аляповатыми буквами выводить рецепты человеческого счастья.

Смысл названия главного труда Тимофея Бондарева «Труд и тунеядство » сводится к утверждению своего права человека донести разумную, спасающую от бед, мысль о всеобщем труде до общественности. Имея уже горький опыт установления «обратной связи» с правительством, Бондарев готовится к затяжному и неблагодарному процессу передачи информации. В своем сочинении он пишет: «Птичка одним коготком попадает в силок и там погибает. Это и со мной может случиться, 99 полезных моих сказаний пройдут молчанием, а на одном слове, которое не замеченное мной, прокралось вредное под видом полезного, на нем остановятся и к нему привяжутся, где я должен, подобно той птичке, погибнуть. Все это я воображаю и перед своими очами представляю, но ревность к истине этот страх во мне уничтожает».

Главная человеческая ценность, по Бондареву, – Земля: «Начиная от Рюрика, первого князя российского, роды и роды наши без всякого набора войска добровольно выходили на очевидную смерть против врагов, где кровь человеческая реками лилась. Попавшимся в плен гвозди под ногти забивали, на горячие сковороды ставили. А за что они – предки наши – страдали?

За землю! Чтоб было на чем будущим родам жить. Близу 250 годов горше лютой смерти страдали в крепостном рабстве. За что? За землю! В казну подать несли – за что? За землю! Безропотно выполняют все налоги – за что? За землю! Дают для защиты отечества своего солдат – за что? За землю!» Далее он задает резонный вопрос: «Кому земля принадлежит, в роскоши утопающим, или в трудах погруженным?».

Бондарев приводит неоспоримые примеры для доказательства мысли о том, что хозяином земли является землепашец. Несправедливость же российская узаконила совершенно иной подход к проблеме, потому и гневается крестьянин: «Я говорил и говорить буду, что земля не вам, белоручкам-помещикам, принадлежит, а нам, крестьянам. Земля с трудом непрерывным канатом связана, т. е. чья земля, того и труды должны быть над нею». «На каком же основании и с каким расчетом вы у нас по всей внутренней Расее землю отобрали и в свою вечную собственность присвоили?». «Да разве не наглость – одному человеку отдать многие тысячи десятин земли, а другой такой же человек, – ему и одной десятины нет».

Несправедливость в определении оценки земли делит весь мир, по мнению Бондарева на «два круга: возвышенный и почтенный а другой – униженный и отверженный». Разделение общества по этому принципу позволяет крестьянскому философу сделать глобальные выводы: «От начала века тянутся труд с праздностью, а хлеб с тунеядством». Бедняки вынуждены, «не щадя живота своего», трудиться и за себя, и за тех, кто не хочет этого делать.

Он пытается призвать к совести хозяев сотен десятин земли, прибегая к эмоциональной мужицкой лексике: «Умилосердись над нами, богатый класс! Сколько тысяч лет, как на необузданном коне, ездишь ты на хребте нашем, всю кожу до костей ты стер. Ведь это под видом только хлеб, который ты ешь, а на самом деле тело наше. Под видом только вино, которое ты пьешь, а на самом деле кровь да слезы наши». И, понимая бесполезность подобных призывов, признает: «Это не догадка моя, а сама очевидность. Нигде не встретишь, чтобы хлебный труд одобрялся, он донельзя унижается, а трудящийся в нем считается хуже всякой собаки».

Люди, по убеждению Бондарева, разобщены правом владения землей. Сделать трудящихся и тунеядцев единомышленниками поможет сплачивающий труд по выращиванию хлеба. В этом должны быть заинтересованы все. Бондарев был уверен в том, что изобрел самый верный способ примирить оба «круга». Нужно только всем одинаково усердно работать на пашне, уметь выращивать хлеб.

Через десять лет ссыльные интеллигенты А. В. Амфитеатров, В. С. Лебедев, И. П. Белоконский, С. Я. Елпатьевский могли ознакомиться с двухсотстраничной рукописью крестьянского философа под названием «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца», в которой мужицкий публицист отстаивает право человека труда на волеизлияние: «Хотя я и не

знатного рода, а не имею ли я права писать, говорить что-либо, трактовать о трудолюбии и тунеядстве? Полное право имею». Еще один экземпляр рукописи ссыльные интеллигенты через посредничество основателя Минусинского краеведческого музея Н. М. Мартьянова переправили Л. Н. Толстому.

Великий граф откликнулся письмом к Бондареву: «То, что вы говорите, это святая истина, и то, что вы сказали, не пропадет даром». Во всех одиннадцати письмах, адресованных Бондареву, Л. Н. Толстой подчеркивал силу, ясность, красоту языка и искренность убеждений, важность основной мысли труда крестьянского философа. Суть ее заключалась в том, что для достижения полного изобилия в стране нужно уничтожить социальное неравенство, уважать человека не за богатства и чины, а за его обязательную долю в хлеборобном деле. Если каждый человек, по мнению Бондарева, будет «два часа в день работать на хлеб», то скоро наступит всеобщее благоденствие.

В последнем письме к Даниилу Бондареву Лев Николаевич писал об его отце теплые и добрые слова, уведомляя, что он «высоко ценил его, как писателя, и любил его, как человека».

В статье для «Словаря» Венгерова он указывал: «Странно и дико должно показаться людям теперешнее мое утверждение, что сочинение Бондарева, над наивностью которого мы снисходительно улыбаемся с высоты своего умственного величия, переживет все сочинения, описываемые в историях русской литературы, и произведет больше влияния на людей, чем все они взятые вместе» (ВЕНГЕРОВ 1897, т. 5: 75).

Граф и крестьянин о заповеди: «в поте лица снеси хлеб свой»

В разгар работы над трактатом «Так что же нам делать?», в котором Л. Н. Толстой поставил ряд вопросов о современном ему политическом и общественном устройстве, великий граф получил от сибирского узника Василия Степановича Лебедева сочинение крестьянина Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или тожество земледельца». Свою концепцию землепашца тот выразил «только в двух словах: во-первых, почему вы по первородной заповеди сами для себя, своими руками, хлеб не работаете, а чужие поедаете? Во-вторых, почему у вас ни в богословских, ни в гражданских, ни в каких писаниях хлебный труд и трудящиеся в нем не ободряются, а до нельзя унижаются?»[4]. Лев Николаевич сразу же заинтересовался сибирским мыслителем и попросил В. С. Лебедева сообщить подробности о личности Бондарева: его звании, семейном положении, религиозном убеждении («хорошо бы было, если бы они ограничивались первородными законами и законами только нравственными, связанными с ним21 (ВЛАДИМИРОВ 1938: 38)). Волновал

[4] Т. М. Бондарев. Труд и тунеядство, или торжество земледельца (рукопись для Г. И. Успенского). ЦГАЛИ, фонд Бондарева, единица хранения 1256/44, Лист 1 20. Далее цитируется по этому источнику. Исключения оговариваются.

великого графа и образ жизни сибирского крестьянина, его настроения. Он просил Лебедева передать Бондареву, что он «совершенно, без всяких оговорок согласный с его учением».

Речь шла не только о хлебе насущном, но о земле и о тех, кто на ней трудится: «От начала века тянутся труд с праздностью, а хлеб с тунеядством земледельцы ненавидят барчуков, а белоручки гнушаются трудящихся. Вот эту-то скрытую в сердцах ненависть я и хочу вывести на середину и представить перед очи всего мира, пусть вселенная вся разберет, кто из них прав, кто не прав, труд или роскошь, хлеб или тунеядство». Автор рукописи уверяет, что обозначенную во вселенских масштабах проблему ставит не корысти ради, а «только по одной чистой и нелицемерной любви ко всему человеческому роду, без различия звания, рода, веры и происхождения, да притом не одному только нынешнему миру. Есть у меня цель походатайствовать не только этим блаженную жизнь, а всем будущим его родам, для скончания века».

Спустя некоторое время Толстой сообщал в письме самому Бондареву о том, что дело людей, познавших истину, исполнять ее, хотя это может затянуться на века: « не скоро деревья растут, а мы их сажаем же их и бережем, и не мы, так другие дождутся плода жатва большая, и одному не сжать. Да коле каждый так-то свое дело сделает, то и сберется жатва хозяина, и не оставит он доброго работника. Только бы не зарывать талант в землю, только бы исполнять волю пославшего нас. А воля пославшего в том, чтобы каждый в поте лица добывал хлеб, и это надо толковать людям, и они поймут это, потому что совесть обличает их.

Желаю вам успеха в вашем деле, оно же и мое дело, и благодарю вас за ваше писание; оно мне было в большую пользу и радость» (В. Л.: Август, 1885).

Рукопись Т. М. Бондарева составляла двести страниц текста и начиналась со 145 вопросов о земле, труде и хлебе.

Земля, по мнению Бондарева, должна принадлежать работающим на ней, а чтобы не было распрей за лучший надел, каждый человек без исключения «тридцать дней в году будет работать хлеб своими руками» и тогда вдохновенный земледельческий труд «соединит вселенную воедино, поставив на путь добродетели» (оп.11, д.11). Врач Сергей Яковлевич Елпатьевский хотел было растолковать старцу, что агроном, доктор, статист – каждый на земле должен заниматься своим делом, привнося общую пользу обществу, но Бондарев стоял на своем, приводя единственный и неоспоримый аргумент: «когда тебе было два года от роду, ты и тогда уже умел есть хлеб, а работать его за столько лет не научился» (ГОРОЩЕНКО Г. 1913: 34).

Бондарева возмущала позиция стороннего наблюдателя, равнодушного к труду землепашца, ибо только этот труд сопряжен напрямую с жизнедеятельностью человека: «Хлеба ради страдают близкие к родам женщины, т. е. еще во чреве дитя, а хлеба ради уже страдает, которого еще не ело.

Малютки в колыбели там же мучаются от ветра и насекомых, все тело обгорело и кровавыми волдырями облилось, никакая рачительная нянька не может спасти его от этого. Семидесятилетние старики и старухи нагнуться не могут, на коленях ползают, а жнут. Семилетние дети также по возможности своей помогают. А тридцати лет, как бык, ходит здоровенный мужчина и весь свой век, заложивши руки в карманы, припевает, да посвистывает и ждет, когда эти бедные страдальцы положат ему в рот кусок хлеба».

Узнав о том, что появились сельскохозяйственные машины, способные заменить тяжелый труд хлебороба, Бондарев в первую очередь поинтересовался, доступны ли по цене они окажутся крестьянам? Местные интеллигенты объяснили крестьянину, что пока техника, конечно, очень дорогая, но создатели ее, несомненно, были отмечены правительством. Бондарев обиделся: «Если кто сделает незначительное и маловажное изобретение – вы удостаиваете его награды медалью с надписью «За трудолюбие и искусство». Было ли от начала века, кто бы получил за хлебно трудолюбие и искусство награду? Не было! Из бедных людей, у которых до десятка детей малых, отец и мать – дряхлые старики, и они их кормят, да еще из одного и продают частицу на подати и другие домашние надобности, получили ли из них хотя бы из тысячи один? Нет!»

«Народный заступник» чувствует личную ответственность за устройство благосостояния народа. В своих посланиях Бондарев без обиняков обращался к правительству, по его уразумению, отлынивавшему от своих прямых обязанностей, с требованием решить земельный вопрос: «Ты, правительство, как меня, Бондарева, признаешь: умным или глупым? Хорошим или полезным? Это твое дело, а я себя признаю верным ходатаем о благополучии всего мира, т. е. разыскиваю меры и средства, чем и как избавиться от нищеты. А это дело не малое, важное, его не всякий и не каждый не вдруг и не сразу сделает».

Сибирский правдоискатель предлагал признать крестьянство полноправным хозяином земли, уважать и по заслугам оценивать его нелегкий, но такой важный в масштабах государства труд. Один из немногих, он отказался от приниженного раболепия перед правительством, обращаясь к нему «на ты»: «Если же тебе помещиков и других богачей жалко, то вынь из своего кармана да дай ему. Нет, для тебя своей собственности жалко, потому из чужого кармана тащишь и тем искренних своих друзей даришь, т. е. последний кусок хлеба у бедного человека с рук вырвешь (это землю) и тем друзей своих одаришь. Ты своим добром подари его».

Так, добиваясь «истины, правосудия и милосердия друг к другу», Бондарев боготворил земледельческий труд. Не ради наслаждения, не в силу необходимости, не во имя искупления какой-либо вины, а как первородный закон: «Прошу вас, други мои читатели, в продолжение чтения этого не упускать из вида того, что будто бы я один только хлебный труд ценю дорого, а

прочие и прочие труды признаю дешевыми. Нет, прошу не воображать этого. Все труды полезны, и все они душеспасительны, но тысячу тысячей и тьмы дороже всех хлебный труд, потому что в нем состоит жизнь, а кроме его голодная и долго мучительная неизбежная смерть». Вот почему он «горячей огня пек и холодней мороза знобил» инертное правительство.

Прочитав рукопись сибирского мыслителя, Лев Николаевич Толстой писал В. С. Лебедеву: «Вчера я получил через редакцию «Русской мысли» рукописи Бондарева, присланные вами. Мое мнение, что вся русская мысль (конечно, не журнал) с тех пор, как она выражается, не произвела с своими университетами, академиями, книгами и журналами ничего подобного по значительности, силе и ясности Это не шутка и не интересное проявление мужицкой литературы, а это событие в жизни не только русского народа, но и всего человечества. Вчера я прочел рукопись в своем семейном кругу, и все встали после прочтения молча и пристыженные разошлись. Все как будто знакомо, но никогда не было так просто и так ясно выражено, без того лишнего, что невольно входит в наши интеллигентные рассуждения21 (ВЛАДИМИРОВ 1938: 38).

В письме от 16 августа 1885 года Лев Николаевич уведомлял Бондарева: «То, что вы говорите, это святая истина, и то, что вы сказали, не пройдет даром; оно обличит неправду людей. Я буду стараться разъяснять то же самое» (ТОЛСТОЙ 1928 1959, т. 63: 276). Другу своему, П. И. Бирюкову, Лев Николаевич признавался: «Очень уж пробрал меня Бондарев. Я не могу опомниться от полученного впечатления».

Общественный идеал самоучки-публициста – всем трудиться на общей земле – был близок Толстому, перешедшему к тому времени на позиции патриархального крестьянства. Он разделял негодование земледельца по поводу тунеядцев и пытался успокоить Бондарева, убеждая его во всепрощении: «И не тужите и о том, что ваши близкие вас не понимают и не ценят. Что вам за дело? Вы ведь не для славы человеческой трудились. А дело ваше принесло плоды и принесет, только не придется нам видеть их и вкусить от них. Я знаю по себе, что ваше писание много помогло людям и будет помогать. А чтобы сразу все так сделалось – этого нельзя и ждать не надо. Заставить всех силком трудиться никак нельзя потому, что сила-то вся в руках тех, которые не хотят трудиться» (ТОЛСТОЙ 1928–1959, т. 63: 332).

Вместе с тем Л. Н. Толстой заверял Бондарева в том, что постарается издать книгу крестьянина: «приложу все старания, чтобы она была напечатана, как вы хотите, без всякого приложения и отнятия. Из вашей статьи я почерпнул много полезного для людей, и в этой книге, которую пишу об этом же предмете, и упомянул, что я почерпнул это не от ученых и мудрых мира сего, но от крестьянина Т. М. Бондарева.

Я думаю так, что если человек понял истину и высказал или написал ее, то она не пропадет. Плохой тот пахарь, который оглядывается назад: много ли он напахал».

В 1888 году Толстому удалось в сокращенном виде напечатать мысли Бондарева под заголовком «Трудолюбие, или торжество земледельца» в №№ 12 13 журнала «Русское дело». В Предисловии редактор замечал: «Сочинение почтенного старика-земледельца имеет и свои несомненные достоинства. По мысли оно интересно как протест против того неуважения, с каким наше необразованное общество и государство относится к земледельческому труду. По форме – как удивительно простое и поэтическое произведение, полное чарующей искренности». Номера этих журналов были уничтожены сразу после их выхода, а редактор «Русского дела» получил предостережение от министра за его «вредное направление». Узнав об этом, Бондарев выразил Енисейскому губернатору в письменной форме свое крайнее возмущение: два великих литератора, Глеб Успенский и Лев Толстой «на всевозможные лады хвалят, превозносят, выше облак поднимают и всему свету показывают одобрение моему учению, с целью пожелания обратить всю вселенную на сказанный путь благочестия» в книге, которую в глаза никто не видел. Стало быть, «похвалу, одобрение и возвышенность моему сочинению печатать можно, а самого учения, т. е. ту вещь, которая одобряется, в свет выпустить нельзя».

Практичный крестьянин предпринял попытку лично встретиться с авторитетным писателем и договориться с ним о частностях в распространении своего главного труда. Запасшись сухарями и вяленым мясом, он по весенней распутице сумел преодолеть ледниковые вершины Алатау, переночевать в доме города Кузнецк, где жил в 1858 году Ф. М. Достоевский, полюбоваться старинной крепостью, построенной по приказу Петра I шведскими пленными. Но, к сожалению, местные полицейские чины не поняли объяснений крестьянина, не осознали необходимости его встречи с графом и вернули ходока в Иудино, где его уже ждало обвинение «в безвестной отлучке» (ВЛАДИМИРОВ 1938: 42–44). Оставалось обращаться к Толстому только в письмах.

Между тем Лев Николаевич предпринимает попытку напечатать труд сибирского мыслителя за границей. Спонсором стал известный в Сибири меценат И. М. Сибиряков, который обговорил условия с издательством Фламариона в Париже. Посредниками между издательством и Толстым стали братья Эмиль и Амадей Пажес.

Пажесы издали книгу Бондарева на французском языке с предваряющей статьей Л. Н. Толстого «Труд и теория Бондарева» под названием «Мужик Т. Бондарев». Первый экземпляр этой книги Бондарев не получил, так как минусинская полиция отрицательно была настроена на незнакомый иностранный текст. В августе 1895 года Толстой писал Бондареву по этому поводу: «Очень сожалею, что французский перевод твоего сочинения, послан-

ный дочерью в Минусинск, пропал, а до сих пор мы еще не добыли нового. Постараюсь при случае приобрести и тогда пришлю. Книгу мою «Царство божие внутри нас» желал бы прислать тебе, да боюсь, как бы не перехватили и не пропала бы. В том, что пишешь о том, что суд будет не внешний, а внутренний, я согласен и так же думаю. Пожалуйста, напиши мне, что имеешь важное сказать. Жить нам остается немного, и что имеешь сказать, надо поскорее и повернее выговаривать, пока еще живы». Спустя только пять лет после выхода «Мужик Бондарев» на французском языке экземпляр нашел своего тезку, но понадобилось еще три года, чтобы Бондареву перевели книгу. Он прочел перевод и остался очень недоволен этим обстоятельством: «Как ссудомлена да исковеркана!». В письме к Душану Петровичу Маковицкому от 6 октября 1898 года Бондарев объяснял неудачу перевода: Л. Н. Толстой «делал выборку с полного моего сочинения и представлял за границу для печати не сам, а поручил там какому-то который ненавидит как наш земельный труд, также само хлебоделие, потому ему писать так, как у меня написано, это он признает низким для себя, и у самого толку нет, как хуже быть не может, а Л. Н. проверить, чего и как он там написал, времени недостало, потому он так и отправил его за границу для печатания».

Прослышавший о реакции автора на французскую редакцию книги, Лев Николаевич в письме (от 11 сентября 1898 года) успокаивал Бондарева: «Напрасно ты думаешь, что книга твоя переводом испорчена. В ней переведено все самое существенное Переведена же она на французский язык прекрасно и читается хорошо. От души желаю тебе душевного спокойствия и в жизни и в встрече близко уже предстоящей нам смерти ».

Пророчество великого графа сбылось: адресат не успел получить письма. После трехдневной болезни он умер третьего ноября 1898 года.

Обещание ознакомить читающую публику с мыслями крестьянского философа-самоучки Толстой сдержал и «необыкновенную правду» мужика великий граф выполнил прежде всего в своих статьях «Конец света», «Обращение к русским людям», «Великий грех», в которых лейтмотивом провел мысль об отчуждении земли у помещиков и передачи ее крестьянам.

Так два социально полярных человека, находящихся в разных регионах огромной страны, были охвачены единым порывом идеи: «хлебным трудом» обеспечить людей материальным достатком и моральным уважением общества, явив при этом пример ценнейших человеческих качеств, верность убеждениям и дань литературному таланту.

Художественно-эстетическая значимость главного труда Т. Бондарева

«Русскому делу» не случайно стиль «Труда» Тимофея Бондарева показался близким «к Даниилу Заточнику, Протопопу Аввакуму и т. п. Нам эта рукопись живо напомнила древние произведения народного творчества,

ставшие историческим достоянием нашей литературы. Есть еще на Руси уголок, где в полной силе царят простота и искренность XIV–XVI веков: голос оттуда».[5]

Отталкиваясь от тезиса «правительство России не способно победить нищету», писатель-самоучка всеми средствами языка и доступными автору способами пытается убедить читателя в правильности найденной им формуле человеческого благоденствия.

Само начало рукописи чрезвычайно динамично, с представлением сути проблемы: «Во-первых, прошу и умоляю вас, читатели, не уподобляйтесь вы тем безумцам, которые не слушают ЧТО говорит, а слушают, КТО говорит». Свежесть жизненных фактов и непосредственность в их изложении придают сочинению страстную заинтересованность в решении актуальных вопросов. Так, передав в собственной интерпретации миф о гордиевом узле, Бондарев проводит аналогию с «первородной заповедью «в поте лица твоего ты будешь есть хлеб твой»: «Переворачивает его вся вселенная от начала века вверх и вниз, на ту сторону и на другую, а конца никто не находит, то есть с жадностью едят хлеб, а кто его производит в свет, того не воображают А кто к тому причинен, что не признают труды крестьянина-земледельца? Конечно правители всех законов».

Своеобразие стиля автора заключается в его манере перемежать свой монолог с речью воображаемого собеседника, будь то «небесный посланец», «помещик» или же «всеученый»: «Говорят астрономы, что есть бесчисленное множество таких же планет, как наша земля, носятся выше нас на воздухе, которых кроме прозрительных труб, простыми глазами видеть не можно, и на них есть жители, а какие – неизвестно. Можно думать и даже оставаться в той уверенности, что это подобные нам люди. Теперь представим пред наши очи так: вот сошел с одной из этих планет к нам на землю человек, имевший неограниченную и бесконечную власть, и спросил меня, Бондарева, первого:

– Как у вас делается на земле, все ли хорошо – богу угодно и людям полезно? Говори истину.

– У нас, – отвечаю я ему, – у нас глупые люди умных людей хлебом кормят и от голодной смерти спасают».

Или:

– Как же губернаторы нам говорят, что никаких прав нет от помещиков землю отобрать, потому что это их вечная собственность? – спросил я у них.

– Да они вас туманят! Почему и откуда она наша, помещицкая? Скорее же всего она ваша, потому что вы всю вселенную хлебом кормите, а мы и на одну крошечку на нее прав не имеем.

– А если вы признаете ее нашей, то и отдайте всю землю людям.

---

[5] Русское дело. 1888. № 12.

– Нельзя, – ответили они.
– Почему?
– Потому что тогда признают нас бунтовщиками и мятежниками »

Особую эмоциональную окраску речи придают при этом риторические вопросы, патетические, но всегда искренние тирады автора и прямые обращения к читателю: «А что будешь делать? Куда пойдешь? Кому скажешь? Где правды, покровительства и защиты найдешь? Пойти до бога – высоко, до царя – далеко». Вероятно, здесь можно наблюдать текстовую перекличку с песней К. Ф. Рылеева «Ах, тошно мне»:

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

Удивителен сам факт обращения малограмотного мужика к литературному приему, известному еще со времен Вольтера: для более четкого выражения своих мыслей Бондарев беседует с инопланетянином, который в силу своих установившихся уже «праведных» представлений удивляется общественным порядкам на Земле и пытается установить истину в разговоре с собеседником. Вопросы им задаются в такой последовательности, которая позволяет через ответы уточнить социальную значимость ситуации:

– Я слышал стороною, что будто бы у вас на Земле глупые люди умных людей хлебом кормят?
– Верно.
– Какие люди признаются у вас умными: те, которые кормят, или те, которые чужие труды пожирают?
– Те, которых кормят.
– Позволительно ли это?»

Вместо небесного посланника Бондарев часто ведет диалоги с правительством, с которым ведет разговор с позиций праведника: «Помни, правительство, и никогда не забывай, что я хоть и не пророк, а мое сказание мимо не пройдет. Ты хочешь это послание к тебе уничтожить, – нет! Оно скорей тебя уничтожит, из книги живых *изгладит* и в книгу смертных запишет. Не поможет тебе твоя знатность, не спасут тебя красноречие и хитрость, не защитит тебя и золото, которое на тебе навешано!»

Многократно перечитанная церковно-славянская литература обогатила сочинения Бондарева легендами, библейскими образами: муки распятого Христа напоминают ему страдания закабаленного и обманутого народа, на примерах судеб Авеля и Каина обличается тунеядство и восхваляется трудолюбие.

Обильные авторские отступления раскрывают личностные качества писателя-самоучки: «Я, Бондарев, был работник такой, что если косят хлеб на крюк, где пять разов отрежет косою сноп, тут нужно хорошим двум работникам успеть снопы вязать за одним косарем, а я один успеваю и при том чисто и снопы крепкие, и даже с косы граблями хватаю »; «Я в этой деревне Иудиной был 30 годов учитель грамоты, поэтому и признал себя имевшим право присоветовать и указать многое»; «Если бы я, Бондарев, имел у себя столько земли, как у вас помещики, нагло у людей отнятой, тогда бы отдал я сыну своему завещание такое: когда умру я, то не погребай меня в землю, а сожги на огне, так, чтобы и прах мой развеяло ветром, или навяжи мне в десять пудов камень на шею и брось *в пучину морскую,* где вода над землею идет, там мне легче будет, нежели лежать в земле, пропитанной слезами и кровью бедных людей и маленьких их детей».

Это вот «пучина морская», пришедшая в сочинение Бондарева из устного народного творчества, является еще одним подтверждением неожиданно яркой образности стиля «Трудолюбия », отчасти объяснимой разговорным языком сочинителя и употреблением им диалектизмов. Как уроженец Дона, он познал говоры земляков, жизнь в Сибири дополнила его словарный запас новыми лексемами. Синтез говоров различных регионов придал повествованию Бондарева своеобразную звуковую комбинацию: «забалаки разные», «тигрские когти», «был бы я какой-нибудь заугольник», «воробьи зачверенчали» (прочие поразившие автора статьи своей необычной красочностью слова и выражения из «Трудолюбия » обозначены в тексте курсивом. – В. Л.).

Не может не восхитить читателя (при всей в целом громоздкой для нашего современника речи крестьянина-философа) емкость народных выражений, впитавших фольклорные элементы: «Я за то только признаю себя виновным, что не умею или не хочу перед людьми вертеть языком, как собака хвостом»; «Один ленивец Пермикин (Владелец Абаканского железоделательного завода. – В. Л.), как дверь на петле проворочился на своем ложе всю жизнь»; «Все погибло и все это исчезло, как птица пролетела – следу нету»; «Пчелы трутням крылья подсекают, чтобы их трудов – меду – не ели. Вот дошла и наша очередь до вас, трутней, и мы вам посекли крылья, чтобы вы наших трудов – хлеба – не ели»; «Умилосердись над нами, богатый класс! Сколько тысяч лет, как на необузданном коне, ездишь ты на хребте нашем, всю кожу до костей ты стер».

Обилие пословиц и поговорок подтверждают подмеченную Толстым мужицкую мудрость публициста-самоучки. Больше того, они раскрывают авторскую позицию в решении принципиальных вопросов, показывают осведомленность Бондарева в разных аспектах политики, философии, литературы, религии: «Отцы ели торопцы, а на зубы детей их оскомина попадает»; «Низкий класс, который, по слову пророка, как овца на заколение ведеся и как агнец пред стригущим его безгласен, так не отверзает уст своих»; «Вы

нас за какую-то безделицу в каторгу присуждаете, почему же вы себя не судите? Как и сказано: в чужом глазу спицу видишь, а в своем целого бревна не чувствуешь»; «Какой-нибудь шарлатан обошел деревню бороздой – и курица не переступи»; «А он такой, как говорится, трем свиньям есть не даст», «На безрыбье, говорит пословица, и рак рыба, и на безлюдье и Фома человек. Потому и в нашем классе как лучшего писателя нету, затем-то и я хороший». Последняя цитата – замечательный образец авторской иронии и мужицкого лукавства.

Пословицы и поговорки, встречающиеся в рукописи, представлены одной смысловой группой: «от праведных трудов не наживешь каменных домов», «не пусти души в ад, не будешь богат», «золото и среди грязи видно», «на мужике зипун сер, а разум его черт не съел».

Знакомство Бондарева с произведениями Ивана Андреевича Крылова также благотворно повлияло на творческую фантазию крестьянского писателя: «Да тот же помещик, которому ты не одно столетие *туне* работал, он себе в свою собственность присвоил по правилам и законам *Крыловой басни.* Все те звери, которые когтями или зубами были богаты, все они правы, чуть не святы, тигры и волки на смиренного вола подняли толки, и они его задушили и на костер свалили. А что будешь делать, если нет правосудия на свете!»; «Я, Бондарев, подобен коню Крылова, который во всю жизнь в тяжких трудах измученный»; «*Мильтон, сочинитель «Потерянного рая»,* кажется всем, всем известно, сколько он выражался о тогдашних событиях »;

Самокритично заметив, что науку крестьянин освоил лишь «только от Аза до Ижицы, а не далее», Бондарев скромно умалчивает достаточную осведомленность в областях истории, литературы, астрономии, экономики. Характерно, что передает он эти сведения в собственной интерпретации, преследуя цель доходчивее объяснить свою идею первородной хлебной заповеди: «Передают историки: когда собирался Александр Македонский завоевывать великое царство Азию, тогда некто, именем Гордей, хитрец, он же провидец, завязал узел и положил в сборной палате на столе и при этом сказал: «Кто этот узел развяжет, тот и Азию царство получит». Тогда все бывшие при этом подумали, что в развязывании узла трудов мало, а в получении царства пользы много, потому с жадностью бросились его развязывать, Но сколько ни переворачивали его вверх и вниз, на ту сторону и на другую, конца не нашли. Входит в эту палату Александр Македонский, не сказавши ни кому ни слова и не взявши узла в руки, вынул свой меч и разрубил его на столе лежавши. Тогда не один, а многие концы оказались, и по предсказанию Гордееву без понесения трудов получил царство Азию». Этот эпизод, по мнению автора, как нельзя лучше подходит для доказательства его мысли: «Так же и узел, завязанный первородною заповедью: «в поте лица твоего будешь есть хлеб твой». Переворачивает его вся вселенная от начала века

вверх и вниз, на ту сторону и на другую, а конца никто не находит, то есть с жадностью едят хлеб, а кто его производит в свет, того не воображают».

Притча о царе Констатине, убившем брата своего «без всякой причины, по одной только ненависти к нему», вводится Бондаревым в текст главного труда для того, чтобы лейтмотивом звучащая фраза «это кровь моя, которой ты жаждал, напейся, братец» подчеркнула неотвратимость пробуждения совести и прежде всего у власть придержавших: «Да и у тебя, правительство, всегдашние пиршества до полусмертного сна прибаюкали совесть вашу».

Диалог с пришельцем помогает автору передать свою боль: «Толстой сделал с нее (рукописи «Трудолюбия..» – В. Л.) самую маленькую выборку и представил в редакцию, ее начали печатать в газетах, а в газете ли ей место? Которые по прочтении идут в отхожее место или на утирку носа, ей приличное место во святая святых. Вообрази, небесный посланник, да не горько ли душе его, да не больно ли сердцу его получать за это добро – зло, за любовь – ненависть, да при том от кого же? От своего правительства. Вот шесть рукописей, во всякой из них по 200 неотрезных листов, да еще два раза столько листов вышло у него черновых бумаг. Сколько тут – можно представить – было трудов ему, да притом среди забот и попечений житейских, а пишет он тихо, едва рука движется, а что его к тому побуждает? Пламенная любовь к народу!»

Свою экономическую программу земледелец излагает в цифровых расчетах (разумеется, в силу малограмотности автора, весьма приблизительных – В. Л.): «У нас в России 120 миллионов людей; теперь положим, так: вас, удалившихся и за разные углы похоронившихся от трудов, найдется 40 миллионов, да у нас старых да малых, больных и калек найдется 50 миллионов. Законом положено 3 фунта на человека на один день. Но я полагаю на всякого человека 2 фунта на один день; на всю Россию 6 миллионов пудов, а на год 4032 миллиона пудов. Это кроме того, что поедают птицы и животные, идет на винные заводы и за границу, тут еще такая же цифра найдется, т. е. 8064 миллиона пудов, да нужно же иметь в виду и то, что не во всякое время и на всяком месте бывает хороший урожай, а можно полагать, что половина наших трудов бесследно погибает, это составит 34600 миллионов пудов всякий год – обрабатывают руки наши хлеба». Можно ли неуважительно относиться к земледельцу, ознакомившись с такими расчетами? Тем не менее, Бондарев приводит конкретные примеры из собственной жизни, типичные для эпохи презрения к человеку труда, красноречиво подтверждающие душевную жестокость «хозяев земли»: «В 1874 году, в августе месяце, на закате солнца, иду я с уборки хлеба. Первое – от преклонных годов, а второе – от тяжких дневных работ едва ноги передвигаю, а дорога моя состоит из пяти верст. Едет навстречу мне один мало-мальски знатненький господин на легком тарантасе, облокотился на красные подушки лицом на мою сторону; я, не поравнявшись с ним пять шагов, снял шапку и ему поклонился. И что же? Он на мой поклон ни рукою, ни головою никакого признака в ответ не сделал, а

только с каким-то омерзением с подлоба взглянул на меня. И этот варварский его поступок против меня, как острый нож, прошел сквозь сердце мое и убил печально нестерпимую мою душу. Вот это был первый толчок, принудивший меня принять на себя труд этот».

Часто встречающиеся в тексте сочинения сравнения также имеют ярко выраженную социальную окраску, что эмоционально усиливает смысл авторской проповеди: «Между всеми животными, кровожадными зверями и птицами, в водах и на суше, не делается такой обиды друг другу, как на этой земле делается между человеком и человеком»; «низкий класс, как овца на *заколение* ведеся»; «все исчезло, как птица пролетела – следу нету »

Просторечие автора «Трудолюбия » выдает желание Бондарева разъяснить и распространить в массах земледельческий первородный закон. Порой речь повествователя становится неуклюжей и грубоватой: «Читатели, как нам назвать того человека, который не то, чтобы кормить – сам без крайне неуважительных причин вечно труды пожирает да притом только под видом денег, а на самом деле кровь с бедных людей высасывает. Как назвать этого дармоеда, – вот вопрос?»; «Если бы я, Бондарев, был бы какая-нибудь не шутейная шишка на свете »; «Гром бьет ни с одной тучи, а часто с навозной кучи»; «вот и толкуй с ним, с истуканом».

Вместе с тем, в одном ряду с подобным набором фраз встречаются и ласкающие слух словосочетания: «обида незабвенная», «приговор слаще меда», «дрожащий от бешенства голос», «лицо, покрытое скорбью печали» и др. Строки некоторых страниц являют собой едва ли не образцы поистине высокой классической поэтики: «О, други мои, читатели и слушатели, да если бы я не один язык имел, а много, и говорить бы хотел, и тогда не можно было подробно поведать все горести те, изнемогут всякие уста человеческие изъяснить муки те. Плакали эти миллионы мучеников неутешно, да никто не утешал их, вопили они с глубокой той пропасти, да никто не слышал их; да и бог, как видно, в те века закрылся облаком, чтобы не доходили к нему вопли их. Словом, были эти миллионы людей в земле темной, в земле мрачной, в дальнейших частях и *узилищах* адовых»; «О! Услыши хотя ты, правосудное небо, и внуши ты, мать и родительница наша хлебородная земля Услыши хотя ты, земля, стенания и тяжкие воздыхания помянутых мучеников. И взглянешь ты, родительница наша, на слезы и на рыдания маленьких их детей, которые плачут неутешно, просят у отца с матерью хлеба и не получают».

В последние годы жизни Бондарев приходит в отчаяние: близился час смерти, а он так и не увидел свой первородный закон в действии. В сочинении «Спасение от тяжкой нищеты» он записал: «Вот уже 20 годов ходатайствую об этом Как в мертвые руки подаю, как в слепые очи показываю, как в глухие уши говорю – ответа нету».

Убедившись в невозможности передать свое завещание через печатное слово, Бондарев остаток жизни посвятил просветительскому оборудова-

нию своей могилы. К вырытой яме он из хакасской степи за десять верст притащил два огромных плитняка, на одном из которых высек воззвание хлебороба к потомкам: «Все это я пишу не современным жителям, а тем будущим родам, которые после смерти моей через 200 лет родятся. Почему так? Это потому, что во всякого человека воображение такое, что все люди хорошие и даже святые, которые прежде нас были, также и те хорошие, которые после нас будут, а при нас негодяи. А также и я, Бондарев, живши на свете, был негодяй. А теперь вот как прошло не одно столетие со дня смерти моей. Вот теперь, как имя мое исчезло и память изгладилась с лица земли, вот теперь и я хороший и всякого уважения достоин. И еще: когда человек желает почестей, бывши живым, тогда его ненавидят и гнушаются им, а когда умер, теперь ему почести не нужны, тогда эти же недоброжелатели на руках несут его к гробу. Это от жизни к смерти, от света в тьму »

На второй плите начертал: «Памятник»: «Благодарю, благодарю и еще благодарю вас, други мои, за то, что вы вспомнили обо мне и пришли посмотреть на устройство при могиле моей, и при этом было бы всем известно, читатель, что все это я, покоившийся Бондарев, писал и устройство делал на 80-м году жизни моей, своими руками Я признаю себя сам (это кроме похвалы о себе) верным и нелицемерным ходатаем о блаженстве всего мира, т. е. разыскиваю возможность, чем и как избавиться им от тяжкой нищеты». Далее Бондарев высказывает мысль о том, что спасение от нищеты не в деньгах: «Дай ему рубль, и два, сто и тысячу рублей, он в короткое время их израсходует, а сам как нищий был, так нищим и останется», будь он трезвенником или пьяницей – все едино. «Я со своей стороны разыскал верное спасение от тяжкой нищеты. Вот оно: «в нищете погрязший человек,.. удесятерит охоту к трудам с целью достижения вечных благ, все эти труды будут казаться легкими, усталости этот человек чувствовать не будет, и сон убежит от глаз его, и заживет на свете фертом, припеваючи, и признается всем миром и правительством честным и благородным человеком ». Не забыл Бондарев напомнить потомкам о том, что он свое средство благоденствия увековечил в 3500-х листах, исписанных «тихим почерком». Последняя фраза на памятнике гласит: «Прощайте, читатель, я к вам не приду, а вы все ко мне придете».

Литература

Венгеров 1897: Венгеров С. А., Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Санкт-Петербург.

Владимиров 1938: Владимиров Е. И., Тимофей Михайлович Бондарев и Лев Николаевич Толстой. Красноярск.

Горощенко Г. 1913: Горощенко Г., Т. М. Бондарев // Исторический вестник. Июль.

Горощенко К. 1913: Горощенко К., Давид Абрамович Бондарев // Исторический вестник. №7. Июль.

Косованов 1958: Косованов А. П., Т. Бондарев и Л. Толстой. Абакан.

МИНОКИН 1962: Минокин М. В., Лев Толстой и крестьянские писатели. Тула.
Толстой 1928–1959: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Москва–Ленинград.

Использованные рукописи Т. Бондарева:

Из архивов Минусинского краеведческого музея:
Се человек! Опись 2, дело 10.
Памятник. Опись 2, дело 11, лист 1 10.
Первородное покаяние. Опись 2, дело 12.
Польза труда и вред праздности. Опись 2, дело 11, лист 10 50.
«Труд» (обратный перевод с французского). Опись 2, дело 13.

Из отдела редкой книги Красноярской краевой библиотеки, фонд Юдина, опись 1977 года:
Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца.
Гордиев узел.
О любви к ближнему от начала века на свете небывалой не будет.
Спасение от тяжкой нищеты.

Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве., Фонд Бондарева, единица хранения 1256/44, лист 1–20.
Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца (рукопись для Г. И. Успенского)

P. S.

Рукописи написаны старцем, не имеющим представления о нормативной лексике, тонкостях грамматики и синтаксиса. Цитирование сочинений Т. Бондарева приводятся с соблюдением особенностей его стиля и слога, при этом учитывается современная орфография. Знаки препинания расставлены в таком порядке, какой способствует пониманию фразы. В процессе цитирования допущены некоторые сокращения повторов и неблагозвучных предложений.

Abstract

Triumph of the Ploughman (Tolstoy and Bondarev)

In her present study, V. I. Litvinova introduces T. M. Bondarev, a figure widely discussed in the international specialist literature on Tolstoy. In the article, the Siberian writer's biography is presented together with a description of the fate of his main work, whose aesthetic and artistic significance is also analysed. Special attention is paid to the controversy about the main religious dogmas shared by Tolstoy and Bondarev.

T. M. Bondarev was a peasant-prophet who held the view that manual labour was indispensable for one to live a sinless life. Bondarev advocated the immutability of the divine commandment to earn one's bread with one's own hands (21In the sweat of thy face shalt thou eat bread21), a principle on which a just economic system should be based. In the preface written to Bondarev's book, Tolstoy finds its main message in two moral laws: 21earn your bread by labour21 is the first and 21resist not evil by force21 is the second.

The published documents in the article are unique because they have been found in the archives of provincial museums, which makes them extraordinarily interesting and useful.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

САД КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ТОПОС У ЧЕХОВА

HAJNÁDY Zoltán

И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке;
и поместил там человека, которого создал.
Бытие 2: 8

Парк и *сад* – идеальное место пребывания, соответствующее завоеванному культурному пространству, так же как находящийся вне их мир равноценен империи хаотических, неупорядоченных состояний, «тьме». Согласно Бытию Бог сотворил идиллический Рай. Персидского происхождения слово *paradeisos* означает «закрытая часть земли», которую пересекает река и которая изобилует растениями и фруктовыми деревьями[1]. Первая человеческая пара жила здесь вместе с птицами и зверьми в безмятежном счастье до грехопадения. Видения земного рая можно обнаружить и в мифах других культур: они вырастают из них чуть ли не праначалом. Каждая общественная формация имеет свой образ золотого века, которая, исходя из их веры, когда-то существовала и будет существовать вновь. Функция райского сада как архетипического топоса заключается в том, чтобы объяснить переход человека из эпохи первоначальной безгрешности и счастливой безответственности в состояние ответственности и свободного принятия на себя собственной судьбы, которое часто сопровождается грехом, нищетой и смертью. Хранящиеся в коллективном подсознании человечества мифологические извечные образы возвращаются в литературу с такой последовательностью, что могут быть воспринимаемы как универсальные понятия, поскольку содержат намеки на мифологические символы, одинаково известные и понятные как для создающего, так и для и воспринимающего. В шумерском эпосе «Гильгамеш» можно прочитать о магическом саде, где на кустах произрастают драгоценные камни, сердоликовые плоды и листья из лазоревого камня. В произведении Гомера «Елисейские поля» земля совершенного счастья находится на берегах реки Океан. Подобное описание дает Гесиод об *Острове Счастливых*, где люди вечно молоды и живут мирно в золотом веке. В греческой мифологии известен *Сад Гесперид* (сад «дочерей Вечера»), плодоносящий золотыми яблоками. Райское дерево выступает в описаниях в различных вариантах: смо-

[1] Славянское слово *град* означает и «город» и «сад, огород» (ср. *градарь,садовник, вертоград*), оно эквивалентно пространству, «отовсюду огражденному» (АВЕРИНЦЕВ 1980 1982, II: 364).

ковница, финиковая пальма или яблоня, но в любом случае это – фруктовое дерево. Однако в райском саду произрастает не только древо жизни, но и древо смерти (знания), плоды которого вкусил Адам. Грехопадение – результат сатанинской изворотливости. Ева появляется как *instrumentum feminium diaboli* для того, чтобы ввести человека во грех, поэтому запретное древо познания, яблоню принято ассоциировать с женственностью. В «Потерянном Рае» Мильтона тоже имеется яблоня. Настроение исчезнувшего идиллического мира, память о нем воспроизводится у Бунина в «Антоновских яблоках». В «Воскресении» Толстого выступает *виноградник*. В конце романа Нехлюдов цитирует библейскую притчу о виноградарях, которая вскрывает ему смысл жизни. У Чехова же мы находим *вишневый сад*, который ассоциируется скорее с южно-русским пейзажем, нежели с северным. (В большинстве случаев при переводе на иностранный язык *вишневый сад* становился *черешневым садом*). Внимание Егорушки, девятилетнего героя рассказа «Степь», тоже приковано к цветущему вишневому саду, который в одноименной драме поднимается до поэтического символа человеческой жизни и наполняется глубоким, символистским значением. Особенно это относится к таким лирико-философским монологам, которые напоминают диалоги с *судьбой* героев Метерлинка. В этих монологах через театральность просвечивает метафизическая реальность: ЛЮБОВЬ АНДРЕЕВНА (*глядит в окно на сад*) О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мной каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. (*Смеется от радости*) Весь, весь белый! О, сад мой! После темной, ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое! (ЧЕХОВ 1974 1983, т. 12 13: 210. Все ссылки на это издание.)

ГАЕВ (*негромко, как бы декламируя*) О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живишь и разрушаешь (12–13: 224).

Вишневый сад является символом не только совершенного счастья, детства и невинности, но и символом падения, утраты и смерти. Через вишневый сад – как и через райский – протекает река, в которой утонул шестилетний сын Раневской. Чехов хотел, чтобы во втором действии сцена пересекалась бы рекой, но, ввиду невозможности технического осуществления этого, ввел только следующую ремарку: *Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья* (12 13: 215). Эти реквизиты намекают на трагедию прошлого, которую героиня истолковывает как наказание за большие грехи. Что это за грехи? Девушка-дворянка выходит замуж за присяжного поверенного, по своему происхождению находящегося

ниже ее, и после того, как тот умер от шампанского, оказалась с другим мужчиной, который обобрал ее как эмоционально, так и материально. Из-за него она оставила родную и приемную дочерей, поручив им родовое поместье, прислугу, и превратилась в безродную иностранку. Изгнание из райского сада, вышвыривание в мир и принятие собственной судьбы связаны с грехопадением, которое положило конец счастливому времени невинности и открыло полную проклятий эпоху изгнания. На мотив грехопадения Чехов намекает также и библейской аллюзией: в сцене бала третьего действия начальник станции зачитывает несколько строк из поэмы Алексея Толстого «Грешница» (прощение Христом кающейся Магдалины).

В пьесе Чехова вишневый сад является *локусом* памяти праобраза Эдема. В мифопоэтическом толковании вишневый сад – сад Рая, органическая форма совместного сосуществования Бога и человека, равновесие природы и культуры. Однако на социо-культурном фоне там присутствует вся Россия со своей барской культурой, вымирающими дворянскими гнездами, с превратившимся в миф потерянным раем (ср. «Месяц в деревне» Тургенева, «Село Степанчиково и его обитатели» Достоевского, «Лес» Островского, «Антоновские яблоки» Бунина). Этот сад означает не только прошлое, золотой век, но и симметричное им отражение – обещание будущего: «Сад – это совершенное сообщество, в котором каждое дерево свободно, каждое растет само по себе, но, не отказываясь от своей индивидуальности, собранные вместе, они составляют единство. Сад растет в будущее, но не отрываясь от своих корней, от почвы. Сад меняется, оставаясь неизменным. Подчиняясь циклическим законам природы, рождаясь и умирая, он побеждает смерть. Сад указывает выход из парадоксального мира в мир органичный. Сад – переход от состояния тревожного ожидания в вечный деятельный покой. Сад – синтез умысла и провидения, воли садовника и Божьего промысла, каприза и судьбы, прошлого и будущего, живого и неживого, прекрасного и полезного (из вишни, напоминает трезвый автор, можно сварить варенье). Сад – слияние единичного со всеобщим. Сад – символ соборности, о которой пророчествовала русская литература. Сад – универсальный чеховский символ » (ВАЙЛ–ГЕНИС 1995: 188). В пленительной красоте сада формулируется желание действующими лицами гармонии и полноты бытия, потеря чего для них равноценно ужасу изгнания из Эдема. (Полезное здесь является второстепенным, поскольку сад одряхлел и плодоносит только каждый второй год.) Однако вишневый сад вырубается, и в этом герои пьесы видят исчезновение последних следов земного рая. Остается только надежда на то, что потерянный рай, как душевное состояние, еще может быть возвращен, воссоздан: «Мы посадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его » (12 13: 241). В действительности уже нет, только в воображении возможен «возврат» в прошлое, в Россию, в потерянный рай. Чехов релативизировал сцену: его театр является не только местом происшествия чего-то, но и местом не-происшествия чего-то.

Главным героем пьесы является не личность, а сад, причем не какой-нибудь, а самый красивый сад Земли, о котором даже упомянуто в «Энциклопедическом словаре». Визуальная символика сада определяет структуру пьесы. Центральным ядром произведения является вишневый сад – от поры цветения до продажи с молотка и от осенних заморозков до вырубки обнажившихся деревьев; а если точнее, то – чувственное отношение к нему действующих лиц различного возраста, пола и общественного положения. Сад – идеальный символ их чувств; внешняя реальность, соответствующая их внутренней сущности. Цветущий вишневый сад является символом чистой, непорочной жизни, а вырубка сада обозначает уход и конец жизни. Сад стоит в центре столкновения различных душевных складов и общественных интересов. Природа выступает в пьесе не только как пейзаж, а как спиритуальный, обобществленный символ природы. По мнению французского театрального режиссера Жана Луи Барро, в центре четырех действий стоит сад, который связан с потерей важнейших моральных ценностей: 1) вишневый сад будет продан; 2) вишневый сад вскоре продадут; 3) именно теперь вишневый сад продается; 4) вишневый сад продали (*Réflexion sur le théâtre*, 1949). Таким образом мы с полным правом можем назвать «Вишневый сад» (1904) драмой *центральной точки*, в которой «связывающие отношения не только отношения, а такие, которые дают саду, наделяют его содержанием, превосходящем его значение» (BÉCSY 1974: 162). Это превосхождение предметной сущности самого себя означает, что вишневый сад поднимается до универсального масштаба символа *дома*, *родины*, более того – всей *России*: «Вся Россия наш сад!» (12 13: 227).

Раневская и ее старший брат Гаев – люди, потерявшие надежду, для которых *красота* является последней возможностью победы над меркантильностью мира. Двигателем драматической коллизии является идея спасения *красоты*. Лишенный *красоты* человек станет вершителем приговорившего себя к смерти мира. «Вдруг раздается отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный» (12 13: 224). Лопнувшая струна получает в пьесе полисемическое значение, которое нельзя свести до ясности какого-либо абстрактного понятия или зафиксировать в одном, точно определенном слове. Дурная примета предзнаменует печальный конец, который действующие лица – вопреки своим намерениям – не могут предотвратить. Чехов показывает то, насколько мало возможностей для действия остается у человека в исторической ситуации, когда внешние определяющие силы настолько сокрушительны, что внутренние побуждения вряд ли могут быть приняты во внимание. Парадокс действия скрыт в том, что человек неограничен только в своих возможностях, в поступках же он ограничен. Однако Чехов компенсирует страшную тяжесть экзистенциональных вопросов легкостью формы *comédie larmoyant*. *Вишневый сад* является комедией только по заглавию, по своему же содержанию пьеса глубоко драматична.

Дом (и его отсутствие, *бездомность*) – один из центральных символов русской культуры, в равной степени означающий как национальную и историческую основу, так и основу частной жизни. Неслучайно поэтому в тексте то и дело встречаются *дом, детская, цветущий сад, ключи от дома, столетний книжный шкаф* предков, как символы постоянства, неизменности, а в переносном смысле и национальной идентичной культуры. Все эти повторения, а также целование книжного шкафа и обращенный к нему монолог – сознательные уловки писателя, подчеркивающие, что этот шкаф является неотъемлемым атрибутом принадлежности героев, а расставание с ним означает отрыв от корней. «ГАЕВ. Да Это вещь *(Ощупав шкаф.)* Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая *(сквозь слезы)* в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания» (12 13: 206 208)[2]. В отличие от *исторической домовитости* образов Толстого и *трансцендентальной бездомности* героев Достоевского, чеховские типы постоянно находятся в пути, бездомные странники, «парящие образы» (*schwankende Gestalten*) по выражению Гете. Эта невесомость переживается Раневскими во время их пребывания в Париже: они живут на пятом этаже, между небом и землей, в табачном дыму, летают на воздушном шаре, питаются в железнодорожном ресторане, вкушают чужеродные блюда, их окружают иные вкусы и запахи. Важную роль в пьесе играет противопоставление охраняемого покровительствующим богом дома (домашнего очага) и проклятого парижского анти-дома (бездомности, безродности). Чеховские герои не чувствуют себя дома в мире, герои Достоевского уже не дома и на небе. Кого можно считать кочевником: того, кто странствует в конкретном пространстве и времени или же в трансцендентальном? Что побуждает русского странника шляться по свету бездомным бродягой? Почему он не может греться у семейного очага и, как летучий голландец, всюду ищет покоя и нигде его не находит? Причину более чем двухсотлетнего скитания славянофилы видят в том, что реформы Петра оторвали интеллигенцию от православных религиозных корней, от родной почвы. Она потеряла связь с народом, оказалась лишенной корней. Бесцельно бродит по свету, беспочвенная, как несомая ветром перекати-поле. Неслучайно поэтому в драме имеются моти-

[2] В романе «Доктор Живаго» Пастернак также подчеркивает важность книжного шкафа предков как национального символа-идентичности. После смерти матери, когда тело Анны Ивановны выносят из дома, мальчик Юра убегает в библиотеку и падает на диван. После физической и душевной утраты именно здесь он находит себе духовное убежище: «Сейчас его ищут по всему дому, и никто не догадается, что он в библиотеке спит, не проснется в дальнем углу, за высокими книжными полками, доходящими до потолка» (Пастернак 1988, I: 86). И позднее, будучи взрослым, Живаго не порвет с культурно-историческими традициями, с «книжным шкафом предков».

вы, связанные с отъездом и приездом (*железная дорога, станция, одежда в дорогу, сложенные чемоданы, дорожные узлы* и т. п.), как символы переходного душевного состояния. Деклассированные дворяне, разбазарившие свои земли и дома после раскрепощения (освобождения) крестьян, отправились в путь по миру не с целью совершения героических поступков, а по принуждению: не с приятным чувством странника, а с гнетущим чувством исторического изгнания. Их бездомность вовсе не является свободой, а всего лишь ее видимостью. И только представители молодого поколения думают по-другому: «АНЯ. Прощай, дом! Прощай, старая жизнь! ТРОФИМОВ. Здравствуй, новая жизнь!..» (12 13: 253).

О райском саде, как недолговременном, переходном состоянии, Чехов писал еще в рассказе «Черный монах» (1894). Ввиду той диалектической взаимозависимости, по которой в райском саде растет древо не только жизни, но и смерти (знания), создается пропасть между природой и культурой. Сад является не только символом органической полноты, но и – как пространство изгнания – символом утраты. Смерть везде налицо, даже в самые прекрасные минуты красоты и счастья. Даже в самой красоте нет настоящей гармонии, чеховские герои даже в красоте видят полярность, раскол метафизических основ бытия, что в свою очередь вызывает в них чувство беспокойства, более того – страха. «Ведь Красота не что иное, как начало того Ужасного, которое мы еле-еле претерпеваем, и она очаровывает нас только потому, что она равнодушно пренебрегает мыслью о нашем уничтожении» (RILKE 1957: 7)[3]. Одним из возможных источников шизофренического раздвоения сознания героя (*mania grandiosa*) является раздвоение эстетической и этической жизни человека: несовместимость опустошенной, опошленной жизни с идеями высшего порядка. Магистр Коврин относится к тому разряду маленьких людей в русской литературе, которые борются с расстройством личности, страдают от мании преследования или величия, боязни депрессии, балансируют на грани бытия и небытия, бунтуют против фатальных предначертаний судьбы. Чехов углубил проблему раздвоения личности и показал ее в новой форме. В свое время подобное предпринял Достоевский в петербургской поэме «Двойник», а затем мастерски показал ее в беседе Ивана Карамазова с чертом (реминесценции последнего проблескивают в диалогах Коврина и черного монаха)[4]. Бегство в сумасшествие (в иное бытие) можно воспринимать и как рефлекс самосохранения субъекта от угрожающей его личности деперсонифицирующей опасности. Мания величия Коврина – проявляемый в фантастической

[3] „Denn das Schöne ist nichts als des Schrecklichen Anfang, den wir noch grade ertragen, und wir bewundern es so, weil es gelassen verschmäht, uns zu zerstören" (RILKE 1957. 233.).

[4] Сделка с чертом художника (гения, таланта) как лейтмотив проходит через всю мировую и русскую литературу («Фауст» Гете, «История Петера Шлемиля» Шамиссо, «Моцарт и Сальери» Пушкина, «Портрет» Гоголя, «Черный человек» Есенина, «Мастер и Маргарита» Булгакова и пр.) Черный цвет является символом Зла и Здодея, разрушения и самоуничтожения.

форме протест против обесцвечивания жизни, и как в таковом, в нем отражается некая реальность. Поляризация Коврина, его внутренняя дисгармония – драма конфликта между красотой и полезностью, гением и посредственностью, поскольку он не в силах найти равновесия между ними. Он сжигает себя в огне мнимой гениальности. Не может сплавить воедино способность с полезностью. Не может решить, в какой связи друг с другом находятся сознательное и бессознательное, теоретическое знание и практическое действие, поэтому и не находит пути, выводящего из меланхолии пустоты. Черный монах, проекция его *alter ego*, является носителем таких витальных ценностей, которые жизненно необходимы Коврину, но ввиду особой формы их проявления он не может ассимилировать и реализовать эти амбиции, а его окружение стремится подавить их. Просветления и ослепления, то влекомые друг к другу, то отталкивающиеся, – эти незаметные движения таятся в глубине поведения и действий. Нагромождением таких трепетаний изображает Чехов отношения человека, возомнившего себя избранным, с повседневным своим окружением. *Черный монах* сначала появляется только в возбужденном воображении, затем абсурдность переходит в жизнь, где действительность и видение, реальность и экстаз создают неразделимое единство. Вследствие *duplex paradoxitas* бред Коврина и его дневные фантасмагории воплощаются, а конкретные, осязаемые предметы и люди кажутся ему иллюзорными и невещественными. Мечта Коврина о том, чтобы предстать другим перед собой и окружающими, вскоре разоблачается. Ценность (Wert) и желаемая ценность, мечта (Wünchenwert) не одно и то же означают для него и для практичного садовода Песоцкого и его дочери. Если он не гений, – опасается Коврин – то ему очень угрожает возможность стать обывателем, поэтому счастье ищет в сфере ирреальности, в которой несомненные жизненные идеалы принимают характер иллюзорной конкретности. Впервые видение появляется тогда, когда он из *закрытого пространства* – «дом громадный, с колоннами, со львами» (8: 226) – переходит по символическому мостику в *открытое пространство* старого парка: «Коврин по лавам перешел на другую сторону. Перед ним теперь лежало широкое поле, покрытое молодою, еще не цветущею рожью. Ни человеческого жилья, ни живой души вдали, и кажется, что тропинка, если пойти по ней, приведет в то самое неизвестное загадочное место, куда только что опустилось солнце и где так широко и величаво пламенеет вечерняя заря» (8: 234). Эти два мира – натянутая между имманентностью и трансцендентальностью страдающая душа Коврина, корни которого привязывают его к чувственному миру и одновременно простираются в направлении более прекрасного, лучшего и идеального мира, который никогда в продолжении жизни не будет достигнут, но куда он хотел бы по существу относится.

Заслуживает внимания стремящаяся к геометрическим мотивам *эмблематика французского парка* и оставляющая природные формы неприкос-

новенными, более грубая *эмблематика английского парка*, поставленные в рассказе в контрастные отношения и в то же время обрамляющими историю своеобразным *opus vermiculatum.* Описание английского парка в тексте выглядит следующим образом: «Старинный парк, угрюмый и строгий, разбитый на английский манер, тянулся чуть ли не на целую версту от дома до реки и здесь оканчивался обрывистым, крутым глинистым берегом, на котором росли сосны с обнажившимися корнями, похожими на мохнатые лапы; внизу нелюдимо блестела вода, носились с жалобным писком кулики, и всегда тут было такое настроение, что хоть садись и балладу пиши» (8: 226). *Английский парк* стремится к видимости природной естественности, к тому, чтобы как можно лучше вписаться в окружающий пейзаж. Архитектонически же *французский парк*, напротив, стремится к созданию геометрических форм, то есть к тому, чтобы принудить природу соответствовать правильным формам. Старый парк – нетронутая, сама себя творящая природа (natura naturans) – противопоставлен сотворенной природе (natura naturata), стилизованному, созданному человеческими руками французскому декоративному парку и фруктовому саду Песоцких: «То, что было декоративной частью сада и что сам Песоцкий презрительно обзывал пустяками, производило на Коврина когда-то в детстве сказочное впечатление. Каких только тут не было причуд, изысканных уродств и издевательств над природой! Тут были шпалеры из фруктовых деревьев, груша, имевшая форму пирамидального тополя, шаровидные дубы и липы, зонт из яблони, арки, вензеля, канделябры и даже 1862 из слив – цифра, означавшая год, когда Песоцкий впервые занялся садоводством» (8: 227). Параллельная постановка двух типов садов вызывает либо позитивные, либо негативные чувства у разных героев рассказа и одновременно является источником определенных типов конфликтов. Коврин считает, что насилие над садом приводит к искусственности, к принуждению живой, буйной жизни принять закрытую конфигурацию, из кандалов которой природа способна вырваться только путем циклического обновления. Он испытывает ужас от того, что Песоцкий и его дочь посредством женитьбы подталкивают и его самого в такой же закрытый, формализованный мир. Антиномия между противоречивыми чувствами и настроениями, вызываемыми непримиримостью идеала и действительности, возникает сначала только в душе героя, затем постепенно распространяется и на его окружение. Сам по себе визуальный контраст двух парковых (садовых) типов уже является чрезмерно содержательной *эмблемой*: суть невидимого воплощается в образе видимого. Она представляет собой сложную образную аллегорию, в которой визуальность и вербальность взаимосвязаны. «Так, например, ценностно разграничено и эмблематизировано пространство сада с его окрестностями в «Черном монахе». Первое описание сада Песоцких – несмотря на его настораживающую пространность, несмотря на архетипическую основу и лейтмотивность образа в творчестве Чехова, – может еще восприниматься как бытовой и пейзажный

фон действия, но с каждым новым возвращением деталей исходной картины их особая семантическая отмеченность акцентируется, и части сада и его окружения предстают как проекции разных состояний души: скучный для Коврина, да и для Тани, *коммерческий сад*, с его нервозно спасаемым от мороза «несколькими тысячами чистого дохода», *декоративная* (французская по стилю) часть – «пустяки» для Песоцкого, но сказка – для юного Коврина, и, наконец, прилегающий к саду *английский* парк, угрюмый и строгий, как баллада, и выводящий к крутому обрыву реки» (СИЛАРД 1991: 794-795).

«Старинный дом с колоннами и садом» в последнем рассказе Чехова «Невеста» (1904) превращается в символ *замкнутости*, *закоснелости*, *изоляции*. В это сытое, но удушливое гнездышко, где постоянно кипел самовар и «пахло жареной индейкой и маринованными вишнями» (10: 202) врывается свежее дуновение в лице больного чахоткой столичного художника, открывшего глаза девушке. Этот одержимый правдивец сокрушает те обманчивые нравственные опоры, на которых покоилась жизнь девушки до сих пор. Под влиянием пришедшего извне «искусителя» 23-летняя невеста чувствует, что ей необходимо высвободиться из обывательской среды, из ограниченного мира старосветских помещиков, к которому она рано или поздно приспособилась бы. Поэтому она заключает «союз» с проводящим обычно лето у них Сашей, чтобы тот помог ей вырваться в большой мир: отчасти из дома Шуминых, но главным образом от замужества, грозящего конвенциальными оковами хорошей партии. Уже назначен день свадьбы. Ее жених нанял в Москве двухэтажный дом, по которому с гордостью проводит свою невесту. Подробное описание мещанского *интерьера* дома (картина с изображением нагой дамы и лиловой вазы с отбитой ручкой рядом – сигналы нарушенной гармонии) недвусмысленно предупреждает девушку: выйдя замуж, она попадет из огня да в полымя, ее ожидает лишь более бедный вариант прежнего уклада жизни. Будущий муж, провинциальный консервативный интеллигент, предлагает ей бездеятельный, бессмысленный образ жизни, который вел до сих пор. Преисполненный благих намерений, но имеющий чрезвычайно скучную натуру, в один из откровенных моментов он выносит себе приговор, оценивает себя в форме *expressis verbis*, тем самым обобщая тему, поднимая ее с партикулярного уровня до уровня универсальности: «О, матушка Русь! О, матушка Русь, как еще много ты носишь на себе праздных и бесполезных! Как много на тебе таких, как я, многострадальная!» (10: 211). Два человека принадлежат к двум различным сферам бытия и это препятствие можно было бы преодолеть в том случае, если невеста была бы способна поднять жениха в свою сферу, что является невозможным. Инстинктивно Надя почувствовала в предстоящем замужестве угрозу ловушки, которая окончательно поставила бы печать на душевную леность, так как путь к возможности возрождения оказался бы закрыт, поэтому – протестует. Саша, которого в доме называют «блудным сыном», организовывает побег девушки, не столько от замужества,

сколько от ожидаемой ее судьбы, в неизвестное будущее. Надя уезжает в Петербург, где поступает в университет. В желании покончить с прежней жизнью и поисках девушки счастья есть что-то освобождающее. Если же она останется пленницей семейного очага, то легко может растерять свои идеалы и мечты, обленится. В этом коренится ее невротическая боязнь замужества, оправдывающая полный разрыв с тем, что ранее она считала важным в жизни.

Видимый из большого старого окна цветущий сад гармоничен настроению девушки и в то же время противоречит предметному и психологическому окружению. «Скоро весь сад, согретый солнцем, обласканный, ожил, и капли росы, как алмазы, засверкали на листьях; и старый, давно запущенный сад в это утро казался таким молодым, нарядным» (10: 206). Становление героини все более открытой, ее душевное пробуждение созвучно с возрождением майской природы, которое как бы открыло перед ней окно в мир (*fenestra aperta*) и свое назначение в нем. Имя главной героини: Надя (Надежда) относится к доверчивому ожиданию будущего. Ее имя – эмблема, имеющая некую функцию, связанную с визуальным представлением весеннего сада, носящего в себе надежду обновления и перерождения природы к новой жизни; а развертывание события является объяснением предыдущих двух. Просторный *экстерьер*, красота сада находятся в контрасте с удушливой атмосферой *интерьера* помещичьего дома, где на кухне «четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы » (10: 203). С убедительной психологической достоверностью Чехов показывает, как Надя из *замкнутого*, *внутреннего* ракурса постепенно перемещается в *открытый*, *внешний* ракурс Саши, с которого перед ней раскрывается превратность прежней жизни. Роль замены внутренней точки зрения на внешнюю заключается в том, чтобы девушка увидела привычное с непривычного горизонта, потому что автоматизм препятствует созерцанию действительности в ее истинной сущности. Внешняя точка зрения снимает автоматизм процесса восприятия, извлекает события и явления из привычных соотношений и ставит их в совершенно другие, делая их тем самым заново ощущаемыми. Внешняя точка зрения ставит привычное в новое освещение, выводит девушку из привычного автоматизма, встряхивает от повседневного обмана чувств. Она вывертывает наизнанку то, что до сих пор вследствие оптического обмана виделось в другой рефракции и придает повседневному более глубокий смысл. Стук колотушки ночного сторожа в саду, от которого Надя просыпается на рассвете как бы исполняет роль *библейского херувима*: предупреждает девушку о том, что старая жизнь закончилась, наступило время начинать новую. Она не изгоняется из сада по причине грехопадения, а добровольно покидает его, охваченная желанием познания и свободы. Кульминация ее душевного кризиса, окончательного решения созвучны изображению природной картины урагана: «в саду ночью посбивало все яблоки и сломало одну старую сливу» (10: 213). После бессонной ночи, бросая взгляд

из настоящего в будущее, «ей казалось, что перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше не знала, и уже она смотрела на него, полная ожиданий, готовая на все, хотя бы на смерть» (10: 214). В ней нарастает желание вырваться за крайне конвенциональные рамки своей семьи. Ее *путь*, как более высшая ценность, устремлен против эгоизма замкнутой в доме жизни. Конфликт между безопасностью и свободой, скованностью и освобождением удается разрешить: на другой день она уезжает, полностью доверив себя судьбе. Мать (и даже бабушка) вскоре прощают ее, потому что дочь осуществила то, о чем тайно желала и она сама, но не смогла предпринять. Таким образом, «блудная дочь» оправдана, что означает подтверждение воли свободного выбора. Она покидает родной дом не ради праздной, а ради трудовой жизни, поэтому ее судьбу можно понимать как инверсию «блудного сына». Рассказом внушается читателю, что каждый человек должен сознательным и ответственным образом выбрать из возможностей, предложенных жизнью. Надя возвращается домой в мае, после экзаменов, в цветущем здравии и прекрасном настроении. Проездом в Москве она встречается со своим старым другом, некогда ставшим катализатором перемен в ее душе и породившим в ней ненависть к затхлой жизни провинциального городка. Вследствие происшедшей *метаморфозы* Надя, оказавшись на более высоком горизонте, даже Сашу не видит «таким новым, интеллигентным, интересным, каким был в прошлом году» (10: 216). Девушка отмечает, что «от Саши, от его слов, от улыбки и от всей фигуры веяло чем-то отжитым, старомодным, давно спетым и, может быть, уже ушедшим в могилу» (10: 217). По возвращению родной город, старый дом, где она выросла, кажутся ей еще более пыльными и ветхими. Как бы *глядя из настоящего* обратно *в прошлое*, «и потолки в комнатах, казалось, становились все ниже и ниже», и мама с бабушкой постарели и подурнели, и «в городе все давно уже состарилось, отжило » (10: 218). « а на другой день утром простилась со своими и, живая, веселая, покинула город – как полагала, навсегда» (10: 220). По мнению текстологов вставка «как полагала» оказалась в окончательном тексте в ходе переработок. Она относится к сомнительному и возможному будущему, что намекает на осторожный оптимизм Чехова, в то время как точка зрения перемещается от рассказчика к читателю. Судьба Нади на этом не завершается: композиционная открытость произведения проецирует перспективу ее душевного развития. В эту историю, если раскрыть архетипическую символику, на место Нади может быть поставлена любая молодая, независимая девушка или женщина, которые потому оставляют свои семьи, чтобы осуществить самих себя, обновить свою жизнь. Тема рассказа не нова, ее разрабатывали еще Ибсен и Толстой (в тексте имеются ссылки на «Анну Каренину»), но Чехов раскрыл новые мотивы и движущие пружины поступков героини.

В настоящей работе дается контрастивный анализ трех произведений Чехова, в текстах которых легко узнаваемы сад и парк как архетипические

топосы; их сущность определима этим прасимволом. Предпринимается попытка раскрытия утерянной эвиденции: выявление скрытого смысла за видимым смыслом, выявление и показ многозначности в прямом ее значении. В «Вишневом саде» символика сада оплетает все уровни текста, в нем, как в фокусе, сгущены сущность и смысл жизни – всего прошлого, настоящего и даже будущего; его связь с «мифическим праядром» очевидна. В «Черном монахе» сад имеет эмблематический характер и служит для визуального воплощения отвлеченного содержания: видимое важно только как знак, намекающий на невидимый праобраз. Сад получает функцию, выражающую символическое содержание, благодаря тому, что семантически можно идентифицировать с библейским прототипом, возникающем в контексте за рамками произведения. В «Невесте» сад не так глубоко проникает в структуру текста и носит подчеркнуто конкретизированный характер, но и здесь в намеках между строк проступает энигматическая эмблема, в которой образный и текстуальный элементы соединены. Художник тогда нуждается в праобразах, когда глубинная правда бытия не может быть выражена непосредственно, а только с помощью архетипических топосов и мифологических символов, которые показывают суть невидимого (трансцендентальную идею) изображениями видимой действительности. Итак, сад в контексте имеет одновременно прагматическое и трансцендентное значение. По словам Карла Густава Юнга, «тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов , он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы » (цит. по АВЕРИНЦЕВ 1980 1982, I: 110).

Литература

АВЕРИНЦЕВ 1980 1982: Аверинцев С. С., Архетип. Рай (словарные статьи) // Мифы народов мира 1 2. Энциклопедия. Гл. ред.: С. А. Токарев. Москва.

ВАЙЛ–ГЕНИС 1995: Вайл П., Генис А., Родная речь. Москва.

ПАСТЕРНАК 1988: Пастернак Б., Доктор Живаго. 1 2. Вильнюс.

СИЛАРД 1991: Силард Л., «Чехов и проза русских символистов». Anton P. Chechov. Werk und Wirkung. Rolf-Dieter Kluge Hrsg. Teil 1. Wiesbaden.

ЧЕХОВ: Чехов А. П., Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Соч. в 18 т. Письма в 12 т. Том 12–13. Москва.

BÉCSY 1974: Bécsy T., A drámamodellek és a mai dráma. Budapest.

RILKE 1957: Rilke, R. M., Duiner Elegien // Werke. Auswahl in zwei Bänden. Erster Band. Im Insel-Verlag. 1957.

Abstract

The *Garden* as an Archetypal Topic in Chekhov's Works

In the present article the author considers three works by Chekhov in which the orchard as an archetypal topic is clearly identifiable; the essence of these works can be determined through this archetype. The role of the Garden of Eden as an archetypal topic is to explain man's transition from original innocence and joyful irresponsibility into the state of responsibility and the free acceptance of his own fate, which is often accompanied by sin, misery, and death. Mythological archetypes stored in the collective unconscious of mankind return in literature with such a consistency that they can be considered universal notions.

The cherry orchard in Chekhov's play is the *locus* recalling the archetype of the Garden of Eden. In its mythological-poetic sense, *The Cherry Orchard* (1904) is the Garden of Eden, the organic coexistence of divine and human, the balance of nature and culture. However, in its socio-cultural background one can see the whole of Russia with its country-house culture, ruinous mansions, withering homes of the nobility, and its orchards that have become myths and lost Paradise. Chekhov already wrote about the Garden of Eden (as a non-permanent, only transitory state of existence) in his short story *The Black Monk* (1894), in the dialectical context of the archetypal paradise that gives birth not only to the tree of life, but to the tree of death (knowledge) as well, which creates an abyss between nature and culture. The garden is not only the symbol of organic completeness, but is that of the place of expulsion and loss as well. "The old house with columns and an orchard" in Chekhov's last short story, *Betrothed* (1904) becomes the symbol of *closing in, ossification* and *fossilization.* The spacious *exterior,* the beauty of the orchard are in opposition to the gloomy *interior* picture of the country house. The increasing openness and spiritual awakening of the heroine is in harmony with the rebirth of nature in May, which seems to open a window (*fenestra aperta*) for her into the world and into her own purpose in it. Having resolved the archetypal symbolism of this story, we can replace Nadia with any young girl or woman who leaves her family and home in order to realize herself, but what Chekhov did was to reveal the motives and impulses of the heroine's actions.

Artists need archetypes when the deep truths of existence cannot be expressed directly, but only by means of *archetypal topics* and mythological symbols presenting the invisible essence (transcendental ideal) through pictures of visible reality.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

МОСКВА КАК МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И «ТРИ СЕСТРЫ»

REGÉCZI Ildikó

«Писательница... пишет мне: «Вообще дела мои плохи – и я не шутя думаю уехать куда-нибудь в Австралию». Вы на Алеутские острова, она в Австралию! Куда же мне ехать? Вы лучшую часть земли захватите.»

(Из письма А. П. Чехова Лике Мизиновой 11 января 1891 года)[1]

Чеховская Москва не абсолютно незнакомое пространство, можно найти несколько описаний города конца XIX века и отметить среди них места пребывания писателя (ЕВСЕЕВ 1993). На основе этих документов можно понять слова Ярцева, героя произведения «Три года» («Москва – это город, которому придется еще много страдать») (ЧЕХОВ 1984, т. 2: 501), но это не приближает нас к образу Москвы, выступающему как центральная метафора в «Трех сестрах». Москва – реальное географическое пространство – присутствует в драме в незначительной степени, тогда как касающиеся содержания эстетические и идеологические аспекты, связанные с городом, мы можем найти в произведении, хотя смотрим на него (город) не только в этом плане.

Топография драмы чрезвычайно разнообразна: помимо места действия – губернского города, важным пространством являются Москва и Петербург, и – как отдаленная и по сравнению с миром драмы призрачная реальность – фигурируют в произведении Польша, Чита, Бердичев и Цицикар. Упоминание этих двух последних географических названий во втором акте создает комическую ситуацию на сцене, что делает более очевидной иронию диалогов о Москве и Петербурге. Чебутыкин, развлекающий компанию вестями о Бердичеве и Цицикаре, читает газету (и выписывает из нее) как гарантию настоящего существования, однако нет никакой связи этих известий с жизнью героев, или же они только указывают на перспективу, находящуюся вне системы отношений трех сестер. Сообщение о Бердичеве частично вызывается упоминанием имени Гоголя, а частично касается – внешне – одного из центральных мотивов драмы (Ирина повторяет слова Чебутыкина: «(*раскладывая пасьянс, задумчиво*) Бальзак венчался в Бердичеве» (4: 460). А свирепствующая в Цицикаре эпидемия оспы делает относительными упомянутую Наташей в начале акта болезнь Бобика и отъезд трех сестер. Контекст:

[1] См. (ЧЕХОВ 1976: 159).

Ирина: Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве.

Федотик: Нет, не выйдет. Видите, осьмерка легла на двойку пик. (*Смеется.*) Значит, вы не будете в Москве.

Чебутыкин (*читает газету*): Цицикар. Здесь свирепствует оспа (4: 461).

Карты в функции предсказания, как в начале драмы, подчеркивают безысходность. Москву и Цицикар можно было бы поменять местами, настолько далекими и недоступными кажутся оба города.

Москва далека от места, где живут Андрей и сестры, не только в географическом плане, Москва появляется в их памяти не как реальное пространство, а как иллюзия. С ней связаны свет и домашний уют. По мнению Ольги: «в начале мая, вот в эту пору, в Москве уже все в цвету, тепло, *все залито солнцем*» (4: 435, курсив мой – И. Р.). Желание уехать пробудилось в ней потому, что утром она «увидела *массу света*» (4: 435, курсив мой – И. Р.). Андрей тоже видит свет, но в другом – в далеком будущем, что только подчеркивает серость и скуку их города (4: 492–493). Но, например, Вершинин уже не так воспоминает Москву, ему приходят в голову угрюмые и мрачные определения города (4: 442). Таким же образом двойственно воспоминание о Москве как о городе принимающем, предоставляющим людям кров. По мнению Андрея, в Москве человек не одинок и не чувствует себя чужим. Но речь Андрея, его воспоминания о прошлом сливаются с недостоверной историей и комическим анекдотом о Москве Ферапонта. И все же и здесь диалог кончается отрицанием отъезда, словами старого слуги о неосуществимом отъезде.

И Андрей, и Вершинин учились в Москве, жили на одной и той же улице, но их воспоминания различны. В их памяти о городе сохранилась разная структура пространства, акценты и значения которых расходятся, поэтому и пространство воспринимается по–разному. Представляется целесообразным применить понятие ментального пространства Кевина Линча (LYNCH 1960), когда не принимая во внимание объективную структуру города, мы рассматриваем субъективные изображения, имеющие своеобразные контуры. Линч применяет понятие релятивного пространства, входящего в сферу влияния человеческого сознания, в отличие от «негибкого» пространства. Все это значит, что восприятие пространственной среды не является независимым от качества непосредственного опыта и самой мобильности в пространстве. Можно было бы легко символически уловить Москву, эмоционально воспринять ее, если бы действующие лица ссылались на какое-либо характерное здание или какой-либо городской символ. Но идентификация в «Трех сестрах» далеко не так проста. Отождествляя город, герои прибегают к названию определенных улиц, тогда как для нас город не имеет «хорошо прочитываемого» самостоятельного облика, а скорее напоминает хаотичное, расплывчатое, серое, монотонное пространство.

В исследованиях, связанных с ментальностью пространства, подчеркнутое место занимает изучение маршрута, поскольку именно он выражает

определенную точку зрения. Дом Прозоровых и Вершинина находился на улице Старая Басманная, но Вершинин некоторое время жил и на Немецкой улице.[2]

Вершинин: ...С Немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одинокому становится грустно на душе... (4: 442)

В отличие от Андрея, Вершинин был более одинок в большом городе. Первые годы военной службы, неопределенность положения приводят к тому, что Вершинин видит отрицательные стороны в городе контрастов, но в то же время переход через мост скрывает в себе возможность удаления от темной действительности и осознанного выхода.

Тема уюта и бесприютности в «Трех сестрах» проявляется в интересном аспекте. Драмы Чехова, как правило, строятся по следующей парадигме: герои живут у себя дома, в усадьбе, или возвращаются туда, но не находят там дома, домашнего уюта. И в пьесе «Три сестры» эта парадигма действительна, но в обратном порядке. Дом Прозоровых – не настоящий дом, домашний очаг, поэтому и удается Наташе «вжиться» в него и в пространственном плане – вытеснить оттуда Андрея и сестер. И Вершинин, и Тузенбах намного больше чувствуют себя дома у Прозоровых, чем Андрей, живущий там больше десяти лет, или сестры. («Хорошо здесь жить» (4: 442); «У меня в жизни не хватало именно вот таких цветов...» (4: 446) – говорит Вершинин; Тузенбах: «какая должна быть около них (т. е. деревьев) красивая жизнь» (4: 492) и т. д.). В отличие от Прозоровых с их тоской по другому месту, для Вершинина и военных, чувствующих себя дома (на сцене Чебутыкин читает газету, Федотик и Роде поют, играют на гитаре или в карты), город, находящийся далеко от железной дороги, является приятным местом пребывания. Таким образом, чувство бездомности является проблемой не военных, жизнь которых связана с мобильностью, а для живущих в усадьбе героев. Вершинин, в ответ на слова Маши, грубо философствуя, произносит:

Маша: Счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима. Мне кажется, если бы я была в Москве, то относилась бы равнодушно к погоде...

Вершинин: На днях я читал дневник одного французского министра, писанный в тюрьме. Министр был осужден за Панаму. С каким упоением, восторгом упоминает он о птицах, которых видит в тюремном окне и которых не замечал раньше, когда был министром. Теперь, конечно, когда он выпущен на свободу, он уже по–прежнему не замечает птиц. Так же и вы не

[2] Басманная улица, старый мост над Яузой и Красные казармы – излюбленные чеховские места в Москве. В произведении «Припадок» (1888) Васильев проходит по этому маршруту, окружающая среда и там отражает мрачное настроение и безысходность главного героя.

будете замечать Москвы, когда будете жить в ней. Счастья у нас не бывает, мы только желаем его (4: 462).

Ольга эмоционально говорит о прежнем месте жительства, называя его родиной, родным городом, и не осознает, что свет, напоминающий ей Москву, озаряет их теперешнюю квартиру. Вершинин замечает именно это – прекрасную природу (лес, река, березы) и ощутимый яркий свет в квартире (просторная квартира с большим количеством цветов). Тузенбах обращает внимание на деревья, окружающие дом перед дуэлью: «Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет» (492). Среда дома Прозоровых в одинаковой мере включает в себя и вышеупомянутые мотивы (свет, сиянье) и женское начало.[3] Дерево (особенно ели) является символом жизненной силы (образ высохшего дерева предвещает смерть Тузенбаха), играет важную роль в коммуникации между земным и небесным миром. Находящиеся в саду клены и березы создают некую «женскую среду», усиливающую представления о жизни, гибели, возрождении и новом начале. В связанных с кленом сказках на могиле героини, убитой сестрами, вырастает клен, из ветвей которого вырезается музыкальный инструмент, с помощью которого торжествует справедливость.[4] Береза, символ света, сияния (высокое белоствольное дерево) и в то же время плодородия,[5] – женский символ; у славянских народов береза отождествляется с весной и молодой девушкой. С женским началом связан и лес, символ души, сгущающий в себе таинственную семантику посвящения в тайны. Близость леса может быть и тонким намеком на созерцательный образ жизни Прозоровых, поскольку хотя возможность активной жизни, и дана, но она все больше теряет смысл для всех. Река[6] – помимо женского начала (с ней связано понятие плодородия и непрерывности бытия) – выражает и ситуация выбора, так как река воплощает в себе вместе с силой плодородия и разрушающую силу, в ее символике совмещаются значение жизни и смерти. Река – граница может скрывать в себе растворение, очищение, но и уничтожение.[7] Образы леса и реки внушают потребность погружения, необходимость найти смысл.

Характерное для внешней среды женское начало обнаруживается и в образе Москвы. Для Андрея и сестер этот город воплощает детство и полную

---

[3] По поводу сада и парка в произведениях Чехова см. (Хайнади 2004).

[4] В четвёртом действии Наташа планирует срубить еловую аллею, потом клён. Вырубка деревьев и осуществится в «Вишнёвом саде».

[5] Плод ели тоже связан с богатой символикой плодородия.

[6] По *Библии* четыре реки Рая — Писон, Гихон, Тигр и Ефрат — берут начало около дерева жизни. Их центральное место расположения тоже указывает на созидательные силы и скрытые источники. В своих драмах Чехов не раз создаёт иллюзию Эдема. При помощи природной среды в пьесах делается намёк на потерянный Эдем, точнее на пространство, которое герои принимают за Эдем.

[7] Чебутыкин сообщает, что дуэль между Тузенбахом и Соленым будет «в половине первого, в казенной роще, вот в той, что отсюда видать *за рекой*...» (4: 488, курсив мой — И. Р.).

семью с матерью («Мама в Москве погребена» (4: 443)). Образ родной земли и матери особенно большое значение имеет для сестер, поскольку настоящее время означает для них невозможность материнства. Валерий Щубинский – вслед за Гоголем – называет Москву городом с женским характером, поскольку в русской литературе (в качестве примеров он ссылается на Грибоедова и Островского) Москва строится на дворянских, семейных связях, независимая от исторического времени, больше подвергается физиологическим, природным циклам (ЩУБИНСКИЙ 2000). «Неизменность» Москвы, ее патриархальное построение дает о себе знать и в произведениях Толстого. Образ Москвы у Чехова также лишен особенностей конкретной исторической эпохи, как бы превращаясь в метафору вне времени и пространства. Хотя Ферапонт в начале третьего действия на минуту ставит ее в историческую перспективу, когда в связи с пожаром в городе воспоминает московский пожар 1812 года, но за словами старого слуги не больше исторического опыта, чем за приспособлением Фирса из «Вишневого сада», не обращающего внимания и на 1861 год. Кроме того, в чеховской драме Москва становится и элементом женской идентичности. Ирина в самой реалистической части драмы, в конце третьего действия – с точки зрения драматургии больше похожей на кульминацию классических драм – говорит: «Я все ждала, переселимся в Москву, там мне встретится мой настоящий, я мечтала о нем, любила... Но оказалось, все вздор, все вздор...» (4: 479). Образ Ирины воспринимается как реминисценция Татьяны Пушкина, но по всей вероятности, город невест[8] не спасет Ирину.

Прозоровы, их прошлое связаны с Москвой, естественным русским городом, тогда как Тузенбах, его прошлое – с Петербургом. Тузенбах – петербуржец по рождению, для него проблема – его русская идентичность. Он постоянно вынужден доказывать, что он русский, православный, «немецкого... осталось мало» в нем (4: 457). В то же время Тузенбах военный (В. Щубинский описывает Петербург конца XVIII века как «город–казарму», в котором живут преимущественно холостые военные, офицеры и мелкие чиновники) (ЩУБИНСКИЙ 2000). Бросив военную службу, подав в отставку, он, как и Андрей, мечтает о переезде в Москву («И я с тобой, Андрюша, в Москву, в университет», 4: 465). Разница между Петербургом и Москвой к концу четвертого действия теряет свое значение. На это в тексте указывает недостоверная информация Ферапонта, основанная на искажении слухов. Сначала он «вспоминает», что в Петербурге было двести градусов мороза, потом коле-

[8] Пушкин в «Евгении Онегине» говорит о Москве как о «ярмарке невест»:
«Что ж, матушка? за чем же стало?
В Москву, на ярмарку невест!
Там, слышно, много праздных мест.» (Пушкин А. С., Евгений Онегин. Москва. 1963, 191)

блется, не о Москве ли он слышал это. И все это говорится параллельно со словами Андрея, смелыми, утопическими, обращенными в будущее.

В третьем действии Вершинин объявляет, что их бригаду переводят в Польшу или Читу. В начале четвертого действия выясняется, что новое место назначения — Польша, что военные реагируют спокойно. Эмоциональные слова Ирины и Кулигина перебивают своим рациональным прощанием Федотик и Родэ (Федотик: «Не до свиданья, а прощайте, мы больше уж никогда не увидимся!» (4: 483); Родэ: «Не увидимся больше...» (4: 484). Эмоции Вершинина тоже более сдержанны, чем эмоции Маши. Трагичность конечности связана не с образами военных, а сестер. Контраст неподвижности Тузенбаха, Андрея и сестер и пространственной динамичности военных и фиксированность этого контраста подчеркнуты символическим жестом Чебутыкина. После слов Вершинина Чебутыкин роняет фарфоровые часы, которые – как выясняется – принадлежали матери, таким образом, вне чувства «для сестер остановилось время», словно открывается перспектива безвременной вечности, и – возвращаясь к вышеприведенной мысли – мы чувствуем и невозможность женского завершения, создания женщиной домашнего уюта и очага.

В прозаических и драматических произведениях Чехов одинаково пользуется возможностью перенесения в действительность событий, происходящих в сознании героя–действующего лица, и придает этому первостепенное значение. Поэтому у читателя рассказов складывается впечатление, что вместо динамики эпизода или события часто появляется другая динамика, осуществляется напряжение, связанное исключительно с душевным состоянием действующих лиц. На объективный мир (и на пространство рассказа, являющееся составной частью этого мира) можно смотреть только как на проекцию душевного состояния или на действие сознания. В драмах Чехова событийный ряд тоже уступает место внутренним действиям героев, а пространственность становится частью душевной настроенности. Лучше всего в «Трех сестрах» и «Вишневом саде» определяется место рождения и родной дом детства как пространство собственного существования, и в обоих произведениях неразрешимый опыт чуждости сопровождает смену образа жизни. Но все это понимается в ироническом плане, не достигает высот классических трагедий, поскольку – как в приведенных примерах: повторные жесты нерешительности, контрапункты отмечают – картина домашнего очага – в «Трех сестрах» мечта о Москве – питающаяся иллюзорной памятью об искаженном прошлом и состоянием отсутствия настоящего. Из этого следует, что желание возвращения – пустой топос и служит скорее для сохранения коммуникации, для замены того, о чем «невозможно рассказать». В структурном плане это подчеркнуто в «Трех сестрах» концовкой отдельных действий – мотив Москвы как утопии повторяется как припев.

Второе и третье действия заканчиваются словами Ирины: в обоих случаях отчаянно она повторяет тоску по Москве. Две концовки действий – с

точки зрения драматургии места – похожи: в обоих случаях сцена пустеет; в конце второго действия Ирина остается одна, а в конце третьего– со сцены исчезают Андрей, Вершинин, Маша и Кулигин, и Ирина умоляет Ольгу уехать. Однако с точки зрения эмоциональной интенсивности – два текста в значительной степени расходятся. Во втором действии Ирина чувствует несостоятельность системы отношений в семье, а в третьем – она убеждается в безысходности своего существования, в том, что ее личное счастье становится невозможным. Модальность предложений тоже связана с бегством из безнадежного положения.

Аккорды концовки драмы напоминают конец пьесы «Дядя Ваня». В обеих драмах героини Ирина и Соня вербально выражают безнадежность, в финале говорят об отчаянном желании жить. Частые паузы в диалогах (в соответствии с ремарками автора), тишина и создающая элегическое настроение постепенно умолкающая музыка контрастны высказываниям персонажей, функционально передают и ощущаемую местами в тексте дихотомию.[9] Сестры собираются в Москву, но постепенно они настраиваются на продолжение обыденной жизни. Вместо драмы перехода границ, обновления и раскрытия тайны – драма, свидетельствующая об умолчании и монотонности существования.

Литература

Евсеев 1993: Евсеев Д. М., Прогулки по чеховской Москве // Чеховиана. Чехов в культуре XX века. Москва, 244 255.

Хайнади 2004: Хайнади, З., Архетипический топос // Литература. № 29, 7 13.

Чехов 1976: Чехов А. П., Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма. Т. 4. Москва.

Чехов 1984: Чехов А. П., Сочинения в четырех томах. Москва.

Щубинский 2000: Щубинский В., Город мёртвых и город бессмертных. Об эволюции образов Петербурга и Москвы в русской культуре XVIII–XX веков // Новый мир. № 4, 145 156.

Lynch 1960: Lynch, K., The Image of the City. MIT– Press, Cambridge/Mass.

[9] В конце четвёртого действия эту дихотомию легко заметить в словах Ольги. Подтверждение мысли о конце, перенесение надежды в далёкое будущее и в то же время повторение мысли о возможности счастья в настоящем воспринимается как исключающие друг друга вещи.

Abstract

Moscow as a Metaphorical Area and the *Three Sisters*

The topography of the drama is extremely varied: besides the governor town serving as the scene of the plot, Moscow and St. Petersburg are also important spaces, not to mention the role of Poland, Chita, Berghisov and Cicikar, which all appear as distant and, as compared to the world of the drama, intangible realities. After examining the dramaturgic role of these place-names, memories related to Moscow are also confused. The essay comes to the conclusion that in the illusory shape of Moscow (from the perspective of the Prosorovs), as well as in the natural environment surrounding their present home, the presence of the same female principle can be detected. Nevertheless, in spite of the images of female self-realization, home-finding and renewal, through counterpoints and structural solutions, the desperate feeling of hopelessness and despair of personal existence finally prevail.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

ФУНКЦИИ ИКОНЫ В РОМАНАХ И. С. ШМЕЛЕВА

Светлана ШЕШУНОВА

Икона – неотъемлемая часть художественного мира И. С. Шмелева. «Неупиваемая Чаша» в этом аспекте исследовалась неоднократно (КИЯШКО 2003: 57 63; МЕЛЬНИК 1999: 28–31), особенно полно и плодотворно – В. В. Лепахиным (ЛЕПАХИН 2002а: 424 440). Данная статья обращена к более поздним произведениям – «История любовная», «Няня из Москвы», «Пути небесные».

Об иконописи как искусстве в этих романах говорится несравнимо меньше, чем в «Запечатленном ангеле» Н. С. Лескова, поэзии Н. А. Клюева или «Неупиваемой чаше» самого Шмелева. Внимание уделяется не столько линиям и краскам самой иконы, сколько ее окладу и прочим украшениям. Например: « светился розовым серебром оклада образ Рождества Богородицы. На голубом подзоре розовели серебряношитые цветы, золотые пчелы и колосья» (V, 118)[1]; «Икона Покрова была в лилиях, с подзором-пронизью, в жемчугах. < > прекрасна была она, сияющая солнцем и самоцветами» (V, 334). Как видно, красота здесь – в любовно подобранном обрамлении; сама же икона может быть потемневшей, образ святого на ней – неразборчивым: «Лика на ней уж не видно было, старенькая, а словно Никола-угодник-батюшка, по облику» (III, 53; см. также V, 414). Ее эстетические качества, как правило, не важны ни для Шмелева, ни для героев его романов. Более того: эти качества выделены там, где икона не выполняет своего главного назначения – побуждать к молитве. Дариньке, объятой вихрем любовного соблазна, кажется, что Вагаев предназначен ей свыше, что он «явился ей еще в монастыре, в лике Архистратига Михаила»: «вспомнился ей, – совсем живой, образ Архистратига на южных вратах, у клироса. Образ тот был соблазнительно прекрасен и привлекал юных клирошанок. Столь соблазнителен, что игуменья приказала переписать его, строже и прикровенней. Воевода небесных сил, в черных кудрях по плечи, с задумчиво-томными очами, в злато-пернатых латах, верх ризы киноварь, испод лазоревый – вспомните лейб-гусара: алое – доломан, лазорь – чакчиры! – с женственно-нежной шеей, с изгибом чресл, лядвеи обнажены, – привлекал взоры Дариньки. Она призналась, что в этом духовном обожании было что-то и от греха. Раз она даже

[1] Здесь и далее романы цитируются по изданию (ШМЕЛЕВ 1998 2001). Римские цифры обозначают том, арабские – страницы.

задержалась и прильнула устами к золотому ремню на голени». И когда Вагаев кружит ей голову, в сердце героини, по ее собственному признанию, сливается красота этого гусара и «грозный Небесный Лик» (V, 210). Причина тому – свойства привлекавшей девушку иконы: жизнеподобие, «томные очи» и соблазнительность – плохая рекомендация образу, помещенному на алтарных вратах. Примечательно, что по своему облику и воздействию на послушниц этот Архистратиг очень напоминает святого Георгия кисти Ильи Шаронова, героя «Неупиваемой Чаши» (I, 417). Но если там Шмелев подчеркивал такую манеру письма с явным сочувствием (ЛЕПАХИН 2002а: 434), то в последнем своем романе описывает ее красоту как сомнительную и даже опасную для души.

При этом каноничность изображения, по-видимому, не является для писателя значимой проблемой. Как в «Неупиваемой Чаше» чудотворной стала икона, написанная «не уставно» (I, 430), так и в «Путях небесных» одинаково благодатны каноничные иконы (Казанская, Иверская) и необычный образ Святителя – судя по контексту, священномученика Филиппа, митрополита Московского: « изможденный лик, вдохновенно взирающий на Спаса < > Оба лика, казалось, связаны были светом, исходившим от них: светом неизреченной Благости – неугасимой веры. < > Это не был образ Святителя, как уставно пишут: ни митры, ни Евангелия, ни благословляющей десницы. Это был образ коленопреклоненного, молящегося старца-подвижника, в холстинной ряске, опоясанного вервием » (V, 295 296). В «Няне из Москвы» критически упомянута католическая икона, помещенная Катей рядом с фотографией ее кумира – «беса обсосанного»: «И у Катички над постелькой харя его висела, а рядом картинка-Богородица, только заграничная, не наша, Мадонна называется. Чего-чего у ней не висело!.. Люди какие-то не настоящие, синие все, головы скошены » (III, 58). Подобное соседство само по себе компрометирует «картинку-Богородицу»: подлинная икона в таком окружении вряд ли мыслима. Однако делать отсюда вывод о дискредитации католических изображений было бы преждевременно. В кульминации того же романа именно католический, резко отличный от православного образ играет важнейшую роль в объяснении между няней и сестрой Беатрисой: «А я по стенам оглядываю увидела Господень Крест, а на Кресте Спаситель; а на главке терновый венец, настоящий колючий и Спаситель не написан, а настоящее Тело Христово, и колючки-шипы, и по главке кровь течет, от колючек! И она туда оборотилась, на Спасителя» (III, 185 186). По ощущению няни, сам Христос безмолвно вступает в диалог и помогает обеим женщинам прийти к состраданию, к осознанию друг друга как ближнего, что обеспечивает счастливую развязку (ШЕШУНОВА 2002: 68 69); как видно, удаленность образа от православного канона этому здесь не мешает.

Икона выполняет в романах писателя прежде всего посредническую функцию. В понимании иконы как посредника есть два аспекта – онтологиче-

ский и психологический (ЛЕПАХИН 2002: 322), и оба они присутствуют в художественном мире Шмелева. Икона является местом таинственного, но реального схождения в земной мир Христа, Богородицы или святого. Ощущение этой реальности позволяет героям Шмелева говорить с иконой как с близким, понимающим и сочувствующим человеком. Это не обязательно молитва. В «Истории любовной» такова безмолвная беседа Тони, потрясенного смертью Степана, с иконой Богородицы. «За что?» – спросил я ее глазами. < > И я улыбнулся сердцем. Она сказала – «за что!..» Да это же и я думал < > И вот, Богоматерь знает» (VI, 196). В «Путях небесных» мысленные диалоги Дариньки с иконами укрепляют и проясняют ее душу: «Сердце во мне сомлело, только его голос услыхала. И тут почудилось мне, что это моя судьба великая радость-счастье, и большое горе, и страшный грех. < > Взглянула на Страстную Матерь Божию и подумала в сердце, будто Пречистая мне велит: „все прими, испей". И вот, испила, пью до сего дня. Сколько мне счастья было, и сколько же мне страдания» (V, 40). В другом эпизоде Даринька «затеплила лампадку у Казанской и долго смотрела в чудесный Лик. < > Сказала мысленно Лику: пойду ко всенощной. Так кончилось «помрачение бесовское» (V, 172). Являясь местом встречи с Богом или со святым, икона как посредник помогает совершиться молитве и чуду. Именно так воспринимает Дарья Синицына происходящее во время ее молитвы перед образом святителя Николая: «Ну, думаю, на погибель остаемся. Взмолилась я Николе-Угоднику: вразуми-укрой, батюшка, проведи невредимо! Уж так я плакала, барыня, никогда так не плакала. Темный образок мой, а тут будто как ясный стал, будто живого сквозь слезы увидала (курсив мой – С. Ш.). И как-то слободно на сердце стало. Ну, спокойна, нельзя спокойней. Буди Его святая воля» (III, 111). Безвыходная ситуация тут же разрешается.

Чудесных событий (главным образом, исцелений) в романах Шмелева очень много, и они, как правило, связаны с иконами. Например, умирающая Даринька просит поставить рядом с ней «Казанскую-Матушку» (V, 60), выпивает святой воды и быстро выздоравливает. Выздоравливает и Тоня после того, как его, умирающего, положили под образа (VI, 219). В обоих случаях доктора признают чудо (V, 62 64; VI, 219).

Юное сердце готово видеть благодатную помощь иконы и там, где в реальности его ждут чисто земные радости и опасности. Так, в «Истории любовной» влюбленный в Серафиму Тоня привычно заходит в часовню помолиться перед образом Богородицы; объект его мечтаний тут же появляется и обещает ответить на его признание. Герой видит тут знак, посланный «Заступницей Усердной»: «Может быть, это перст судьбы Владычица » (VI, 112). На деле же двусмысленный роман с Серафимой приводит его на край не только греховного падения, но и смерти. Однако в позднем творчестве писателя отношение к «знакам свыше» теряет подобную трезвость; изобилие и сам характер чудес нарушают подчас художественную меру. Такова в

«Путях небесных» история с драгоценностями, мистически «предназначенными» Дариньке; во время ограбления они лежали возле иконы Николая Угодника и были чудесным образом «покрыты» этим святым; А. М. Любомудров указывает на магический оттенок этой линии романа и ее художественные противоречия (ЛЮБОМУДРОВ 2003: 201 203).

Другой аспект посреднической функции иконы – посредничество между людьми. В нескольких случаях икона соединяет персонажей Шмелева, в чем выражается присущее творчеству писателя соборное начало. В Стамбуле безымянный казак дарит Кате образок Тихона Задонского – святителя, которому особо молятся об избавлении он уныния (греховной печали): «Этот образок заветный, святой человек мне дал, на войну когда не будет печали, говорит. Мне теперь нет печали, дочку нашел. А вы, барышня, скучаете, я все вижу всякую печаль разгонит! < > не будет вам печали, попомните старого казака » (III, 143). Тем самым образ, который, перекрестившись, приняла Катя, соединяет ее не только со святителем Тихоном, подвижником XVIII века, но и с неведомым «святым человеком» века XX, и с помогавшим ей казаком. Между людьми разного возраста и призвания, большей частью никогда не видевшими друг друга, возникает связь – незримая, но благодатная: «И сразу нам легко стало», – признает няня (III, 143). В Париже образ Николая Чудотворца способствует встрече Дарьи Степановны с госпожой Медынкиной, которую няня перед тем безуспешно разыскивала: «Пойду, думаю, поставлю свечку Николе-Угоднику-батюшке, забыла ему поставить. А он сколько спасал-то нас < >. Так это в уме мне – пойду-поставлю! < > Подхожу к ящику свечному, а вы меня и окликнули» (III, 16).

Икона связана в произведениях Шмелева и с дорогой ему «мыслью семейной»: в повествовании присутствуют так называемые «благословенные» образа, то есть полученные вместе с родительским благословением. В незаконченном романе «Солдаты» отец главного героя, провожая сыновей на германскую войну, надевает им по образку Николая Чудотворца. «– Тебе, Степан дедовский, Севастопольский – тихо сказал полковник, благословляя капитана. – Тебе, Павел, мой Кавказский. < > А это, дети, – показал на Казанскую полковник, – покойная мать вас благословляет. Будьте крепки!» (VI, 394). Уже упоминавшаяся икона святителя Николая, которую сопровождает няню в ее странствиях – «старинная, от тятеньки покойного» (III, 16). Как родительское благословение, она соединяет Дарью Степановну с покойным отцом. Этой же иконой умирающий доктор Вышгородский благословляет, в свою очередь, собственную дочь: «Анна Ивановна взяла иконку мою, Николы-Угодника, и подала Катичке. Катичка в руку ему вложила < >. Положил иконку ей на головку – и задремал» (III, 84). Икона, передаваемая из рук в руки, становится зримым центром духовного единения. Данный эпизод «Няни из Москвы» перекликается с «Летом Господним»: « я знал < >, сейчас будет важное, – благословение, п р о щ а н и е. Слыхал от

Горкина: когда умирают родители, то благословляют образом, на всю жизнь. < > Отец положил мне на голову руку – Ваня это – сказал он едва слышно, – тебе Святую Троицу мою – больше я не слыхал. Образ коснулся моей головы, и так остался » (IV, 361). Икона Богородицы, которую попросила придвинуть к ней умиравшая Даринька, также была «благословением матушки Агнии», то есть соединяла героиню с покойной инокиней, заменившей ей родных (V, 60). Попутно отметим, что мотив родительского благословения, в том числе благословения иконой, чрезвычайно значим и в сюжетах высоко ценимой Шмелевым эпопеи П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» (ШЕШУНОВА 2001: 463 464).

Очевидна в творчестве писателя и свидетельская функция иконы. Иконопочитание – особый вид исповедания веры (ЛЕПАХИН 2002б: 315). В «Путях небесных» крестный ход, в котором участвует Вейденгаммер (глава «Поднятие икон») становится для героя свидетельством искренности и силы веры народа (V, 335-336); принесение храмовых икон в усадьбу именуется «Высоким Посещением» и переживается ее обитателями наравне с Пасхой: «Все весело суетились, словно к Светлому Дню готовились» (V, 333). Подчеркивая, что у того или иного персонажа нет икон, Шмелев выделяет его неверие как важную для действия черту. Матушка Агния смущенно спрашивает у Вейденгаммера: «А образов-то у вас, как же нету?» Пристыженный инженер солгал, что образ «отдан мастеру починить» (V, 45). Вышгородские «Царицу Небесную никогда не приглашали» (то есть, по контрасту с семьей рассказчика в «Лете Господнем», не принимали у себя носимую по Москве Иверскую икону); «Образов < > в доме не было, барыня не желала, по своему образованию, и свое благословение, мамаша их замуж благословила, она на дно сундука упрятала. В детской только я уж настояла Катерины-мученицы повесить образок к кроватке, да в прихожей иконка висела, от старых жильцов осталась » (III, 28). Более того – падение этой забытой хозяевами иконы свидетельствует в «Няне из Москвы» об их отпадении от Бога и неизбежности грядущих бедствий. Дарья Степановна рассказывает, как в начале 1916 г. Катя со своей актерской компанией ставила в родительском доме «Саломею» О. Уайльда для раненых солдат. Модернистская пьеса вызывает у зрителей (включая няню) тяжелые чувства: «Страшно, барыня, глядеть было, – над святым прямо издевались, да еще и под музыку. < > Стала она на главу глядеть, хохотать – стук!.. – позади меня об пол что-то. Я так и вздрогнула. А это иконка из уголка упала, в прихожей которая висела, от жильцов осталась. Надвое и раскололась! Не сказала я своим, что их расстраивать, знаю – к худу. И Аксюша тоже – «ой, нехорошо как, к упокойнику!» Связала потом иконку, повесила. < > И со двора которые были, стали уходить, – ишь, – говорят, – как нехорошо!» (III, 53). Икона в данном случае выступает как безмолвный пророк, и простым душам без пояснений внятна ее обличительная проповедь.

Иконописное изображение обладает и напоминательной функцией (ЛЕПАХИН 2002б: 321–322). Глядя на него, шмелевский герой вспоминает о Боге, о загробной участи, о необходимости борьбы с грехом. В «Истории любовной» дан контраст между греховными свиданиями, которые невольно наблюдает в детстве Тоня, и иконой, на которую он переводит глаза: «И вижу – образ! < > Думаю о «грехе», о Боге. Все смешалось» (VI, 79). В этом же романе героя-рассказчика преследует яркое, зримое воспоминание о виденной им у Троицы фреске, изображавшей Страшный Суд и Змия, терзающего прелюбодеев (VI, 163; VI, 185). «Слово – грех – являлось для меня живым и страшным. < > Я знал, что в пастуховом доме – грех. < > Жирный Змий, зеленый, в черных пятнах, лежит на доме, вытянулся дальше В окно смотрит «молодая», грехом обвита, – и не знает! Я вижу языки огня. А он, зеленый, с крыльями летучей мыши. Мне жутко: грех так близко!..» (VI, 170). От подобного душевного смятения Тоню исцеляет домашняя икона: « огромный золотой образ «Всех Праздников» вызывал в памяти молитвы. Сюда приносили Иверскую и Великомученика-Целителя Пантелеймона, здесь славили Христа на Рождество и Пасху. < > Поглядишь на «Все Праздники», на Распятие посередке – давний был образ, староверский, – запоешь-зашепчешь: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко » < > И только вошел в залу, на душе стало строго и покойно» (VI, 53). При взгляде на этот образ исчезают страшные мысли, становится «радостно-покойно» и приходит постижение того, «что есть две силы – чистота и грех, две жизни» (VI, 171). Именно о том, что чистая, святая жизнь возможна и достижима, напоминает и свидетельствует икона.

Итак, полифункциональность иконы в романах Шмелева помогает писателю усилить иконичность поэтики произведения, создать особый иконичный художественный мир, в котором земное соприкасается с небесным.

Литература

КИЯШКО 2003: Кияшко Л. Н., Христианская символика в повести «Неупиваемая Чаша» // И. С. Шмелев и духовная культура православия: IX Крымские Международные Шмелевские чтения. Симферополь.

ЛЕПАХИН 2002б: Лепахин В. В., «Неупиваемая Чаша» и Иверская Заступница: по произведениям И. С. Шмелева // Лепахин В. В., Икона в русской художественной литературе. Москва.

ЛЕПАХИН 2002б: Лепахин В. В., Икона и иконичность. Санкт-Петербург.

ЛЮБОМУДРОВ 2003: Любомудров А. М., Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. Санкт-Петербург.

МЕЛЬНИК 1999: Мельник В. И., Мельник Т. В., «Неупиваемая Чаша» И. Шмелева // И. С. Шмелев и литературный процесс накануне XXI века: VII Крымские Международные Шмелевские чтения. Симферополь.

Шешунова 2001: Шешунова С. В., Соборность в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Исторический вестник. № 2 3. Москва–Воронеж, 13–14.

Шешунова 2002: Шешунова С. В., Образ мира в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы». Дубна.

Шмелев 1998 2001: Шмелев И. С., Собр. соч. в 5 т. (Т. 6, 7, 8 доп.). Москва.

Abstract

The Function of the Icon in Shmelyov's Novel

The paper describes the functions of the icon in I.S.Shmelyov's novels "The Story of Love" (1927), "The Nurse from Moscow" (1933) and "The Ways in Heaven" (1935 1947), which were created in France. In his later works Ivan Shmelyov often refuses to be interested in the aesthetics of the icon. The icon's main function in his novels is for characters to communicate with God and each other (which is important for the plot). Besides this, the icon can play the part of a prophet, protector or healer.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

Д. АНДРЕЕВ: ПОЭТ, ФИЛОСОВ, МИФОТВОРЕЦ

Waldemar SCHMIDT

Веры мне жизнь не дала,
Бога везде я искал,
Душа тревожно ждала,
Разум мятежно роптал
А. Блок

Д. Л. Андреев (1906 1959) принадлежит к числу тех малоизвестных, можно сказать, редких и забытых личностей минувшего столетия, чей талант, оригинальность поэтического мышления раскрылись в эпоху бесчеловечного разгула беззакония и оголтелой тоталитарной диктатуры. Расцвет его творчества совпал с развитием жестокого идеологического гнета. За свою тягу создавать чисто воображаемые миры поэту Д. Андрееву пришлось отвечать перед судом (СМИРНОВ 2000).

Литературное наследие Даниила Андреева еще до сих пор остается вдалеке от внимания исследователей, что в конечном итоге является несправедливым по отношению к его трагической судьбе.

Д. Л. Андреева можно отнести к той сравнительно небольшой части человечества, которая именуется людьми живыми, людьми, несущими в себе огонь, никогда не перестающий взгревать их души в искании Истины и следовании ей. Наследие Даниила Леонидовича Андреева обширно и многообразно. Вошедший в литературу как поэт, он быстро завоевал репутацию своеобразного поэта. Его можно отнести к числу русских лириков, которые в своем творчестве обращаются к высоким духовным началам (KASAK 2000).

Задача данной статьи попытаться понять некоторые аспекты в творчестве Д. Л. Андреева, а именно влияния его творчества на формирование философско-эстетического сознания в его эпоху. Позднее осознание творческого наследия Д. Андреева раскрыло современному читателю совершенно новую метафизическую картину видения мира и человека. В его поэзии ощущается, то фантастическое желание любого человека за гранью реальности, в которой царит и существует несправедливость, обрести справедливость, где заканчивается его физическое существование и начинается жизнь духовного тела. Его глубокая, чуткая проницательность к духовным процессам, безусловно влечет к осознанию значимости человеческой жизни в безмерном мире *жестокой похоти.* Именно в духовном высвобождении человеческих эмоций видит поэт истинную, духовную свободу, которая при-

равнивается им к абсолютной свободе. По мнению поэта духовная свобода человека исходит из его внутренних качеств в осознании им красоты окружающего его мира.

Драматичность и непредсказуемость – вот, пожалуй, главные особенности минувшего 20 века в России. И эта обреченная зависимость от общей общественной атмосферы русской жизни 30 50 годов 20 века, не могла не сказаться на общей судьбе и творчестве Д. Л. Андреева. Его особое восприятие прошлого России, нашло свое отражение в формировании особой историко-философской и литературной концепции истории России. Вряд ли кто – либо мог вообразить и оценить размеры трагических событий в историческом развитии России в эпоху авторитарной сталинской диктатуры. И как справедливо отмечал в своем труде Николай Алексеев, что: "всякая революция является результатом некоторой глубокой внутренней болезни... Болезнь эта может быть и не физической, но чисто духовной" (АЛЕКСЕЕВ 1998: 282).

Тоталитаризм со своей зловещей машиной уничтожения всякого инакомыслия, безусловно и был этой духовной болезнью не только ломая судьбы миллионов людей, но еще с большей силой и остротой влияя на отдельно взятого человека, его общечеловеческое мировоззрение. Крайнее своеобразие тоталитаризма и культуры в его эпоху состоит в том, что она подвергла табуированию не отдельные формы жизненной деятельности, но абстрактный универсальный субъект - человека и человеческое как таковое. В эпоху тоталитаризма сам смысл понятия человека и человеческого трактуется извращенно, как дополнение к власти, воплощенной в «вожде». И эта подмена понятия человеческого в сталинской империи сводилось к индивиду, к персоне вождя (Сталин – «самый человечный человек») (СМИРНОВ 2000: 19).

Когда рассматриваешь раннее творчество Д. Андреева, особенно его стихи середины 30-х годов, то невольно ощущаешь поэтическое осуждение существующей действительности. В одном из стихотворений 1935 года Д. Л. Андреев справедливо пишет, что трагизм эпохи 30-х годов есть не какое-то случайно возникшее явление в истории России, а наоборот исходит из ее исторического прошлого:

Милый друг мой , не жалей о старом,
Ведь в тысячелетней глубине
Зрело то, что грозовым пожаром
В эти дни проходит по стране.

(АНДРЕЕВ 1989: 20)

В другом поэтическом контексте Д. Андреев пророчески точно раскрыл саму сущность тоталитаризма, его зловещее содержание :

Шумные дети учатся в школах,
Завтра – не будет этих детей

Завтра – дожди на равнинах голых,
Месиво из чугуна и костей

(Андреев 1989: 18)

Возникшее из небытия и чудом сохранившееся имя поэта появилось к сожалению очень поздно в русской культуре, посмертно – сначала в 60 70 годы, как имя поэта, а позже как имя мыслителя, создателя одного из замечательных философских трудов. Что касается Д. Л. Андреева, то его не по праву забытое творческое наследие, наследие борца против тоталитаризма, бесчеловечности и лжи, только сейчас становится достоянием широких масс читателей. После появления *Розы мира* проявилось его уникальное, в чем-то особое и парадоксальное положение в русской культуре. А забыто его имя было потому, что его поэтическое, гражданское мнение шло в противоречие с общими представлениями на жизненные устои существовавшие в эпоху тоталитаризма, а именно с основной идеологической системой извращающей саму сущность и ценность человеческой жизни.

Его мировоззренческая позиция, идущая в противоречие с общей литературной доктриной социализма – социалистическим реализмом, конечно не могла быть принята и понята в его эпоху. В этом отношении его литературная, философская и религиозная судьба имеет определенное сходство с такими символическими фигурами и судьбами в русской истории и культуре 20 века, как Булгаков, Платонов, Флоренский, Соловьев, Бердяев и многими другими (Кондаков 2000: 73).

Творческое наследие Д. Л. Андреева вызывает полемику, и в тоже время раскрывает с полной силой всю глубину его таланта, его любви к России, ее народу и прошлому. Всплеск интереса к творчеству Д. Л. Андреева начавшийся в 80 90 годах минувшего столетия[1], вызвал небывалое число публикаций о его творчестве. Однако сама тема поэтического наследия Д. Л. Андреева все еще остается малоизученной, и вследствие этого актуальной, прежде всего в понимании особенного характера русской литературы эпохи сталинизма. В своих воспоминаниях о Д. Л. Андрееве Смирнов пишет, что: «чем особенно ценен и дорог Андреев, тем, что он развился в России в среде внутренней иммиграции вне советской культуры, не вступая с нею в контакт. В этом его уникальность» (Смирнов 1997, т. 3: 471). Поэтическое наследие Д. Л. Андреева – это прежде всего протест против той бездуховной,

[1] См. Андреева, А., Железная мистерия. К 90-летию со дня рождения Д. Андреева // Литературная газета 6.11.1996; Орловски, И., Универсальная ценность утопии: О Розе мира Д. Андреева // Русский язык за рубежом (2) 1994, 88 92; Литературное обозрение(5), 1990, 14 18; Новый мир (6) 1991, 258 261; Литературная газета, 23.05.1990; Литературное обозрение (5) 1990, 19 21; там же, 9 14; Новый мир (2) 1989, 176 193; Нева (9)1988, 118 120; а также см. Даниил Андреев в культуре 20 века. Москва 2000; Шмидт, В., Д. Андреев (1906 1959): пути исканий // Slavica. XXIX (1999), 189 197.

бесчеловечной атмосферы, того общественного произвола, который влиял и можно сказать определял конкретные действия личности.

Необычайность его поэтического мышления, нашедшая место в его стихах совершенно по-иному рассматривает, а точнее сказать исследует историческое прошлое России, ее народа, при этом проектируя – это историческое прошлое в настоящее, т. е. в конкретную эпоху, в которой жил поэт. В своих воспоминаниях о Д. Л. Андрееве Смирнов очень правдиво заметил, что: «Он писал свои стихи и прозу без всякой надежды на публикации. Это была последняя на территории России свободная русская литература» (СМИРНОВ 1997, III: 471).

Надо отметить, что его литературное наследие не может остаться в стороне от исследований литературоведов, лишь только по одной причине, а именно его значимости в оценках сегодняшнего дня. Читая стихи Андреева всегда проникаешься мыслью их значимости и актуальности для людей живущих в нашу эпоху. Поэт Андреев – поэт религиозного склада, у которого тема духовного начала в творчестве одна из главных.

Будучи поэтом с религиозным мировоззрением, Д. Л. Андреев безусловно не мог воспринять саму идею обожествления отдельной личности. И его позиция в отношении «культа личности» определялась общим христианским постулатом о не принятии деспотии, все равно покрывалась ли она религиозным авторитетом, являлась ли монархической или республиканской (АЛЕКСЕЕВ 1998: 56). Духовная поэзия Д. Л. Андреева есть продолжение лучших традиций в русской литературе середины 20. века. Глубина вопросов о духовности человека особенно остро обнаруживается в эпохи социальных потрясений. Конец 19. – начало 20. века можно по праву назвать эпохой перемен. Именно переход от одной эпохи к другой ознаменовал собой потерю многих духовных ориентиров, что в свою очередь усугубило жизнь огромной массы людей, все время толкая их на безнравственные дела и поступки, следствием чего явилось осознание ими бессмысленности своего существования. Поэзия Д. Андреева есть реализация русской мечты о мире без зла, о всеобщем счастье для всех народов, а не только русских. Его поэтическое творчество во многом направлено на формирование в человеке качеств присущих обществу, в котором есть добродетель, красота и любовь.

И как справедливо писал философ Франк поиски и обретение духовности есть сложный и кропотливый процесс. И смысл этих поисков заключен в умении отличать истинную жизнь от жизни, которая есть смерть. Искание смысла жизни есть, таким образом, собственно «осмысление» жизни, раскрытие и внесение в нее смысла, который вне нашей духовной действительности не только не мог бы быть найден, но и не существовал бы (ФРАНК 1994: 494). Духовное возрождение России, охватившее ее в начале 20. столетия оказало значимое влияние на формирование особенной позиции в философской, а также литературной концепции, вообще во взгляде на русскую обществен-

ную мысль начала столетия. Начало 20. века ознаменовало собой бурный рост интереса русских литераторов к истории России, к осознанию ими смуты и постигшего ее политического беспредела.

Поэтический цикл его стихов «Русские боги» заслуживает особого внимания, так как раскрывает более полно всю трагедию не только судьбы автора, но и трагизм всей русской истории. В творчестве Д. Андреева идея национального и культурного возрождения России – это одна из основных идей. Объем знаний заложенных Андреевым в его поэзии огромен и базируется на обширном интеллектуальном слое европейской, русской и восточной культур и в большей мере открывает нам будущее. Д. Андреев предложил свою собственную «структуру», свой взгляд на поэзию, как искусство (ЧЕРНЫШЕВ 1998: 9).

Религиозно-философская интерпретация в поэзии Андреева провозглашала своей задачей именно христианское возрождение, влекущее за собой идею нравственного совершенствования личности, способной изменить окружающий мир. Всплеск интереса к духовной поэзии, интерес к ней в русской литературе в начале 20. века был связан прежде всего с самооценкой конкретного состояния русской жизни, с поиском положительных исторических корней в русской действительности и был обусловлен стремлением русских литераторов к использованию этого положительного опыта в реальной, общественной жизни. Наиболее важны в творчестве поэта его представления о самой природе человеческой истории, которую он рассматривает с точки зрения религиозности. В его духовном наследии с глубокой широтой прослеживается принцип преемственности по отношению к прошлому России.

Говоря об историчности взглядов в поэзии Д. Л. Андреева, нужно отметить, что они заключались в удивительном схватывании своей эпохи и множества других эпох. С точки зрения истории, а точнее с точки зрения переходности и смертности – это вполне понятно. Исторические взгляды Д. Л. Андреева как будто бы далеки от того, чтобы влечь за собой слезы, они в большей мере проникнуты вниманием и вдумчивостью в происходящее в нашей неустроенной жизни.

История у Андреева в его поэтическом контексте, каждый ее момент переживается им как ее конец или как один из образов ее конца. История для поэта – это разочарование во времени, можно сказать скорого конца «Вселенной». И у поэта Андреева история оказывается схожей по своей природе с мифом, что означает в конечном итоге ее присутствие везде и нигде, никогда и всегда. Исторические мотивы в поэзии Д. Андреева отличаются от общих представлений на русскую историю в поэзии 19. века. Отличие его воззрений на историю России в том, что в его поэтическом творчестве сам исторический факт перестает быть особым, отдельным моментом, так как в его поэзии он сливается с современностью, можно сказать с эпохой, в которой жил ав-

тор. События русской истории вошли в творчество Андреева, как неотъемлемая часть его современности.

В своем творчестве Д. Л. Андреев прежде всего расширяет библейский миф о сотворении мира, через посредство этого поэт глубоко проникает в сущность самого понятия истории. Иными словами, с точки его религиозных представлений, он исследует саму систему человеческого восприятия истории, как мифа (См. СОРОШЕВИЧ 1970; ПОЛУХИНА 1996), и следовательно в своем творчестве он ищет ответ на тот важный вопрос, в чем предназначение человека в мире. Безусловно поэт в своем творчестве рассматривает ту нелепую игру истории, которая прямо или косвенно затрагивает человеческие взаимоотношения. У истории всегда имеется сюжет; а у Д. Андреева этим сюжетом является миф, который в конечном итоге и определяет выбор и завершенность действий в истории всего человечества.

Понятие исторического сюжета у поэта Д. Андреева есть прежде всего конкретизация его литературно – поэтического мировоззрения о мифе, как об изначальном моменте истории. В историко-литературной концепции Д. Л. Андреева имеется та особенность, которая присуща всей русской литературе начала 20. века, а именно царившая в ее духовой атмосфере особенность выраженная в ее мифотворчестве. В своем стихотворении «Русские октавы» поэт напишет не случайно:

Миф, человечеству сужденный-
Грядущего благая весть.

(АНДРЕЕВ 1989: 34)

Это представление поэта об истории, как мифе во многом определило характер его литературного творчества, нашедшего свое выражение в его сакральном стихотворном тексте. Действующие лица его историко-литературного мифа – это противоборствующие силы Света и Тьмы, Добра и Зла. Вопрос о Добре и Зле в поэзии Д. Андреева, есть момент в самооценке и осознании человеком своей значимости. Поэт своим творчеством безусловно дает глубочайший урок нравственности. У Андреева с чуткой проницательностью заложена идея воскрешения человека на высшей ступени нравственности, призыв к реальному преображению мира в самом человеке, как одной из частиц, составляющего компонента реального мира. По мнению поэта Зло должно быть побеждено в самом бытии, где оно проявляется в торжестве смерти, которое есть крайнее, безусловное Зло. Однако Д. Л. Андреев считает, что борьба со Злом, не может осуществляться только посредством моральной проповеди, не может ей ограничиваться. И из его поэтических взглядов следует то, что для уничтожения Зла требуется активное, волевое противодействие со стороны отдельного человека, а также всего человечества.

Чем более активными, интенсивными были духовные и художественные искания поэта, тем более широко они были мифологизированы. В своем поэтическом триптихе «У стен Кремля» поэт размышляет об этой теме:

В смертных мечтах о добре и зле
Долго внимаю рассеянным сердцем
Древней, полупонятной хвале
Великомученикам и страстотерпцам.

(Андреев 1993: 23)

Сюжет религиозно-исторического мифа у Д. Л. Андреева выражен в его ключевых событиях; которые являются мгновенными катаклизмами, следствием чего в истории наступают перемены.

Благодаря своему символико-типологическому способу изложения, литературный текст Андреева является очень гибким, подходящим для любых исторических истолкований: во-первых, он иллюстрирует конкретные исторические факты и явления, а во-вторых, углубляет наши представления о мифе и его роли в формировании человеческого сознания. У Д. Л. Андреева, в его поэтическом тексте – это выражено в новой, совершенно иной интерпретации христианской внутренней жизни, а именно в расколе человеческой души на полярные противоположности – разрушительную борьбу с самим собой – кризис и внезапное возрождение, следствием этого взгляда у поэта, его выражением является совершенно другое, отличное от обыкновенного восприятия простого человека окружающего мира. Результатом этого внутреннего восприятия поэтом окружающего мира, является изложение литературно-мифической, особенной точки зрения на все эти происшедшие и будущие исторические события, которые поэт рассматривает на примере своей собственной жизни, на примере своей трагической судьбы. Он дал начало новому литературному жанру, жанру духовной автобиографии, в котором переплетаются элементы мифического, исторического и религиозного понимания действительности. В своем автобиографическом жанре поэт Андреев предстает, как целенаправленный борец с властью, сталинщиной. Андреев рассматривает вопрос о власти в двух измерениях – исторической и «мистической».

В своей борьбе он использует всевозможные и, как правило, внелитературные средства, а средства чисто исторического плана (Поэма «Гибель Грозного»). Этот же тип повествования мы узнаем, например у Данте рассматривая его «Божественную комедию», которая имеет прежде всего моральное значение и представляет в большей степени духовный отчет автора о его многотрудном духовном странствии через Ад, Чистилище и видение им Рая. Подобно комедии Данте, этот весь возвратный путь к золотому периоду в истории человечества, для поэта Д. Андреева выражен в хождении человека

по мукам. Для поэта Андреева, его духовное странствие выражено следующими словами:

А сердце еще не согрело страданье,
Просит и молит, стыдясь и шепча,
Певучих богатств и щедрот мирозданья,
На этой земле, золотой как парча...

(АНДРЕЕВ 1993: 137)

Иными словами, внутренние, индивидуальные переживания поэта, предвещают те ожидания, которые в общечеловеческом, моральном плане присущи нам всем(АБРАМС 2000: 17). Общая схема и ключевые события всемирной истории переведены у Д. Андреева на религиозно-мифический, философский язык. Следствием его особого поэтического языка является то, что истина для поэта не есть какая-то устоявшаяся структура. Наоборот Д. Л. Андреев рассматривает понятие Истины в постоянном движении, при чем это движение у него является целенаправленным, а исторические события в циклической последовательности и всегда в повторяющейся закономерности.

Для всех разнообразных трактовок историко-литературного мифа Д. Андреева; безусловно вырисовывается одна характерная деталь, что поэт в своем творчестве представлен, как философ-провидец, как поэт-пророк. В поэзии Д. Л. Андреева встает перед нами мир незнакомый, отличный от всех других миров. Будучи символистом поэт обходит в своем творчестве все античные и христианские условности, он в своей поэзии создает свои символы. И эти символы созданные в его поэзии, непроизвольно возникают из его души. Для поэта и его творчества было весьма важно заострить саму проблему в развитии культуры, ее преемственности и тем самым обличить ее трагичность.

Поэт-мыслитель убежден, что Божий мир трагичен, он структурно соответствен формам человеческой судьбы и трагизму самой человеческой истории (ИСУПОВ 2000: 5). Согласно Н. Бердяеву, «в истории нет по прямой линии совершающегося прогресса добра, прогресса совершенства... в истории нет и прогресса счастья человеческого – есть лишь трагическое» (БЕРДЯЕВ 1990: 150). Философско-религиозная мысль у Д. Л. Андреева проделала стремительную эволюцию от признания трагедии в реальности к открытию трагизма в самой ментальности человека. Неслучайно в своей работе «Миросозерцание Достоевского» Н. Бердяев справедливо пишет, что: «Бог именно потому и есть, что есть зло и страдания в мире, существование зла есть доказательство существования Божьего. Если бы мир был исключительно добрым и благим, то Бог был бы не нужен, то мир был бы уже богом. Бог есть потому, что есть зло» (БЕРДЯЕВ 1923: 86).

Андреев-христианин, но он стоит обособленно от церковного верования и не приемлет эту веру, которая :

Дремлет в окаменелых домах –
Под суровыми сводами соборов.
Мир отвергая

Д. Л. Андреев принадлежит к числу тех русских религиозных поэтов, кто заявил более полно в своем творчестве, через развитие своего мифо-исторического мировоззрения, о своей вере и страданиях в условиях деспотического режима.

Конечно для Д. Л. Андреева сама идея христианской и православной традиции является основным критерием в оценке всего исторического прошлого России. Ведь его представления о религиозной будущности человечества несколько отличаются от христианского миропонимания. От содержания мысли поэта, следует ожидать чего-то совершенно нового и прежде всего в плане осознания того великолепия русских исторических образов и тех исторических катаклизмов, которые в глубокой степени потрясли всю духовную и культурную жизнь России.

Сама по себе его философия, а тем более его историософские идеи в значительной степени направлены на создание мифо-утопического мира, влекущего за собой в мыслях поэта к изменению всего исторического, духовного и общественного уклада жизни русского народа. Для поэта Андреева его время представлено в мифе и является для него не просто историческим путем, но для него XX век – это еще не пройденный путь, а прежде всего созвучный этому веку опыт современной мысли, которую поэт реализует в создании мифо-поэтического мира, что в свою очередь влечет за собой постановку ряда вопросов, а именно вопросов на разрешение значимости и сути религиозно-философского мышления в поэзии. В русской классической литературе нашел свое отражение тот факт, и как это не раз отмечалось западноевропейскими исследователями, что именно русская литература утверждала высшие нравственные ценности, призывала к подвигу веры и любви, к отречению от эгоизма, к самоотверженному служению людям, то есть провозглашала основополагающие принципы христианского гуманизма. Все эти моменты присущи поэзии Д. Л. Андреева.

Д. Л. Андреев был человек горящий исканием, ищущий святыни и высшую Правду – не философской отвлеченной истины, но ищущий смысл Правды вечной, которая должна была воплотиться в жизнь, пусть даже через миф, и охранить человека от духовной смерти. Рассматривая русскую философию необходимо отметить, что изучение духовного мира и вообще понятие духовности в философских, религиозных и литературных текстах тесно была связано с социально-нравственной проблематикой, а также с этическими представлениями. Бог – это философское понятие – это та трансцендентальная субстанция, в которой заключено вечное Абсолютное бытие и нравственное начало. К этому понятию было сведено социальное, природное и личное

бытие человека, нарушенное социальными переменами начала XX века. Через Бога человек постигал все вопросы своей жизни. Человек у Д. Л. Андреева представляет собой единство материального и идеального начал. И именно в стремлении к такому Абсолютному идеалу выстраивался путь человека к его духовно-нравственному совершенствованию. Идея о развитии человека перекликается у Андреева с общей точкой зрения на человека и его сущность у В. Соловьева. В своем поэтическом творчестве Д. Л. Андреев говорит об этой вечной Правде, ибо она есть сам Бог и поэтому по мнению поэта отречение от идеи Бога неминуемо приведет человечество к гибели.

Д. Л. Андреев быть может первым осознал значимость и силу поэтического языка в тоталитарном обществе, его исключительно значимую и социальную роль (ФУКО 1997: 40). Поэт порой пытается через религиозное, а иногда и фантастическое осознание ценностей мира, раскрыть трагизм русской истории. Без его поэтического наследия не возможно понять ни русское сознание, ни многие шедевры русской литературы и культуры. Своеобразие его поэтического наследия определяется особенностями миросозерцания поэта, в котором прочно сочетаются верность старой, уже ушедшей России, а именно тоска по ее ушедшей религиозности и нравственности. Поэт Андреев не отошел от традиционной веры, для него образ Бога непостижимой силы, всегда остается актуальным. Помимо религиозного содержания поэтического наследия Д. Л. Андреева, ее важнейший аспект направлен на рассмотрение проблемы развития духовности человека, причем поэт переносит это в плоскость философских традиций, поскольку данной категорией изначально занималась философия.

Для поэзии Андреева характерен также поиск ответа на один из вечных вопросов: бытие или небытие Бога, и с ответом на этот вопрос у поэта связываются надежды и отчаяния, борьба сил Света и Тьмы. Величайшая заслуга Д. Л. Андреева состоит в том, что он не только раскрыл психологические особенности падения человека в поэтической форме, но и прежде всего пришел через труднейшую борьбу к истинной вере во Христа, как единственного спасителя человечества. Для поэта смысл существования человека лежит в основе его нравственного возрождения, что и является основным для принятия им Бога. Поэтому-то в своем поэтическом творчестве Д. Андреев не прямо словом, но всей поэтической композицией призывает своего читателя к упорному труду над самим собой. Он как бы вторит словам С. Л. Франка, что: «Те мечты о добре и правде, о духовной значимости и осмысленности жизни, которые уже с отроческих лет волнуют нашу душу и заставляют нас думать, что мы родились «не даром», что мы призваны осуществить и себя, дать творческий исход дремлющим в нас, скрытым от постороннего взора, но настойчиво требующим своего обнаружения духовным силам » (ФРАНК 1994: 491 492).

Эта мысль постоянно звучит в поэтическом творчестве Д. Андреева. Она является для него своего рода фундаментом, на котором поэт строит редкий по своей глубине прозрения анализ не только человека, но и окружающего его мира. Значительное место в творчестве Д. Л. Андреева занимают вопросы эстетики, так как гармонию мира он рассматривал как основной принцип, включавший понятие о красоте. Личность человека, его душа неизменно волновали поэта. Стихи Андреева приобретают поэтому независимое от автора бытие, они существуют автономно, сливаются с самой жизнью. Наиболее существенным для творчества Д. Л. Андреева является циклическая концепция времени, в рамках которой рождение и смерть, возникновение и гибель понимаются, как две стороны одного процесса. Постоянное переплетение в творчестве Д. Андреева ежедневного и фантастического вызывает у читателя чувство беспокойства и неуюта. После прочтения стихов поэта безусловно возникает ощущение восприятия двух опытов, опыта литературного и опыта действительности .

В своем поэтическом наследии поэт Андреев стремится показать красоту окружающего мира в сочетании с красотой очищенной человеческой души. Христос для Д. Л. Андреева не является отвлеченным нравственным идеалом, не является также абстрактной философской истиной и даже не мифом, а абсолютное, превысшее личностное Благо и совершенная Красота. И для него истинное существование человека, его духовное содержание и как он его видит заключено только во Христе, в Православии и в Церкви.

Литература

Абрамс 2000: Абрамс М. Г., Апокалипсис: тема и вариации // Новое литературное обозрение. 46.

Алексеев 1998: Алексеев Н., Русский народ и государство. Москва.

Андреев 1989: Андреев Д., Русские боги. Стихотворения и поэмы. Москва.

Андреев 1993: Андреев Д., Русские боги // Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. Москва.

Бердяев 1923: Бердяев Н., Миросозерцание Достоевского. Прага.

Бердяев 1990: Бердяев Н., Смысл истории. Москва.

Исупов 2000: Исупов К. Г., Компетентное присутствие (Достоевский и «Серебряный век») // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 15. Санкт-Петербург.

Кондаков 2000: Кондаков И., Даниил Андреев в истории русской культуры // Даниил Андреев в культуре 20 века. Москва.

Полухина 1996: Полухина В., Миф поэта и поэт мифа // Литературное обозрение. № 2, 42– 52.

Смирнов 1997: Смирнов А. Г., Даниил Андреев и его окружение // Даниил Андреев. Собрание сочинений в 3-х томах. Москва.

Смирнов 2000: Смирнов И., Соцреализм: антропологическое измерение // Соцреалистический канон. Санкт-Петербург, 16 27.

СОРОШЕВИЧ 1970: Сорошевич. Миф в литературе 20 века // Вопросы литературы. № 2, 122–140.
ФРАНК 1994: Франк С., Смысл жизни // Смысл жизни: Антология. Т. 1. Москва.
ФУКО 1997: Фуко М., История безумия в классическую эпоху. Санкт-Петербург.
ЧЕРНЫШЕВ 1998: Чернышев А. П., Серебряный век русской литературы. Калуга.
KASAK 2000: Kasak W., Daniil Andreev und Tod // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 45, Heft 4, 443 468.

Abstract

Daniil Andreev: Poet, Philosopher, Creator of Myth

In the essay about Andreev the author analyzes his ideas about Russia's history on the basis of his literary works. Daniil Andreev was unknown until the 1990s. Thanks to the publication of his literary works and several philosophical treatises the public received a clear presentation of Russian life. Daniil Andreev is one of the last exponents of the "Silver Ages" in Russian literature and a passionate fighter against totalitarianism and Stalinism. This essay is one of very few presentations of Daniil Andreev's works.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

МОТИВ ИЕРУСАЛИМА В ТРЕХ СТИХОТВОРЕНИЯХ (ЁЖЕФА КИШША, ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА И АЛИЦИИ ИВАНЬСКОЙ)

CZÖVEK Ágnes

1. Иерусалим в еврейско-христианской мифологии

Король Давид, заложив основу религиозного центра, доставил ковчег завета в Иерусалим на гору Сион (2-я книга Царств 6, 1-я Летопись 13 15, Псалтирь 131). Этот процесс продолжил его сын Соломон, построивший церковь на Сионе.

Можно перечислить много примеров из Ветхого завета о том, какое значение имеет Иерусалим как центр культа Яве.

Исходя из такой постановки вопроса, первым делом следует выяснить отношение между Иерусалимом, Сионом и Церковью. На горе Сион, который находится на территории Иерусалима была построена Церковь. «Гора Церкви та же самая, что и Гора Сион, и это обозначение иногда включает в себя целый Иерусалим» (1-я книга Царств 8: 1, Исаия 1: 27) (KRAŠOVEC 1999: 33). Из этого можем следовать, что не о Церкви, о Сионе, но и о Иерусалиме идет речь в Ветхом завете, Принимая во внимание их суть, они – в большинстве случаев – одно и то же[1]. Эту интересную связь объясняет и трактат Долгого и Левинсона: «Положение города в средоточии космоса в большинстве случаев предполагает его размещение на «священной горе», возносящей город к небесам. Исторические свидетельства говорят, что в очень многих случаях город действительно располагается на возвышенности, холме, горе. Помимо прочих объяснений, можно привести сделанное выше замечание о том, что медиативной функцией нагружались в первую очередь выделенные точки пространства. [ ] Если крупный храм, расположенный на священном месте («горе»), считается стоящим в середине земли, то еще больше «прав» быть центром мира у космической модели более высокого системного порядка » (ДОЛГИЙ–ЛЕВИНСОН 1971: 99).

Следовательно Иерусалим в таком понимании является центром мира, или, как можно читать у пророка Иезекииля «пуп земли» (Иезекииля 38: 12), то есть Иерусалим является наиважнейшей частью мира, его спиритуальным центром. В одном еврейском апокрифе можно прочитать и следующее: «Как лоб является частью тела, которая находится на самым верхнем месте тела

[1] В Ветхом завете идёт речь о Сионе или о Иерусалиме, но метонимически понимаются под ними жители страны (Псалтирь 147: 1).

человека, так и Святилище является самой верхней частью мира.» (Песнь Раббаха 7: 3).

Иерусалем является местом вечного присуствия Бога. В Псалме 131 можно прочитать: "Господь избрал Сион для храма Своего.[2] «Здесь будет место отдохновенья Моего отныне и навек, Я выбрал это место.» (Псалтирь 131: 13 14).

В Иерусалиме совершаются важнейшие события мира, кроме этого здесь присуствие Божье. Из этого следуют другие свойства города; Иерусалим – символ красоты, божественной славы, хорошо построенный город (Псалтирь 47; 121). В книге Мудрости можно читать и о том, что Церковь существовала уже до сотворения мира: «Ты указал, чтобы я строил церковь на твоей святой горе и жертвенник в городе, который Ты выбрал, чтобы жить там, и который похож на твою палатку, приготовленную *с самого начала* (курсив мой – А. Ц.)» (Книга Мудрости 9: 8).

Новый завет создает значение «Небесного Иерусалима», перенося конкретное географическое понятие Ветхого завета в степень абстракции. Божий град является центральным семантическим объектом во многих частях Нового завета. Иерусалим играет важную роль и в Апокалипсисе: Бог здесь будет судить людей (Иоиля 3:12).

Святой город существует вечно (Иоиля 4: 20), никогда не исчезает. Если обратим внимание и на то, что город существовал и до сотворения мира, можно сделать следующий вывод: Иерусалим вне времени, безвременность которого обеспечивает божественное присутствие.

В Книге Товита находится описание восстановленного Иерусалима, который так прекрасен, как Иерусалим Небесный, описанный в Откровении Иоанна (часть 21).

Говоря о книгах Ветхого завета, надо отметить еще одно свойство Иерусалима, которое связывает Ветхий завет с Новым заветом: Бог, обитающий на Сионе, является Господом каждого народа, каждого человека навсегда (Исаия 2: 2 3; Михея 4: 1 2).

Иерусалим в Новом завете, однако, во много раз более конкретное географическое место (в первую очередь в Евангелиях и в книге Деяния). Иисус несколько раз был в городе, учил в Синагоге и здесь исполнил свою мессианскую миссию.

Апостол Павел признает, что географический Иерусалим является источником, исходным пунктом Евангелия (к Римлянам 15: 18 19) (KRAŠOVEC 1999: 44), но уже у него наблюдается тенденция, которая характерна для христианства: Иерусалим олицетворяет идею Святого места, Церкви (к Галатам 4: 21–27) (KRAŠOVEC 1999: 44).

[2] На горах и в других мифологиях боги живут (Олимп, Геликон, Меру, Фуджи), наверно потому, что горы являются высокими, их вершины «достигают до неба» и ещё потому, что если человек чтит, боится кого, того воображает всегда высщим, над собой.

В Новом завете подчеркнута роль эсхатологического, небесного Иерусалима, который описывается в Откровении Иоанна (часть 21) и в котором завершится общность христиан.

2. Различные аспекты значения *города*

Понятие *город* в человеческой культуре всегда имело символический смысл. Это наверно потому, что городской быт совсем не походил на племенной, кочевой образ жизни. Город – это космос в хаосе, «то есть мир человеческий, известный, упорядоченный, живший по определенным правилам. Он противостоит миру чужому, неустроенному, дикому» (ДОЛГИЙ–ЛЕВИНСОН 1971: 93).

«Самое главное значение [города] определяет его важное место в мире и расположение в центре пространства» (PÁL–ÚJVÁRI 1997). Это следует из того, что в городе концентрируется человеческая культура, цивилизация.

Человек имеет множество потребностей (биологические, умственные, духовные), которые хочет удовлетворить. Культура показывает разные методы удовлетворения этих потребностей. «Подходящий», «жизнеспособный» выбор, создание культуры определяют всю историю человечества. «Память сохраняется в истории только у того народа, который смог создать культуру, сохранил культурные ценности и передал их по наследству» (HAJNÁDY 1995: 9).

Цивилизация уже является «методом выбора» в более тесном смысле слова. Цивилизацию же создает определенное общество, предписывающееся методы выбора, которым надо следовать каждому члену общества. Так как город создают люди, они оформляют и культуру, которая необходима для жизни города. Город воплощает цивилизацию, он является главным хранителем «разных методов выбора», предписанных обществом. Кроме того, город – место возможной самореализации индивидуума, его стремлений, мечтаний.

Городу принадлежит и сакральная функция: поддержание отношения между небесной и земной сферой, таким образом город является отражением космической системы, воротами неба и земли (PÁL–ÚJVÁRI 1997). (Рим, например, является характерным хранителем этой сакральной функции.)

Так как город – это колыбель цивилизации, он обладает и свойством материнства[3], родительской «функцией». О Москве говорят, как о матери русских городов, потому что она была первым значительным городом русской империи.

Однако город не только нагромождение положительных значений. Человек в глубине души в какой-то мере чуждается искусственного, цивилизованного мира. Еще кочевой еврейский народ, например, питал антипатию к

[3] Это подтверждает трактат Долгого и Левинсона: «город воспринимается и как «дева» и как «блудница», как «мать» (metropolis) и как «жена» » (ДОЛГИЙ–ЛЕВИНСОН 1971: 99).

городам (см. историю Содома и Гоморры (Книга Бытия 19) или разрушение других городов, например, Иерихона), потому что те воплощают другой, чуждый образ жизни и много раз преграждали путь бродячих племен. (Библия, конечно, объясняет это волей Божьей).

Другим, более поздним примером отрицания города является отношение людей XVIII-ого и первой половины XIX-ого века, которое можно изложить с помощью крылатого выражения Руссо: «обратно в природу!», выражающее стремление человека бежать из непрерывно кишащего, грязного, развратного, удалившегося от Бога и человеческого естества города.

3. Иерусалим в мировой литературе

Данная работа не задается целью полного выявления роли значений топоса Иерусалима в литературе. Лишь отметим, что Иерусалим является в первую очередь топосом еврейской литературы. С этим связывается сознание единства и избранности еврейского народа. Иерусалим еврее можно сравнить с Раем: красота и доброта, которую воплощает Иерусалим, возбуждает ностальгию в верующих евреях. Язык и обычаи сохранили много элементов, выражающих эту тоску. Например, евреи молятся, обратившись лицом к Иерусалиму, а в еврейский Новый Год поздравляют друг друга так: «В будущем году в Иерусалиме!»

Иерусалим появляется и в мировой литературе. Он играет важную роль в *Божественной комедии* (*Divina Commedia*), ведь в географии произведения Иерусалим находится на оси мира, около спуска в ад.

Самым известным примером является *Освобожденный Иерусалим* (*Gerusalemme Liberata*) Тассо. Христос избавил человечество в Иерусалиме, поэтому город свят и для христиан, крестоносцы именно поэтому сражаются за него и видят в этой войне защиту веры. (Значительность и известность произведения Тассо подкрепляет и тот факт, что этот эпос перевели на польский язык уже в первой половине XVII века.)

В конце концов, можно привести еще один пример из венгерской литературы XIX века: *Разрушение Иерусалима* (*Jeruzsálem pusztulása*) Ёжефа Катоны. В венгерском литературоведении упоминается об этой пьесе как «о предварительной подготовке» большой исторической пьесы *Банк бана* (*Bánk bán*), которая является важным этапом в формировании понимания истории Катоны.

В работе мы приводим эти примеры для того, чтобы доказать: топос Иерусалима всегда существовал в мировой литературе. Задача данной работы: проанализировать изменение топоса Иерусалима в венгерской, русской и польской литературе.

4. Значения аргументов и аргументы значений

Анализируемые в данной работе стихотворения в какой-то мере содержат топос Иерусалима. Цель анализа – обнаружить приобретаемые городом значения в данных стихах.

Сложную систему нашего мира нелегко описать. Осложняет описание мира то, что наши опыты в нем очень разные. Каждый человек по-разному понимает явления мира, даже восприятие одного и того же человека постоянно изменяются. Литература тоже является одним из методов понимания мира, и, конечно, каждое литературное произведение по-своему воспринимает и понимает явления мира. Однако наш опыт (и опыт произведения) «работает» с помощью определенных схем познания. Эти схемы называются аргументами.

Первым из аргументов является аргумент существования. Мир состоит из существующих вещей (сюда относятся так же и виртуальные и трансцендентальные вещи), значения которых определяют в большинстве случаев следующие четыре аргумента.

Человеческое мышление определяет пространство. Все, что существует, существует *где-либо*. Поэтому вторым аргументом является аргумент пространства. Другое измерение, воспринимаемое нашим мышлением – это время. Мы можем распределить явления на плоскости времени в прошлое, настоящее и будущее. Значит, третий аргумент – это аргумент времени. Явление нашего постоянно меняющегося мира связывает множество процессов, событий. Описывают их аргументы события. Последняя группа аргументов – это группа аргументов каузальности. Каузальность можно описать с помощью четырех категорий.

Первая категория основана на семантико-материальной оппозиции, поднимая давний вопрос, что было раньше: дух или материя. Эта дилемма легла в основу двух философских направлений: материализма и идеализма. Следующая каузальная категория понимается при помощи оппозиции «понятное – чудесное». Сущность ее в том, что в мире существуют процессы связи, между которыми ясно видна связи, и существуют явления, между которыми такие связи невидимы (например, чудеса). В третьей категории рассматриваем каузальность с точки зрения линейности. Линейная каузальность наличествует тогда, когда следствие следует за причиной. Говоря о нелинейной каузальности, невозможно описать такую ясную систему связей. Из оппозиции между модальной и воспринимаемой действительности следует четвертая категория каузальности. Существование этих двух восприятий действительности уже давно известно в философии. Явления мира мы воспринимаем органами чувств, вследствие чего в «опыте» появляется субъект. Поэтому мир/миры, который/которые мы воспринимаем, отличается/отличаются от модального мира, который зависит от реальных обстоятельств.

Предполагается, что с помощью этих пяти систем аргументов можно описать наш мир, как мир литературного произведения. Данная работа в процессе анализа стихов Ёжефа Кишша, Осипа Мандельштама и Алиции Иваньской, используя эти пять групп аргументов, пытаться раскрыть систему значений Иерусалима как существования. Рассмотрим, чем различается понимание Иерусалима в анализируемых нами стихах от понятия еврейско-христианской традиции.

5. Город избранного народа (Ёжеф Кишш: Сион)

В традиции Ветхого завета, как мы уже отметили, свободно изменяются значения Иерусалима, Сиона и Церкви, или имена этих трех «мест» обозначают то же самое.

Это объясняется таким пространственным расположением, по которому одно из этих «мест» является «частью» другого. Можно их изобразить с помощью концентрических кругов: наиважнейшим и самым святым «местом» является Церковь – это внутренний круг, его облегает круг Сиона, а и в конце концов – круг Иерусалима. Каждый круг имеет один и тот же центр: Святая Святых, место максимального присутствия Бога, куда и первосвященник вступал только раз в году.

Подобной «игрой» является замена Бога и имени «Сион». Из Библии можно привести пример такого метонимического изменения, когда Бог тождествен какому-то месту: «и будут в небе эти доказательства над каждым домом и над каждой группой людей, пришедших на Сион, и над каждым это будет предохраняющим покровом. Этот покров будет спасением, он предохранит от дневного жара и станет укрытием от наводнений и дождей» (Исаия 4: 5 6); «Господь, Ты был жилищем нашим испокон веков» (Псалтирь 89: 1).

В стихотворении Кишша можно говорить о метонимии, основанной на соприкосновении места пространства: Сион – это сам Бог.[4] Он (C1)[5] находится на верху системы значений стихотворения. Он является значением, к которому другие значения некоторым образом относятся. Эти отношения показывает следующий рисунок.

[4] Надо отметить, что такие метонимическое соприкосновение мотивировало и то, что евреям нельзя произнести имя Бога.

[5] См. дополнительную таблицу. Каждый компонент значения имеет свой знак (буква + номер).

Аргументы пространства, принадлежащие к аргументу существования «Сиона» (С1) следующие: П1, П10, П28. Сион (П1) – это и существо обозначающее место (уже шла речь о метонимической связи). Из-за аргумента П10 Вефиль будет антиподом Иерусалима, потому что в Книге Откровения написано следующее: «И не нужно городу [именно Иерусалиму – Ц. А.] ни солнца, ни луны, ибо великолепие Божье освещает его, и Агнец – его светильник» (Откровение Иоанна 21: 23). Аргумент П28 намекает на то, что Сион является избранным жилищем Бога.

Здесь невозможно перечислить аргументы времени. Сион существует вне времени.

Аргумент события Со1 намекает на жалобный тон стихотворения: всегда заботливый Бог отвернулся от своего народа. Со18 – воспроизведение типологической связи, а из аргумента Со19 выяснится, что Бог непосредственно, через пророков обращается к своему народу. Пророк был одушевленным средством в руках Бога.

Аргумент каузальности К1 выражает укор говорящего, а К47 подчеркивает великолепность Сиона тем, что называет его жилищем Бога.

Народ Сиона – это избранный народ, еврейство. К ним относятся аргументы существования С2, С3, С4, С6, С7, С42, С52, С53, С54, С55, С57, С58, С59, С60, С62, С64. В этих случаях лирическое «я» говорит от их имени, оно полностью солидарно с ними. Отношение этих элементов существования к главному элементу стихотворения совершенно конвенциональное, то же самое поведение, которое было характерно евреям в связи с их народом (С52, С56, С57, С58, С60, С62). Аргумент С57 интересен для нас, потому что отождествление народа со стадом – это ветхозаветная метафора (Псалтирь 22). Иисус тоже использовал эту метафору: Бог, как хороший пастух, заботится о своем народе.

Следующие аргументы передают ужасную судьбу народа: С2, С3, С5, С6, С53, С54. Сюда относятся аргументы пространства П3, П24, П25, П26. Они намекают на то, что народ, который разъехался, в разные частя мира, тоскует только по одному месту: по Сиону. Аргументы П25, П26 намекают и на еврейский обычай, который мы уже отметили.

Аргументы времени, относящиеся к народу Сиона: B5, B8. Аргумент B5 является метонимией грешного прошлого. Говорить о грешном прошлом – это привычный жест в поэзии XIX века (см.: Berzsenyi Dániel: *A magyarokhoz I.*; *A magyarokhoz II.*; Kölcsey Ferenc: *Himnusz*; Vörösmarty Mihály: *Szózat*). Из-за грехов прошлого страдают люди, хоть об этом лирическое «я» произведения говорит мало. Оно называет народ «святым» (C42), что может быть просто преувеличением, чтобы лучше выделить противопоставление между чистой стариной и более поздним, грешным состоянием. Но можно интерпретировать эти слова, как намекающие на избранничество, потому что первичное значение слова «святой» – это «разобщенный для Бога». Аргумент B8 говорит о будущем, которое, наверно, будет счастливым.

К народу Сиона относятся следующие события: Co2, Co3, Co4, Co32, Co34, Co35, Co36, Co37, Co40, Co41. На основании этого можно сказать, что сыны Сиона тоскуют по прежней родине. Для них характерна только эта тоска и надежда на лучшее будущее, на возвращение домой. Их поведение подчеркивает великолепность, славу – это является собственным намерением лирического «я».

Сюда относящиеся аргументы каузальности (K2, K3, K4, K5, K41, K42, K45, K48) подтверждают все, что уже было рассказано. Жить далеко от родины для народа Сиона – это мука, по крайней мере, это говорит лирическое «я». Поэтому оно называет их убогими рабами, бродячими, сосланными и т. д., поэтому они пылают любовью к Сиону, поэтому счастлив тот, кто может жить в Сионе.

Близко относится к народу Сиона лирическое «я», говорящее в стихотворении. Аргументы этого существования: C8, C9, C10, C11, C12, C13, C14, C20, C21, C26, C34, C35, C40, C41, C44, C45, C48, C49, C50, C51. Лирическое «я» много говорит о себе, но так, как один из избранного народа. Когда лирическое «я» обращается к какому-то божеству от имени одного общества – это поэтическая фраза, что является частой схемой гимнов. В данным произведении говорящий пользуется формой глагола первого лица множественного числа или личным местоимением: C2, C3. Но в большинстве случаев лирическое «я» говорит о себе и в контексте стихотворения обозначает каждого из «сынов» Сиона.

Огорчение из-за разлуки, тоску по Сиону наблюдаем и тогда, когда лирическое «я» говорит в первом лице единственного числа (C9, C11), употребляя формы условного наклонения глагола (C21, C34, C40, C41). На существование говорящего намекает синекдоха: «мое сердце взыграет», «в моем сердце живет горе». (В этих случаях часть ассоциирует целое.)

К существованию лирического «я» относится два аргумента пространства: П11, П18. Они поддерживают связь с родиной, тоску по Сиону.

Аргумент времени B1 указывает на беспрерывность тоски. Это ассоциирует бодрствование, которое обозначает и жест ожидания.

Аргументы события, относящиеся к говорящему (Со5, Со6, Со9, Со25, Со26, Со27, Со28), указывают на недееспособность, которой остается только сетование личности. К этому относятся аргументы события (Со10, Со11, Со12, Со29, Со30), связанные с тропами, которые мы уже отметили.

Аргументы каузальности существования лирического «я» следующие: К10, К13, К14, К17, К18, К19, К20, К21, К22, К23, К28, К29, К30. Каждый аргумент содержит в себе глагол повелительного наклонения (на венгерском языке; исключением является К20, в котором нет глагола). Аргументы, содержащие глагол «хочу», все намекают на тоску говорящего. То же самое наблюдается в связи с тропом «сердца» (К6, К7, К15, К16). Причиной этого является то, что для говорящего Сион – это важное место, которое имеет самую большую ценность в его глазах: он является местом, с которым связывается его прошлое («[хочу] плакать над могилами великих предков»), на этом месте присутствует Бог, и это хорошо: быть вблизи него («сам бог светил тебе»), Сион – сама красота («венец красоты»). Наблюдается противоположность между великолепностью Сиона и настоящим его состоянием, которое лирическое «я» хочет прекратить (К29, К30), но и в такой ситуации оно стремится на Сион (К28). Говорящий, хоть намекает на нетерпимость состояния, однако в его поведении преобладает жест плача. Таким образом, стихотворение находится в интертекстуальной связи с псалмами жалобы Книги Псалтири (особенно со псалмом 137). Эти псалмы тоже жалуются на отрыв, разрушение Иерусалима, Сиона и оплакивают свое убогое состояние.

После этого работа рассматривает аргументы существования врагов Сиона и относящиеся к нему дальнейшие аргументы. Можно отметить два аргумента существования: С23, С47. Метафора аргумента С23 объясняется отношением Бога к человеку, которое можно описать, как отношение господина к слуге[6]. Господин имеет верных слуг и злых слуг, которые хотят занять место господина, хотят убить его. В настоящем времени стихотворения плохое состояние Сиона происходит от того, что верный слуга (народ Сиона) далеко, а злой слуга господствует над ним. В аргументе С47 орел (см. Исход 19, 4) символизирует славу, силу, величие Сиона. Но все это уже разрушено, и этот развал символизирует другая птица: ворон.

Сюда относится аргумент пространства П13. Трон Бога, который стоит на высоте, узурпирует подлый слуга; он стремится снизу вверх, на место, которое относится только к Богу, и слуга занимает это место. Лирическое «я» принимает событии к сведению с горьким аффектом.

К этому образу относится аргумент времени В4: в настоящем Сион является добычей врага. Этому образу противопоставляется надежда на лучшее будущее.

---

[6] См. (Псалтирь 68: 37; Псалтирь 133). Можно увидеть сходство с некоторыми притчами Иисуса. См. (от Матфея 18, 21 35; 20, 1 16; 21, 33 46; 25, 14 31) и т. д.

Аргумент события Со20 показывает, что Сион пока побежден. Глагол «овладевает» направляет внимание на возрастающую опасность.

Сюда относятся аргументы каузальности К11 и К12. Лирическое «я» видит состояние Сиона и кричит (К11). Сион, как божественная власть, для него может быть только в высшем положении, но сейчас это не так. Тот, кто является причиной этого, по мнению говорящего, подлый, злой и совсем не достоин этого места (К12). Источник образа врага – Ветхий завет. История Израиля – это непрерывная борьба, война с другими народами. Наверно, поэтому часто появляется образ врага; факт также и в том, что Церковь (ни один раз) разрушали враги.

Третья группа аргументов существования обозначает свойства Сиона. Эта группа разделяется на три подгруппы. К первой подгруппе относятся аргументы существования, обозначающие материальные свойства Сиона: С24, С25, С27, С31, С32, С33, С46, С61. В этих аргументах доминирует тоска по родине, эмоциональная связь с землей родины.

Аргументы пространства, относящиеся к материальным свойствам – П1, П2, П4, П14, П15, П16, П17, П22, П23, П29. Несколько из них обозначают конкретное географическое пространство: П1, П2, П4, П16, П22, П23. Эти аргументы подтверждают, что Сион – это сам Бог, потому что Сион – как (географическая) территория – это холм, и другие перечисленные территории не являются частями этого холма. Говорящий расширяет метонимию «Сион = Бог»: Бог тесно связан метонимически и с этими территориями, потому что Он там появился. Можно привести следующий пример: аргумент П4: в Вефиле, где Иаков видел сон, появился Бог (Бытие 28, 16–17).

Другие аргументы пространства обозначают не конкретную территорию, а с одной стороны, с помощью их мы познаем связь лирического «я» с ними (П15, П17, П29), с другой стороны, настоящее состояние Сиона (П14).

Единственный аргумент времени «материального» Сиона: это В6, потому что *упадок* можно понимать и как материальное понятие. Сюда относятся аргументы события Со22, Со31, Со38, Со39. В аргументах Со22, Со31 появляются материальные свойства Сиона, которые с точки зрения человека имеют положительное значение. Другие два аргумента связываются друг с другом иначе, потому что они – части одной фигуры (противопоставление). Это противопоставление подчеркивает вечное существование Сиона как географического, материального единства. Аргумент Со39, между тем, намекает на не материальный, а вечный небесный Иерусалим, на империю Бога, антитипом которой является земная империя в христианской типологии.

Сюда относятся аргументы каузальности: К13, К14, К16, К18, К19, К20, К22 К23, К28. Они указывают на связь лирического «я» с родным краем, на тоску. Говорящий желает коснуться земли Сиона, бродить по ней, ведь он сын этой земли. Аргументы К25, К26, К27 тоже показывают субъективное отношение лирического «я» к краю, преувеличивает (К27), даже превращает

материальные свойства в сакральные[7] (К26). Аргументы К33, К36, К37 – горестные образы разрушения Сиона. Аргумент К46 свидетельствует о вере говорящего в будущее, о вечности земли Сиона.

Свойства Сиона определяет и то, какие люди, существа, связаны тесно с ним, которые, между тем, появляются и в Священном Писании. Аргументы С15, С37, С39 – обозначают не людей. Эти аргументы указывают на присутствие Бога: ангелы, херувимы, то есть «небесная армия», которая всегда обозначает славу, силу и самые величественные свойства Бога. Небесные слуги Бога тоже отражают великолепие, всемогущество Господа.

Аргументы С16, С22, С29, С30 указывают на людей, которые тоже слуги Бога, посвящали Ему свою жизнь. Первосвященников выбирают люди, а пророков сам Бог. К этим аргументам относятся аргументы пространства П6, П19, П20 (к «небесной армии»), П7, П12 (к людям). Аргументы времени в стихотворении не относятся к этой сфере. Сюда можно определить аргументы события Со13, Со14, Со19, Со23, Со24. Аргумент Со13 указывает на сон Иакова (Бытие 28, 11–22), в котором он видел лестницу, ведущую в небо, по которой поднимались и спускались ангелы. Тогда Иаков назвал то место Вефлием, что значит «Божий дом» (BIBLIAI KISLEXIKON 1978). Аргумент Со19 излагает суть назначение пророка: Бог говорит через пророка, через него сообщает своему народу свою волю.[8] Сюда также относится аргумент каузальности К8. Умереть за Сион для говорящего является подвигом, великолепной жертвой.

К последней подгруппе существования относятся аргументы, которые можно назвать аргументами Бога: С17, С18, С28, С38. Бог (Сион) неотделим от света (С17, С28). Свет – это символ разума, чистоты, святости, которые имеют божественное происхождение. Бог в Библии много раз появляется в большом свете (например, Иезекия 1, 4; Исход 34, 29; Псалтирь 49, 2). Пламя тоже относится к этому ассоциативному кругу, оно также символ силы. Бог появляется как пылающий куст (Исход 3), был огненным столбом, когда вывел народ из Египта (Исход 13, 21 22) и т.д. Трон – символ власти, который можно найти и в Священном Писании (Псалтирь 46, 9). Ковчег завета тоже обозначает присутствие Бога, Его союз с Израилем. (Это было очень важно, потому что когда Давид вез ковчег на Сион, и ковчег чуть ли не упал с повозки, Оза, кто взялся за ковчег, сразу умер, потому что он тронул Ковчег Бога.[9])

К этим аргументам существования относятся аргументы пространства П8, П9, П13, П18, П20. Аргументы П8 и П9 вместе указывают на Вефиль, о котором Иаков сказал следующее: «Истинно Господь присутствует на этом

[7] Мирра часто употребляется, чтобы душить церковь.

[8] Это обозначает и этимология греческого перевода слова «пророка»: pro + phémi = говорить от имени кого (BIBLIAI KISLEXIKON 1978).

[9] См. (2-ая Царств 6, 6 7). О ковчеге завета см. еще (Исход 25, 10 22).

месте, но я не знал, что Он здесь, пока не уснул» Иакову стало страшно. «Какое это великое место! – сказал он. – Это – дом Божий, ворота на небеса» (Бытие 28, 16 17). Дорога в стихотворении, наверно, указывает на лестницу, которую Иаков видел во сне (Бытие 28, 12). Здесь произведение говорит о свете Бога (П8), и этим намекает на присутствие Бога. Власть Бога обозначает и трон в высоте (П13). Аргумент П18 указывает не только на одно библейское место (например, гора Хорив – Исход 3, 1 2). Аргумент П20 указывает на херувимов, на их символическое присутствие (Исход 37, 7 9).

К этой группе относится только один аргумент времени: В3, который обозначает угасание великолепия настоящей власти Сиона.

Из аргументов события сюда приходят: Со15, Со16, Со21, Со24. Первые три описывают появление Бога, а аргумент Со24 намекает на хранение херувимов.

В связи с этим можно перечислить три аргумента каузальности. Аргумент К9 показывает благость, милость Господа, которые говорящий наверно испытал. Аргумент К11 доказывает подчиненность говорящего и великолепие Бога. Определение аргумента К24 усиливает значение определяемого слова.

Излагая результаты анализа, можно определить, что Иерусалим (Сион) в стихотворении Ёжефа Кишша изображается в традиции Ветхого завета, дополненной эмоциональными рефлексиями говорящего, которые не только выражают его рефлексии, но и рефлексии людей, от имени которых говорит. Этим лирическое «я» демонстрирует его связь с еврейством, солидаризируется с прошлым и с настоящем своего народа, не отрываясь от традиций, на что указывает и подзаголовок.

6. Город «черного солнца» (Осип Мандельштам: «Эта ночь непоправима »)

Стихотворение Мандельштама можно описать как игру субъективной и модальной реальности. Говорящий в произведении располагает время, пространство и события, в собственным их восприятии. Он вовлекает в свой мир отношение, которое не сразу можно понять.

И в этом случае, надеемся, будет эффективным метод рассмотрения групп наших аргументов.

Сначала посмотрим аргументы времени (В9, В10). В стихотворении – мы после дневного света (В10), во время ночи (В9). Но эта ночь странная, потому что темнота – это следствие не захода солнца (Со42), а восхода черного солнца (Со43). В мире лирического «я» существует и черное солнце. Мандельштам позаимствовал образ черного солнца из французской литературы: произведения[10] Нервала являются гипертекстом для русского поэта[11],

[10] Например, Aurelia; El Desdichado и т. д. (Топоров–Цивьян 1984).

не раз перенимающего образ черного солнца (ТОПОРОВ–ЦИВЬЯН 1984: 33) из поэзии Нервала, который у французского поэта имеет другой, более глубокий смысл; «у Мандельштама образ черного солнца в контексте смерти появляется на переломе времени» (ТОПОРОВ–ЦИВЬЯН 1984: 33). Восход черного солнца (Со43) является действительно переломом: Наоборот из модального времени и мира в субъективное время и мир лирического «я». Этот мир действительно реален для говорящего. Это показывает аргумент события Со47: для лирического «я» здесь (С74, П33) начинается жизнь. Он точно знает, что черное солнце (С68) страшно, но желтое (модально реальное) солнце (С69) «страшнее» (К54). Для говорящего это время и это состояние неизменяемые (К52).

В дальнейшем рассмотрим подход говорящего к пространству. Аргументы пространства стихотворения – П30, П31, П32, П33. Пространство стихотворения совершенно ограниченное: ворота[12] Иерусалима (П30), храм, который, наверно, находится в Иерусалиме (П31), и колыбель (П33). Черное солнце появляется в Иерусалиме, в городе, существующем и модально. Но в модальной реальности в Иерусалиме никогда на восходит черное солнце, то есть Иерусалим, о котором идет речь в стихотворении, является городом, существующем для лирического «я», которое, с одной стороны, не равно Иерусалиму, существующему в истории и в географическом пространстве (из-за черного солнца), а с другой стороны он является и одинаковым с Иерусалимом, потому что и там есть храм. То есть пространство стихотворения одновременно является существующим и в модальности, и в субъективной реальности говорящего. События, которые происходят в этом пространстве и времени: на месте П30 происходит событие, которое обозначает аргумент Со43. На других местах (П31, П32) происходят Со44, Со45, Со46, а на месте П33 – аргумент события Со47.

Мы уже говорили о восходе черного солнца. В дальнейшем рассмотрим события, происходящие в храме (П31), и людей, которые были там. Евреи (С71) хоронят кого-то, о котором лирическое «я» сказало «мать мою» (С72) и «жену» (С73). Это объясняет поведение говорящего, именно он видит вокруг себя перевернутый мир, лишенный красоты, ведь он сирота. Как лирическое «я» во время своего рождения испытало смерть (см. последнюю строфу), так жизнь появляется ему в таком перевернутом виде, поэтому видит все перевернутым. Не красота жизни, а мрак и ужас смерти окружает его (К58), но это не ново для лирического «я» (К54).

---

[11] Например, «Эта ночь непоправима»; «Как этих покрывал и этого убора» и т. д. (ТОПОРОВ–ЦИВЬЯН 1984: 33).

[12] «Элементом городского пространства были ворота-разрывы в линии городского горизонта, через которые происходит общение с внешним миром. Городское ворота – священные места, обязательно имевшие своих собственных покровителей среди божеств и собственных блюстителей среди городской администрации » (ДОЛГИЙ–ЛЕВИНСОН: 1971: 100).

С этой точки зрения погребение не красиво и торжественно, а пусто, монотонно. На это указывает и то, что в трех строфах он отмечает: происходят похороны (Со44, Со45, Со46). Это погребение не имеет «функцию» церемонии: не мирит с Богом, напротив, отдаляет от Него (К56, К57). Можно видеть, что в мире, который читатель видит глазами говорящего, церемония тоже не имеет «результата», который возможно ожидать.

Иерусалим (С66) и его жителей (С71), то есть место и участников погребения, по этой логике, невозможно положительно оценить. В стихотворении вместо положительных качеств появляется их негативная пара: черное солнце вместо яркого, живительного солнца, смерть вместо жизни, пустая церемония вместо погребения (К56, К57). Сознание святости Иерусалима и избранничества еврейского народа в стихотворении разрушается.

Это явление наблюдается у многих русских людей искусства, интеллигентов еврейского происхождения, не только у Мандельштама. Для них более важное русское самосознание и связь с русской родиной. Об этом пишет Л. Лунц в рассказе *Родина*: «В Петербурге летним вечером я с приятелем за самогоном. В соседней комнате отец мой, старый польский еврей, лысый, с седой бородой, с пейсами, молится лицом к востоку, а душа его плачет о том, что единственный сын его, последний отпрыск старинного рода, в святой канун субботы пьет самогон. И видит старый еврей синее небо Палестины, где он никогда не был, но которую он *видел, и видит, и будет видеть*. А я, не верящий в Бога, я тоже плачу, потому что я хочу и не могу увидеть далекий Иордан и синее небо, потому что я люблю город, в котором я родился, и язык, на котором я говорю »[13]

Наверно эта цитата объясняет иное обращение Мандельштама к тематике Иерусалима. Мать-покойница обозначает и оторванность от корней, истоков в стихотворении. Этот отрыв может быть причиной этой необычной точки зрения, в которой отсутствует ностальгия.

7. Хранитель знания (Алиця Иваньска: Иерусалим)

В стихотворении польской поэтессы появляется модель познания. Лирическое «я» проходит путь от чувственного опыта до самого чистого знания, когда в более чистой форме собирается опыт, становящийся частью «я».

Первым шагом, как мы отметили, является чувственный опыт (Со50), который связан с двумя существованиями: с существованием, которое испытывает (С75) и с самим опытом (С76). Опыт, познание – это и внешнее событие: мы уже имеем какое-то предварительное – хоть неопределенное (К58) знание (К59) о вещи, которую испытываем, или хоть предпосылку (Со48, Со49 + П34), которая уже заранее определяет модель опыта. Следующий шаг – это не сознательное сохранение опыта, которое сопровождает ощуще-

[13] В. Хазан цитировал Л. Лунца (ХАЗАН 1999: 335).

ние: Со51 + В11. Аргумент Со 52 намекает на не сознательное событие. В третей фазе до некоторой степени опыт, который осознается, мы пробуем обработать (К60, К61) своими ощущениями. В четвертом этапе опыт попадает в фазу чисто внешнего ощущения, и когда-нибудь (В10) выделится то, что там важно (С77 + Со55, Со56; С78 + Со57, Со58). К этому относятся следующие аргументы пространства: П35, П36, П37, П38, кроме этого к аргументу С78 относится аргумент каузальности К62. Аргументы П35 и П36 показывают и то, что субъективное сознание совершенно изменяет чувственный опыт. «Бесцветные» опыты, «переходящие» через сознание, собираются, связываются друг с другом (Со57, Со58), и из этих возникает *опыт*.

Когда мы испытываем явления, которые находятся вне нас, узнаем самого себя точнее: С81, С82, С83 + Со59, Со60. Каждый опыт является одновременно и познанием самого себя. Это событие требует такого же напряжения (К63), каким является обработка опыта, ведь личность не знает самую себя (К64).

Добывание знания из опыта является сложным духовным и умственным событием, которое становится зыбким (С84, С85 + Со61, Со62 + К65, К66, К67) из-за некоторых внешних и внутренних факторов (С86), чтобы принимая и их во внимание мы попадали к чистому знанию. И здесь мы возвращаемся в исходный пункт (С76), к «предмету» нашего опыта, о котором мы уже владеем опытом, знанием (Со63) (которое, конечно, несовершенное).

По стихотворению, познание можно описать как круговое событие: мы попадаем туда, откуда отправились (С76), но пока в начале события мы имеем «предчувствия», предпосылки, в конце события имеем знание, которое несовершенно, ведь у круга нет конца, как и нет начала. Ни о чем невозможно заявить, что мы знаем о нем все, потому что новые опыты – в крайнем случае – могут разрушить это знание.

В контексте одного стихотворения, которое является моделью познания трудно интерпретировать Иерусалим в традиции. Все, что можно сказать о нем явно нет в произведении. Дополнить «места» опыта и знания о Иерусалиме – это задача читателя. Конечно, опыт и знание каждого человека – разные. Говорящий в стихотворении не объясняет такую многозначную «вещь», которой является, напр., Иерусалим. Он отказывается от этого, потому что он не может обнаружить каждое значение, ведь значение зависит и от определенного субъекта. Вместо того он обращает внимание на то, каким образом превращается в знание множество опытов о Иерусалиме.

Три стихотворения интерпретирует значение Иерусалима по-разному. Личный тон стихов Ёжефа Кишша, которые коренятся в еврейской традиции, произведение Осипа Мандельштама, которое разрушает традицию, и стихотворение Алиции Иваньской, которое расширяет возможности интерпретации до бесконечности, можно сказать, охватывают целое понимание Иерусалима; и те, которые коренятся в традиции, и те, которые вне ее.

Литература

ДОЛГИЙ–ЛЕВИНСОН 1971: Долгий В. М., Левинсон А. Г., Архаическая культура и город // Вопросы философии. № 1, 91 102.

ТОПОРОВ–ЦИВЬЯН 1984: Топоров В. Н., Цивьян Т. В., О нервалинском подтексте в русском акмеизме (Ахматова и Мандельштам) // Russian Literature. XV/1. Amsterdam, 29–45.

ХАЗАН 1999: Хазан В., Тема и образ Иерусалима в русской литературе XX века: текст как «палимпсест» // Jerusalem in Slavic culture, Jerusalem, 327–350.

BIBLIAI KISLEXIKON 1978: Bibliai kislexikon. Szerk. Gecse Gusztáv, Horváth Henrik. Budapest.

HAJNÁDY 1995: Hajnády Z., A kultúra mint emlékezet, Budapest.

KRAŠOVEC 1999: Krašovec, J. The Metaphorical Interpretation of Jerusalem in Ancient Jewish and Christian Sources, // Jerusalem in Slavic culture. Jerusalem, 33–49.

PÁL–ÚJVÁRI 1997: Pál J., Újvári E. (Szerk.), Szimbólumtár. Budapest.

Abstract

Motive of Jerusalem in Three Poems

Jerusalem, the ancient town has always had great importance in Jewish-Christian culture. In the Old Testament it is the capital of the Promised Land, the centre of God's presence, the Holy Town. The New Testament also mentions it as a religious centre, and the place where Jesus Christ sacrificed Himself for humanity. On the other hand, Apostle Paul speaks about Jerusalem in another way: it is the separated and Celestial Town for the saved people. This town existed before the Creation of the World and will exist to the End of Times. It will also be the place of the Last Judgement as it is in the Revelations of John.

Jerusalem has been presented in literature too. This motive has been re-interpreted in many ways again and again. This study shows three interpretations (works of a Hungarian, a Russian and a Polish poet) from the beginning of the 20th century. József Kiss's work is a revival of old Jewish tradition, however, Mandelstam's poem gives a negative interpretation of Jerusalem and Jewish customs. The Holy Town is only a "pretext" to show the process of human cognition in Alicja Iwańska's work. All of these interpretations are good examples of the modern way of thinking about the World and man with his determined circumstances.

Приложение

Аргументы значения Иерусалима

Аргументы существования
Ёжеф Киши

C1	Сион	+ (1.,18.)
C2	живут в рабстве	+ (1.)
C3	на нас	+ (1.)
C4	приветствует твой опустошенный народ	+ (1.)
C5	*раб*ов	+ (2.)
C6	*их* слезы	+ (2.)
C7	*о их* судьбе	+ (3.)
C8	задумыва*юсь*	+ (3.)
C9	жалу*ясь*	+ (3.)
C10	провожу	+ (3.)
C11	увижу конец рабства	+ (4.,14.,15.)
C12	сердце взыграет	+ (4.)
C13	Тоскует	+ (5.)
C14	пролепетать	+ (5.)
C15	*ангелы* по земле ходили	+ (5.)
C16	*мученики* [ ] умерли	+ (5.)
C17	*Свет* бога мягко разлился там	+ (6.)
C18	Уступивши дорогу к его *трону*	+ (6.,7.)
C19	Сам *бог* светил	+ (6.)
C20	тебе	+ (6.)
C21	*я* хочу	+ (7.,8.,9.)
C22	его дух охватил *его пророков*	+ (7.)
C23	Сейчас подлый *слуга* овладевает	+ (7.)
C24	На *твоей святой земле*	+ (9.)
C25	*Твой* [ ] *комок,* который, так дорог мне	+ (9.)
C26	Твой [ ] комок, который, так дорог *мне*	+ (9.)
C27	Пастись взором *на твоих вершинах*	+ (10.)
C28	два твоего светлого *пламени* гасли	+ (10.)
C29	твоего *пророка*	+ (11.)
C30	твоего [ ] *первосвященника*	+ (11.)
C31	*Твой воздух* исцеляет	+ (11.)
C32	*Твоя пылинка* [ ] нард и мирра	+ (11.)
C33	*течение твоих рек* Сладкое	+ (12.)
C34	*Я* пошел бы и в отрепьях и босиком.	+ (12.)
C35	*Я* был бы странник твоих развалин	+ (12.)
C36	*твоих* развалин	+ (12.)
C37	Где крыло *Херувимов* заблестело	+ (13.)
C38	ковчег завета	+ (13.)
C39	небесная армия	+ (13.)

C40	Я отдал бы украшение моей головы	+ (13.)
C41	изрыгал бы [ ] проклятие	+ (14.)
C42	твоих святых	+ (14.)
C43	я вижу, что ты раб	+ (14.)
C44	вкусной *мне* пища и напиток	+ (14.)
C45	вкусной *мне* пища и напиток	+ (14.)
C46	*моим* глазам	+ (15.)
C47	*твое* тело	+ (15.)
C48	*твои орлы* – жертвы *воронов*	+ (15.)
C49	*Мой* стакан	+ (16.)
C50	В *моем* сердце	+ (16.)
C51	*Я* выпью	+ (16.)
C52	Я выпью стакан *залпом*	+ (16.)
C53	*Они* [*сыны*] пылают любовью	+ (18.)
C54	*Твои* участники	+ (19.)
C55	[*Твои*] Плакальщики	+ (19.)
C56	*Все* обернутся лицом к тебе	+ (19.)
C57	обернутся лицом *к тебе*	+ (19.)
C58	Твое бродячее *стадо* не забыло тебя	+ (20.)
C59	*Их* голова отдыхает	+ (20.)
C60	*их* объятие	+ (20.)
C61	тоска *их* сердца	+ (20.,22.)
C62	А *твоя империя* навсегда существует	+ (21.)
C63	*Которые* верно поддерживают надежду	+ (22.)
C64	доживут	+ (22.)
C65	у вас	1
C66	Иерусалим	1
C67	У *ворот*	1
C68	*Солнце черное* взошло	1
C69	*Солнце желтое* страшнее	2
C70	В светлом храме	+ (2, 3)
C 71	иудеи “израильтян	+ (2, 3, 4)
C72	мать *мою*	+ (2, 3)
C73	жены	3
C74	в колыбели	4
C75	ujrzę	2
C76	Jerozolima majolikowa	+ (1, 8)
C77	treści	+ (3, 4, 6)
C78	myśl	3
C79	spojrzyj	3
C80	sens wewnętrzny	5
C81	Zgęszczona siła	6
C82	jaźni	6
C83	zamgloną pustkę	6
C84	dusze	7

C85	szczyty	7
C86	krytyk	7

Аргументы пространства

Ёжеф Киш

П1	Сион	+ (1.,18.)
П2	роса *Хермона*	+ (2.)
П3	*Далеко* звучит	+ (3.)
П4	по Вефилю	+ (5.)
П5	пролепетать *там* свою жалобу	+ (5.)
П6	*Где* ангелы по земле ходили	+ (5.)
П7	[*где*] мученики умерли	+ (5.)
П8	Свет бога мягко разлился *там*	+ (6.)
П9	Уступивши *дорогу к* его *трону*	+ (6.)
П10	Сам бог светил [*там*]	+ (6.)
П11	Я хочу погрузиться в молитву *там*,	+ (7.)
П12	Где его дух охватил его пророков	+ (7.)
П13	троном, который стоял на такой высоте	+ (7.)
П14	над твоими развалинами	+ (8.)
П15	На твоей святой земле	+ (9.)
П16	на краях Хеврона	+ (10.)
П17	над могилами великих предков	+ (10.)
П18	Пастись взором *на твоих вершинах,/ Где* два твоего светлого пламени гасли	+ (10.)
П19	*Где* крыло Херувимов заблестело	+ (13.)
П20	[*где*] небесная армия хранила ковчег завета	+ (13.)
П21	*В моем сердце* живет горе	+ (16.)
П22	О безродной судьбе *Самарии*	+ (17.)
П23	траур *Иерусалима*	+ (17.)
П24	сгоняли твоих сынов *по свету*	+ (18.)
П25	обернутся лицом *к тебе*	+ (19.)
П26	Преклонятся *востоку*	+ (19.)
П27	под сенью пальм	+ (20.)
П28	Бог посвятил *в твой стольный град*	+ (21.)
П29	в твоей тени	+ (21.)

Осип Мандельштам

П30	У ворот Ерусалима	+ (1.)
П31	В светлом храме	+ (2.,3.)
П32	над матерью	+ (4.)
П33	в колыбели	+ (4.)

Алиця Иваньска

П34	we mnie	+ (1.)
П35	w mózgu	+ (4.)
П36	na przekór oczom	+ (4.)

П37	*Tam* udrapuje się	+ (5.)
П38	*tam* się rozpiętrzy	+ (5.)

Аргументы времени

Ёжеф Киш

B1	Провожу *всю ночь*	+ (3.)
B2	конец рабства	+ (4.)
B3	его троном, который *стоял*	+ (7.)
B4	*Сейчас* подлый слуга овладевает	+ (7.)
B5	*эпохи*, / Которая втянул в разврат твоих святых!	+ (14.)
B6	*на день* твоего большого упадка	+ (19.)
B7	А твоя империя существует *навсегда*	+ (21.)
B8	до наступления *твоих* лучших *дней*	+ (22.)

Осип Мандельштам

B9	Эта ночь	+ (1.)
B10	еще светло	+ (1.)

Алиця Иваньска

B11	kiedyś	+ (4.)
B12	*Kiedy* ją ujrzę	+ (2.)

Аргументы события

Ёжеф Киш

Co1	*Не обращаешь* внимания	+ (1.)
Co2	*приветствует* твой опустошенный народ	+ (1.)
Co3	*Не донесется ли* до тебя приветствие убогих рабов	+ (2.)
Co4	слезы *катятся*	+ (2.)
Co5	задумываюсь	+ (3.)
Co6	*Провожу* всю ночь жалуясь	+ (3.)
Co7	Далеко *звучит*	+ (3.)
Co8	сон *обнадеживает*	+ (4.)
Co9	*увижу* конец рабства	+ (4.)
Co10	сердце *взыграет*	+ (4.)
Co11	тоскует	+ (5.)
Co12	пролепетать [ ] жалобу	+ (5.)
Co13	ангелы по земле *ходили*	+ (5.)
Co14	мученики умерли	+ (5.)
Co15	Свет бога [ ] *разлился там*	+ (6.)
Co16	*Уступивши* дорогу к его трону	+ (6.)
Co17	То не солнце *было*, не луна, звезда	+ (6.)
Co18	бог *светил*	+ (6.)
Co19	его дух *охватил* его пророков	+ (7.)

Co20	подлый слуга *овладевает*	+ (7.)
Co21	два [ ] пламени *гасли*	+ (10.)
Co22	Твой воздух *исцеляет*	+ (11.)
Co23	крыло Херувимов *заблестело*	+ (13.)
Co24	И небесная армия *хранила* ковчег завета	+ (13.)
Co25	*вижу*, что твое тело добыча	+ (15.)
Co26	В моем сердце *живет* горе	+ (16.)
Co27	Я *выпью* стакан залпом	+ (16.)
Co28	*Восстанавливая* твой упадок в памяти	+ (16.)
Co29	сердце *болит*	+ (17.)
Co30	траур Иерусалима *охватывает* его	+ (17.)
Co31	Воспоминание [ ] *наводит* тоску	+ (18.)
Co32	Они *пылают* любовью за тебя	+ (18.)
Co33	когда твое солнце *посветит*	+ (19.)
Co34	*обернутся* лицом к тебе	+ (19.)
Co35	Преклонятся	+ (19.)
Co36	Хоть далекие края держат его в плену,	+ (20.)
Co37	Твое бродячее стадо не забыло тебя	+ (20.)
Co38	Империи все исчезают, проходят	+ (21.)
Co39	твоя империя существует	+ (21.)
Co40	поддерживают надежду	+ (22.)
Co41	Доживут до наступления [ ] дней	+ (22.)

Осип Мандельштам

Co42	светло	+ (1.)
Co43	Солнце черное *взошло*	+ (1.)
Co44	*Хоронили* мать мою	+ (2.)
Co45	*Отпевали* прах жены	+ (3.)
Co46	над матерью *звенели* / Голоса израильтян	+ (4.)
Co47	Я *проснулся* в колыбели	+ (4.)

Алиця Иваньска

Co48	kurczy się	+ (1.)
Co49	chowa się	+ (1.)
Co50	ujrzę	+ (2.)
Co51	nie zapomnę	+ (2.)
Co52	*nie wiem* o niej	+ (2.)
Co53	ona [*nie wie*] o mnie	+ (2.)
Co54	*sporzyj* na słowo	+ (3.)
Co55	Treści kiedyś *się ujednoczą*	+ (4.)
Co56	*ułożą się* na przekór oczom	+ (4.)
Co57	Tam *udrapuje się* [ich «sens wewnętrzny»]	+ (5.)

Co58	tam *się rozpiętrzy* [ ]ich «sens wewnętrzny»	+ (5.)
Co59	siła *roztli*	+ (6.)
Co60	*rozjaśni*	+ (6.)
Co61	*Skroplą się* dusze	+ (7.)
Co62	*skarleją* szczyty	+ (7.)
Co63	wiedzę *przetrzyma*	+ (8.)

Аргументы каузальности

Ёжеф Кишш

K1	Не обращаешь внимания [ ] на нас	+ (1.)
K2	живут в ссылке, в рабстве	+ (1.)
K3	Сквозь слезы приветствует	+ (1.)
K4	твой разложенный народ	+ (1.)
K5	убогих рабов	+ (2.)
K6	Мое сиротское сердце	+ (4.)
K7	тоскует	+ (5.)
K8	умерли смертью героя	+ (5.)
K9	мягко разлился	+ (6.)
K10	хочу погрузиться в молитву	+ (7.)
K11	его троном, который *стоял на такой высоте*	+ (7.)
K12	подлый слуга	+ (7.)
K13	Как я хочу	+ (8.)
K14	[Как я хочу] далеко бродить	+ (8.)
K15	если мое сердце взлетело бы	+ (8.)
K16	Если бы оно парило над твоими развалинами	+ (8.)
K17	Как я хочу преклониться	+ (9.)
K18	[как я хочу] пасть в грязь	+ (9.)
K19	[*хочу*] *целовать* [ ] / Твой каждый комок	+ (9.)
K20	комок, который так *дорог* мне	+ (9.)
K21	[хочу] Остановиться растроганно	+ (10.)
K22	[хочу] Плакать над могилами великих предков	+ (10.)
K23	[хочу] Пастись взором на твоих вершинах	+ (10.)
K24	*светлого* пламени	+ (10.)
K25	Твой воздух *исцеляет*	+ (11.)
K26	Твоя [ ] пылинка *нард и мирра*	+ (11.)
K27	*Лепечущее, мягкое течение* твоих рек	+ (12.)
K28	Я был бы странник твоих развалин	+ (12.)
K29	Я отдал бы украшение моей головы / Вырвавши мои волосы	+ (13.)
K30	изрыгал бы ужасное проклятие	+ (14.)
K31	твоих святых	+ (14.)
K32	Когда я вижу, что ты раб	+ (14.)
K33	твое тело добыча	+ (15.)
K34	твои орлы – жертвы воронов	+ (15.)

K35	Восстанавливая *твой упадок в памяти*	+ (16.)
K36	О безродной судьбе Самарии	+ (17.)
K37	глубокий траур Иерусалима	+ (17.)
K38	украшение [красоты]	+ (18.)
K39	венец красоты	+ (18.)
K40	Воспоминание о твоей красоте	+ (18.)
K41	Они [сыны] пылают любовью	+ (18.)
K42	Твои участники	+ (19.)
K43	[твои] Плакальщики	+ (19.)
K44	когда твое солнце засветит	+ (19.)
K45	*Твое бродячее стадо* не забыло тебя	+ (20.)
K46	Твоя империя существует навсегда	+ (21.)
K47	*Бог посвятил* твой стальной град	+ (21.)
K48	*Счастлив*, кто может быть в твоей тени	+ (21.)
K49	лучших дней	+ (22.)
K50	твоей зари	+ (22.)
K51	блестящей молодости, которая обновляется	+ (22.)

Осип Мандельштам

K52	ночь *непоправима*	+ (1.)
K53	Солнце *черное*	+ (1.)
K54	Солнце *желтое страшнее*	+ (2.)
K55	В светлом храме	+ (2.,3.)
K56	Благодати не имея	+ (3.)
K57	священства лишены	+ (3.)
K58	Черным солнцем осиян	+ (4.)

Алиця Иваньска

K59	Trwożnie się [ ] kurczy	+ (1.)
K60	majolikowa	+ (1.,8.)
K61	jerozolimnie	+ (3.)
K62	majolikowo	+ (3.)
K63	*bezkolorowy* ich «sens wewnętrzny»	+ (5.)
K64	*Zgęszczona* siła	+ (6.)
K65	zamgloną pustkę	+ (6.)
K66	*Skroplą się* dusze	+ (7.)
K67	*skarleją* szczyty	+ (7.)
K68	w jaskrawym świetle najnowszych krytyk	+ (7.)

ЁЖЕФ КИШШ

Сион

Элегия Иехуды Халеви – век 11

Не обращаешь внимания, о, Сион, на нас
Которые живут в ссылке, в рабстве?
Сквозь слезы приветствует твой опустошенный народ
Тебя с четырех части большого света.

Не донесется ли до тебя
Приветствие убогих рабов, на которых
Надели кандалы, их слезы катятся
За тебя, как роса Хермона.

Если задумываюсь об их судьбе,
Провожу всю ночь жалуясь;
Далеко звучит плачевное рыдание,
И ужасно, как уханье совы.

Но если сон обнадеживает меня тем,
Что еще увижу конец рабства:
Мое сиротское сердце взыграет,
Как арфа в руках игрока на лютне.

Тоскует по Вефилю,
Чтобы пролепетать там свою жалобу,
Где ангелы по земле ходили,
И мученики умирали смертью героя.

Свет бога мягко разлился там,
Уступивши дорогу к его трону,
То не солнца было, не луны, звезды,
Сам бог светил тебе!

Я хочу погрузиться в молитву там,
Где его дух охватил его пророков;
Ой, его троном, который стоял на такой высоте,
Сейчас подлый слуга овладевает.

Как я хочу совершить паломничество,
Как бездомный, далеко бродить,
Эй, если мое сердце взлетело бы!
Если бы оно парило над твоими развалинами!

Как я хочу преклониться,
На твоей святой земле, Сион, пасть в грязь,
И целовать опьяненной душей
Твой каждый комок, который так дорог мне.

Остановиться растроганно на краях Хеврона,
Плакать над могилами великих предков;
Пастись взорам на твоих вершинах,
Где два твоего светлого пламени гасли.

Далеко блестящее пламя па́рной звезды –
Свет твоего пророка и первосвященника!
Твой воздух исцеляет бродячую ласточку,
Твоя каждая пылинка нард и мирра!

Лепечущее, мягкое течение твоих рек
Сладкое, как мед в улье,
Я пошел бы и в отрепьях, и босиком.
Я был бы странник твоих развалин.

Где крыло Херувимов заблестело,
И небесная армия хронила ковчег завета:
Я отдал бы украшение моей головы к обломку
Вырвавши мои волосы.

И изрыгал бы ужасное проклятие эпохи,
Которая втянула в разврат твоих святых!
Как может быть вкусной мне пища и напиток,
Когда я вижу, что ты раб?

И как могут быть хороши моим глазам
Мягкие лучи дорогого, живительного солнца,
Когда я вижу, что твое тело добыча,
И твои орлы – жертвы воронов?

Мой стакан полон,
В моем сердце живет горе,
Я выпью стакан залпом
Восстанавливая твой упадок в памяти.

Мое сердце болит, если долго огорчаюсь
О безродной судьбе Самарии,
Но мое сердце самое горькое, когда его
Охватывает глубокий траур Иерусалима!

Сион, украшение, венец красоты!
Воспоминание о твоей красоте наводит тоску.
Хоть разогнали твоих сынов по свету,
Они пылают любовью к тебе.

Твои участники, когда твое солнце засветит,
Плакальщики на день твоего большего упадка:
Все обернутся лицом к тебе,
Преклонятся востоку.

Хоть далекие края держат его в плену,
Твое бродячее стадо не забыло тебя;
Их голова отдыхает под сенью пальм,
И их объятие – тоска их сердца.

Империи все исчезают, проходят,
А твоя империя существует всегда;
Бог посвятил твой стольный град,
Счастлив, кто может быть в твоей тени.

Которые верно поддерживают надежду своих сердец,
Доживут до наступления твоих лучших дней,
Лучших дней, твоей зари,
Блестящей молодости, которая обновляется.

Осип Мандельштам

Эта ночь непоправима

Эта ночь непоправима,
А у вас еще светло.
У ворот Иерусалима
Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнее,–
Баю – баюшки – баю, –
В светлом храме иудеи
Хоронили мать мою.

Благодати не имея
и священства лишены,
В светлом храме иудеи
Отпевали прах жены.

И над матерью звенели
Голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели –
Черным солнцем осиян.

Alicja Iwańska

Jerozolima

Trwożnie się we mnie kurczy i chowa
Jerozolima majolikowa.

Kiedy ją ujrzę – już nie zapomnę,
choć nie wiem o niej, a ona o mnie

O treści nie myśl, spojrzyj na słowo:
jerozolimnie majolikowo

Bo treści kiedyś się ujednoczą
w mozgu ułożą na przekór oczom.

Tam udrapuje, tam się rozpiętrzy
bezkolorowy ich „sens wewnętrzny".

Zgęszczona siła roztli, rozjaśni
zamgloną pustkę „istot" i „jaźni".

Skroplą się dusze – skarleją szczyty
w jaskrawym świetle najnowszych krytyk.

I tylko każdą wiedzę przetrzyma
majolikowa jerozolima.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

СЕРГІЙ ЄФРЕМОВ ЯК ДОСЛІДНИК ТВОРЧОСТІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

Тетяна ІВАШКЕВИЧ

С. О. Єфремова ми знаємо як особистість надзвичайно багатогранну. В духовну історію України він увійшов як громадський діяч, політик, блискучий публіцист, літературознавець і, звичайно ж, – як шевченкознавець.

За підрахунками П. Одарченка (ОДАРЧЕНКО 1995: 191), у галузі шевченкознавства Єфремов залишив по собі понад 100 праць, до того ж найрізноманітнішого характеру – від невеличких заміток ("Пушкін contra Шевченко?!", 1899; "Шевченко і Курочкін", 1900), хронік поетових роковин ("Великі роковини", 1912; "Шевченкові роковини і духовенство", 1914; "Безмолвна годовщина", 1917), наукових статей, ("Шевченко за ґратами", 1909; "На переломі", 1910; "Поезія всепрощення", 1912) і до академічного видання Шевченкових творів ("Поезія", 1927; "Журнал", 1927; "Листування", 1929) та впорядкування широкомасштабних шевченківських збірників ("Шевченко та його доба", 1925, 1926; "Шевченко. Річник", 1928, 1930). Власне, від перших виступів у "Літературно-науковому віснику" (1899) і ледь не до останнього подиху (робота над словником мови Шевченка (ПАВЛУШКОВА 1989: 471)) учений не припиняв шевченкознавчих студій.

Загалом у шевченкознавчій діяльності С. Єфремова можна виділити два періоди: період 1899–1919 років та період 1919 1929 років. Причому за перший із них учений створив понад 70, а за другий – близько 30 студій. Якщо поглянути на весь цей доробок у цілому, то можна відзначити кілька наскрізних тенденцій: 1) з часу обрання ученого академіком його науковий підхід помітно виріс: зникає пафосна публіцистика, приділяється більше уваги посиланням, вивіреності текстів, цитат, посилюється аналітичне начало студій; 2) від досліджень "поета-пророка", "геніального самородка" С. Єфремов поступово переходить до вивчення Шевченка – людини, представника конкретної історичної епохи та літературної традиції; 3) усі студії вченого об'єднує образ Шевченка – особистості надзвичайно цілісної, щирої, чесної з собою та своїм оточенням, єдиного поета між поетами всіх країн і часів, душа якого не знала хитань та компромісів (ЄФРЕМОВ 1993: 186).

Учений відкидав будь-які спроби "помирити" Шевченка з офіційною ідеологією - інтерпретувати його як представника "чистого мистецтва" (див. статтю "Шевченко в руслі офіційної критики", 1904), апологета імперіалізму ("Пушкін contra Шевченко?!", 1899), носія "двох душ" – російської та української ("Шевченкові "душі" і "московська міра", 1900) тощо. Принагідне ж

звертання письменника до російськомовної практики трактував виключно у світлі цензурних та політичних утисків, здійснюваних на українське письменство.

Епіцентром цілісності Шевченка, на думку С. Єфремова, була цілісність його світогляду – політичних, етичних, релігійних та естетичних переконань. Тому поет постає перед нами як **патріот**, свідомий працівник на полі рідної культури ("На москалів не вважайте, – цитує учений письменника, – нехай вони собі пишуть по-своєму, а ми по-своєму; у їх народ і слово, і у нас народ і слово; а чиє краще – нехай судять люде" (ЄФРЕМОВ 1914: 79).), **аболіціоніст**, борець проти будь-яких форм поневолення ("Як одна була любов у Шевченка до рідного краю й народу, так і одна в нього непримиренна ненависть до кріпацтва і всякої неволі" (ЄФРЕМОВ 1995: 367).), **гуманіст** ("поет всепрощення"), **антропоцентрист**, який не тільки мистецтво поставив на службу людям, а навіть Бога, створивши свою власну релігію – "релігію людяного раціоналізму" (ЄФРЕМОВ 1927: 336), і, певна річ, як **реаліст**, який швидко переріс юнацьке захоплення романтизмом (ЄФРЕМОВ 1995: 363). Цю рецепцію майже повністю поділяє сучасна академічна традиція, піддаючи сумнівам лише останню тезу, оскільки, як показує досвід, естетика письменника тяжіє більше до романтичної техніки, ніж до реалістичної (ЧИЖЕВСЬКИЙ 1994: 400 418). Утім, позиція С. Єфремова також заслуговує на увагу.

Досліджуючи біографію Т. Шевченка, як слушно зауважив Б. Рубчак, учений керувався принципами позитивістської теорії, тому в його студіях кожний персонаж, кожна ситуація, кожна деталь твору є фіксацією конкретного факту з життя письменника. "Єфремов узагалі не припускає, що між особою письменника і його текстом може існувати будь-яка посередність, скажімо маска чи персона,"[9]– писав дослідник (РУБЧАК 1993: 484). Слід зауважити, що такий підхід не завжди себе виправдовує, але щодо Т. Шевченка він, певною мірою, прийнятний. Адже поет справді "ніколи не лукавив, не позував ні перед іншими, ні перед собою навіть, не випинав своєї особи, не спинався на котурни" (ЄФРЕМОВ 1929: XXXVI). Т. Шевченко, за Єфремовим, однаковий і у художніх творах, і у щоденнику, і у своєму листуванні. Тож логічною є спроба реставрувати біографію письменника на основі аналізу його художнього та епістолярного доробку. Студії "На переломі" (1910), "Шевченко за ґратами" (1909), "Літературний автопортрет Шевченка" (1927) розповідають про три найскладніші періоди Шевченкового життя – період "трьох літ", ув'язнення та заслання; вводять у глибини авторської психології, знайомлять з епохою, оточенням письменника. І попри всі випробування, що випали на долю митця, Т. Шевченко постає з них як "великий поет і водночас велика людина" (ЄФРЕМОВ 1993: 262), що не зігнулася під тиском обставин і через усе життя пронесла свої "младенчески светлые верования" (ЄФРЕМОВ 1993: 266). Праця "Шевченко в своєму листуванні" (1929) лише підтверджує слушність цих міркувань. "Простота і щирість тону, ясний розум та надзви-

чайне благородство натури – ось справжній образ Шевченка"( ), – зазначав С. Єфремов. – Легко, природно, сам того не помічаючи, несе він свою геніяльність і осяває нею сотні людей, що мали щастя бути з ним у листовних зносинах. І це щастя розуміли його кореспонденти" (ЄФРЕМОВ 1929: XXIX).

Звичайно, є в єфремовській рецепції Шевченка певна частка ідеалізації, міфологізування (про що неодноразово писалось у критиці В. Дорошенком, Б. Рубчаком, С. Павличко), але є в ній також інше: невгасиме прагнення до об'єктивності, бажання пізнати людину, що "помилялась і падала" (ЄФРЕМОВ 1929: XXXVI), "любила і ненавиділа", тобто "живого" Шевченка, а не іконописний образ. І це, власне, принципово відрізняє методологію вченого від псевдопринципів радянських літературознавців. "Сам Єфремов, – як наголосив Ю. Бойко, – утримався на ступені літературознавства, овіяного пристрастю публіцистики у вивченні Шевченка, але він же створив для своїх простакуватих послідовників міцний ґрунт культового обожнення великого поета" (БОЙКО 1992: 200).

Стремління до об'єктивності супроводжувало не тільки окремі студії С. Єфремова, але й наукові збірники, видані за його редакцією – "Шевченко та його доба" (1925, 1926; співредактори П. Филипович та М. Новицький), "Шевченко. Річник" (1928, 1930; співредактор Д. Багалій). Для впорядкування цих праць С. Єфремов сформував два блискучих авторських колективи, до яких увійшли В. Петров, М. Новицький, Д. Багалій, В. Державін, Б. Якубський та ін. Метою збірників було створити паралелі до таких видань, як "Пушкин и его современники" в Росії або ж щорічників, присвячених Ґете, Шекспіру і Данте, в Німеччині, Англії та Італії. Шевченкове ім'я повинно було зазвучати в одному ряду з найвідомішими іменами світу, стати символом української нації, культури. Проте С. Єфремову вдалося реалізувати цей задум лише частково. Працю вченого обірвали арешт та заслання; останній збірник ("Шевченко. Річник", 1930) побачив світ у той час, коли його редактор перебував на лаві підсудних.

Обидва збірники, попри спрямованість першого з них на соціологічний аналіз, продемонстрували якнайширший діапазон студій, представивши Шевченка на тлі його епохи: суспільної (див. Б. Якубського "До соціології вивчення Шевченкових епітетів"), політичної (див. С. Єфремова "Епілог до Кирило-Мефодіївської справи"), естетичної (див. П. Руліна "Шевченко й театр", Я. Полфьорова "Музика в "журналі" Шевченка", Б. Якубського "До проблеми ритму в Шевченковій поезії"), комунікативної (див. В. Петрова "Куліш і Шевченко", М. Новицького "З листування Т. Шевченка"), чим засвідчили появу в Україні комплексного наукового шевченкознавства.

Велику роль відіграв С. Єфремов у питанні вивчення Шевченкового кругозору. Почасти під впливом студій Б. Грінченка ("Перед широким світом", 1907; "Кобзар на селі", 1914), а почасти з власних міркувань, учений кардинально переосмислив утверджений В. Бєлінським погляд на Шевченка

як малоосвіченого "мужицького" письменника, довівши, що "поет, яким він показується у своєму інтимному побуті, на самоті з собою, стоїть au courant інтелектуального життя свого часу й принаймні нічим не нижчий і щодо освіти од звичайного кругу своїх сучасників" (ЄФРЕМОВ 1993: 272). Нестачу систематичної освіти, на думку С. Єфремова, Шевченко надолужив "пильним читанням та самоосвітою".

Драгомановську інтерпретацію Шевченка як "грізного пророка", С. Єфремов принципово доповнив спостереженнями про етичний бік поезії Кобзаря. "Він умів ненавидіти, – писав учений, – палко й безоглядно ненавидіти лихо й лихі вчинки; а надто велике деспотство й насильство та покірливість перед силою Але разом з тим Шевченко вмів і прощати, так прощати, як рідко хто може з людей..." (ЄФРЕМОВ 1993: 188).

Ці спостереження, з нашого погляду, виходять далеко за рамки народницької заангажованості дослідника, демонструють уміння переростати утверджені стереотипи, формувати своє, особливе бачення поета. Учений залишив по собі портрет Шевченка – людини передусім гуманної, високоосвіченої, обдарованої, великого патріота рідної землі та свідомого творця її культури. Саме таким ми уявляємо собі Шевченка зараз, отже, праці Єфремова досі зберігають актуальність.

Окрему частину шевченкознавчої роботи С. Єфремова складають текстологічні студії. Про повне, текстологічно вивірене видання творів Шевченка вчений мріяв здавна, позаяк майже всі існуючі на початок XX століття праці в цій галузі вражали послідовним вилученням з доробку поета самостійницьких тенденцій (усього, що суперечило ідеї "слияния Малороссии с Великороссией") та творів, фрагментів, що розходились із ортодоксальними уявленнями про релігійність. Видання ж російськомовної спадщини (повістей та щоденника) – зумисною "русифікацією" авторського мовлення.

У 30-х роках XX століття С. Єфремову вдалося втілити в життя "Повне зібрання творів Шевченка" (1925 1929). 1925 року в спів редакторстві з М. Новицьким він випускає двотомник Шевченкової поезії. Це ще не було академічне видання з усіма варіантами, але, як зазначав П. Зайцев, "у ньому бачимо скрізь і в усіх творах одну основну редакцію, за яку вони (редактори) брали або певний виправлений Шевченком друкований текст, або текст певних автографів" (ЗАЙЦЕВ 1995: 195). Далі – "Журнал" (том IV, 1927) та "Листування" (том III, 1929), що супроводжувалися ґрунтовними передмовами пера С. Єфремова (передмову до "Листування", до речі, американський альманах "Shevchenko and Critics" (Toronto, 1980) опублікував як зразок аналітичної розвідки про епістолярій) та коментарями, укомплектованими фахівцями найвищого професійного ґатунку – П. Филиповичем, П. Руліним, Д. Ревуцьким, М. Новицьким та ін. Вражає не тільки якість цих коментарів, але й їх обсяг. Так, коментар до "Журналу" охоплює 553 сторінки, а до "Листування" – понад 650 сторінок. Багато приміток написав сам Єфремов, причому

більшість із них, за спостереженням П. Одарченка, "становлять цілі закінчені монографії" (ОДАРЧЕНКО 1995: 195).

Єфремовські видання Шевченкового щоденника та листування викликали широкий резонанс у науковому світі. П. Одарченко назвав їх "вінцем та лебединою піснею наукової творчості академіка Єфремова" (ОДАРЧЕНКО 1995: 196), Ю. Шерех – "верхів'ям досконалості в редакційній справі" (ШЕРЕХ 1994: 86), а П. Зайцев – "взірцем видань науково-академічного типу" (ЗАЙЦЕВ 1995: 195). На сьогодні існує серйозна потреба у перевиданні цих праць; їх вага неоціненна як з погляду презентації Шевченкового доробку, так і з боку його наукового вивчення. Це справжні енциклопедії шевченкознавства, довідники, які мають неперейдену цінність не тільки для спеціалістів-філологів, але й для численних шанувальників Шевченкового слова.

На жаль, С. Єфремову не вдалося здійснити видання Шевченкових повістей (з огляду на попередні 4 томи ми можемо тільки припустити, якого розмаху могло б набрати подібне видання). Проте вчений не залишив їх поза своїм науковим інтересом. Скрупульозно вивчивши рукописи, він прийшов до висновку, що це "здебільшого брульйони, остаточно невикінчені, необроблені і непереписані", які "ще не одстоялися в творчій лабораторії й мають іноді, за деякими тільки винятками, вигляд накиданого нашвидку матеріалу" (ЄФРЕМОВ 1925: 156).

І все ж С. Єфремов сподівався, що й ці твори письменника побачать світ у їх повному, вивіреному варіанті, оскільки кожен рядок, навіть кожна помилка Шевченка були для вченого "живим " свідченням поетової душі, мислення та хвилювання.

Таким чином, в особі С. О. Єфремова ми маємо талановитого дослідника, схильного до невтомного пошуку та репродукування нових ідей, концепцій; неперевершеного знавця та редактора Шевченкових творів і водночас – академіка, що заклав фундамент комплексного студіювання багатотомного Шевченкового доробку. Шевченкознавча спадщина С. Єфремова – це невичерпне джерело, яке повинно стати надбанням сучасного наукового світу, основою подальших літературознавчих студій.

ЛІТЕРАТУРА

БОЙКО 1992: Бойко Ю., Літературознавча і літературно-критична методологія Сергія Єфремова // Бойко Ю., Вибрані праці. Київ: Медекол.

ЄФРЕМОВ 1914: Єфремов С., Шевченко. Збірка. Київ: Вік.

ЄФРЕМОВ 1925: Єфремов С., Спадщина кобзаря Дармограя // Україна. Двомісячник. Кн. 1 6. Ч. 1 2. Київ.

ЄФРЕМОВ 1927: Єфремов С. (голов. ред.), Коментарій // Шевченко Т., Повне зібрання творів. Т. 4. Щоденні записки. Журнал. Київ: УАН.

Єфремов 1929: Єфремов С., Шевченко в своєму листуванні // Шевченко Т., Повне зібрання творів. Т. 3. Листування (За редакцією акад. С. Єфремова). Київ: УАН.

Єфремов 1993: Єфремов С. О., Літературно-критичні статті. Київ: Дніпро.

Єфремов 1995: Єфремов С., Історія українського письменства. Київ: Феміна.

Зайцев 1995: Цитуємо за виданням: Одарченко, П., Українська література. Збірник вибраних статей. Київ: Смолоскип.

Одарченко 1995: Одарченко П., Життя і наукова діяльність Сергія Єфремова // Одарченко, П., Українська література. Збірник вибраних статей. Київ: Смолоскип.

Павлушкова 1989: Павлушкова Н., Моє свідчення про С. О. Єфремова // Єфремов С., Історія українського письменства. Т. 2. Мюнхен.

Рубчак 1993: Рубчак Б., Літературна критика Сергія Єфремова // 125 років київської української академічної традиції. Нью-Йорк.

Чижевський 1994: Чижевський Д., Історія української літератури. Київ: Феміна.

Шерех 1994: Цитуємо за виданням: Ляхова Ж., Сергій Єфремов – дослідник листування Т. Шевченка // XXXI наукова шевченківська конференція. Матеріали. Луганськ: Світлиця.

Abstract

Yefremov's Studies on Shevchenko

The article investigates the Shevchenko studies by the prominent Ukrainian critic Sergiy Yefremov, who wrote over a hundred articles, reviews, and references about Taras Shevchenko. All these studies give evidence on 1) history of Shevchenko's recognition, 2) history of censorship in Ukraine, 3) genesis of Yefremov's research methodology and approaches. The article deals with the latter aspect. The author claims that in the period of the Shevchenko studies Yefremov improved and extended his research approach and transferred his point of view from describing the poet's prophecy to deeply analyzing his individuality and works. In contrast with the literary tradition of the early XX century, Yefremov proved that Shevchenko was not only a self-educated genius but also an intelligent and well-educated personality. Poet's diary and letters published by Yefremov in 1927 and 1929 are considered to be the sample of scholarly and academic papers. The major conclusion of the article states that Yefremov's works can be viewed as the background of Ukrainian literary criticism.

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

LE PROBLÈME DE L' IDENTITÉ DANS LES DRAMES DE MROŻEK CONCERNANT DES EMIGRANTS DE L' EUROPE ORIENTALE

DÓSA Márta

S. Hall en résumant les configurations de l'identité personnelle mobilisant par les structures politiques constate qu'on peut distinguer trois conceptions de la conscien ce de l'identité au niveau de l'individu. *La première* considère la conscience d'un individu cohérent et évolué comme le fondement de l'identité, *la deuxième* trouve la substance de l'identité dans les interactions continuelles entre l'individu et son milieu socio-culturel, tandis que *la troisième* cherche l'origine de l'identité dans les relations fragmentaires et divergentes (HALL 1992). Nous avons l'impression que parmi les drames de Mrożek abordant la question de l'émigration (c'est á dire *Vatzlav, Les émigrants L' ambassadeur* et *Le contrat*) on peut retrouver tous les trois aspects.

L'un des problèmes les plus importants pour les personnages de Mrożek c'est la question de l'identité. En effet la déformation grotesque de la réalité qui est représentée dans les oeuvres prend sa source dans les déformations caractérisant la conscience de l'identité des personnages dramatiques. Ils acquièrent de l'expérience dans les conditions extrêmes – comme par exemple l'état incertain et ambivalent de l'être émigrant. Dans cette situation, l'individu est pressé de se rendre compte de son identité nationale aussi que des clichés et des configurations culturelles qui ont déterminé leur vie auparavant.

En partageant l'opinion de C. Calhoun:

« Identité implique deux problèmes cohérents: la confiance en soi et l'appréciation des autres » (CALHOUN 1994: 104).

Pour des raisons faciles á comprendre Mrożek, qui s'est détaché de son public « indigène » – national après son émigration en 1963 a ressenti les difficultés et le chagrin des étrangers dans toute sa complexité. Toutefois cette question se montre plus tard, á partir de 1968, et se présente dans les drames en forme filtrée par la vision du monde spécial de l'auteur.

Il faut mentionner que le sujet de l'emigration est apparu premièrement dans la prose de Mrożek – notamment dans *Moniza Clavier* (1964), qui était ensuite représentée á la scène (comme un monologue) en Pologne. Cette nouvelle raconte les péripéties intellectuelles d'un nouveau venu de l' Europe orientale, qui fait ses premiers pas hésitants et trébuchants dans le « Nouveau Monde » pendant qu'il essaie de camoufler son statut étranger. – Le ton humoristique ou plutôt criti-

que s'assombrira par la suite dans les drames.– En même temps, on peut déjà remarquer dans ce récit un symptôme inquiétant. L' individu qui est arrivé de l' Europe « pire » (c'est á dire de la partie de l' Europe rudimentaire quant á la démocratie, l'industrie etc.) accepte le stéréotype faux, simplifié mais pour le nouveau milieu donnant asile est plus concevable, parce que plus connu: c'est le cliché de « l'immigrant russe ». Donc, afin de s'adapter plus aisément, l'étranger a renoncé á son identité nationale.

Dans les oeuvres dramatiques de Mrożek la question de la crise de l'identité qui caractérise les émigrés n'apparaît qu'en 1968 par *Vatzlav*. L' auteur s'est établi en ce temps-là á Paris enfiévré par les étudiants et la jeunesse. Il a reçu ici la nouvelle bouleversante de l'invasion du Pacte Varsovien contre la Tchécoslovaquie en août, qui jouait sans doute un rôle important quant au nom du protagoniste. Comme en langue polonaise le caractère « V » n'existe pas l' orthographie suggère de quel pays de l' Europe « pire » cet émigrant est arrivé.

Vatzlav – un arrière-neveu de Robinson– était rejeté comme un naufragé sur les côtes d'un pays inconnu qu'on peut espérer le monde de l'espérance. Il personnifie symboliquement tous les réfugiés politiques ou économiques assujettis parce que coupés de leurs racines: ils cherchent leur place dans la nouvelle société, mais bien qu'ils s'adaptent adroitement ils quittent quand même avec un grand désenchantement le pays des rêves. La caricature de l'état anormal de l' émigrant se dégage dans les situations grotesques de cette pièce. Le protagoniste qui tâche de manipuler son milieu social avec ses histoires vraies ou fausses (qui peut vérifier?) – en plus il est toujours prêt á flatter ou capable d' être opportuniste – tout de même, il doit souffrir. D'abord il sera condamné au mutisme, puis on le déguisera en costume de l'ours. Au cours de son histoire il doit changer plusieurs fois de rôle (et d'identité á la fois). Á cause de son statut constamment métamorphosé l'individu est bien ballotté d'une situation absurde á l'autre, enfin il se trouve á la prison, et même son existence physique sera en détresse.

Le plus sensible point de l'émigrant-ethos c'est le traitement des sentiments des souvenirs et en général le rapport se rattachant au passé. Vatzlav contemplait avec indifférence que son *alter ego* – le témoin de sa vie d' antan – s'est noyé pendant qu'il a réussit á débarquer. Et cependant dans quelques semaines, c'est lui qui évoquera les souvenirs obsédants. Il construit autour de soi le mythe du martyr ce qui est caractéristique des immigrants.

Vatzlav s'instruit beaucoup au cours de ses expériences du « Monde Meilleur ». Il doit apprendre qu'on transmet toujours quelque chose á « l'autre rive ». C'est important de comprendre, qu'en rompant avec le passé cela signifie á la fois se détacher des valeurs d'autrefois qui sont les éléments constitutifs de l'identité. Après avoir perdu l' « alter ego » Vatzlav ne possède qu'un ego extrêmement réduit, qui représente bien l'incompétence et la désorientation générale des nouveaux immigrants. Ses connaissances sont ridiculement basses mais quand même suffisantes pour le pousser dans le monde au niveau primitif. Il est capable de crier

« Bravo! » il sait marcher á quatre pattes ou imiter le cri des animaux. On doit donc recommencer tout le procès de l'évolution humaine. Il est nécessaire de développer une nouvelle identité mais il manque déjà la communauté (familiale ou sociale) qui peut transmettre les schémas culturels – c'est pour quoi il a besoin des costumes et des rôles afin de faire des expériences. En changeant plusieurs fois de statut (et ego) au sommet de sa carrière, nous voyons un individu complètement assimilé: Vatzlav, le capitaliste immodéré met en vente la jeune fille, Justine – symbole de la justice. Le personnage dernier qui sera offert á Vatzlav par le nouveau monarque, Barbar, c'est le rôle de l' homme décédé. L'émigrant d'antan malgré ses efforts d'assimilation sera incarcéré, et dans la prison il réfléchit á ce que l'absolu est inaccessible. Pareillement á Caligula de Camus il va au bout de son idée: la vie comme que la mort n'est pas « une occupation raisonnable ».

Son envie de l'absolu qui est caractéristique chez les émigrants le guide á la conclusion que: la vie n'est supportable que dans l'état transitoire, donc, il doit continuer sa route.

L' expérience de changer l'identité chez Vatzlav a échoué tandis que dans le drame suivant qui s'occupe du thème de l'émigration, les protagonistes n'ont pas l'intention de sacrifier leur identité au cours de l'assimilation.

AA et XX les personnages des *Emigrants* sont similaires á ce point de vue bien que par ailleurs de caractères totalement différents quant á la mentalité ou le niveau culturel. Ils appartiennent á l'autre couche sociale, leur symbiose n'est possible que dans les conditions extrêmes de l'émigration. Mrożek présent ici les deux modèles principaux des émigrés polonais de la deuxième moitié de XX siècle: l'un est l'émigrant politique « dissident » qui ne peut pas retourner dans sa patrie et qui est pris en filature même á l'étranger. L'autre est un « émigrant économique », qui après avoir tenter de faire fortune dans un autre pays va réintégrer á son milieu d'origine mais financièrement á un niveau plus élevé.

Pour mieux comprendre ces deux attitudes, il est nécessaire qu'on examine la présence et la cohérence compliquée de l'identité *personnelle* et l'identité *collective*.

AA, l'intellectuel parle plusieurs langues et possède des codes culturels européens, donc il reste consciemment l'observateur impartial. Il est comme l'alter ego spirituel-intellectuel-émotionel de Mrożek. L'identité personnelle de cosmopolite AA ne contient pas comme une partie intégrante l'identité collective qui l' attacherait á la nation ou á la patrie. « Ces temps-là sont révolus », « je ne veux pas me souvenir », « j'ai autre chose á faire » – ce sont les phrases leurrantes si connues pour Mrożek, qui se sentait dans sa patrie comme un « singe dans la cage » pour qui on jette quelque fois des noix. En cas d' AA la résignation de l'identité sociale est la condition première de la libération qui est indispensable pour garder l'identité personnelle. Quant á XX sa personnalité primitive dissimule la substance de la nouvelle réalité, par conséquence le problème de garder l'identité ne se pose pas pour lui théoriquement. Le niveau de son existence actuelle n'est pas très différent

de celui d'avant c'est pour quoi son passé individuel, les clichés de sa façon de pensé peuvent lui assurer les points de repère pour l'interprétation du monde. Il y a lieu de remarquer que ce sont ces même clichés de sa vie d'antan qui l'empêchent d'assimiler de nouveaux codes culturels.

Ces codes sont indéchiffrables et incompréhensibles pour celui qui ne connaît pas la langue du Nouveau Monde. XX projette avec assurance ses expériences de sa vie d'antan sur les conditions nouvelles, si différentes sous les aspects politiques ou socio-culturels de celles dans sa patrie, que l'assimilation sera impossible pour lui. En plus ses expériences dans le nouveau monde sont bien fragmentées – c'est pour quoi complétées souvent avec des morceaux de souvenirs – par conséquent l'image crée de la nouvelle réalité est aussi contrefaite et fausse.

XX compare sans cesse le monde oriental au monde occidental c'est á dire le monde « pire » avec le monde « meilleur », mais, á cause de sa personnalité frustrée au cours de cette comparaison, il n'est pas étonnant, qu'il succombe toujours le dernier.

« Chez nous on doit acheter un billet de quai, ici on peut y aller sans payer. Imbéciles! »

« Ici il n'y a pas de mouches c'est dommage. C'est utile on peut les attraper ou les regarder » (MROŻEK 1997: 178, 186).

Mrożek dans une lettre à son collègue explique ce symptôme psychologique:

« Les stéréotypes des polonais formés à Occident se maintiennent obstinément... ceux qui ne peuvent pas les rompre utiliseront ces clichés pour bâtir un mécanisme défensif...ces polonais ne sont pas capables de contempler la vie à tête reposée...ils souffrent d' une manie de la comparaison » (MROŻEK 1963: 165).

XX possède la conscience de l'identité collective « Polonais » qui ne se rallie pas á l'identité personnelle d'un individu mûr. Cette position ne suffit que pour vivre au niveau des animaux.

Dans le drame *L' ambassadeur* Mrożek aborde d'un autre côté le statut de l'émigrant.

Le protagoniste (un ouvrier dans un pays antidémocratique) demande l'asile politique á l'ambassade d'un État libéral de type « occidental » qui respecte les droits de l'homme. Cette fois-ci, l'émigrant lutte á la fois pour garder sa propre identité et pour rétablir l'identité de l'ambassadeur. Sa présence fonctionne comme l'impératif moral qui contraint à prendre parti politiquement aussi que sur le plan humain.

L'émigrant de *L'ambassadeur* ne s'insère pas dans le personnage cliché de AA ou XX. Pour le comprendre plus profondément, il faut considérer que l'auteur a crée ce personnage en 1981 en temps de crise après l'apparition du mouvement syndical « Solidarité » quand la réinterprétation des rapports entre la classe ouvrière et les intellectuels est devenu l'une des questions plus importantes. Dans

cette pièce Mrożek-émigrant se confesse de ses propres scrupules aussi. L'écrivain lui-même a connu ce rôle incommodant: être une « conscience vivante » pour les citoyens « européens » consolidés. Touchant le problème délicat de l'émigration Mrożek pouvait compter sur les sentiments ambivalents du public occidental. À plus forte raison parce que comme en général, les émigrants des pays orientaux, il constate la crise de la culture occidentale qui peut être régénérée par la force et la foi des immigrants plus instinctifs des pays de l'Europe orientale.

En 1986 avec un nouveau drame intitulé *Le contrat* Mrożek reprend le thème de la division de l'Europe. On peut remarquer la nouvelle approche de la question déjà bien connue avec le concept de *l'identité régionale*. Comme V. Stolcke a défini ce symptôme socio-culturel: á partir des années '70 en Occident une nouvelle forme de la rhétorique s'est formée (STOLCKE 1995: 187 188). On commence á accéntuer les différences des coutumes et de l'identité culturelle parmi les différents groupes ethniques au lieu des termes incongrus de la discrimination raciale. Cette théorie – le « fondamentalisme culturel » – suppose que les cultures s'attachent au territoire géographique, donc il s'agit de défendre l' homogénéité culturelle quand les pays se défendent de l'émigration. Cette idée, quoique secrètement, suppose la hiérarchie des cultures qu'on peut bien percevoir dans *Le contrat*. Nous retrouvons aussi les stéréotypes de l'identité orientale occidentale déjà connu des drames auparavant.

En résumant nous pouvons constater que les figures des émigrants des drames de Mrożek, bien qu'ils possèdent une individualité cohérente et bien marquée dans un milieu étrange, doivent envisager une crise d'identité. C'est l'identité collective qui empêche souvent l'assimilation.

Bibliography

CALHOUN 1994: Calhoun, C., Theory and Politics of Identity // Social Theory and the Politics of Identity. Oxford, 1994. (Traduction hongroise par Farkas Krisztina, L'article est publié dans *Politikai antropológia*. Ed.: Zentay Violetta. Budapest, 1997.)

HALL 1992: Hall, S., The question of Cultural Identity // Modernity ad Its Futures. Ed.:Hall, S., Hell, D., McGew, T. Cambridge.

MROŻEK 1963: Lettre de Sławomir Mrożek á J. Błoński (Genova, 1963. XI. 19.) // Nagłos, (1992/3.)

MROŻEK 1997: Mrożek, S. Emigranci // Mrożek, S., Teatr 3, Dzieła zebrane. T. VII. Warszawa.

STOLCKE 1995: Stolcke,V., Current Anthropology. Vol. 36 // Politikai antropológia (Szerk. Zentai V., Budapest, 1997.)

Abstract

The Problems of Identity in the Life of Eastern European Immigrants in S. Mrożek's Plays

One of the most important issues that Mrożek's heroes have to face is the problem of identity. It is mainly due to the fact that the grotesque distortion of reality depicted in the plays (which, in many cases, is the author's main intention) correlates with the deformation of the characters' identity. The heroes of the plays gain their experiences in the most extreme human conditions, including the controversial and insecure state of being an immigrant, which is the most remarkable as it has biographical references. As an immigrant, the individual has to confront with not only his national identity but also the cultural patterns that have determined his life so far. I intend to examine Mrożek's plays that deal with immigrants: *Vatzlav*, *Emigrants*, *The Ambassador* and *The Treaty* from this point of view in my essay. The immigrant characters of these plays come from "the worse Europe" and live in a world that they imagine being more pleasant. They experience a crisis of identity inasmuch as they want to assimilate to the new environment. However, their actions, behavior and efforts to conform are influenced by not only their personal identity but the collective (national, social, cultural) identity as well. Mrożek himself talks about this problem in his letters to Professor Jan Błoński, which I will also take into consideration in the analysis of the plays.

Рецензии

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
SLAVICA XXXIII 2004 DEBRECEN

HAJNÁDY ZOLTÁN. SOPHIA ÉS LOGOSZ. AZ OROSZ KULTÚRA PARADIGMATIKUS-SZINTAGMATIKUS RENDSZERE, BINÁRIS OPPOZÍCIÓI, LEKÜZDÉSÜK ALTERNATÍVÁI. [СОФИЯ И ЛОГОС. ПАРАДИГМАТИЧЕСКО-СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЙ)]. DEBRECEN, KOSSUTH EGYETEMI KIADÓ, 2002. ISBN 963 472 638 0, 326. PP.

1. Золтан Хайнади написал жанрообразующую книгу. «Книга обрисовывает несущие опоры русской культуры. В ней дается наглядная картина длительных процессов. Монография имеет не *дескриптивный* характер, а является культурно-филологической интерпретацией, осмысляющей и переосмысляющей. Это критический пересмотр самовоззрения русской культуры, суть которого заключается в обнаружении скрытых значений, стоящих за явлениями, и вскрытии разнообразных уровней значения. Это не историческое рассмотрение событий, которое только хронологически располагает собранные факты, но не объясняет их.» О почти тысячелетнем существовании России и его трактовке накопилось большое количество материала, которое время от времени нуждается в упорядочении, чтобы им легче можно было пользоваться и пополнять. Поэтому исследователи заново классифицируют, селектируют этот материал, прибегая к помощи метаязыковых понятий. В настоящей работе автор принял на себя подобную задачу: используя парадигматические, синтагматические, диахронные и синхронные понятия, вскрывающие референции и ищущие новую каузальность, он попытался энциклопедизировать важнейшие элементы накопленного знания о русской культуре. Исходя из вышесказанного, автор по праву выбрал в качестве эпиграфа слова Гете: «Человек должен быть уверен, что непонятное доступно пониманию, иначе он не стал бы исследовать».

Уже само название книги, имеющее три понятийных уровня, показывает, что накопленные сотнями философов, религиозных мыслителей, историков и писателей знания можно и целесообразно упорядочить в зависимости только с помощью метода различных срезов и системоорганизации. Таким образом, монография и в этом отношении имеет образцовую ценность: на когнитивной основе рассмотрено формирование связей относительно поиска русскими своей национальной идентичности, государственности и т. д. Перед нами попытка показа того, как все это сохранилось в информативных формах существования, в иерархизации познавательных методов, в трактовке оценивающих знаний, в согласовании субъекта, *этноса* и *демоса*.

В открывающем *Введение* предложении автор ссылается на аксиологическую отправную точку, а также на рефлектирующую философию и обещает более точное и глубокое описание истории и уровней русской обработки информации. Аксиологический подход здесь двойственен: поскольку ценность, как возможность удовлетворения запросов, с одной стороны, привязана к жизненным обстоятельствам, а, значит, имеет характер усиленной хронотопической определенности; с другой стороны – классификация ценностей непосредственно в жизненной практике происходит путем разных предположений на основе приоритетов относительно менталитета и познания. Как оба подзаголовка, так и вводная часть намекают на такую перегруппировку, которая происходит в системах измерений обработки знаний. Наивные поверья и воззрения скорее являются информационным копированием жизни, в то время как проверенная культурность и общеобразовательность мыслящей элиты наследовалась и возвеличивалась поколениями, имела мировоззренческую основу, была организована в передовое знание и сублимирована в понятийные системы (*memplex*).

Указанные в названии категории Софии и Логоса дают структуру и рамки началу и концу книги. Тем самым создается своеобразная симметрия между хронотопными системами измерения и каузальными системами. Отношение симметрона (*sümmetron*) намекает и на особенности функциональной связи двух миров. Визуальная, образная София в своем самодвижении скорее направлена от образного к «формуле» и осуществляет «раскол» порывом с формальностью, персонификацией, наделением предпочтения аксиоматическим формам, фигурам (геометрическим, структурам мистики чисел). В Логосе тоже можно заметить абстрагированную направленность к саморазвитию: в каббалистическом толковании буквы принимают числовое значение, и многочисленность обладает потенцией эманациальной причинности. Как правильно устанавливает Хайнади, два типа знака, *слово* и *образ*, находятся в постоянном взаимодействии друг на друга, непрерывно переходят друг в друга, хотя слово имеет синтагматическую организацию, в отличие от единства и одновременности иконического (образного) знака, являющегося парадигматическим. С помощью срезов различных временных пластов русской истории автор в своем исследовании анализирует изменения форм двух важных парадигм русской, построенной на православной традиции, культуры, Софии и Логоса, как важнейших идентифицирующих символов визуальной и вербальной памяти.

Отдельные главы книги посвящены русской трактовке функционального отношения бытия и жизни, а также осуществляющихся в нем взаимодействий. Используя парадигматическо-синтагматический характер русской культуры, Золтан Хайнади квалифицирует отдельные периоды и конфликты русской истории и развития культуры. Коллизии (русское – европейское, русское – азиатское, язычество – христианство, элита у власти – народ и

т. п.) наиболее характерно могут быть описаны с помощью измерений бинарного характера, в результате которых достигается поликаузальная сжатость и просматриваемость жизненной логики. С учетом воспоминания (забывания), как культурообразующих факторов, можно прийти к ценным определениям специфичности русского мышления. В восьми «синтагматических» главах разбираются отношения диахронии и каузальности, анализируются важные события, процессы, состояния и повороты русской идеи и русского мышления.

2. Глава *Культура как память и забывание* посвящена семиотизирующему человеку. Золтан Хайнади располагает материал не хронологически, а пытается подытожить смысл, цели, стремления и результаты многовекового процесса. Делается это лаконично и элегантно. Анализу подвергается вспоминание и забывание, как культуроформирующий фактор. Пройдя двойную спираль биологического вспоминания (DNS), человек начинает почти аналогичным методом выстраивать гуманную двойную спираль (фактическую и виртуальную). Память DNS имеет биографический ритм, продолжительность и действует с данной скоростью. Гуманная двойная спираль (*memplex*) является одновременно короче, и длиннее предыдущей, но действует с большей скоростью. Качество отдельных хронотопических культур (азиатской, греческой, римской, русской и т. д.), с одной стороны, определяется тем, как помнится, как фиксируется знание (вербально, предметно, письменно, образно, в цвете, в персонифицированных фигурах, числах, геометрических формах, формулах и т. д.). С другой стороны, решающим является учитывание того, кто имеет доступ к знанию, кто имеет право голоса, кто может передавать знание дальше и кто правомерен его использовать. С помощью богатого иллюстративного материала автор показывает какими особенными знаниями и иерархией права голоса обладали человекобоги, пророки, правители, вожди, священники, мыслители, колдуны, художники и на что их использовали. Как латентный, так и манифестированный их голос имеет репрезентативный характер, то есть их устами говорит Бог, идея, идеология, власть, народ или высказываются другие теологические устремления. В русской разговорной речи прослеживается социогенетическая, религиозная, унификаторская речь *этноса* и рядом с ней и речь *демоса*, организатора и защитника империи. Может быть, только советский период сделал безуспешную попытку к их сплаву воедино.

3. По бинарному принципу построена и другая тематическая глава – *Оппозиция греческого и римского начал.* Ее тезисное предложение звучит так: «Бинарная оппозиция греческого и римского принципов анализируется мною не в географическом, историческом, религиозном контексте, а как взятая в более широком смысле культурно-цивилизаторская парадигма, затрагивающая целый ряд других дуальных моделей (народ – интеллигенция, стихия – культура, Россия – Европа, принцип Аполлона и Диониса и т. д.» В сомкнутости антагонистических пар «чужое изобилие» и «русский недостаток» зна-

ний, имеющих разные источники (правила, нормы, тенденции), становятся в русском образном и понятийном мышлении не стагнацией и хаосом, а формируются в своеобразного синтеза культуру, отвечающую на вызов чужой культуры то обостренным диалогом, то длительным молчанием. Золтан Хайнади рассматривает вопрос о том, когда и насколько глубоко влияли на Россию византийская и европейская культуры, имевшие за собой тысячелетнюю традицию и сформировавшие двуликий портрет русского человека, «западную» и «восточную» его стороны: европейский склад ума и ортодоксальную психику Византии; когда произошел расцвет ни на что не похожей русской культуры, формировавшейся как под чуждыми влияниями, так и в процессе противостояния им.

Русские ответы в отличие от русских вопросов отчасти специфичны. Русское знание в определенном отношении ущербно, потому что отстает от результативности быстро воспринятого, цивилизационного знания, но в то же время имеет и преимущества, поскольку менее манипулятивно и целеосознанно. Ортодоксальная религия имеет консервативную ориентацию и является идеологией, построенной на собственном этносе и демосе. Ее географическая экспансия (Русь, панславистская Россия, имперская Евразия) и программа теологической миссии («Москва – третий Рим») во все времена сохраняет эту аутентическую установленность. Ментально-историческое достижение русского поиска пути заключается в полярных парах *Запад – Восток, Север – Юг, принцип коллектива – принцип личности*, теряющих в русской жизни разделительный характер *или-или*, и русифицирующихся в полях значения *и-и*, *ни-ни*: они растворяются в русском воображении, в создании и уничтожении, в прихотливом самоограничении и в одновременном принятии святого и кощунственного.

Русской особенностью является и подчеркивание созидательного принципа *центр – периферия, город – провинция* (мистифицированное значение Киева, Москвы, Петербурга в литературных текстах), а также связанная с этим рефлексия народной и элитной культуры. Народное сознание и память придают миру более пантеистический, языческий, мифизированный смысл, а его познаваемость приспосабливает к своим привычкам текстотворчества. Греко-римское и еврейско-христианское объяснение мира более упорядочено, чем народное, в его космологии более подчеркнуты теософско-антропософные устремления и выражения, отражающие веру в возможность «выбеливания» оккультного «черного знания». На этом оптимизме покоится вопрос русского синтеза аполлонского и дионисийского принципа, соединение Софии и Логоса, а также отношнения универсализма и поливерсализма. Все это находит убедительное освещение в исследовании профессора Хайнади. Результатом повышенного интереса к мистическому, эзотерическому знанию, как правило, является ослабление господствующего мировоззрения или постановка его под вопрос. Принятие христианства, Ренессанс, Реформация,

просвещение, кризисы науки в конце XIX века приводят к смене парадигм, переформированию и осуществляют принципы новой корреспонденции. На рубеже XIX–XX веков русское мышление подключилось к борьбе компетенций научного оптимизма и эзотерического оптимизма, привнеся в нее результаты своих исследований. В точных науках оккультизм не имеет принятой модели, места и роли, в эзотерическом же знании он осуществляет переоценку науки. Работы Соловьева, Мережковского, Белого, Федорова, Вернадского, Циолковского и других оказали влияние на европейское мышление, философию, литературу в качестве русской парадигмы.

В главе *Евразийская культурно-историческая парадигма* также обсуждается некая русская специфичность. Вследствие нашествия татаро-монголов и обретения независимости от Византии русская экономика, геополитика и культура в большой мере была ориентирована на Восток. В результате освоения восточного *витализма* русское самосознание становится миссионным. Оценив специфику своего положения, русские осознали себя мировым мостом. Все русские мыслители (славянофилы, западники, «скифы», утописты) выступали с теориями спасения мира. Основной вопрос заключался в следующем: что приведет Россию к принятию на себя великодержавной роли – самобытный менталитет или принятая от Запада цивилизация? Надо ли порвать с чем-либо из них или достаточно будет выверить размеры «прорубки окна» в Европу и Азию.

Отчасти ответ на этот вопрос дается в главе *Цивилизационный раскол*. По своему происхождению раскол был церковно-правовым, религиозно-философским движением, вызванный протестом против пересмотра догматических норм. Первый раскол возник еще в X веке во время отделения Византии от Рима. В результате революционных реформ Петра I большое количество староверов покинуло общество. Старообрядцы отвергали все, что по их мнению ставило под вопрос резкой маркированности двух миров в обрядности, ритуалах, в языке. Автор упоминает множество способов различения в области вербального и метавербального разговоров (обозначение начала и конца, порядок наложения креста, значение направления верх–низ, спереди–сзади, цвет, семантическую насыщенность пения и музыки, легенду о граде Китеже и т. д.) и четко определяет их значение. С расколом начинается поворот к эссенциальным и экзистенциальным вопросам русского менталитета, к национальным и социальным вопросам. Усиливается конфликт между знанием, основанном на вере и на науке.

Отдельного исследования заслуживает замечание автора о перемещении внимания с культа греко-римских, еврейско-христианских богинь на роль русской женщины. Поучительно с этой точки зрения проведение параллели между Соловьевым, персонифицированным исполнителем женского принципа во второй половине XIX века, и его современником Николаем Федоровым, отрицавшим женский принцип и прославлявшим приобретенное

учебой знание для воскрешения отцов. Соловьевский принцип женственности был обогащен художественным мышлением Мережковского, Гиппиус, Брюсова, Иванова, Блока, Белого, Булгакова, в то время как взгляды Федорова имели продуктивное влияние на Флоренского, Мечникова, Вернадского. Как пишет Хайнади: «Русские мыслители предприняли попытку сделать проходимой пограничную линию между сакральной и секулярной культурами: отвлеченные вопросы философии они помещали в конкретное пространство и время истории культуры. Они пытались доказать, что традиционные религиозно-философские ценности можно сохранить и даже объединить с современными естественнонаучными взглядами, если допустить, что скрытые в материальных вещах тенденции отчасти или полностью видны в самих этих вещах или направлены в сторону создания бытия более высшего порядка (*космотеизм*).»

Отдельную главу (*Дихотомия Европы и России*) Хайнади посвящает расколу XVIII века и позднейшим его проявлениям. С громадной силой воображения и энергией Петр I приступил к организации нового общества, основанного на знании и производительности, к строительству империи по европейскому образцу, к освоению чужого поведения. Он строит новую столицу (Санкт-Петербург), оспоренную Москвой. В течение трех столетий вокруг Петербурга складываются эскатологические мифы (начиная от Ломоносова, включая Гоголя и Достоевского, вплоть до Белого, Пильняка, Ахматовой). Хайнади, когда говорит о своеобразии отношений старой и новой культуры, об *инвертальной модели*, обращает внимание на то, что всякая власть стремится монополизировать, присвоить культуру. В отношении России это стремление резко проявляется уже во времена принятия христианства, затем в эпоху Петра I, и особенно сильно после идеологического раскола 1917 года. Заметно это и в политических движениях наших дней. Всякий раз подчеркиваются иные интересы, в зависимости от того, в чем видит стоящая у власти элита гарантию принятия этой власти. Ведь, с одной стороны, власть *евгеническим* образом манифестирует себя, то есть декларирует и гарантирует коллективу и личности качественную жизнь (счастье, высокие жизненные цели), а также ведущие к ней программы действия, поведения и их условия. Это привязано то к идеологии (христианство, марксизм), то к типу (русский, славянский, советский), то к вождю (царь, генеральный секретарь) и соблюдающим нормы, послушным личностям. С другой стороны, во избежание краха всякая власть называет противодействующие *евгеническим* намерениям силы (сатана, Антихрист, самозванцы, инородцы, лжепророки, непокорные подданные), а также обращает внимание на борьбу двух сил, в ходе которой возникают надломы цивилизации.

В определенном смысле славянофильское и западническое мышление также полагает осуществить сближение русской самобытности (скифской восточности) и паневропейства. Может быть, название главы точнее бы вы-

ражало содержание, будучи во множественном числе: *Дихотомии* Европы и России. То же самое можно предложить и относительно названия главы «Идея (идеи) русского универсализма». Холистические устремления символизируют однородные стремления. Их разложение служит основой новых образований, на что намекает вторая часть названия главы: «*апология и деконструкция соборности*». Ищущее единства мышление, начиная с раскола, удвоилось. Соборность является центральной категорией поиска единства, стремлений славянофилов к сохранению ценностей. Органической основой ее существования служат общины, в которых возможно вступление в гармонию государства и страны, тела и души. В центре другого подхода стоит всеобщий человек (*homo universalis*), идеализированная, персонифицированная фигура носителя идеи миссии (Христос, человекобог, София с ее женским принципом, архетипы), в которой предполагается соединение теософии и антропософии, как центральная категория нового построения мира. Заключительными мыслями главы автор, собственно говоря, подготавливает подытоживание.

Это осуществляется в главе *Теургическое искусство против диаболического*. К древнему, тайному субстанциальному знанию можно подступить только благодаря избранничеству. Его подвижники и проводники (богочеловеки, человекобоги, священники, пророки, вожди и т. д.) приближают к человеку как «белое знание», так и «черное знание» (бесы, демоны, ведьмы, вещуны). Таким образом единый материал знания разламывается на знаки и значения. В Логосе распадается холицизм мифа, старые отношения сменяются новыми парадигмами. На рубеже XIX–XX веков русские мыслители, художественные направления, манифесты авангардных группировок декларировали попытку нового осмысления мира. В сноске на 205 странице Золтан Хайнади делает замечание, которое в более подробном выражении имело бы место в основном тексте, потому что, по нашему мнению, является важным с точки зрения истории мышления: «художники русского авангарда хотели овладеть и неэвклидовым пространством». Неэвклидовиский подход стал аксиомой не только в геометрии, но изменил взгляды во всех областях жизни. Парадигматико-синтагматический, европейско-русско-азиатский мир воззрений Софии и Логоса сменился взглядами, основанными на трудах Бойаи, Лобачесвского, Эйнштейна.

В главе *София и Логос* автор «анализирует *in praesentia* формоизменения двух ключевой важности парадигм русской культуры, построенной на православных традициях, Софии и Логоса, как наиболее склонных к образованию идентификационных символов визуальной и вербальной памяти – в средневековье, в эпоху просвещения и авангарда». Постановка задачи выдвигает ряд почти аксиоматических, метааксиматических проблем и претендует для их решения на понятийный аппарат многих областей наук (социологии, лингвистики, логики, семиотики). Принятие к сведению и нейробиоло-

гическое толкование информационных форм существования мира – процесс сложный. Все сенсуальные стимулы мы переводим на язык мышления, речи и – не переводим. Эта вибрирующая амбивалентность передается полярностью Софии – Логоса. Наше ощущение мира прежде всего безусловно визуально (София), но его анализ и синтез является уже результатом и продуктом Логоса. Онтологическое мышление о всеединстве мира также можно считать заслугой Логоса. Логос переписывает геометрию и арифметику Софии, трансформирует и сублимирует в каузальности. Автор правильно устанавливает, что София является принципом, следующим от человека к Богу, направление Логоса противоположно. Греческое имя София, ставшее известным благодаря Соловьеву, является ивритским именем *Hokhma* (Мудрость), именем второй сефиры Каббалы. Ее роль заключается в установлении связи между личностью и святой троицей. Заслуживает отдельного исследования то, как европейские, русские и восточные мыслители, философии и искусства обращаются с отношением *нет*, *ничего* и *ноль*, с негативной Единицей и негативной многочисленностью, с конечностью и бесконечностью, взглядом на параллельность по Эвклиду и Лобачевскому, с отношением знаков как форм (спокойствие) и значений (беспокойство). В ходе анализа русского авангарда эти вопросы косвенно ставятся автором, но не в форме дальнейшего их развития. Скорее на основе семантико-синтагматической разделенности и в связи с миром как миром и как текстом подробно говорится о результатах русского художественного мышления рубежа веков и начала прошлого века, о возвеличивании «языка как дома бытия».

Среди заключительных мыслей книги автор выделяет важность структур *триадического* характера мирового устройства (ад, чистилище, рай). Эта *терционная* структура детерминистична, своего рода *ars obligatoria*, креативная и творящая. Развивая мысль Лотмана, Хайнади обращает внимание на одну неотложную проблему: «если в ближайшем будущем Россия не перейдет с плоскости мышления в двух измерениях, то есть с жесткой бинарной модели культуры на более гибкую европейскую *терционную* (*tercier*) плоскость, то ей грозит историческая катастрофа, культурный взрыв». Автор приходит к выводу, что попытка разъединения и согласования обращения с информацией, основанной на науке и на вере, в наше время убыстряется и грозит когнитивным *расколом*.

Культуру народа можно исследовать с внешней и внутренней точек зрения. Профессор Золтан Хайнади сочетает обе. Книга помогает определить место русской (славянской) культуры в силовом поле мировой цивилизации, в то же время старается раскрыть специфику этой культуры. Продуктивная ценность книги заключается в переработке заслуживающих исследования тем с целью создания в будущем новой философии культуры, новой истории цивилизации. Развитие русской культуры полно противоречий, которые исходят из того, что диктуемые сверху каноны (образцовые герои и их сторонники,

верующие) сталкиваются с канонами, образованными снизу. Русская культура служит богатым примером процессов эволюционно-революционного ритма, в которых греческо-римская и особенно еврейско-христианская традиции ассимилировались и диссимилировались с иной, чем в европейской культуре, скоростью и логикой. Результаты ломки телеологического принципа не видны явно и по сей день, потому что процессы канонизации и антиканонизации осуществляются беспрерывно. Золтан Хайнади помогает найти ориентиры в этих сложных процессах. Как пишет автор, «в наше время культура (наряду с прочими факторами) является важнейшей балансирующей силой, сдерживающей бурлящие в мире процессы (закон энтропии), которые могут привести к хаосу, гибели». Однако этим проблема не закрывается, тема неисчерпаема и остается открытой, и, по нашему убеждению, инспирирует к новым исследованиям.

JAGUSZTIN László

HAJNÁDY ZOLTÁN: SOPHIA ÉS LOGOSZ. AZ OROSZ KULTÚRA PARADIGMATIKUS-SZINTAGMATIKUS RENDSZERE. [SOFIA I LOGOS. PARADYGMATYCZNO-SYNTAGMATYCZNY SYSTEM KULTURY ROSYJSKIEJ]. DEBRECEN, 2002, ISBN 963 472 638 0, PP. 326.

Obecna spóźniona recenzja z książki Zoltána Hajnádyego ukaże się w roku 2005, czyli wtedy, kiedy debreczyński rusycysta zostanie profesorem i to – dzięki uzyskaniu tytułu Doktora Węgierskiej Akademii Nauk – mianowanym przez prezydenta Węgier.

Najnowsza monografia nie powstałaby bez napisania książek: *A kultúra mint emlékezet. Fejezetek az orosz kultúra történetéből*, czyli Kultura jako pamięć. Rozdziały z kultury rosyjskiej (Budapest 1995) i jej rosyjskojęzycznej wersji *Kul'tura kak pamjat'. Glavy iz istorii russkoj kul'tury* (Budapest 1998). Dzięki długotrwałym i gruntownym badaniom najnowsza książka Z. Hajnádyego jest pracą dojrzałą, która w dużej mierze uzupełniając wyniki jego wcześniejszych poszukiwań naukowych, ma charakter podsumowującej syntezy.

W tytule monografii *sofia* oznacza „boską mądrość", *logos* zaś „tworzące słowo". Są to kategorie bytu, dające strukturę (czy ramy) Początkowi i Końcowi i są zarazem odmianami postaci dwu podstawowych paradygmatów kultury rosyjskiej o tradycjach ukształtowanych przez prawosławie. Hajnády śledzi te odmiany jako symbole pamięci wizualnej i werbalnej, tworzące najważniejsze tożsamości. Nie dąży do przedstawienia całościowego obrazu historii kultury rosyjskiej, lecz ukazuje jej przekrój od przyjęcia chrześcijaństwa do awangardy XX wieku. Przekrój ten, jak autor monografii pisze: „Nie ma charakteru opisowego, ale jest interpretacją filozoficzno-kulturową, interpretuje i reinterpretuje" (s. 17). Stosuje on metody filozofii kultury i kulturologii czyli nauki (lub nauk) o kulturze, aby wska-

зać на głęboko kryjące się zależności i związki przyczynowo-skutkowe. Stara się więc podsumować sens, dążenia i rezultaty tego prawie tysiącletniego procesu, jakim jest rozwój kultury rosyjskiej do końca I wojny światowej – udowadniając potrzeby wielostronnego, multidyscyplinarnego podejścia do tematu.

„W swojej książce badam, kiedy i jak głęboko wpływały na Rosję w różnych epokach *bizantyjskie* i *europejskie* kręgi kultury ( ), które ukształtowały podwójne, zachodnie i wschodnie oblicze Rosjanina: jego europejską umysłowość i bizantyjskie ortodoksyjne psyche" (s. 20), w ten właśnie sposób wytycza sobie Hajnády cel, który jest ważny i ciekawy zarówno dla obecnych jak i dawnych sąsiadów Rosji, czyli dla mieszkańców Europy Środkowowschodniej. Jest on przekonany – i sądzę, że słusznie – o tym, że kultura i mentalność rosyjska dają się opisać jako *opozycje binarne*, przeciwieństwa zwolenników starego i nowego, tradycji i reform czy – z innego punktu widzenia, ludu i inteligencji, rosyjskości i europejskości.

Uwzględniając historię i historię kultury narodów wspomnianego regionu Europy nie jestem – w przeciwieństwie do Hajnádyego – całkowicie przekonany czy z powodu panowania tatarskiego kultura rosyjska „straciła swoją świadomość tożsamości, patrzyła na siebie jako na istniejącą tylko w przeszłości" (s. 25 26). Przecież najazdy tatarskie niszczyły także średniowieczną Polskę i Węgry – ich środkowa część była okupowana w XVI i XVII wieku przez Turcję, jednak w historii kultury polskiej czy węgierskiej nigdy nie doszło do podobnego stanu.

W rozdziale *Kultura jako pamiętanie i zapomnienie* czytamy myśli warte rozważenia dla badaczy wszystkich cywilizacji, mówiące, że aby wspomnienia nie zostały zapomniane, muszą przedostać się z *pamięci biograficznej* do pamięci zbiorowej: „Zachowanie tradycji musi przekroczyć *wspomnienia (auto)biograficzne* i stać się *kolektywną pamięcią historyczną, faktem historii kultury*" (s. 48). Za bardzo trafne uważam także następujący wniosek Hajnádyego: „Z historii można się wycofać dwojako: do tyłu ku przeszłości i do przodu w przyszłość. Jeden z przykładów wyjścia z europejskich ram dała Ameryka, drugi Rosja. Jeden naród wyrwał się z europejskiego kręgu kultury, do którego drugi przyłączył się, ale z opóźnieniem" (s. 58).

W rozdziale *Opozycja zasady greckiej i rzymskiej* autor rozpatruje, w jakiej mierze Rosja przyjęła i przyswoiła umysłowość helleńską i bizantyjską tradycję chrześcijańską. Zgadzam się ze stwierdzeniem, że po upadku Bizancjum Moskwa uważała się także za spadkobiercę Rzymu oraz z tym, że ideologia *Moskwa trzecim Rzymem* była pierwotnie manifestacją idei religijno-sakralnej i później stała się ideologiczną podstawą i usprawiedliwieniem mocarstwowych dążeń Rosji; dodajmy (o czym Hajnády nie wspomina): państwa rosyjskiego, będącego zarazem ojczyzną części Ukraińców i Białorusinów. Mam natomiast wątpliwości czy warto mówić o szerzeniu się elementów stylu romańskiego i renesansowego w sztukach plastycznych w Rosji.

Rozdział *Eurazjatycki paradygmat historii kultury* traktuje o zwrocie rosyjskiej geopolityki, gospodarki i kultury ku Wschodowi oraz o tym, że wskutek przyswojenia orientalnego witalizmu świadomość Rosjan przekształciła się w „świadomość posłannictwa". Pomimo zasadniczych różnic warto byłoby zająć się gruntownym porównaniem mesjanizmu rosyjskiego i polskiego, czego – o ile jesteśmy dobrze informowani – dotychczas nie uczyniono.

Według rozdziału *Cywilizacyjny raskoł* „herezja" powstała w XVII wieku jako bunt przeciw zniekształceniom kościoła prawosławnego, które Hajnády porównuje z protestantyzmem. Oczywiście dobrze widzi on wpływ tego ludowego protestu, powodujący nieodwracalne zniszczenia rosyjskiej cywilizacji i mentalności.

Pisząc o *Dychotomii Europy i Rosji* autor monografii gruntownie analizuje reformy cara Piotra I, czyli próbę zbliżenia pół-azjatyckiego państwa rosyjskiego do Europy. Znakomite jest spostrzeżenie Hajnádyego: „*Rosjanin Europejczyk* szukający swej tożsamości kulturowej rozszczepił się na zachodnią świadomość i rosyjską podświadomość" (s. 176). Przekonywające są tu i w następujących częściach książki poglądy rosyjskich pisarzy i myślicieli.

W rozdziale *Apologia i dekonstrukcja sobornosti – rosyjskiej idei uniwersalizmu* poznajemy poglądy słowianofilów i „zapadników". Warte uwagi jest zdanie autora jako znakomitego historyka literatury rosyjskiej XIX wieku, iż pisarze Rosji inaczej zadają pytanie o zagadnieniach moralnych i dają na nie inne odpowiedzi, niż ich europejscy koledzy po piórze. „Zachodnia powieść zajmuje się na ogół *indywidualnymi* stosunkami miłosno-rodzinnymi i materialno-społecznymi ludzi, a nie *uniwersalnymi* związkami jednostki ze sobą, drugim człowiekiem i Bogiem" (s. 198).

Rozdział *Sztuka teurgiczna* versus *diaboliczna* mówi, że w Rosji nie oddaliły się od siebie kościół i sztuka o tyle, jak począwszy od renesansu na Zachodzie oraz, że literatura rosyjska po ciężkich doświadczeniach w XIX wieku znowu sięgnęła po tradycje chrześcijańskie. Twórcy „chcieli sformułować boskie Słowo, Logos i z nim służyć ludziom. Twórczość oznaczała dla nich nie obrazowanie rzeczywistości, lecz nawiązanie kontaktu z Transcendentnym" (s. 228). Oczywiście to nie zawsze się udawało – czytamy w zakończeniu tej części książki.

W rozdziale *Sofia i logos* Hajnády rozpatruje odmiany postaci sofii i logosu jako główne symbole pamięci wizualnej i werbalnej, zaś w ostatnim rozdziale książki autor formułuje myśl o tym, że badanie uniwersalnego i specyficznego charakteru każdej kultury narodowej, może być owocne tylko w wypadku zestawienia jej z innymi kulturami. Właśnie ta postawa badawcza jest jedną z głównych zalet monografii. Uzasadniony jest wniosek, według którego „W rozwoju historycznym Rosji ( ) zabrakło pewnych stopni, dlatego bezustannie zmagała się z brakiem ciągłości" (s. 287). Wobec tego chciała ona przekroczyć niektóre „stopnie" lub w skróconym tempie przez nie przejść. Pouczające jest także twierdzenie autora, że Rosja „widziała *w inności* obcość, niezrozumiałość, niebezpieczeństwo

grożące jej istnieniu i kulturze. Jej stosunek do obcej kultury określał nie dialog, ale *negacja*" (s. 289). Dychotomia Europy i Rosji dlatego nie mogła być rozwiązana.

Hajnády pracował na podstawie wielkiej ilości materiału z dziedziny literatury pięknej i sztuk plastycznych, wykorzystał pokaźną ilość literatury fachowej: rosyjskiej, węgierskiej i zachodniej. Dlatego też nie ulega wątpliwości, że – jak sam autor pisze o swej monografii – „*Nowością* badań jest, że o historii kultury rosyjskiej traktuje w systemie relacji wzajemnych wpływów wschodnio- i zachodnioeuropejskich" (s. 299).

D. MOLNÁR István

KÁROLY GADÁNYI, LJUDMILA MOJSZEJENKO, VIKTOR MOJSZEJENKO.
СЛОВО И ЦВЕТ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ.
MELBOURNE. ACADEMIA PRESS 2000, ISBN 0-95777707-1-5

СВЕТ И ЦВЕТ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ. ED. BY KÁROLY GADÁNYI.
MELBOURNE. ACADEMIA PRESS 2004, ISBN 0-9577707-9-0.

«Значение цвета в жизни человека велико и многообразно, так как окружающий его мир воспринимается при помощи цвета и благодаря цвету – пишет Гадани в предисловии к книге «Слово и цвет в славянских языках».

В наши дни продолжается изучение и исследование разных функций цвета в жизни человека. Проблемой цвета занимается целый ряд наук, например, цветоведение, физика, оптика, психология и смежные с ними научные дисциплины. Профессор К. Гадани пишет в предисловии к этой книге о философии, эстетике, филологии, лингвистике и искусствоведении «в круге наук, фундаментальных по отношению к теории цвета». Он подчеркивает, что в цветовой тематике остается ещё «достаточного неисследованного и не до конца понятного, но важного для понимания... глубинных процессов человеческого сознания».

В коллективной монографии К. Гадани пишет о результатах и выводах исследовательской работы преподавателей кафедры славянских языков и литератур института г. Сомбатхей, Венгрия. Монография открывается публикацией К. Гадани «Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках». Профессор К. Гадани в семантико-типологическом аспекте анализирует прилагательные цвета в русском, хорватском, сербском и словенском языках, а также освещает их синхронные взаимоотношения.

В введении исследования К. Гадани пишет об актуальности темы и определяет цель, предмет и методы исследования. Отмечает, что его работа тематически является продолжением традиции изучения семантико-стилистических и словообразовательных особенностей имени прилагательного и сопоставительного анализа «цветовых и световых» прилагательных в выше

упомянутых родственных языках. Исследование освещает закономерности развития значения слова и психологических корреляций. Анализ является актуальным, так как прилагательные цвета еще не были исследованы в типологическом плане.

Профессор ставит целью «восполнить пробел в исследовании аналогичной микроструктуры со связанным значением прилагательных цвета в сербском, хорватском и словенском языках и сравнении ее с русским», а также «рассмотреть место прилагательных, обозначающих цвет, в общей понятийно-предметной классификации качественных прилагательных» в четырех рассматриваемых языках и «определить лексико-семантическую структуру подсистемы и отдельных групп прилагательных-цветообозначений в единстве их понятийного содержания и экспрессивно-оценочных возможностей параллельно в четырех рассматриваемых языках с выявлением синонимических связей в отдельных лексико-семантических группах цветовых и световых прилагательных».

Исследуемая лексика включает более 1600 лексических единиц и 500 сочетаний со связанным значением. Эта лексика извлечена из толковых и фразеологических словарей русского, сербского, хорватского и словенского языков, из материалов картотеки Института словенского языка Академии наук и искусств Словении в Любляне, а также из художественной литературы и прессы на этих языках.

В исследовании раскрываются закономерности развития прилагательных со значением цвета, имеющих универсальный характер, «проверяется методика использования ассоциативных данных при установлении семантической структуры и возможных путей развития значений слова, находящих свое подтверждение и в материале других языков, привлекаемых для сравнения».

Автор отмечает, что результаты данного исследования «могут способствовать разработке некоторых теоретических проблем».

В первой главе исследования рассматривается проблема связанного значения слова и определяются предпосылки и возможности типологического исследования семантики. Профессор К. Гадани анализирует отдельные слова, группы слов и фразеологические единицы с прилагательными со значением цвета и их реализацию в рассматриваемых четырех языках.

Во второй главе дается анализ полных и кратких форм прилагательных, обозначающих цвет в сербском, хорватском, словенском и русском языках., их степени сравнения, а также рассматриваются неизменяемые прилагательные со значением цвета.

В третьей главе задачей синхронно-сопоставительного анализа является «выяснение» словообразовательных возможностей цветовых прилагательных, «их способности к словопроизводству и словосложению».

Выводы излагаются в заключении. В исследуемой лексике наблюдаются иерархические, парадигматические и синтагматические отношения. В родственных языках установлены синонимические ряды, антонимические отношения, развитие многозначности и выявляется межъязыковая эквивалентность отдельных единиц.

Профессор К. Гадани отмечает, что выводы касающиеся процесса пополнения рядов взаимосвязанных единиц неологизмами, их употребления в социально-политических контекстах; функционирования полных и кратких форм цветовых прилагательных степеней сравнения могут быть использованы при подготовке переводных словарей.

Книга продолжается разделами, подготовленными Л. Н. Моисеенко и В. Е. Моисеенко. Данные разделы посвящены проблемам цветоупотребления и стилистики цвета в «Слове о полку Игореве».

Разделы начинаются с анализа цветовых символов и синестезии как элементов индивидуального стиля Владимира Набокова. В начале публикации Л. Н. Моисеенко указывает на влияние творчества А. Белого и Н. Гоголя на В. Набокова и отмечает, что у В. Набокова «исчезает видимая грань, отделяющая реальное от выдуманного». Автор ссылается на придуманное В. Набоковым описание фонетической и цветовой палитры русской кириллицы, добавляя, что В. Набоков не был первооткрывателем, его предшественниками в области визуально-чувственного синестетического восприятия, реализованного путём «наложения» звукового и цветового ряда на русскую кириллицу были А. Белый и В. Хлебников.

Л. Н. Моисеенко обращает внимание на то, что вышеупомянутое описание русской кириллицы не было первым опытом В. Набокова, который уже сделал попытку цветового описания английской латиницы. Автор отмечает абсолютное несовпадение качественно-цветовых символов уже в самых набоковских азбуках и подчеркивает «несхожесть их вокально-цветовой интонировки с системой, впервые предложенной А. Белым».

Моисеенко обращает внимание и на тот факт, что азбуки В. Набокова не совпадают с системой качественно-цветовым осмыслением русской кириллицы В. Хлебниковым. Автор добавляет, что «писатель, мягко выражаясь, фантазируя, надувает читателя, совсем по-гоголевски водит его за нос».

Л. Н. Моисеенко отмечает, что Набокову, как и другим настоящим писателям, «свойственны излюбленные и устойчивые эстетические мотивы, отражающие своеобразие его творчества», и добавляет что В. Набоков использует необычные синэстетические конструкции.

Автор статьи приводит несколько примеров синэстетического употребления прилагательных-цветообозначений, благодаря которым видно, что «включение Набоковым необычных синэстетических сочетаний в ряд обычных цветообозначений не сближает их по цветовому признаку».

В заключении Л. Н. Моисеенко задает риторический актуальны ли выводы, сделанные В. Набоковым, для русского языка XXI века.

Свою вторую публикацию Л. Н. Моисеенко посвящает художественно-изобразительной роли синего цвета в прозе В. Набокова. Объектом исследования являются тексты двух романов В. Набокова: «Дар» и «Другие берега». В начале исследования автор задает несколько вопросов: «Какой прок во всей этой игре слов, в радужном переливании цветов и красок? Или наоборот, в нарочито обедненном колористически художественном описании, где используется лишь двухцветная черно-белая гамма шахматной доски?» и т. п.

Автор преимущественно интересуется механизмом художественного метода В. Набокова «препарировать произведения, проникнутые одновременно виртуозным словесным красочным описанием предметов, натюрмортов, живой природы человека...» и отмечает, что «уже при первом целенаправленном прочтении Набокова обращает на себя внимание многообразие форм художественного цветоупотребления».

Л. Н. Моисеенко и в данной статье указывает на влияние на В. Набокова русских символистов начала XX века, С. Есенина, О. Мандельштама и Б. Пастернака, которые широко и мастерски использовали синий цвет и его оттенки.

В конце публикации говорится о том, что «с точки зрения художественной передачи цвета более всего Набокову удавались пейзажные описания, картины урбанистического или сельского ландшафта, открытые пространства суши и моря».

В заключении статьи можно прочитать, что «язык Набокова – это метаморфоза словесных красок, которые загораются, растут, изменяются, отцветают в непредсказуемом движении», что «краски важны лишь тем, что они в это мгновение выражают».

В третьем исследовании Л. Н. Моисеенко рассматривает цветовые символы в «Слове о полку Игореве», а на основе словарного состава и особенностей стиля «этого древнейшего художественного памятника» обращает внимание на то, как видел в колористическом плане Древнюю Русь автор исторической повести и как употреблялись цвета в древнерусской литературе.

В заключении Л. Н. Моисеенко отмечает, что автор «Слова о полку Игореве» использует символы, которые являются характерными для древнерусской эпической традиции.

Коллективная монография «Слово и цвет в славянских языках» продолжается публикацией В. Моисеенко «Из истории цвета и масти животных в русском языке». В начале своей публикации В. Моисеенко подчеркивает значение цвета для восприятия человеком вселенной. При этом выясняет, что цветовые обозначения могут иметь и не иметь денотаты в окружающей действительности.

В исследовании отмечается, что состав русских прилагательных всегда был богатым, что для древнерусского словоупотребления были также характерны и не совсем обычные с точки зрения современного человека названия мастей лошади разного типа.

В. Моисеенко выражает свое убеждение в том, что русское словопроизводство обладало неограниченными возможностями и что «многокомпонентные фразовые конструкции, охватывали как цветовую область, так и собственно наименования мастей животных».

Во второй части исследования В. Моисеенко задает вопросы, связанные с темой, например: «Насколько легко и правильно мы определяем сегодня цветовые значение таких прилагательных, как гелиотроповый, нанковый... фрезовый?»

Автор публикации ставит и вопросы, связанные с особенностями некоторых мастей лошади, с их восприятиями, зрением и т. п. В. Моисеенко выясняет, что масть и цвет близки и по физической, и по языковой семантике, но не идентичны в том, что «масть имеет двойственную природу».

В следующей части публикации автор пишет о языковой номинации цвета и масти животных у славян и перечисляет некоторые важные для их жизни и сознания цвета и масти животных, например, барсовый, бурый, вороной, голубой, карий, красный, крылатый, огненный, пестрый, розовый, соловый, чалый, и т. д.

В другом исследовании В. Моисеенко рассматривает «Названия цветов и их оттенков в русском языке». Автор начинает свое исследование с анализа того, как употребляются цвета и каким было их значение в разных веках с античной эпохи до XX столетия. Оказывается, что слово в современном тексте «нередко отрывается от своей вещественной сути и обретает самоценность» и, таким образом, и цвет частично «теряет» свои «визуальные качества и превращается в систему чисел».

Затем автор в нескольких словах говорит о шкалах цветов и подчеркивает, что данная шкала цветов составлена «по иному принципу» и пишет о способности человека различать цвета и их оттенки. Отмечает, что практически человек почти один и тот же цветовой смысл, «а точнее одно и то же *цветовое суждение*» передает разными словами. Автор исследования напоминает о том, что «цветовое представление всегда *субъективно*... меняется от человека к человеку», и подчеркивает значение и важность того, что «точное представление о... цветах и оттенках имелось не только у одного лица, но и... у большинства представителей языкового коллектива».

В следующей части исследования автор определяет три основных признака цвета – тон, яркость и насыщенность. Перед упорядоченным списком русских цветовых обозначений разного происхождения автор подчеркивает, что он «не придумал ни одного нового русского цветоименования, а

только собрал и упорядочил то, что зафиксировала русская языковая практика конца XX века.

Вторая коллективная монография «Свет и цвет в славянских языках» включает труд ученых нескольких славистических центров и является продолжением коллективной монографии «Слово и цвет в славянских языках». Сборник начинается с исследования профессора К. Гадании, посвященного несклоняемым славянским прилагательным-цветообозначениям арабско-персидско-турецкого происхождения. В публикации речь идет о хорватских и сербских прилагательных, которые рассматриваются в историческом аспекте, отмечается тенденция к увеличению этих прилагательных в славянских языках.

Автор второй публикации Елена Гаричева исследует лиловый цвет в романе Гончарова «Обломов» и в искусстве серебряного века. В самом начале статьи перечислены художники, писатели и поэты, которые употребляли с удовольствием лиловый цвет и близкие к нему цвета – сиреневый и фиолетовый, а за тем задается вопрос, почему сирень является символом любви Ольги и Обломова. Далее автор сам отвечает, что сирень – символ ощущения полноты жизни.

Елена Колесникова анализирует рассказ А. Платонова «Черноногая девчонка», обращая внимание на роль номинации «черный» в идейно-образной системе рассказа. В начале статьи речь идет о том, что А. Платонов использует белый, красный, голубой и черный цвет и их оттенки в заглавиях своих произведений в связи с историческими и политическими условиями.

В данном рассказе слово «черноногая» имеет мощное подтекстное значение. Анализируется две части словосочетания и указывается на то, что необычное словоупотребление восходит к поэме «Мертвые души» Гоголя.

В. В. Колесов, автор публикации под заглавием «Свет и цвет в «Слове о полку Игореве», начинает свое исследование с замечания о «борьбе света, солнца, золотой зари с тьмой, с черным, с разной густоты мраком». Позже анализируется цветовой фон повествования о походе Игоря и определяется «цветовая гамма предметного мира, окружавшего героев поэмы», например красный, зеленый, синий, золотой, а также «тройка» красного, белого и черного.

Затем следует исследование В. Лепахина «Цветонаименования в русских частотных словарях и произведениях Лермонтова и Есенина». В первой части представлен лексикологический анализ с использованием таблиц в приложении. Указывается какие слова, обозначающие цвета, встречаются в частотных словарях, а именно в словарях под редакцией Засориной, Лёнгрена и Штейнфельд, а потом рассматривается частотность разных цветов в произведениях Лермонтова и Есенина. При анализе с точки зрения частотности разных цветов в произведениях Лермонтова упоминаются работы Колесова и Л. Н. Моисеенко. В анализе произведений Лермонтова и Есенина В. Лепахин

обращает особое внимание на частотность золотого, голубого и синего, красного, белого и черного цвета, их оттенков и сравнивает ее с данными вышеупомянутых частотных словарей. В. Лепахин добавляет, что у Есенина цвета часто называются существительными. Затем он напоминает и о значении этих цветов и их оттенков в русской иконописи.

В исследовании Е. И. Марковой читаем об «образе храма Покрова Пресвятыя Богородици в поэме «Песни о Великой Матери» Н. Клюева. В начале исследования отмечено стремление древних мастеров «воплотить Слово» в дереве и камне, в живописи и музыке, в стихах и прозе.

Читая эту статью, мы знакомимся с «характеристикой природной свето-цветовой гаммы». Особое внимание обращается на серебристо-белый цвет, который сравнивается с «окраской деревьев и рыб» и с «солнечной цветовой гаммой». В анализе подчёркиваются и белые узоры крыльца. В заключении статьи можно прочитать о том, как переходят цвета друг в друга, например, белый в синий, затем в голубой, и т. д.

В. Моисеенко анализирует в своих «Очерках» русские и славянские цветонаименования. В начале исследования напоминает, что проблемы взаимодействиия цвета и света исследуются не только некоторыми физиками, но и семиотиками, литературоведами, лингвистами и психолингвистами и т. д. Автор анализирует, как воспринимаются цвета человеком, и замечает, что «цветовое представление... *всегда субъективно*». В. Моисеенко анализирует в синхронном и диахронном плане прилагательные со значением цвета с корнем *polvъ* в разных славянских языках, и отмечает *энантиосемию* в их семантической структуре.

В другой части исследования этого же автора читаем о развитии зрения и о восприятии цветовых волн, а именно черно-белого, синего, желтого и красного цвета, и о том, как они обозначаются в славянских языках. В. Моисеенко синхронно и диахронно анализирует названия коричневого цвета, его оттенков. В приложении автор предлагает перечень исследованных русских наименований цветов.

В статье Л. Н. Моисеенко: «Образная функция цвета и света в произведениях Гоголя» рассматривается проблема «чувственного образа» в произведениях Гоголя. Цитируется несколько фрагментов, «иллюстрирующих взгляды Гоголя-живописца и Гоголя-художника слова». Затем читаем об оригинальных гоголевских цветовых метафорах, о цвете «гоголевского Петербурга». В последней части подчеркивается «красочность» зарисовок и наличие у Гоголя «цветового слуха».

В другом исследовании Л. Н. Моисеенко пишет «о цветовых неологизмах Гоголя». Автор начинает с анализа романа «Мертвые души» и обращает внимание на то, что в произведении каждый персонаж имеет свой цвет. Гоголь был первым в русской классической прозе, кто широко использовал «непрестижные цвета», которые в эстетическом плане имели низкий ранг,

например серо-коричневый. Гоголь создал более 30 прилагательных-наименований цвета, что объясняется тем, что Гоголь был профессиональным художником. Л. Н. Моисеенко ниже добавляет, что Гоголь стал использовать стилистический прием живописи в письме: «туманные» краски и «размытые» контуры.

Публикация О. А. Ольгиной «Спектр значений слова «свет» в поэзии А. С. Пушкина» анализирует семь семантических уровней слова «свет» в сознании поэта и подтверждает их цитатами.

Статья Л. Петрухиной, посвящена поэтике белого и черного в славянской романтической балладе. Особое внимание уделяется произведениям К. Я. Эрбена, Я. Краля, В. Жуковского, Л. Боровиковского, А. Мицкевича и О. Шпигоцкого. В исследовании анализируется противостояние двух миров «своего-чужого» при помощи символов, характерных для балла́д. Рассматривается, например, лес, ночь, ворона как символы чужого, темного и черного, а день – как символ белого, серебряного света.

«Свет как цвет: символ, семантика, образ» – это заглавие исследования О. А. Сергеевой, которая начинается с цитат из произведений Полежаева, Тютчева и Фета, где свет проявляется как цвет. Автор задается вопросами: является ли принципиальным то, что поэты предпочитают говорить о свете, а не о цвете? Как, на какой основе формируется свето- и цветопредставление творца? Автор приводит церковные тексты, сравнивая их со светскими. Предметом анализа публикации являются также характерные для церкви цвета белый, золотой, огненный и их оттенки и варианты.

Второй сборник «Свет и цвет в славянских языках» заканчивается публикацией Наталии Видмарович «Оппозиция света и тьмы в древнерусских житиях». Автор публикации пишет о противопоставлении света и тьмы и о том, что свет связывается в агиографической литературе с божественным началом, а тьма – с нечистыми, демоническими силами. В исследовании приводятся цитаты из Библии, например рассказ о грехопадении, цитаты из «Жития Моисея Угрина» и из «Жития Феодора и Василия». Символами и нередко видимыми материальными атрибутами света являются разные предметы, а символами тьмы – нередко являются пещеры, затворы и кельи. Характерными символами этих противопоставленных миров чаще всего являются день и ночь.

В заключении отметим, что результаты рецензируемых работ могут способствовать дальнейшей разработке некоторых теоретических проблем в области физики, семиотики, психолингвистики, эстетики, изобразительных искусств.

FODOR Mária

„Hamlet mi vagyunk". Tanulmányok Hamlet európai recepciójának történetéből. Szerkesztette: Hetesi István. [«Гамлет — это мы». Очерки по истории европейской рецепции «Гамлета». Редактор сборника: Иштван Хетеши], Janus/Gondolat, Budapest, 2004, 244 pp. ISBN 963-9500-54-2

Сборник статей и очерков «Гамлет – это мы» содержит результаты трехлетних исследований группы ученых, сформировавшейся в Печском университете в 1999-ом году. Данная исследовательская программа осуществлялась при поддержке Министерства просвещения Венгрии.

Ученые поставили перед собой нелегкую задачу. Предметом исследований они выбрали написанную в 1601-ом году драму тения мировой литературы, которая, по всей вероятности, была поставлена на сцене, прочитана и проанализирована чаще и больше, чем какая-либо другая драма. Иштван Хетеши, редактор сборника, ученый русист пишет в предисловии: «Члены группы изучали гамлетовскую проблематику как совокупность вопросов литературной памяти, а также взаимодействие европейских литератур XIX и XX вв. (английской, немецкой, русской, венгерской). Цель работы состоялась в том, чтобы проанализировать не столько саму драму, сколько «изменение облика» ее главного героя".

Часть очерков и статей рассматривает драму с точки зрения истории рецензии, а часть – подходит к ней с тематологического аспекта. В конце концов, некоторые статьи подытоживают достижения школ XX века (франкфуртской и психоаналитической).

Ряд научных очерков открывает работа Петера П. Мюллера «Изменения образа Гамлета в английской критике». Автор сначала обращает внимание на «приключения» текста Гамлета на его родине. После этого следует «анализ английской рецепции «Гамлета», начиная с первой появившейся в 1736-ом году (как пишет Мюллер, до 1736 мы не можем встретиться с анализом драмы в сегодняшнем смысле слова), и кончая предисловием Дж. Бейта, вошедшим в английское издание драм Шекспира (Complete Plays, 1997). В своей статье П. Мюллер сравнивает влияние образа Гамлета с влиянием образов Фауста и Дон Жуана.

Вторая работа сборника, анализирующая богатую историю немецкой рецепции Гамлета, это статья Яноша Вейса («Рецепции образа Гамлета в немецкой романтике»). В предисловии автор указывает на то, что первый, непрозаический перевод «Гамлета» появился в Германии в 1798-ом году, и принадлежит А. Шлегелю. В эпоху немецкой романтики, под влиянием его брата Фридриха выходит на передний план рецепция личности Гамлета. В дальнейшем создавало проблемы то, что в своем анализе Ф. Шлегель слил воедино концепции образа Гамлета романа Гете «Годы учения Вильгельма

Мейстера» и романа К. Ф. Морица «Антон Рейзер». Шлегельское толкование образа Гамлета получило широкое распространение. Мы можем встретить его даже в «Эстетике» Гегеля. В конце XX-ого века Ю. Вертгеймер пришел к выводу, что образ Гамлета в немецкой романтике обуславливался в первую очередь, не рецепцией «Вильгельма Мейстера», а романом К. Ф. Морица. Между толкованиями образа Гамлета этих романов есть существенное различие. Я. Вейс пишет: «У Гете на переднем плане стоит неуверенность решений, а у Морица – расширение внутреннего пространства». Во второй части статьи автор, исходя из гундольфовского толкования Шекспира («Шекспир как форма», 1927) анализурует влияние образа Гамлета на немецкую романтику. Основу его анализа составляет цикл сказок Гауфа «Караван», новелла-сказка Л. Тика, «Хроника незабываемой истории жителей города Шилда», и сказка К. Брентано «Гокел и Гинкел».

Статья Эдины М. Шандорфи «Гете и вид сцены, или текст как событие» продолжает мысли Я. Вейса. Принимая во внимание новейшие достижения философского и эстетического мышления немецкого постмодернизма и толкований Гете, Эдина М. Шандорфи сопоставляет текст романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» с текстом драмы «Гамлет». Исходным пунктом сопоставления является высказывание Гете («Zum Shakespeares Tag»): «Планы Шекспира, касающиеся его драм, это планы без плана, но они вращаются вокруг тайной точки.»

И. Хетеши – ученый-русист, отличный знаток тургеневского творчества. В предыдущем сборнике статей («Произведения и связи. Очерки по творчеству Пушкина и Тургенева», 1999), в главе «Гамлет и Тургенев» уже занимался влиянием образа Гамлета на Тургенева. Его новая статья («Тургеневский образ Гамлета») подходит к этому вопросу еще шире. В первой части работы И. Хетеши воссоздает картину влияния европейской (в первую очередь немецкой) рецепции Гамлета. После этого, анализируя перевод Н. Полевого и интерпретацию В. Белинского, автор статьи подходит к произведению Тургенева «Гамлет и Дон Кихот». В этом произведении Тургенев выделяет два типа человеческой натуры, опираясь на ее отношения к идеалу – «на лад Дон Кихота, ищущего идеалов вне себя, получающего их в готовом виде, следящего за ними без сомнений, или на лад Гамлета, ставящего «я» в центр, анализирующего и явления, и свои мысли». Во второй части статьи автор проводит параллель между личностями героев двух романов Тургенева «Рудин» и «Новь» и концепцией личности, провозглашенной в эссе «Гамлет и Дон Кихот», и приходит к очень важным теоретическим выводам.

Следующие два очерка исследуют влияние «Гамлета» на венгерскую литературу XVIII-ого века (Имре Надь: «Дух за стеной») и его отражение в венгерской театральной критике XIX-ого века (Анна-Мария Мерени и Оршоя Тот: «Шекспировская миссия. Дискуссия о «влиянии театра» и обряды посвящения»). И. Надь занимается изучением источников драмы Дьердья Бешше-

неи «Трагедия Буды». И тут прежде всего его интересует проблема влияния Шекспира, а также отношение драмы Бешшенеи к «Гамлету». Во второй части работы автор разбирает понятие «двойного духа» на основе сопоставления драм «Трагедия Агиша» и «Трагедия Буды».

В заключительной части И. Надь подытоживает свои выводы в семи пунктах, первый из которых непосредственно связан с целями анализируемого сборника: «В связи с драмой Бешшенеи говорить о влиянии Шекспира, а именно о воздействии драмы «Гамлет», кажется обоснованным.»

Статья А. Мерени и О. Тот рассматривает специфику венгерской рецепции, постановки на сцене и адаптирования Шекспира. Основу работы составляет анализ статей двух театральных критиков XIX века Йожефа Байзы и Имре Генслмана.

Очерк Йожефа Такача «Имя современности» расширяет рамки сборника, за своим анализом он выходит за пределы литературоведения. По следам теории Сержа Московичи, Такач использует метод социальной репрезентации. Он последовательно сравнивает свои выводы с венгерской интерпретацией образа Гамлета и находит даже антигамлетовские фигуры в произведениях венгерских философов.

Эдит В. Гилберт, второй исследователь-русист сборника, исходит из выводов статьи Е. Суркова «Сколько было Гамлетов?», появившейся в журнале «Новый мир» в 1986 году. Эдит В. Гилберт полемизирует с Сурковым, напоминая о гамлетовских интерпретациях Мейерхольда и Акимова, расходящихся с традиционными. В следующей части работы автор занимается толкованием, литературной и теоретической разработкой двух архетипов – Гамлета и Фауста, прежде всего – в связи «с исканием идентичности культур, находящихся на рубеже».

Вторая статья Яноша Вейса «Гамлет в Франкфурте» освещает роль Гамлета в традициях франкфуртской школы. Она закрывает ряд студий, входящих в тематический круг литературоведения в широком смысле слова. Я. Вейс анализирует очерк В. Бенйамина о немецкой трагедии и приходит к выводу, что, хотя В. Бенйамин совсем не занимается толкованием «Гамлета», его мысли тесно связаны с ним, с той разницей, что герои дифференцировались. Один – тиран, другой – жертва, третий тот, кто попадает в ситуацию решения. Во второй части статьи Вейс упоминает о лекции Адорно 1932-ого года, в которой Адорно полемизирует с гофмановским толкованием образа Гамлета. В заключительной части работы Вейс анализирует мысли Адорно по поводу брехтовской парафразы «Кориолана» Шекспира.

Статья Антала Бокаи «Гамлет в психоанализе» рассматривает три психоаналитические интерпретации Шекспира: интерпретацию Фрейда , Лакана и Николаса Абрахама.

В заключении статьи («Вместо итогов») Бокаи пишет о том, что Н. Абрахам не только толковал, но и переписал чтения Гамлета. «С одной

стороны он открыл, что привидение, дух отца Гамлета играет определяющую, но не рациональную роль. Дух является фантомом, аллегорически-катахретической картиной чего-то давно забытого, трансгенерационного секрета. Поэтому для Абрахама «Гамлет» нуждается в дополнении. Надо не говорить о нем, а надо писать дальше. Так рождается шестое действие».

Сборник статей «Гамлет – это мы » дает богатую картину не только об исследовании рецепции «Гамлета», но и о состоянии современного венгерского литературоведческого мышления. Его богатство и многоцветность структуры свидетельствуют о высоком профессионализме составителей. Все это, конечно, связано и с исходным пунктом, т. е. с выбранной темой, с неповторимой гениальностью Шекспира.

Эдит В. Гилберт оправдано цитирует философа Шпенглера в конце своей работы: «Только тому можно подражать, можно только то переформировать, что живое».

J. MATYI Anna

МАТЬЯШ, КОРОЛЬ РУСИНУВ. МАТЕРІАЛ УБРАВ, УШОРИВ, ЗАСТАЧИВ ВЛАСТНЫМА СТАТЯМИ, КОМЕНТАРІЯМИ И СЛОВНИКОМ ІҐОР КЕРЧА. СПРЕДСЛОВО НАПИСАВ И ОБЩУ РЕДАКЦІЮ МАВ ІШТВАН УДВАРІ (STUDIA UKRAINICA ET RUSINICA NYÍREGYHÁZIENSIA 8). НЇРЕДЬГАЗА 2001, 160 С., ISSN 1216-9986/8

В последнее десятилетие в Венгрии написано и опубликовано значительное число исследований по русинистике. Среди них труды по лексикологии и лексикографии, диалектологии, этнографии и фольклору, социолингвистике, историографии, архивному делу и другим отраслям знаний. В них затронут и решен целый ряд проблем теоретического и практического характера. Основной целью этих исследований является стремление сохранить древнюю духовную и материальную культуру русинского этноса, его язык, предотвратить ассимиляцию русинского языка в иноязычном окружении через развитие собственной письменности, обучение детей родному языку, а также посредством определения статуса русинских говоров по отношению к венгерскому, украинскому, словацкому языкам и русинским диалектам.

Рецензируемая книга состоит преимущественно из фольклорных и исторических материалов, которые собрал, обработал и дополнил собственными статьями, комментариями и словарем известный деятель культуры, просветитель и популяризатор русинского слова Игорь Керча. Издание выглядит весьма оригинальным по своему духу и композиции. Это своеобразный фольклорный компендиум среднего формата, составленный из тщательно подобранных сказок, преданий, анекдотов, баллад, сохранивших в народной памяти имя легендарного защитника христианского мира от турок вен-

герского короля Матьяша. Предисловие к этому изданию написал на венгерском и русинском языках ведущий венгерский специалист в области русинистики профессор Иштван Удвари.

Легендарный король Венгрии Матьяш Корвин (1440?–1490) вошел в историю не только как выдающийся полководец, освободивший в 1487 году Вену от турок, но также как крупнейший государственный деятель, превративший Венгерское королевство за время своего правления в одно из процветающих государств средневековой Европы. Воспитанный в духе гуманизма, говоривший на нескольких европейских языках, прославивший себя как просвещенный покровитель искусств, меценат, король Матьяш в памяти и преданиях многих народов Дунайского бассейна и Карпат (венгров, немцев (швабов), словенцев, мораван, словаков, сербов, румын, русинов и др.) долгие годы оставался живой легендой. Об этом свидетельствует бытующая и в наши дни пословица, общий смысл которой можно передать так: «Умер король Матьяш, с ним ушла справедливость». Многие предания, легенды и анекдоты о Матьяше можно встретить не только у перечисленных выше народов, но и у лужицких сербов, хорватов, албанцев. И в русинской народной словесности фольклорный материал о короле Матьяше занимает достойное место – русины из поколения в поколение больше всего ценят этого легендарного борца за социальную справедливость и праведный суд. В русинских сказаниях король Матьяш – «свой», по вере «руський», ортодоксального обряда. Недаром о его правлении говорится, что было это давно, «за краля Матьяша».

Прежде чем говорить о характере книги, следует сказать несколько слов о ее оригинальном содержании. В относительно небольшом по объему сборнике (160 стр.) расположение и распределение материала строится зачастую на формально вынужденном прагматическом, но, возможно, единственно приемлемом в подобных случаях подходе. В этом ощущается профессиональная заслуга составителя сборника Игоря Керчи – несомненного знатока не только русинской, но и венгерской истории и культуры.

Начинается книга с предисловия на двух языках (Mátyás király összeköt – «Король Матьяш у нас єден»), которое написал профессор Иштван Удвари. Ценность книги Игоря Керчи он видит в том, что ее автору-составителю удалось показать историческую и одновременно легендарную фигуру короля Матьяша более широко и богато, нежели это сделано в сборниках закарпатских сказок, изданных в советское время. Ценность книги видится также в том, что автору удалось более правдиво отразить место и роль русинского этноса в истории Венгерского королевства, т. к. в книге представлены различные взгляды историков на личность короля Матьяша. Здесь представлены имена, которые в предшествующую эпоху умалчивались или были запрещены (Антоний Годинка, Иреней Кондратович, Петро Сова, Ласло Чопей). И в этом плане несомненно работа Игоря Керчи дает более правдивое освещение личности короля Матьяша Корвина.

Демонстрируя разные взгляды на личность главного героя, автор-составитель также излагает и собственное видение, интерпретируя Матьяша не только как фольклорного персонажа. Это в полной мере соответствует разностилевому характеру рецензируемого сборника. Правление Матьяша приходится на эпоху ренессанса с ее культом свободы мысли, стремлением к познанию природы, человека, с коренным изменением приоритетов, нравов и обычаев. Окруженный при своем дворе созвездием известных ученых, писателей, историков, художников (среди них Антонио Бонфини – придворный летописец короля, Марцио Галеотто – писатель-гуманист, посетивший и описавший многие современные ему страны Европы и др.), сам Матьяш предстает перед нами почти классической фигурой – образцом правителя эпохи Возрождения.

Из специальной литературы известно, что в устном народном творчестве народов нынешней Центральной Европы фигура короля Матьяша во многом идеализированно возникает в XVI веке и достигает своей вершины в XVIII веке, в эпоху просвещённого абсолютизма. С конца XIX века проблемой репрезентации короля Матьяша в фольклоре начинают заниматься профессиональные этнографы. Поэтому книга представляет, на наш взгляд, самостоятельную научную и методологическую ценность не только для этнографов и фольклористов, но и для языковедов, в том числе для диалектологов, лексикологов и фразеологов. Познавательную ценность представляет собой краткий комментарий работ таких известных исследователей, как этнограф Михай Врабель, Владимир Гнатюк, Зенон Кузеля, Павел Агоштон, Петро Линтур и др.

Поскольку перед составителем стояла непростая задача создания своеобразного гибрида – свода фольклорных текстов, с одной стороны, и исторических научных сведений, с другой стороны, основной корпус издания был разбит на две почти самостоятельные, но связанные между собой тематическим единством части. Первую часть составляет раздел под названием «Король Матьяш у пудкарпатськуй казцї», в который вошло 40 адаптированных сказок, преданий, анекдотов. Второй раздел «Доба короля Матьяша в історії» представляет собой серию исторических очерков, которые написали Войтех Челко, Элемир Малюс, Евген Парфецкий и сам Игорь Керча..

Раздел «Біографічні податкы історичных особ» (с.124 134) представляет собой переводы на русинский язык словарных статей из Révai Nagy Lexikon.

Ценное прикладное значение имеют добротно и профессионально составленные «Комментарии к текстам сказок» (с.136 140), список литературы («Жерела») (с.141 143), «Русинско-русский словарик» (с.144 147), географический указатель (с.148 150), специально составленные для этого издания исторические карты (с.151 153), а также резюме на английском, русском, чешском и венгерском языках (с.154 157).

Книга «Матьяш, король Русинув» несомненно является полезным и своевременным изданием. Это книга для чтения, «для души», она вобрала в себя наряду с письменным, литературным элементы живого разговорного русинского языка. Это издание, я надеюсь, придется по душе многим, кто интересуется историей, материальной и духовной культурой и языком древнего русинского этноса, автохтона Европы.

BOZSUK Izabella

SZÉKELY GÁBOR. A LEXIKAI FOKOZÁS. [СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ]. BUDAPEST. SCHOLASTICA. 2001, 148 PP., ISBN 963-86-141-1-0

Данная книга представляет собой научную монографию, посвященную одной важной лингвистической теме: степени сравнения в лексике (не в грамматике).

Как монография, книга имеет все, полагающиеся для данного жанра научной литературы части: введение (формулируется проблема, основные ее понятия, определяется материал и метод исследования), несколько глав (6 глав), каждая из которых посвящается определенной части этой проблемы; приложения, в данном случае списки исследованной лексики, относящихся к разным языкам; предметный указатель; резюме на трех языках, в том числе и на русском.

В Введении формулируется предмет исследования – **степени сравнения в лексике.** Традиционно данная категория является категорией грамматической, имеющей специальную систему морфологических средств выражения в области части речи прилагательного, отчасти – наречия.

Г. Секей перечисляет традиционные, классические «Грамматики» русского, венгерского, немецкого, английского языков, в которых, как известно, в обязательном порядке излагается раздел: «Степени сравнения прилагательного».

Новизна монографии Г. Секея состоит в том, что в ней категория степени сравнения распространяется на лексику. Г. Секей утверждает, что степени сравнения имеются и в лексике, хотя данная категория и не выражается в лексике так же последовательно и регулярно, как в грамматике, однако она проявляется в целом ряде лексических закономерностей и правил, заслуживающих специального исследования и описания, чему и посвящается монография, – первая применительно к материалу венгерского и немецкого языков, взятых в сравнении друг с другом, с привлечением также и материала русского языка.

Степени сравнения в лексике. В лексике применительно ко всем языкам всегда имеются средства (лексемы) для выражения степеней сравнения, не только в том случае, когда на признак указывает существительное, а

на степень признака – прилагательное (как это имеет место в грамматической категории степеней сравнения: *белое* > *белее* > *белейшее*), – но и практически во всех возможных других соотношений частей речи: *белеет* (глагол) + *очень* > *как снег* и т.д.

Если грамматическая парадигма степеней сравнения охватывает только ту лексику, которая маркируется как прилагательное (и наречие), то лексическая парадигма степеней сравнения распространяется на всю лексику со значением качества, независимо от того, какой частью речи она маркируется,

Если грамматическая парадигма степеней сравнения состоит из трех элементов, из которых при построении высказывания выбирается обычно один элемент (в положительной степени, или сравнительной, или превосходной), – то лексическая парадигма может состоять из любого числа элементов, в зависимости от наличия в данном языке лексики со значением степени качества. При построении высказывания говорящий обычно тоже выбирает одну лексему со значением степени качества, например: (*что-то) белое очень.*

Предмет описания. Задача монографии Г. Секея состоит, как уже сказано, в описании степеней сравнения в области **лексики,** а не грамматики, и в этом заключается новизна и значимость данной монографии. Правда, одновременно Г. Секей описывает и грамматическую сторону степеней сравнения в лексике.

Если говорить точнее, то в монографии Г. Секея описывается не просто лексика (и соответствующая грамматика), а **сочетаемость лексики,** а именно лексические сочетания со значением «усиления», или «усилительные» лексические сочетания.

Описывая степени сравнения в лексике, Г. Секей, однако, ограничивает свой предмет.

Во-первых, он описывает не все степени изменения качества в лексике (усиление, ослабление, нулевая степень), а в основном только те изменения, которые происходят в направлении **усиления** этой степени. Направление ослабления степени качества, а также неизменение этой степени (которые обнаруживаются в лексической парадигме на основе сопоставления с усилением и ослаблением степени качества), – Г. Секей не описывает. В этом случае Г. Секей поступает точно так же, как поступают грамматисты. Как известно, в грамматике категория степеней сравнения описывается только применительно к усилению степени качества, – в соответствии с тем, что именно эта степень сравнения и получает в грамматике специальное морфологическое выражение (суффиксы, приставки).

Во-вторых, лексические сочетания со степенью усиления качества Г. Секей описывает не все, а только – **бинарные,** состоящие из двух лексем, одна из которых называет качество («ключевое слово» – по терминологии Г. Секея), а другая лексема – одну из степеней этого качества («усилительная лексема» – по терминологии Г. Секея), например: (*что-то) острое* + *очень.*

Предполагается, что лексемы с другими степенями этого качества называются в соседнем высказывании или просто подразумеваются. Говорящий, знающий данный язык, владеет одновременно не только грамматической парадигмой степеней сравнения, состоящей из трех элементов *(острый > острее > острейший*), но и соответствующую лексическую парадигму (семантическое поле), состоящую из множества элементов: *острый + очень > удивительно* и т. д. При употреблении в бинарном сочетании только одного из элементов усиления, говорящий (и слушатель) подразумевают и другие степени усиления, благодаря чему данное бинарное сочетание и воспринимается как «усилительное» сочетание.

Действительно, понятие «степени качества», «сравнение степеней» – понятия относительные. Утверждать о том, что данное бинарное лексическое сочетание является сочетанием с «усилением», можно только предполагая, что рядом с данным сочетанием существуют другие «усилительные лексемы», указывающие на другие степени качества, называемым данным «ключевым словом». См. любой словарь усилительных словосочетаний (УБИН 1987, СУЩЕВСКИЙ 1997, SZÉKELY 2003), в котором все усилительные лексемы со значением различной степени качества применительно к каждому ключевому слову перечисляются, правда, не в порядке усиления этой степени качества, а, к сожалению, в алфавитном порядке. Полное описание лексической сочетаемости со значением «степени качества» предполагает не бинарную, а множественную сочетаемость – семантическое поле, на котором задается отношение «степени качества», которая в одну сторону «усиливается», а в другую сторону «ослабевает» (возможна и нулевая «степень качества»).

В-третьих, поскольку работа Г. Секея имеет эмпирический характер (система понятий об усилительных словосочетаний формулируется не как дедуктивная система, а как система выводов из анализа конкретного, фактического материала на основе индуктивного метода), постольку предмет исследования ограничивается и в отношении **языкового материала**. В монографии Г. Секея описываются усилительные словосочетания применительно к двум языкам – венгерскому и немецкому, с привлечением для сравнения некоторого материала из русского языка и других европейских языков.

Ограничение задач исследования не означает ограниченность, недостаток самого исследования. Всякое описание предполагает ограничение своего предмета (от слова «граница», «проведение границы»), что синонимично понятию определения предмета исследования (от слов «предел», «поставить пределы» (ср. венгерское слово *határozott* «определенный» – от слова *határ* «граница, предел»). Чем точнее предмет отграничивается от других, соседних предметов исследования, чем точнее предмет определяется, – тем точнее само исследование, тем совершеннее это исследование как монография.

Понятие эквивалентности при сопоставлении языков. Перечисленные выше задачи решаются Г. Секеем применительно к сопоставлению

языков. В главе 1-ой Г. Секей обсуждает «общие вопросы» усилительных словосочетаний (для всех языков); в главе 2-ой рассматривает усилительные словосочетания конкретно в венгерском языке; в главе 3-ей – конкретно в немецком языке; в 4-ой главе усилительные словосочетания он рассматривает на основе сопоставления языков – венгерского, немецкого, в соотношении с некоторыми другими европейскими языками, в том числе и русским языком. В 5-ой главе подводит итоги сопоставления.

Сопоставление языков осуществляется Г. Секеем в традиционном плане, в абстрагировании от говорящих на этих языках – от того, как сами говорящие, носители данного языка, воспринимают и порождают усилительные словосочетания другого языка, какие при этом субъективно-языковые факторы воздействуют на восприятие и порождение усилительных конструкций. Сопоставление языков поэтому описывается без специального использования информантов, хотя отдельные замечания с ссылками на информантов имеются. Можно сказать, что применительно к венгерскому языку в качестве информанта автор использует самого себя, а применительно к немецкому и русскому языку – авторов толковых словарей соответствующих языков.

Типологическое сопоставление языков предполагает в сравниваемых языковых конструкциях наличие общей и различных частей как применительно к плану выражения языковой конструкции (форма), так и применительно к плану ее содержания (значения).

При сравнении усилительных словосочетаний разных языков Г. Секей использует понятие **эквивалентности.**

Г. Секей пишет, что эквивалентны те усилительные словосочетания, относящиеся к двум языкам, которые одинаковы с точки зрения их грамматической модели (с. 54). Например, венгерское и русское усилительные сочетания *mesterien játszik – мастерски играет* являются эквивалентными, так как в обоих языка эти словосочетания аналитические. Напротив, сочетания *jéghideg – холодный как лед* не являются эквивалентными, так как в венгерском языке это сочетание синтетическое, а в русском – аналитическое.

На материале синтетических усилительных конструкций Г. Секей дает следующую классификацию межъязыковой эквивалентности: 1) полная эквивалентность (в грамматическом и семантическом отношении), например: нем. *blitzschnell* – вен. *villámgyors,* ср. неэквивалентность соответствующей аналитической русской конструкции*: быстрый как молния*; 2) частичная эквивалентность (структура – разная, но денотативная основа – общая), например: нем. *federleicht* – вен. *pehelykönnyű*, ср. неэквивалентность соответствующей русской аналитической конструкции: *легкий как пушинка*; 3) квазиэквивалентность (нет точного соответствия в модели конструкций), например: нем. *gutherzig* – вен. *jószívű*, ср. русское синтетическое словосочетание: *добросердечный;* 4) полная неэквивалентность, например в одном языке конструкция – синтетическая, а в другом – аналитическая.

Эквивалентность в грамматическом аспекте. Г. Секей сравнивает усилительные словосочетания разных языков сначала в грамматическом аспекте, и прежде всего в такой их грамматической форме, как сложное **предложение** с придаточным образа действия степени и меры: *так работал, что ; так быстро, что ; так весел, что ; такой ум, что* ; и т. п. Г. Секей делает вывод, что в большинстве случаев эти конструкции в венгерском и немецком языках эквивалентны, впрочем и в русском языке.

Наиболее характерной усилительной конструкцией в форме **словосочетания** является сравнительный оборот типа *голодный как волк.* Эта конструкция в трех языках тоже в большинстве случаев, делает вывод Г. Секей, эквивалентны. Тот факт, что в венгерском языке употребляются послелоги, а в русском и немецком языках – предлоги, по мнению Г. Секея, не нарушает эквивалентности. Также и то, что в венгерском языке после сравнительного союза перед существительным употребляется определенный артикль, в немецком языке – неопределенный, а в русском языке вообще никакого артикля не употребляется, не нарушает эквивалентности конструкций в трех языках.

В области **синтетических** усилительных словосочетаний между венгерским и немецким языками много общего, так как оба эти языка – с развитым словосложением. В русском языке в этом случае используются обычно аналитические усилительные словосочетания, ср. вен. *kristálytiszta* – нем. *kristallklar* – рус. *кристально чистый.* При наличии латинских приставок синтетические словосочетания появляются и в русском языке, ср.: вен. и нем. *hipermodern* – рус. *сверхсовременный.*

Эквивалентность в лексическом аспекте. Лексический аспект Г. Секей рассматривает в основном на уровне **конкретных лексем**. Однако и на этом уровне описание получается для читателя очень важным. В отношении большинства лексем, употребляющихся в усилительных словосочетаниях, Г. Секей пишет о наличии большого сходства венгерского и немецкого языков. В другом месте (с. 92), на основе описания усилительных словосочетаний в русском и немецком языках (СУЩИНСКИЙ 1997) пишет и о сходстве первых двух языков с русским языком. Например, Г. Секей отмечает в усилительных словосочетаниях применительно к **ключевому слову,** называющему качество в словосочетании, следующие последовательные лексические соответствия в трех языках: *волна* – нем. *Welle* – венг. *Hullám; жизнь* – нем. *Leben* – венг. *élet; приказ* – нем. *Befehl* – венг. *parancs*; и т. д.

Зато применительно к **усилительной лексеме** в названных трех языках обнаруживаются и различия. Например, с усилительной лексемой *magas (высокий)* в венгерском языке существует не очень много усилительных словосочетаний, в то время как в немецком языке (*hohe)* их значительно больше, как, впрочем, и в русском языке: *высокая активность, высокое внимание* и т. п. Напротив, в венгерском языке много усилительных словосочетаний с усилительной лексемой *végtelen (бесконечно, безгранично),* в то время как в

немецком языке (*endlos)* таких словосочетаний мало, как, впрочем, и в русском языке: *безграничная радость*.

Сравнивая усилительные словосочетания на уровне **лексических классов**, Г. Секей пишет: 1) о названиях **животных** в словосочетаниях типа: *глупый как осел (*в русском и венгерском языках это словосочетание имеется, в немецком – нет); *глупый как гусь* (такого сочетания нет в русском языке, но есть в венгерском и немецком языках); 2) о названиях **людей**, в том числе и собственных именах типа: *красив как бог, умный как Соломон, богатый как Крез* (таких сочетаний почти нет в русском языке, но их много в венгерском и немецком языках, вследствие культурно-исторической общности этих двух языков).

Много материала для сравнения усилительных словосочетаний с точки зрения их лексического состава дают **словари усилительных словосочетаний:** СУЩИНСКИЙ 1997, УБИН 1987, SZÉKELY 2003. Так, сравнивая состав усилительных лексем, относящихся к ключевому слову *éles – острый* с соответствующими лексемами русского языка, мы обнаруживаем много интересных мест в области общего и различного в лексической семантике двух языков. В частности, в области различного очевиден тот факт, что в русском языке при слове *острый* нет усилительных лексем, соответствующих венгерским словам *marhára (для скота), oltárian (для алтаря, жертвенника),* что соответствующие усилительные словосочетания: **(нож) острый только скот резать, *острый как для алтаря (для жертвенника)* в русском языке лексически неправильные. В венгерском языке есть, далее, лексемы, «усиливающие» значение данного ключевого слова в направлении, отсутствующем в русском языке: **острый сногсшибательно, *острый ошеломительно* и др. Последовательное сравнение усилительных словосочетаний с точки зрения их лексического состава выявляет сходства и различия в двух «картинах мира», заслуживающие специального внимания.

Значение монографии. 1. Исследование усилительных словосочетаний, проведенное Г. Секеем в сопоставительном плане, важно прежде всего для контрастивной лингвистики. Эта важность состоит в описании самого предмета сопоставления: усилительных словосочетаний; в описании выражения усилительных словосочетаний в отдельных языках – венгерском, немецком, русском и др.; в формулировании основных понятий и процедуры сопоставления языков (эквивалентность, неэквивалентность и др.) на материале усилительных словосочетаний.

2. Исследуя **лексическую сочетаемость** в области усилительных словосочетаний, Г. Секей обнаруживает важные закономерности, свойственные для всей лексической сочетаемости, а также и закономерности в описании этой сочетаемости, например: необходимость последовательного разграничения грамматического и лексического аспектов в сочетаемости слов. На мате-

риале усилительных словосочетаний Г. Секей доказывает возможность описания **лексического аспекта** как самостоятельной области в сочетаемости слов.

3. Важно исследование Г. Секея для составления словарей лексической сочетаемости, в частности **словарей усилительных словосочетаний,** которые не охватывают всей лексической сочетаемости слов в языке, но являются удобным материалом для формулирования закономерностей в области всей лексической сочетаемости, представляя своеобразный полигон для проверки этих закономерностей.

4. О **практическом приложении** результатов своих исследований в области сопоставления усилительных словосочетаний Г. Секей пишет специально в последней, 6-ой главе своей монографии.

Во-первых, речь идет о составлении **словарей усилительных словосочетаний** применительно к венгерскому и немецкому языкам. Свой словарь Г. Секей составил по аналогии с изданными ранее русско-английским (УБИН 1987) и русско-немецким (СУЩИНСКИЙ 1997) словарями усилительных словосочетаний, с использованием толковых, синонимических, фразеологических и некоторых других словарей венгерского и немецкого языков. Словарь Г. Секея представляет один из типов лексической сочетаемости (усилительные словосочетания) в двух языках. В словаре подробным образом даются **стилистические пометы,** заимствованные в основном из толковых словарей и пополненные с целью характеристики усилительных лексем. Сравнение стилистических помет в двух языках тоже важно в плане сопоставления этих языков, причем не только в плане их семантики, но в плане их прагматики.

Во-вторых, работа Г. Секея (в особенности его словарь усилительных словосочетаний, составленный на базе данной работы) имеет выход в практику **перевода** с одного языка на другой, перевода текстов со значением усиления качества, действия и т. д., с квалификацией степени эквивалентности этого перевода.

В-третьих, монография Г. Секея (и его словарь усилительных словосочетаний) полезны для практики **преподавания** иностранных языков. Работа Г. Секея родилась в практике преподавания языков и вновь возвращается в нее, чтобы помочь студентам при анализе и синтезе текстов со значением «усиления качества», а на этом материале – обучать их построению и анализу текстов с возможной другой семантикой.

В заключение надо сказать и следующее. Монография Г. Секея – одна из немногих работ, посвященных изучению лексической сочетаемости. Лексем в языке – много, сочетаний лексем – еще больше, и надо обладать большой смелостью, чтобы посвятить свое время, себя (свою жизнь) изучению практически бесконечной области. Куда проще изучать конечное число грамматических форм, грамматических схем сочетаемости слов, абстрагируясь от лексики, от лексических категорий сочетаемости, которые грамматика призвана маркировать. Г. Секей, конечно, ограничивает область своего исследо-

вания одной лексической конструкцией – «усилительными» сочетаниями лексем, но и эта конструкция практически бесконечна.

Литература

СУЩИНСКИЙ 1977: Сущинский И. И., Словарь усилительных словосочетаний русского и немецкого языков // Москва: Русский язык. 1997.

УБИН 1987: Убин И. И., Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков // Москва: Русский язык. 1987.

SZÉKEY 2003: Székey G., A fokozó értelmű szókopcsolatok magyar és német szótára. [Словарь услительных словосочетаний венгерского и немецкого языков]. Budapest, Tinta könyvkiadó, 2003.

В. А. ФЕДОСОВ

АНАСТАСИЯ ПЕТРОВА, ЕЗИКОВАТА МЕТАФОРА И БАЛКАНСКАТА КАРТИНА НА СВЕТА. УНИВЕРСИТЕТСКО ИЗДАТЕЛСТВО "СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ". ВЕЛИКО ТЪРНОВО, 2003, 350 С.; ISBN 954-524-366-X

Голям брой чужди и български изследователи от миналото и днес разработват отделни общи и частни въпроси на езиковата метафора. На фона на над 3000 научни разработки по проблема, изследването на Анастасия Петрова привлича не само с проблематиката, която е избрала за изследване, но и с анализа на един интересен фрагмент от балканската "картина на света". Книгата е защитен през 2000 година дисертационен труд на авторката.

Рецензираният научен труд "Езиковата метафора и балканската картина на света " има крайно актуална тема на изследване – използвайки семантичния подход към проучваното езиково явления *метафора* да проникне в т. нар. Homo balkanicus, т. е. на "балканския тип човек" в наше време, или в балканския манталитет. Самата категория "тип балкански човек" реферира множество етноси или етнокултурни общности и цивилизации, които се различават съществено, но в същото време са тясно свързани помежду си както в диахронен, така и в синхронен аспект.

Ражда се понятието "балканска картина на света", със своето специфично съдържание и различни форми на проявление, което се поставя и разглежда в първата глава на изследването – "Балканската езикова картина на света" (с. 9 17). Тук се прави опит да се потърси и да се посочи неповторимостта на балканската езикова "картина на света". Към всяка една етническа езикова "картина на света" се подхожда като към модел на етническата идентичност на балканския народ.

Известно е, че досега няма достатъчно пълно системно описание на който и да е от балканските езици и съответно на неговата семантика, най-

вече поради огромния брой лексикални единици във всеки език. В последно време може да се смята за общоприето мнението и на семантиците, и на лексиколозите за необходимостта от построяването на модел на лексико-семантичната система на всеки език, който ще даде възможност да се направят ценни изводи за организацията на семантичните единици и за взаимоотношенията между тях. Този семантичен модел ще покаже типа организация на семантичните единици в човешкото съзнание и тяхната специфичния организация, т. е. ще представи съответната езикова "картина на света", от която може да се правят важни изводи на само от лингвистична, но и от общокултурна значимост.

Трябва да признаем, че с привличането на езиков материал от всички езици на балканския езиков съюз, както и със съпоставките, които се правят с близкородствени езици, а и с други индоевропейски и неиндоевропейски А. Петрова успява многостранно да представи не само една съществена част от балканската езикова "картина на света", но и някои универсални процеси на познанието.

Безспорно, съществено важно условие за правилното насочване и постигането на позитивни резултати при изследването на проблема за езиковата метафора е използването на подходящ теоретико-методологически инструментариум. Глава втора "Метафората като средство за създаване на езиковата картина на света" (с. 21 40) разглежда както механизма на метафората, така и ролята на образността в изграждането на езиковата "картина на света". Авторката достига до извода, че "метафората е явление с дълбока същност и когнитивно-психологическа природа" (с. 32). Обосновава се необходимостта от въвеждането на термина "метафоричен модел", който в конкретните си проявления в практиката се реализира под формата на различни конкретни "варианти". Тук се подчертава, че единствено правилният подход към метафоричното изследване е комплексният.

Тази глава подготвя към основната в теоретичен аспект трета глава "Метафората в семантичното пространство на емоциите" (с. 41 53). Тук авторката, изследвайки емоционалната лексика и фразеология на балканските езици, достига до особеностите и възможностите на анализа в полето на отрицателните емоции. Според нея това поле е по-обемно, а метафоризацията в него – по-богата. Тя възприема схващането, че всички човешки емоции могат да се опишат като резултат от кръстосването на ограничен брой първични емоции. Така А. Петрова стига до решението да ограничи своя анализ около трите семантични ядра на емоциите *мъка, гняв и страх*.

Несъмнено, глава четвърта "Балкански метафори за отрицателни емоции" (с. 54 214) може да се нарече централна в рецензирания труд. В нея се търси границата между универсалното и специфичното в полето на метафорите за отрицателни емоции в балканските езици. С помощта на комплексния подход, като се привлича информация и от областта на допъл-

нителните знания, образи и асоциации в речта се систематизират балкански метафорични модели. Това дава възможност да се открояят както универсалните семантични процеси в балканските езици, така и неповторимостта в метафоричната система на отделните балкански народи.

Значително място авторката отделя на групирането на избраните от нея три емоции в различни по съдържание типове: *мъката и гнева* в по десет типа, а *страха* – в четири типа. Групирането се извършва според критерия образност на метафоричните единици, а не според изразеното от тях понятие. Привличат се езикови единици от всички езици от т. нар. балкански езиков съюз, който включва албански, български, новогръцки и румънски. Предлагат се примери както от старобългарски, така и от старогръцки. Правят се съпоставки с родствените езици и с други индоевропейски и неиндоевропейски езици като руски, белоруски, полски, словашки, старочешки, словенски, сръбски, горнолужишки, долнолужишки, зулу, кабардино-черкезки, чувашки, латински, литовски, английски, немски, италиански, португалски и турски.

Заслужават внимание извършените семантични анализи, които дават възможност да се отсее и диференцира балканското в процеса на неговата езикова и етнокултурна симбиоза.

В п е т а т а г л а в а "Метафората от полето "емоции" и митологичните следи" (с. 215 216) и в ш е с т а т а – "Първични съдържателни области и емоционалните концепти, свързани с тях" (с. 217 221) избрани езикови семантики са анализирани на фона на древните митологични представи на народите, на техните вярвания, на техния ежедневен бит. Така се проследява естественият път на раждането на езиковите метафори, който показва, че Балканите запазват някогашната си хилядолетна позиция на място за общуване и взаимодействие на множество етноси, цивилизации и етнокултури. Акцент тук се поставя на един нов аспект за разглеждане и групиране на балканските метафори: "с оглед на първичната съдържателна област, с която е свързано роденото метафорично значение" (с.218).

Следва з а к л ю ч е н и е, в което авторката изброява това, което е съумяла да опише, прави изводи, един от най-съществените е конкретния извод, "... независимо от факта, че балканските езици носят много следи от широко разпространени когнитивни процеси, като цяло те остават различни и по отношение на материалната реализация, и по отношение на семантичния потенциал, който носят. "(с. 222). Тук тя посочва "като балкански следните езикови факти: *не ми дава сърце* 'намирам се в мъчително състояние, когато не мога да се позволя да направя нещо', *пека риба на устата* 'измъчвам много', *като риба на сухо* 'в крайно тежко положение', *варя се* 'страдам, измъчвам се', *пържа се в собственото си масло* 'намирам се в много лошо положение, страдам', *седя на въглени* 'безпокоя се, тревожа се', *излиза ми кисело (солено)през носа* 'имам големи неприятности', *допря ножът до кокала* 'страданието е доведено до своя предел', *вършея тръни на главата* 'без-

покоя, измъчвам', *тесен* 'потиснато душевно състояние', *не ме хваща място* 'обезпокоен, разтревожен съм', *вземам присърце* 'тревожа се, изживявам дълбоко нещо', *изкарвам маслото* 'силно измъчвам', *тегля* 'страдам', *ям попара́та* 'измъчвам се, страдам от нещо или от лошото отношение на някого', *потъват ми гимиите* 'изглеждам тъжен, замислен', *хапе го мухата* 'неспокоен е', *огън и пламък* 'ядосан човек', *идва ми до гуша* 'става ми съвсем не', *ни вода, ни киселина* 'опък, неразбран човек', *сол в очите* 'омразен човек', *имам зъб* 'мразя и преследвам някого', *ям си дроба* 'ядосвам се', *спуква ми се злъчката* 'обхванат съм от силен гняв' и др. (с. 223).

В заключението се стига и до следното съществено обобщение: "Проследяването на универсалните метафорични модели в балканските езици отвежда до разкриване на балканското виждане за свят и човек и дава възможност чрез метафоричния механизъм да се достигне до особеностите на националния характер."(с. 224).

Книгата завършва с "Индекс на балканските метафори" (с. 231 328), т. е. показалец на анализираните езикови метафори, който така поставен в края на изследването играе роля и на своеобразен речник на избраните езикови метафори на балканските народи.

Авторката гради своята концепция върху основата на отлична библиографска осведоменост (вж. Б и б л и о г р а ф и я, с. 329 347) като се има предвид посочената литература (общолингвистична, етнолингвистична, а в много от случаите и историческа). Върху този библиографски апарат, след неговото достатъчно аналитично осмисляне, тя предлага свой поглед върху избраната актуална проблематика. При извеждането и представянето на аргументацията си, авторката е стъпила върху солидната основа на най-съвременните постановки от научните трудове на 172 славянски и 72 западноевропейски автори.

Бих могла да изброявам още факти и наблюдения, привлекли вниманието ми в резултатите от публикуваното изследване, но ще отбележа само един същностен момент. Авторката прави анализите си, не само за да изследва материала, който е събрала, но и за да добави нещо към лингвистичната теория, при това нещо много съществено – да обогати с труда си новия езиковедски клон – балканско езикознание, занимаващо се с изучаването на балканските езици. Това езикознание би могло да разшири обяснителната сила на науката на езика в общата система от хуманитарни знания за процесите и взаимодействията на Балканския полуостров.

Рецензираната книга "Езиковата метафора и балканската картина на света" е цялостен научен труд с ясна структура, с добре разработена концепция, научно подплатена с обилен фактически материал, който е описан вещо, интерпретиран зряло и придружен от актуални изводи.

Освен чисто лингвистична значимост изследването на А. Петрова има и определена социологическа стойност – получените резултати за неповтори-

мостта на балканската езикова "картина на света" в нейния отрязък, свързан с три от отрицателните емоции на балканските народи, са надеждна основа за други изследвания в областта на балканската етнологията, културологията, обществознанието и т. н.

Марияна СТЕФАНОВА

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ: ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК (ПОД. РЕД. Л. Ю. ИВАНОВА, А. П. СКОВОРОДНИКОВА, Е. Н. ШИРЯЕВА). М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2003, ISBN 5-89349-389-3 (ФЛИНТА); ISBN 5-02-002766-9 (НАУКА), 840 С.

В 2003 году в издательстве «Флинта» и «Наука» вышел энциклопедический словарь-справочник «Культура русской речи».Издание выполнено в рамках федеральной программы «Русский язык» Министерства образования Российской Федерации. В работе над словарем принимали участие сотрудники отдела культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук и кафедры общего языкознания и риторики Красноярского государственного университета.

Этот словарь – первое энциклопедическое издание по культуре русской речи. В введении к словарю отмечается, что в словаре содержится толкование основных понятий теории культуры речи, функциональной стилистики, риторики, а также некоторых терминов теории языковой коммуникации и других специальных дисциплин, связанных с культурой речи. Ряд статей посвящен характеристике грамматических, произносительных, стилистических и прочих ошибок, а также способам их предупреждения.

Предисловие к словарю включает в себя три раздела.

1. О работе над словарем

Работа над словарем началась в 1989 году. Был подготовлен проспект (Культура речи...1990), в котором содержался полный словник и образцы статей. Перед редакторами стояла задача не увеличивать словник. Предполагалась синхронная ориентация словаря и исключение толкований исторических терминов (старинных и ныне неупотребительных). В словаре указывается лишь этимология терминов и дается характеристика различных этапов и эпох истории риторики (Ритор, Риторика, Европейская риторика, Риторический идеал, Риторический канон). Современные же термины представлены достаточно широко. Редакторы планировали включить в словник небольшое число терминов литературоведческой стилистики и поэтики, грамматики, лингвистики текста и семиотики, так как по ним, за исключением лингвистики текста, имеются авторитетные словарно-справочные издания. Речевые

жанры даны не в полном объеме. Перед авторами стояла задача представить только возможные схемы описания жанров. По мнению авторов замкнутый перечень всех речевых и текстовых жанров не возможен. Система жанров является открытой: выходящие из употребления жанровые формы вытесняются новыми (Жалоба, Жанры деловой речи). В словарь включены на первый взгляд далекие от филологии сведения из таких областей, как Лингвистическая экспертиза, Нейролингвистическое программирование, Реклама. Авторы объясняют это, с одной стороны, показом возможных взаимосвязей культуры речи как науки с другими теоретическими и практическими дисциплинами, а, с другой стороны, стремлением помочь исследователям, изучающим современные тексты массовой коммуникации. При работе над словарем авторы старались избегать редакционного диктата, поэтому в словарных статьях встречаются разные точки зрения на одну и ту же проблему (см. Экспрессивность речи, Разговорная речь).

2. Как пользоваться словарем

Словарные статьи приводятся в алфавитном порядке, названия статей преимущественно даются в единственном числе, в некоторых случаях–во множественном числе (Варваризмы, Вульгаризмы, Канцеляризмы, Окказионализмы, Неологизмы). Заголовочный термин начинается с прилагательного, когда прилагательное образует с существительным единое понятие (Речевой этикет, Риторический вопрос, Траурная речь, Языковая критика). Если группа терминов объединена одним родовым понятием, заголовочный термин начинается с этого родового понятия (Документ служебный, Норма лексическая, Норма языковая, Ошибки орфографические, Статья научная).

В заголовочных словах указывается ударение. В конце словаря имеется тематический указатель словарных статей, кроме тематического указателя в конце содержится указатель авторов и названий, принадлежащих им статей.

3. Словарь и современная концепция культуры речи

Значительные изменения, происходящие в российской политике, экономике, социальной жизни, развитие демократических институтов определили характер изменений в русском языке. По мнению авторов это проявляется в усилении личностного начала в русском языке, поисках новых стилистических ресурсов и активизации уже имеющихся, в становлении новых жанров, в изменении самого понятия «языковая норма». Современный русский язык освобождается от односторонней идеологизации и штампов, которые были характерны для советской эпохи. Снятие системы запретов порой ведет к языковой вседозволенности. Публичные тексты изобилуют далеко не всегда уместными жаргонизмами и ненормативной лексикой. Жаргон встречается повсюду. По утверждению филологов, для молодого поколения уже не

существует классический русский язык. На сленг переводятся классические произведения русской литературы. Эти переводы пользуются бешеной популярностью. Запретить это невозможно. Язык живой организм, он не подвержен регламентации. Поэтому появление данного словаря по культуре речи очень своевременно.

Разнообразие словарей и справочников определяет культуру общества. Каждый человек, стремящийся овладеть культурой речевого общения должен иметь определенный минимум словарей, поэтому составители ввели в справочник сведения о современных словарях русского языка: о толковых, грамматических, диалектных, орфоэпических, орфографических, словарях иностранных слов, словарях синонимов, антонимов, паронимов и др.

Словарь имеет четко определенное научно-практическое направление, он необходим при углубленном изучении теории культуры речи и риторики. С этой целью авторы словаря в конце каждой словарной статьи приводят библиографию самых известных и наиболее интересных работ по данной теме (см. Речевой жанр, Речевой этикет, Разговорная речь, Стилистический прием), в некоторых случаях даже дается сайт в Интернете (Евтрепизм, Тапинозис, Триколон). Им могут успешно пользоваться преподаватели школ и вузов, студенты, для которых русский язык – родной язык, а также вузовские преподаватели, обучающие студентов русскому языку как иностранному на продвинутом этапе, для которых необходимы и теоретические знания. Для практических целей очень полезен тематический раздел, связанный с описанием «механизма» речевых ошибок (эрратология), а также приводимый нормативный вариант (Двусмысленность, Канцелярит, Плеоназм, Тавтология).

Особо хочется отметить сжатую, компактную форму словаря, который может служить настольной книгой не только для филологов, но и для специалистов других областей, которым необходимо безупречное владение словом.

BALLÓ Larisza

Требования к рукописям

Общие требования: Для публикации принимаются статьи объемом до 50 000 знаков и рецензии, обзоры, хроники – до 9 000 знаков, написанные на одном из славянских языков или на английском, немецком языке. Рукописи предоставляются на магнитном носителе (или по электронной почте: slavinst@delfin.unideb.hu) и в виде распечатки. В качестве названия файла следует использовать фамилию и имя автора.

Просим передавать работы отредактированными и корригированными в языковом отношении.

Формат текста: Word for Windows (*.doc) или Rich Text Format (*.rtf). Для основного текста желательно использовать шрифт Times New Roman. При использовании в качестве дополнительных и других, мало распространенных шрифтов просим передать их в редакцию журнала. Желательно, чтобы слова были без переносов, выполненных вручную. Абзацы должны быть оформлены при помощи автоматических возможностей использованного текстового редактора, а таблицы, схемы – конструированы при помощи Word. Картинные изображения просим прилагать в отдельных файлах типа: *.jpg.

Цитирование: Ссылки на цитируемые источники даются в круглых скобках, где указывается фамилия автора, год издания и страница, например: (Крючкова 2000: 69). Если авторов двое, в тексте в скобках указываются их фамилии через тире, а если больше – указывается фамилия только первого с добавлением *и др.* (в английском варианте et al.), например: (Пирогова–Паршин 2000: 58), (Земская и др. 1981: 45). Если ссылок в одних круглых скобках несколько, то они разделяются точкой с запятой, например: (Rolfe 2000; Koch 2001). Если в списке литературы имеется несколько работ данного автора, относящихся к одному году, они помечаются строчными буквами, например: (Аникин 2000а), (Аникин 2000б). В библиографии приводится только цитированная в работе литература, следуя образцу:

Аникин 2000а: Аникин А. Е., Славянская лексика на неславянском фоне. Этимологические заметки (1 7) // Этимология 1997 1999. Москва.

Аникин 2000б: Аникин А. Е., Этимологический словарь заимствований в русских диалектах Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск.

Крючкова 2000: Крючкова О. Ю., Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. 2000. №4, 68–84.

Пирогова–Паршин 2000: Пирогова Ю. К., Паршин П. Б. (ред.), Рекламный текст: семиотика и лингвистика. Москва.

Земская и др. 1981: Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н., Русская разговорная речь. Общие вопросы. Москва.

В сносках под линией приводятся только комментарии. Если в комментарии необходимо цитировать данного автора, то следует соблюдать указанный способ цитирования.

Резюме: Рукопись статьи должна содержать резюме на английском (для материалов на славянских языках) или на русском языке (для материалов на западных языках). Объем резюме – до 1020 знаков.

К рукописи прилагаются сведения об авторе на русском и английском языках с указанием имени и фамилии, ученой степени и звания, места работы, электронной почты.

Внимание! Всю переписку с авторами рукописей редколлегия журнала ведет только по электронной почте. Рукописи со значительными отклонениями от указанных требований не рассматриваются.